

ЮНГ

Карл Густав

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

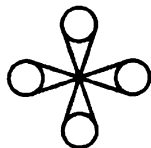
Карл Густав ЮНГ
СОЧИНЕНИЯ

Carl Gustav
JUNG

THE COLLECTED WORKS

**THE SYMBOLIC
LIFE**

**PRINCETON UNIVERSITY
PRESS
1989**

Карл Густав

ЮНГ

СОЧИНЕНИЯ

**СИМВОЛИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ**

Перевод с английского

COGITO
CENTRE

Москва
2010

УДК 159.9

ББК 88

Ю 50

Перевод с английского и предисловие

В. В. Зеленского

*Все права защищены. Любое использование материалов данной книги
полностью или частично без разрешения правообладателя
запрещается*

Юнг К. Г.

Ю 50 Символическая жизнь / Пер. с англ.— Издание 2-е. — М.: «Когито-
Центр», 2010.— 326 с. (Карл Густав Юнг. Сочинения)

ISBN 0–691–09892–1 (англ.)

ISBN 978-5-89353-241-8 (рус.)

УДК 159.9

ББК 88

Данное издание включает три известные во всем мире работы К. Г. Юнга: «Тавистокские лекции» (1935), «Символы и толкование сновидений» (1961) и «Символическая жизнь» (1939). Это устные доклады, впоследствии опубликованные, и популярная работа для неспециалистов, в которой излагаются фундаментальные положения аналитической психологии, созданная в последний год жизни Юнга.

Книга адресована специалистам — психологам, философам, историкам культуры и всем, кто интересуется вопросами аналитической психологии.

ISBN 0–691–09892–1 (англ.)

ISBN 978-5-89353-241-8 (рус.)

© «Когито-Центр». Перевод на русский язык, оформление, 2003, 2010

Содержание

Предисловие составителя	6
-------------------------------	---

ТАВИСТОКСКИЕ ЛЕКЦИИ

О теории и практике аналитической психологии.....	9
---	---

Лекция I	11
Обсуждение	29
Лекция II	42
Обсуждение	62
Лекция III	78
Обсуждение	102
Лекция IV	110
Обсуждение	133
Лекция V	146
Обсуждение	179

СИМВОЛЫ

И ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ.....	197
------------------------------	-----

1. Значение снов	199
2. Функции бессознательного	214
3. Язык снов	224
4. Проблема типов при интерпретации сновидений	242
5. Архетип в символизме сна	254
6. Функция религиозных символов	272
7. Лечение расщепления.....	282

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ	295
---------------------------	-----

Символическая жизнь.....	297
Обсуждение.....	315

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемые русскому читателю работы Карла Густава Юнга входят в 18-й том собрания его сочинений и составляют «золотой фонд» его учения. И «Тавистокские лекции», и «Символы и толкование сновидений» (работа, больше известная как вступительная глава к популярной книге «Человек и его символы») уже давно стали бестселлерами на Западе, а тиражи этих книг перевалили за десятки миллионов экземпляров. Кроме того, и «Тавистокские лекции», и «Символическая жизнь» являются прекрасными образцами устных докладов, одобренных позже Юнгом для печати. Они демонстрируют ораторское искусство Юнга — умение непосредственно, спонтанно формулировать основополагающие положения своего подхода перед достаточно скептически настроенной аудиторией. На примере «Тавистокских лекций» видно, как слушатели постепенно оказываются под воздействием юнговской риторики и остроумной логики. Свой цикл он начинает с разбора психологических типов, затем переходит к тесту словесных ассоциаций, анализу сновидений и заканчивает лекцией о переносе. Каждое выступление сопровождается детальным обсуждением, в котором явственно и живо проступают черты личности автора. Порой буквально слышится его пламенный голос: «Я должен еще раз повторить, что мои методы открывают не *теории*, они открывают факты...».

Вторая работа — «Символы и толкование сновидений» — писалась Юнгом в последние годы жизни, когда его коллеги и близкие убедили мэтра выпустить в печать популярную работу для неспециалистов. После долгих колебаний Юнг наконец согласился, представив фундаментальные идеи аналитической психологии в новом, подчас необычном ракурсе.

Название всего тома — «Символическая жизнь» — название семинара, который Юнг провел в 1939 году, и предлагаемый ниже текст

(никогда прежде на русском языке не публиковавшийся) полностью сохранен. На этом семинаре Юнг обсуждает тот факт, что протестанты и евреи гораздо более невротичны, нежели католики (и, добавим от себя, воцерковленные православные). Юнг полагает, что католики обычно менее невротичны, потому что приобщены к таинству исповеди и литургии (мессе), носящим для них священный характер. Иначе говоря, католический ритуал воплощает символизм, сохраняющий жизненно важное значение, в то время как другие религии западного образца включают менее значимые ритуалы. Юнг констатирует (еще раз напомню, что речь идет о 1939 годе, кануне Второй мировой войны): «Теперь у нас нет символической жизни, и всем нам несладко от этого». И далее он утверждает: «Нам необходима символическая жизнь. Только символическая жизнь может выразить потребность души — смею утверждать, каждодневную потребность души! И, поскольку у людей ее нет, они никогда не смогут выбраться из своего “беличьего колеса” — этой ужасной, банальной, изнурительной жизни, в которой они “ничто кроме”» (см. текст ниже, пар. 627). Интересно, что мог бы чувствовать Юнг сегодня в нашем европейском культурном климате, когда различные церкви все меньше способны справляться с невротическими проблемами нашего времени?

Само выражение «символическая жизнь» весьма точно передает дух всего юнговского мировоззрения. В структуре учения Юнга «символическая жизнь» выступает сердцевиной его теоретических и практических положений. Поэтому данную работу можно смело рекомендовать не только специалистам-психологам, стремящимся удостовериться в том, что ничего важного в юнговском учении не пропущено, но и широкому кругу гуманитариев, а также всем тем, кто стремится к самопознанию, к обретению целительного и значимого смысла своей жизни. Настоящее издание подготовлено в рамках программы Информационного Центра психоаналитической культуры в Петербурге.

Валерий Зеленский
Февраль 2003 г.

ТАВИСТОКСКИЕ ЛЕКЦИИ

О теории и практике аналитической психологии

РЕДАКТОРСКОЕ ПОЯСНЕНИЕ

В 1935 году с 30 сентября по 4 октября Карл Густав Юнг прочел цикл из пяти лекций в Лондонском институте медицинской психологии (Тавистокской клинике)*. Согласно отчету Института эти лекции не имели какого-либо специального названия. Аудитория (около двухсот человек) состояла преимущественно из представителей медицинской профессии. Лекции и последующие обсуждения стенографировались, а затем были отредактированы Мари Баркер и Маргарет Гейм, после чего их просмотрел профессор Юнг. Подготовленный таким образом текст был напечатан на mimeографе и распространен для служебного пользования среди сотрудников клиники, а также среди членов Аналитического Психологического Клуба в Лондоне. Текст назывался «Основные психологические понятия: Доклад из пяти лекций Карла Густава Юнга». Работа приобрела известность как «Тавистокские лекции» или «Лондонские семинары».

В настоящее издание, осуществленное в 1950 г., переводчик собрания сочинений К. Г. Юнга Р. Халл внес незначительную стилистическую правку.

* Основанная в 1920 году The Tavistock Square Clinic в 1931 году изменила свое название на Институт медицинской психологии, а несколькими годами позже стала называться Тавистокской клиникой (The Tavistock Clinic).

I ЛЕКЦИЯ

Председательствующий (доктор Х. Крихтон-Миллер):

1 Дамы и господа! Я рад, что мне предоставлена честь приветствовать профессора Юнга от вашего имени. Уважаемый профессор, мы ожидали вашего приезда с нетерпением уже несколько месяцев, и многие из нас, несомненно, ждут, что эта встреча прольет свет нового знания. Большинство, я убежден, предвкушают радость от познания нового. Многие пришли сюда потому, что видят в вас человека, спасшего современную психологию от опасной изоляции в «сообществе» гуманитарного знания и науки, в которое она была занесена по воле судьбы. Некоторые из нас пришли, чтобы выразить свое почтение и восхищение той широтой видения, с которой вы смело пошли на союз философии и психологии, союз, столь порицаемый сегодня во многих отношениях. Вы возвратили нам саму идею ценности, наполнили новым психологическим содержанием понятие человеческой свободы, многие ваши идеи оказались поистине бесценными для нас; но главное — вы не отказались от изучения человеческой психики в той области, где все науки заканчиваются. За все это и за многое другое мы глубоко признательны вам и с радостным ожиданием предвкушаем наши встречи.

Профессор Юнг:

2 Дамы и господа! Позвольте прежде всего заметить, что мой родной язык не английский, и, поскольку мой английский не слишком хорош, я прошу прощения за возможные ошибки.

3 Итак, моя цель — наметить в общих чертах некоторые фундаментальные понятия психологии. То, что мои лекции главным образом связаны с моими собственными принципами и взглядами, не означает, что я не учитываю значимости вклада других исследователей в этой

области. Не переоценивая себя, надеюсь, что мои слушатели в той же мере осознают заслуги Фрейда и Адлера, что и я.

4 Позвольте прежде кратко изложить программу моих лекций. Две главные темы составляют ее содержание. Первая связана с понятиями, затрагивающими структуру бессознательного и его содержание; вторая — с методами исследования содержания бессознательного. Вторая тема распадается на три части: метод словесных ассоциаций, толкование сновидений и метод активного воображения.

5 Я, конечно, не смогу полностью раскрыть такие серьезные вопросы, как, например, философские, религиозные, этические и социальные проблемы, свойственные коллективному сознанию нашего времени, или же процессы коллективного бессознательного и сравнительные мифологические и исторические исследования, необходимые для их разъяснения. Эти темы, казалось бы, не связанные с нашими интересами, тем не менее являются наиболее мощным фактором в создании и регуляции личностных ментальных условий. Они служат также источником разногласий в психологических теориях. Хотя я медик и связан главным образом с психопатологией, я тем не менее убежден, что этой частной области психологии может помочь только глубокое, обширное знание о психике в целом. Врач никогда не должен забывать, что болезни — это нарушенные нормальные процессы. «Подобное лечится подобным» — замечательная истина древней медицины, но, как всякая великая истина, она может стать и великой чушью. Однобокость и узость горизонта — известные признаки невроза.

6 Что бы я ни сказал вам, это, несомненно, будет лишь очертанием темы. Я не стану анализировать новые теории, поскольку мой эмпирический темперамент больше стремится к новым фактам, нежели к тому, что могут говорить о них. Хотя я должен согласиться: это приятное интеллектуальное развлечение. Каждый новый случай для меня — почти новая теория. Я не думаю, что эта точка зрения лишена смысла, особенно если учитывать крайнюю молодость современной психологии, которая, на мой взгляд, еще не покинула своей колыбели. Поэтому время гениальных теорий еще не наступило. Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объемности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета — собственно «души», психического, *psyche*. Мы еще только начинаем

более или менее ясно осознавать тот факт, что нечто, понимаемое нами как психическое, является *объектом* научного исследования. В то же время наблюдения и суждения одновременно выступают в качестве субъекта, средства, при помощи которого мы подобные исследования осуществляем. Угроза возникновения такого мощного порочного круга заставляет быть в этих вопросах крайне осторожным и релятивным, что само по себе часто воспринимается неверно.

7 Прошу вас принять во внимание, что ограниченное время не позволяет мне представить дополнительные доказательства для подтверждения моих выводов. Итак, я надеюсь на ваше доброе расположение и в свою очередь прекрасно понимаю, что моя главная задача — излагать материал как можно яснее.

8 Психология — в первую очередь наука о сознании. Она же и наука о продуктах того, что мы называем бессознательным психическим. Мы не можем непосредственно, «в лоб» изучать бессознательное психическое: у нас с ним нет никакой связи. Мы имеем дело только с продуктами психического, которые, как можно полагать, ведут свое происхождение из области, называемой бессознательным, — области «туманных представлений», которые философ Кант в своей «Антропологии» определял как наполовину бытующие в мире. Все, что мы можем сказать о бессознательном, — это лишь то, что говорит о нем сознание. Бессознательное психическое, природа которого нам совершенно неизвестна, всегда выражалось сознанием и в терминах сознания, но это единственное, что можно делать. Пойти дальше мы не можем, и данное обстоятельство всегда необходимо иметь в виду как крайнюю меру в критике нашего суждения.

9 Сознание — предмет чрезвычайно своеобразный. Оно дискретно по своей природе. Одна пятая или одна третья, возможно, даже одна вторая часть нашей жизни протекает в бессознательном состоянии. Полностью бессознательно раннее детство человека. Каждую ночь мы погружаемся в бессознательное, и только в периоды между просыпанием и сном более или менее ощущаем себя в сознательном состоянии. До некоторой степени является проблематичным и сам факт ясности или уровня сознания. Предполагается, к примеру, что десятилетний мальчик или девочка обладают сознанием, но легко можно доказать, что здесь налицо специфический вид сознания, сознания,

в котором рефлексия своего Я может не участвовать; сознание Эго отсутствует. Мне известен ряд случаев у детей от одиннадцати до четырнадцати лет и старше, внезапно осознавших: «Я есть». Впервые в жизни они стали сознавать, что переживают нечто, и именно как Они; оглядываясь при этом назад, в прошлое, наполненное столькими событиями и вещами, они тем не менее себя в этом прошлом вспомнить не могут.

10 Необходимо допустить, что когда мы говорим Я, то при этом не имеем абсолютного критерия для оценки полноты переживания этого Я. Посему так и случается, что наше представление об Эго весьма фрагментарно, и лишь постепенно, во времени люди узнают все больше и больше о том, что же Эго означает для человека. Фактически процесс узнавания не имеет конца, длится всю жизнь; во всяком случае, мы сами момент конца не фиксируем.

11 Сознание похоже на поверхность или оболочку в обширнейшем бессознательном пространстве с его неведомыми глубинами. Мы не знаем, как далеко простирается власть бессознательного, потому что просто ничего о нем не знаем. Что можно сказать о вещи, о которой ничего не знаешь? Сказать нечего. Когда мы говорим «бессознательное», то часто предполагаем нечто обозначить этим термином, но фактически передаем, что ничего об этом не знаем. У нас есть только непрямые доказательства того, что существует ментальная сфера, пребывающая по ту сторону сознания. Есть некоторые научные суждения, приводящие к заключению, что нечто подобное существует. На основе анализа продуктов или результатов бессознательного психического можно прийти к определенным заключениям относительно его возможной природы. Но необходимо быть крайне осторожным, чтобы не впасть в излишний антропоморфизм в своих заключениях, ибо в действительности вещи могут весьма отличаться от представлений о них в нашем сознании.

12 Если, к примеру, мы видим цвета и слышим звуки, то в действительности это — осцилляции, колебания. По существу, нам необходимо иметь лабораторию со сложными устройствами для того, чтобы выстроить картину мира, существующего независимо от наших ощущений и от нашей психики. И, я полагаю, сходным образом обстоит дело и с нашим бессознательным: необходима лаборатория, в которой

должно обосновывать объективные методы по оценке действительного положения вещей, составляющих контекст бессознательного.

13 Кроме того, сознание характеризуется известной узостью. Оно способно нести в себе весьма малое содержание в каждый конкретный момент. Все прочее оказывается бессознательным. Мы получаем ощущение непрерывности или общего понимания, или осведомленности об осознаваемом мире только через последовательность сознательных моментов. Мы не способны удержать целостный образ, потому что сознание слишком узко, и видим только вспышки существования. Мы словно наблюдаем мир через узкую щель и видим отдельные моменты, все остальное пребывает в темноте и неизвестности. Внешнее пространство всегда громадно и непрерывно, в то время как пространство сознания — ограниченное поле моментального видения.

14 Сознание — в значительной степени продукт восприятия и ориентации во внешнем мире. Возможно, что оно локализуется в головном мозге, имеющем по своей природе эктодермическое происхождение и, вероятно, связанном с чувствительностью кожи во времена наших далеких предков. Сознание произошло от этой локализации в мозге, в силу чего сохранило качество ощущения и ориентации. Знаменателен тот факт, что французские и английские психологи XVII и XVIII столетий пытались вывести сознание из ощущений, т. е. представить себе его целиком состоящим из чувственных данных. Это выразилось в известной формуле: «Нет ничего в разуме, что до того не присутствовало бы в ощущениях». Сходное можно обнаружить и в современных теориях. Фрейд, к примеру, не выводит сознания из чувственных данных, но выводит бессознательное из сознания, оставаясь на той же самой позиции рационализма.

15 Я ставлю вопрос иначе и говорю, что возникающая в сознании вещь вначале с очевидностью не осознается и осознание ее вытекает из неосознанного состояния. В раннем детстве мы все бессознательны; большинство главных функций инстинктивной природы протекает бессознательно, и сознание — скорее всего, продукт бессознательного. Сознание требует для своего поддержания значительного усилия. Человек устает от пребывания в сознательном состоянии. Он истощается сознанием. Когда наблюдаешь представителей примитивных народов, то можно заметить, что при малейшем раздражении,

выводящем их из дремоты, они стараются ускользнуть. Могут сидеть часами неподвижно, когда же их спрашиваешь: «А что вы делаете? О чем думаете?» — они обижаются и говорят: «Только сумасшедшие думают — они держат мысли в своей голове. Мы не думаем». Если же они вообще думают, то скорее животом или сердцем. Представители некоторых негритянских племен уверяют, что мысли находятся в желудке, потому что они осознают только те мысли, которые что-либо телесно беспокоят: печень, почки или желудок. Другими словами, они осознают только эмоциональные мысли. Эмоции и аффекты всегда сопровождаются явными физиологическими иннервациями.

16 Индейцы пуэбло говорили мне, что все американцы сумасшедшие; и, разумеется, я, несколько удивившись, спросил почему. «Потому что они говорят, будто думают головой. Нормальный здоровый человек не думает головой, мы думаем сердцем». Они как бы пребывают в гомеровской эпохе, когда диафрагма считалась центром психической активности. Это означает психическую локализацию иной природы. Наше понятие о сознании предполагает, что мысль концентрируется в почтенной голове. Но индейцы пуэбло определяют сознание на основе чувственной интенсивности. Абстрактная мысль для них не существует. Они поклоняются солнцу, и я немного поспорил с ними, приведя слова св. Августина о том, что Бог не есть солнце, но тот, кто сделал солнце. Они не могли принять подобной мысли, так как дальше своих ощущений и чувств пойти не могли. Вот почему их сознание и мысли концентрируются в сердце. Мы в свою очередь психическую активность никак к источнику не адресуем и стоим на том, что сны и фантазии локализуются непосредственно «там внизу», что дает возможность говорить о *под-сознании*, *под-сознательном* разуме, о вещах, располагающихся *ниже* сознания.

17 Эти своеобразные локализации играют большую роль в так называемых первобытных психологиях, которые ни в коей мере не следует считать первобытными. К примеру, изучая тантрическую йогу или индусскую психологию, вы найдете наиболее сложно разработанные системы психических пластов, локализаций сознания вверх от области промежности до вершины головы. Эти центры, так называемые *чакры*, можно найти не только в предписаниях и текстах йоги — весьма

сходные идеи обнаруживаются в древних немецких алхимических книгах, явно не имеющих ничего общего с йогой.

18 Важным фактом в области изучения сознания является то обстоятельство, что ничто не может быть осознано без Эго, к которому стекается весь информационный поток. Если «нечто» не связано с Эго, то это «нечто» и не осознается. Поэтому сознание можно определить как связь психических факторов с Эго. Что же такое Эго? Это комплекс данных, сконструированный прежде всего общей осведомленностью относительно своего тела, своего существования и затем данными памяти; у человека есть определенная идея о своем прошлом бытии, определенная последовательность воспоминаний. Это и есть две главные составляющие феномена, именуемого Эго. Поэтому Эго можно назвать комплексом психических факторов. Этот комплекс обладает огромной энергией притяжения, как магнит; он притягивает содержания из бессознательного, из этой темной неведомой области; он также притягивает впечатления извне, и когда они входят в связь с Эго, то осознаются. Если же не входят, то осознания не происходит.

19 Моя идея заключается в том, что Эго — это своего рода комплекс, который мы в себе заботливо взращиваем. Он всегда в центре нашего внимания и наших желаний, он — центр нашего сознания. Если Эго расщепляется, как это случается при шизофрении, то рушатся все моральные критерии, теряется возможность сознательно воспроизводить действия, так как центр расщеплен и определенные части психического обращаются к одному фрагменту Эго, а остальные — к другому. Именно поэтому при шизофрении вы часто можете наблюдать быструю трансформацию из одной личности в другую.

20 В сознании можно различить ряд функций. Функции обеспечивают сознание возможностью получать ориентиры из области эктопсихических и эндопсихических факторов. То, что я понимаю под эктопсихикой, есть система связей между содержанием сознания и данными, идущими из внешней среды. Это система ориентации, которая имеет дело с внешними фактами, получаемыми мною посредством органов чувств. Эктопсихика — это система связей между содержаниями сознания и постулируемыми процессами в бессознательном.

21 Прежде всего мы коснемся эктопсихических функций.

А. Ощущения. Под ощущением я понимаю то, что французские

психологи называют «la fonction du reel», что составляет результат моей осведомленности о внешних фактах, получаемых через функции моего сознания. Я думаю, что французский термин наиболее исчерпывающий. Ощущения говорят мне, что нечто *есть*; они не говорят, что это, но свидетельствуют, что это нечто присутствует.

22 Б. Мышление. Мышление, если спросить философа, представляет собой что-то очень сложное, поэтому лучше его об этом никогда не спрашивать. Философ — единственный человек, который не знает, что такое мышление. Все прочие знают. Когда вы говорите человеку: «А теперь давай подумаем», — он точно знает, что имеется в виду. Философ же никогда не знает. Мышление в своей простейшей форме говорит, что есть присутствующая вещь. Оно дает имя вещи и вводит понятие, ибо мышление есть восприятие и суждение. (Немецкая психология называет это апперцепцией.)

23 В. Чувство. Обычно многие мыслящие люди смущаются, а иногда и сердятся, когда я начинаю размышлять о чувстве, вероятно, потому, что, по их мнению, я говорю при этом ужасные вещи. Чувство с помощью определенной тональности информирует нас о *ценности* вещей. Оно говорит субъекту, что тот или иной предмет стоит для него, какую ценность он представляет. В согласии с этим феноменом невозможно воспринять или помыслить о чем-либо без определенной чувственной реакции. Субъект всегда находится в состоянии определенного чувственного настроения, которое можно легко продемонстрировать в эксперименте. Что касается «ужасной вещи» относительно чувства, так это то, что оно, как и мышление, — функция *рациональная*. При этом все мыслящие люди абсолютно убеждены, что, напротив, чувство в высшей степени иррационально. Я могу только добавить: потерпите немного и установите для себя тот факт, что человек не может быть совершенен во всех психических проявлениях. И если человек более совершенен в мышлении, то ему явно недостает чувственности; эти две функции мешают друг другу, и каждая притормаживает другую. Поэтому, скажем, если вы желаете размышлять бесстрастным образом — научно или философски, то должны избавиться от каких-либо чувственных оценок. Очевидно, что пара объектов, рассмотренных с чувственной точки зрения, будет различаться не только *фактически*, но и в *ценностном* отношении. Оценки не являются

якорями для интеллекта, но они существуют, реализуясь как важная психологическая функция. И если вы хотите иметь полную картину мира, то необходимо принять во внимание и оценки. Если этого не сделать, то есть риск попасть в беду. Многие люди рассматривают чувство как наиболее иррациональное психическое явление. Поэтому каждый убежден, особенно в Англии, что следует контролировать свои чувства. Я вполне согласен с тем, что это хорошая привычка, и восхищаюсь этой способностью англичан. Но чувства все же существуют: я видел людей, которые великолепно управляют своими чувствами, и тем не менее последние их ужасно беспокоят.

24 Г. Интуиция. Ощущения говорят нам, что *Нечто* существует. Мышление определяет это *Нечто*. Чувство информирует нас о его ценности. Предположим, имеется полная картина мира, когда человек знает, что вещь существует, что это за вещь, насколько она ценна. Но есть еще другая категория — время. Вещи имеют свое прошлое и будущее. Они откуда-то появляются, куда-то убывают, и трудно с уверенностью сказать, откуда они возникли и куда скроются; и все же при этом у человека есть некое чувство, которое американцы называют предчувствием. Допустим, вы связаны с продажей антиквариата, и у вас появляется предчувствие, что некий предмет изготовлен прекрасным мастером в 1720 году, у вас предчувствие, что это хорошая работа. Или, положим, вы не предполагаете, что будет с вашими акциями, но у вас есть предчувствие, что они поднимутся. Это интуиция, мистическое свойство, некий чудный дар. Например, вы знаете, что у вашего пациента есть какое-то болезненное воспоминание, но вот вам «приходит в голову», у вас «возникает определенное чувство». Мы говорим так, потому что обычный язык не имеет подходящих определений. Слово «интуиция» становится все более употребительным в английском языке. Немцы же не могут почувствовать лингвистической разницы между «ощущением» и «чувством». Иначе во французском: вы можете сказать, что у вас некоторые «*sentiment dans l'estomac*», или вы скажете «*sensation*». У англичан существует различие, но они с легкостью могут спутать «*feeling*» и «*intuition*». Поэтому я предпринял здесь такое почти искусственное разграничение, хотя с практической точки зрения оно необходимо в научном языке. Употребляя термин, мы должны определить его

значение, в противном случае мы будем говорить на непонятном языке, а для психологии это просто несчастье. В повседневной жизни, когда человек говорит «чувство», он может подразумевать нечто полностью противоположное, нежели другой, говорящий о том же. Некоторые психологи, используя понятие «чувство», определяют его как «ущербную», «хромую» мысль. Определение «чувство есть не что иное, как незаконченная мысль» принадлежит известному ученому. Но чувство — это нечто подлинное, реальное, это функция, и поэтому у нас есть слово для его обозначения. Инстинктивный природный разум всегда находит слова для обозначения реально существующих вещей. Только психологи изобретают слова для несуществующих предметов.

25 Многим интуиция покажется чем-то весьма таинственным; кстати, обо мне некоторые говорят, что я очень мистичен. В этом смысле интуиция — одна из составляющих моего мистицизма. Данная функция позволяет видеть круглые углы, воспроизвести которые обычному человеку невозможно, однако есть специалисты по этой части. Живя в четырех стенах и выполняя рутинную работу, к интуиции не прибегают, но она очень нужна, скажем, при охоте на носорогов или тигров в Африке. Предчувствие в таком деле часто стоит жизни. Интуицией пользуются изобретатели и судьи. Там, где бессильны понятия и оценки, мы целиком зависим от дара интуиции.

26 Добавлю еще, что интуиция есть особый вид восприятия, которое не ограничивается органами чувств, а проходит через всю сферу бессознательного. Но здесь я вынужден остановиться и сказать: «Как действует эта функция, я не знаю». Я не знаю, что происходит, когда человек знает то, что он определенно знать не может. Я не знаю, как это у него получается, но получается неплохо, и он в состоянии действовать. Так, «вещие» сны, феномен телепатии и прочие подобные вещи — это проявление интуиции. Я наблюдал их и убежден в том, что они существуют. Вы можете наблюдать их у первобытных племен. Вы можете их наблюдать, если внимательны к процессам, которые как-то работают через подсознание, поскольку чувственное восприятие настолько слабо, что наше сознание не может получить их. Иногда, например в случае *cryptomnesia*¹, что-то подкрадывается к вашему

¹ Потаенная память, т. е. память, скрытая от самого ее носителя (лат.).

сознанию: вы улавливаете намек, но до того, как вы его получите, это всегда что-то бессознательное, будто «свалившееся с небес». Немцы называют это *Einfall*, что означает вещь, пришедшую вам в голову из «ниоткуда». Это похоже на откровение. Действительно, интуиция — природная, естественная функция, совершенно нормальное и необходимое явление для компенсации того, что вы не можете ощутить, почувствовать или осмыслить из-за недостатка реальности. Видите ли, прошлое уже не реально, а будущее не так реально, как мы думаем. Поэтому мы должны благодарить небеса за такую функцию, которая проливает некоторый свет на окружающие нас вещи. Врачи, часто сталкиваясь с незнакомыми ситуациями, тоже нуждаются в развитой интуиции. Множество верных диагнозов ставится благодаря этой таинственной функции.

27 Психологические функции обычно контролируются волей, во всяком случае, мы надеемся, что это так, потому что боимся всего, что «само по себе». Когда же функции контролируются, их можно подавлять, отбирать, усиливать, они могут направляться волей, умыслом. Однако функции могут действовать и произвольно — думать, чувствовать за вас, так что вы даже не сможете остановить их. Или же они действуют бессознательно, вы не догадываетесь об этом, хотя перед вами может предстать результат чувственного процесса. «Просто вы были раздражены и поэтому отреагировали именно так». Положим, вы настолько бессознательны, что чувствовали именно так; тем не менее это наиболее вероятная реакция. Психологические функции, как и чувственные, обладают специфической энергией. Вы не можете избавиться от чувств, мыслей. Никто не может сказать: «Я не буду думать», — несомненно, он думать будет. Нельзя сказать: «Я не буду чувствовать», — люди чувствуют благодаря выражению специфической энергии, заключенной в каждой функции, энергии, которая не может видоизменяться.

28 Конечно, можно иметь предпочтения. Мыслящие люди предпочитают думать и адаптируются таким путем. Другие, у которых развита чувственная функция, общительны, для них важны моральные критерии, они великолепно режиссируют чувственные ситуации и живут ими. Человек наблюдательный будет использовать главным образом функцию ощущения и т. д. Доминирующая функция определяет

в индивиде его собственный психологический тип. Например, если человек пользуется в основном своим интеллектом, его можно отнести к так называемому «безошибочному» типу. Отсюда мы можем проследить местоположение чувства в структуре психики: когда мышление — доминантная функция, чувство неизменно занимает подчиненное положение. То же правило применимо к трем другим функциям. Я объясню это с помощью диаграммы.

- 29 Расположим функции крестообразно (рис. 1). В центре поместим Эго (E), которое обладает определенной энергией. Эта энергия и есть сила воли. В случае мыслительного типа эта сила может быть направлена к мышлению (Т). Тогда мы должны расположить чувства (F) внизу, под Т, поскольку в этом случае F — подчиненная функция. Это следует из того, что когда вы думаете, то должны исключить чувства, и наоборот. Когда вы чувствуете, оставьте ваши чувства и чувственные оценки. Чувства наиболее разрушительны для ваших мыслей. Эти две функции отрицают друг друга.

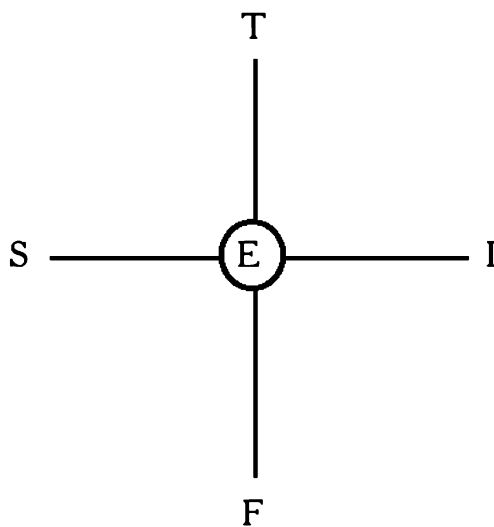

Рис. 1. Функции

- 30 То же происходит с ощущением (S) и интуицией (I). Наблюдая за человеком в режиме ощущения, вы заметите, что его особенностью является концентрация взгляда на каком-нибудь предмете, точке. Если же вы проследите за выражением глаз человека интуитивного типа, то поймете — он не смотрит, он окидывает взглядом предметы в поле своего зрения, выбирая один. Это и есть предчувствие. Обладая

интуицией, вы обычно не вдаётесь в детали, стараясь воспринять ситуацию в целом, и тогда внезапно нечто вырисовывается из этого целого. Если же ваша основная функция — ощущения, вы будете лишены интуиции только потому, что нельзя делать два дела одновременно. Это достаточно сложно, поскольку принцип одной функции исключает действие другой. Именно поэтому я и расположил их друг напротив друга.

31 Итак, с помощью этой простой диаграммы вы можете прийти к важным выводам, касающимся сознания конкретного человека. Например, если вы находите, что его мышление высоко дифференцировано, то оказывается, что чувства недифференцированы. Что это значит? Означает ли это, что у таких людей нет чувств? Напротив. Они говорят: «У меня сильные чувства. Я переполнен эмоциями. Я темпераментен». Эти люди во власти своих эмоций, они пойманы эмоциями. Если вы, к примеру, изучаете частную жизнь интеллектуала и хотите знать о его поведении дома, спросите об этом его жену — она сможет рассказать вам презабавные истории!

32 Человек чувствующего типа в естественном состоянии никогда не будет утруждать себя мыслью. Мышление возникает как следствие невротизирующего воздействия; в этом случае оно носит навязчивый характер. Наш герой остается в норме, но его переполняют необычайные идеи и убеждения. Мышление захватило его и подчинило себе, и он не может выпутаться из этого, поскольку его мысли неподвижны. С другой стороны, интеллектуал, охваченный своими чувствами, говорит: «Я просто это чувствую», — и ему трудно возразить. Но, когда он полностью погружен в свои эмоции, возникает вопрос: сможет ли он оттуда выбраться? Он не сможет до конца оправдать свои чувства; если же это ему удастся, он ощутит собственную неполноценность.

33 Подобное происходит с людьми, относящимися к интуитивному типу и типу *ощущающему*. Человек интуитивного типа всегда озабочен сущностью вещей; он обманывается в своих представлениях о реальности, не использует предоставляемых ему возможностей. Это человек, который возделывает поле и, не дождавшись созревшего урожая, переходит на другое. За ним остается возделанное поле, впереди — новые надежды, но из всего этого ничего не выходит. Люди ощущающего типа всегда остаются в данной реальности. Для них

истинно то, что реально. Вспомните, что означает реальное для интуитивного типа: это неправда, этого не будет, будет что-то другое. Когда же ощущающий тип не имеет своей реальности — четырех стен, в которых он может жить, — он болен. Дайте четыре стены представителю интуитивного типа, и единственное, что будет занимать его, — как оттуда выбраться. Для него любая обусловленная ситуация — это тюрьма, из которой необходимо в кратчайший срок выйти навстречу новым возможностям.

34 Эти различия играют важную роль в практической психологии. Не думайте, что я раскладываю людей по полочкам, определяя: «Это интуитивный тип, а это мыслительный». Меня часто спрашивают: «Не относится ли такой-то к мыслительному типу?» И я отвечаю, что никогда об этом не думал, и это действительно так. Не имеет смысла навешивать ярлыки, однако, когда у вас есть большой эмпирический материал, необходимы упорядоченные принципы для его классификации. Без преувеличения скажу, что для меня крайне важно привести материал в порядок. Это особенно может пригодиться, когда вы представляете кому-либо смущенных, обеспокоенных пациентов или объясняете жене поведение мужа (и наоборот). Всегда полезно иметь такие объективные критерии, в противном случае все остается на уровне «он сказал — она сказала».

35 Как правило, подчиненная функция не обладает свойствами, присущими сознательной дифференцированной функции. Последняя обычно регулируется намерением и волей. Если вы настоящий мыслитель, вы в состоянии направлять ваше мышление волей, вы можете контролировать ваши мысли, говоря себе: «Я могу думать иначе, думать обратное». Человек чувствующего типа никогда не сделает так, поскольку не может отделаться от своих мыслей. Мысли владеют им, прельщают его, и он боится их. Его чувства архаичны, и он сам, как древний человек, — беспомощная жертва своих эмоций. Именно по этой причине первобытный человек старался не тревожить чувств своих соплеменников — это было опасно. Многие наши обычаи объясняются такой «архаичной учтивостью»: не принято, обмениваясь рукопожатием, держать другую руку в кармане или за спиной. Вы должны показать, что в ваших руках нет оружия. Восточное приветствие, поклон с воздетыми кверху руками, означает то же. Преклоняясь к ногам другого, вы показываете свою полную без-

защитность и полную веру в него. Изучая поведенческие символы первобытных народов, вы поймете их страх перед соплеменниками. Мы боимся своих подчиненных функций. Представьте типичного интеллектуала, который боится влюбиться. Вам его страх покажется глупым, но, скорее всего, он прав. Где гарантия того, что, влюбившись, он не наделает глупостей. И он наверняка окажется в ловушке, его чувства среагируют именно на архаичный или опасный тип женщин. Именно поэтому интеллектуалы склонны вступать в неравный брак. Они не подозревают о своих архаических чувствах, и их часто ловят квартирные хозяйки или кухарки. Драма скрыта в их чувствах. Они не боятся сражаться с помощью интеллекта, но в том, что касается чувств, их легко победить, обвести вокруг пальца, и они это знают. Поэтому никогда не «давите» на чувства человека, если он интеллектуал. Он готов к опасности и контролирует ситуацию.

36 Этот закон применим ко всем другим случаям. Подчиненная функция всегда ассоциируется в нас с архаической личностью. В этой функции мы всегда — первобытные люди. В дифференцированных функциях мы цивилизованны, предположительно обладаем свободой выбора. Ничего подобного нет в функциях подчиненных. Здесь у нас есть лишь открытая рана или, по крайней мере, открытая дверь, сквозь которую может проникнуть все, что угодно.

37 Теперь рассмотрим эндопсихические функции сознания. Функции, о которых я сказал выше, управляют нашей сознательной ориентацией или помогают ей во взаимоотношениях с внешней средой; но они неприменимы в отношении вещей, составляющих нижнюю область Эго. Эго — это всего лишь кусочек сознания, плавающий в океане темных вещей. Эти темные вещи суть внутренние вещи. На внутренней стороне находится пласт психических событий, формирующих нечто вроде края, каймы сознания вокруг Эго. Проиллюстрируем это на рисунке 2.

38 Предположим, что AA' является порогом сознания, тогда D будет областью сознания, относимой к эндопсихическому миру B — миру, управляемому функциями, о которых мы только что говорили. С другой стороны, в C находится *мир теней*. Там Эго отчасти темное, мы не можем заглянуть в него, мы загадка для самих себя. Мы знаем Эго только в D , но не в C . Поэтому всегда обнаруживаем в себе что-то новое. Мы часто думаем, что открывать дальше уже нечего, но это вовсе

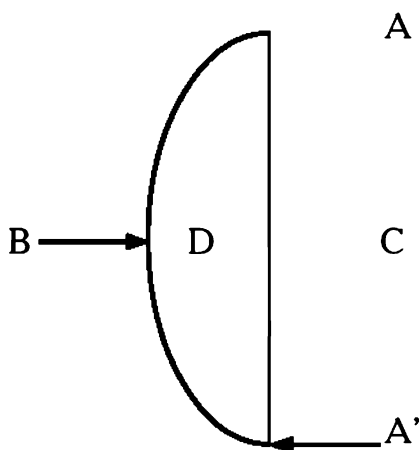

Рис. 2. Эго

не так. Обнаруживая в себе одно, другое, третье и т. д., мы приобретаем удивительный опыт. Он показывает, что часть нашей личности (неосознанной) находится в стадии становления; мы не закончены, следовательно, растем и изменяемся. При этом, однако, та будущая личность, которая возникнет, положим, через год, уже здесь, только пока еще она в тени. Эго, таким образом, напоминает движущийся кадр фильма. Будущая личность еще не видна, но движение происходит, и в настоящем мы строим будущее бытие. Потенциалы, заложенные в личности, принадлежат темной стороне Эго.

39 Поэтому первая функция эндопсихической стороны — *память*. Функция памяти, или воспроизведения, связывает нас с вещами, ставшими подсознательными — подавленными, вытесненными или отброшенными. То, что мы называем памятью, — это дар и способность репродуцировать бессознательные содержания, и это — главная функция, ясно различимая во взаимосвязи между нашим сознанием и содержаниями, которые в действительности не существуют перед нашим взором.

40 Следующая эндопсихическая функция несколько сложнее для понимания. Здесь нам приходится погружаться в глубину, так как мы подходим к темной области. Сначала назовем само понятие: *субъективные компоненты сознательных функций*. Поясню. Когда вы встречаете какого-либо человека, которого до того не видели, то, естественно, что-то о нем думаете. И не всегда думаете то, что можно было бы сказать ему тотчас же; возможно даже, то, что вы думаете, неверно и в действительности не имеет места. Ясно, что налицо субъективная реакция.

Подобное может происходить с любыми объектами и ситуациями. Любое действие сознательной функции, каков бы ни был объект, всегда сопровождается субъективными реакциями, в той или иной степени непожелательными, несправедливыми и неточными. Нечто подобное каждый отмечал в самом себе, и, вероятно, каждый предпочел бы не оказаться субъектом такого переживания. Посему человек предпочитает оставлять такие размышления в тени: это помогает утверждать собственную безупречность, честность и прямоту. Реакции подобного рода я называю субъективными компонентами. Последние являются важной составляющей во взаимоотношении с внутренней стороной Эго и весьма болезненны. Поэтому мы не любим вторгаться в мир Тени. Человек не любит созерцать тень самого себя, и в силу этого многие люди нашего цивилизованного общества стремятся избавиться от нее, потерять ее полностью. С потерей тени, как правило, утрачивается тело. Тело — друг сомнительный, так как производит вещи, которые нам не всегда нравятся; существует также ряд вещей, связанных с телом, о которых стремятся не упоминать. Само тело является персонификацией тени Эго. Иногда оно просто сущий скелет в шкафу, от которого каждый, естественно, хочет избавиться. Сказанного, вероятно, достаточно для пояснения понятия субъективных компонентов. Как правило, это некоторая предрасположенность действовать определенным образом, и часто такая преопределенность носит недоброжелательный характер.

41 Из этого правила есть только одно исключение: люди, которые вечно попадают впросак, постоянно оказываются причиной беспокойства для других, поскольку они живут своей собственной тенью, своей собственной противоположностью. Это те самые люди, которые вечно опаздывают на концерт или на лекцию и, являясь ко всему прочему весьма скромными, не желая тревожить других, прокрадываются в самый конец зала, по дороге задевая стул, и — о, ужас! — в результате ужасный шум и общее внимание окружающих.

42 Теперь мы подходим к третьему эндопсихическому компоненту — в этом случае уже трудно говорить о функции. О последней еще можно говорить в случае памяти, но даже и память лишь до определенной степени послушна воле и контролируема. Очень часто она крайне самоуправна и подобна строптивому коню. Бывает, что она просто

отказывается работать. В этом смысле субъективные компоненты и реакции еще более неуправляемы. Но дело обстоит совсем плохо, когда мы имеем дело с эмоциями и аффектами. Тут становится ясно, что они никакие не функции, а просто события, потому что в эмоции, согласно значению английского слова «e-motion» — сдвигаться, вы сдвигаетесь прочь, вы выбрасываетесь, — благопристойное Эго регрессирует, отходит в сторону, и его место занимает нечто другое. Мы говорим: «В него вселился бес», или «Он вышел из себя», или «Что на него сегодня нашло?» — так как он напоминает человека, который одержим. Первобытный человек не скажет, что он сердит без меры; он говорит, что дух вошел в него и полностью изменил его. Нечто подобное случается с эмоциями. Вас что-то держит, вы больше не вы, и ваш самоконтроль сведен практически к нулю. Это и есть то состояние, когда внутренняя сторона психики человека овладевает им, чему он не в силах помешать. Конечно, он может сжать кулаки и сохранять спокойствие, тем не менее в данный момент им владеет тень.

43 Четвертый эндопсихический фактор я называю *инвазией*, или *вторжением*. Здесь господствует теневая сторона, сфера бессознательного, которая даже может нарушить условия существования сознания. Сознательный контроль в подобных случаях наименьший. Сюда относятся и те состояния человеческой жизни, которые необязательно называть патологическими, они патологичны лишь в старом смысле этого слова, когда патология означала науку страстей. Любой может лишиться сознания более или менее «нормальным» образом. Подобные вещи считаются совершенно естественными среди первобытных народов. Они, к примеру, говорят о дьяволе или духе, вошедшем в человека, или о его душе, покинувшей тело, — одной из его разных душ, часто насчитывающихся до шести. Когда душа покидает человека, он оказывается в неустойчивом состоянии, поскольку лишается себя и вынужден страдать от утраты. Подобное можно часто наблюдать и у пациентов-невротиков. Время от времени они вдруг теряют энергию, теряют себя. Этот феномен сам по себе не патологичен, но, если такие явления становятся привычными, мы вправе говорить о неврозе. Подобные вещи ведут к неврозам, однако у нормальных людей также бывают такие исключительные состояния. Наличие непреодолимых эмоций — это еще не патология, просто это нежелательно. Пограничные явления не патологичны, но могут привести к неврозу.

ОБСУЖДЕНИЕ

Доктор Джеймс Хэдфилд:

- 44 В каком смысле вы употребляете слово «эмоция»? То, что вы называете «чувством», у нас многие считают эмоцией. Придаете ли вы понятию «эмоция» какое-то особое значение или же нет?

Профессор Юнг:

- 45 Хорошо, что вы задали этот вопрос, поскольку употребление слова «эмоция» связано со множеством ошибок и недоразумений. Естественно, каждый волен пользоваться словами по своему усмотрению, но в научном языке следует придерживаться четких разграничений, так, чтобы каждый понимал, о чем идет речь. Если вы помните, я определил «чувство» как функцию оценки и не связываю с ним никакого особого значения. Я считаю, что чувство является рациональной функцией, если оно дифференцировано. Когда же оно носит недифференцированный характер, что порой и случается, ему присущи архаические свойства, которые можно определить как «неразумные». Однако сознательное чувство — это рациональная функция, обеспечивающая различение ценностей.

- 46 Если вы изучаете эмоции, то обязательно заметите, что само слово «эмоциональный» применяется для описания состояний, характеризующихся физиологическими иннервациями. Поэтому эмоции до определенной степени поддаются измерению — не в психическом аспекте, а в своей физиологической части. Вам известна теория аффектов Джемса—Ланге². Я рассматриваю эмоцию как аффект, эмоция — это то же самое, когда «нечто воздействует на вас». Это «нечто» вмещивается в вашу

² Эта теория была независимо друг от друга разработана Уильямом Джемсом и датским физиологом Ланге, поэтому ее обычно связывают с именами обоих ученых.

жизнь, что-то делает с вами. Эмоция — это такая вещь, которая уводит вас прочь. Вы оказываетесь выброшенными из самих себя, словно после взрыва. В тот же самый момент можно наблюдать и специфически выраженное физиологическое состояние. Вот тут-то налицо и различие: чувство не имеет физических или физиологических проявлений, в то время как эмоция характеризуется измененным физиологическим состоянием. Согласно теории аффектов Джемса—Ланге, вы действительно оказываетесь в эмоции лишь в том случае, если сами замечаете физиологическое изменение вашего состояния. Это наиболее заметно в ситуации, когда вы по логике событий должны разгневаться. Вы знаете, что сейчас рассердитесь, затем чувствуете, как кровь приливает к голове, и лишь тогда — но никак не раньше — вы действительно оказываетесь разгневанными. До этого вы всего лишь знаете, что сейчас разозлитесь, но, как только кровь ударяет в голову, вы оказываетесь во власти собственного гнева, ибо само тело начинает реагировать, и, поскольку вы осознаете, что возбуждены, вас это злит вдвойне. Теперь вы уже на самом деле охвачены эмоцией. А когда вы испытываете чувство, то сохраняете контроль. Вы вполне владеете ситуацией и можете сказать: «У меня замечательное чувство» или же: «...отвратительное чувство по этому поводу». Все спокойно, ничего не происходит. Например, вы можете совершенно спокойно и вполне вежливо сообщить кому-то, что ненавидите его. Но если вы говорите об этом со злобой, значит, вы во власти эмоции. Спокойные слова не вызовут ни у вас, ни у вашего собеседника прилива эмоций. Эмоции чрезвычайно заразительны, они являются реальными носителями умственной инфекции. Например, если вы находитесь в толпе, охваченной эмоциональным возбуждением, то вряд ли сможете себе чем-то помочь — вами овладеет сходная эмоция. А вот чувства других людей вас совершенно не волнуют, поэтому неудивительно, что человек дифференцированного чувствующего типа обычно охлаждает ваш пыл, в то время как эмоциональная личность подогревает вас своей непрерывной горячностью. Вы видите само пламя эмоции на его лице, это затрагивает вашу симпатическую систему, и вскоре нечто подобное происходит и с вами. С чувствами все иначе. Все ли понятно из того, что я сказал?

Доктор Генри В. Дикс:

47 Могу ли я в продолжение этого вопроса спросить, какова, на ваш взгляд, связь между аффектами и чувствами?

Профессор Юнг:

48 Все зависит от степени. Если для вас что-то чрезвычайно ценно, то в определенный момент это может перерасти в сильную эмоцию; и именно тогда, когда интенсивность, которая вызывает физиологическое возбуждение, достигнет определенной степени. Вероятно, все умственные процессы вызывают некоторые физиологические отклонения, которые, однако, столь незначительны, что у нас нет средств их обнаружить. А вот для измерения эмоций, по крайней мере их физиологического аспекта, у нас есть прекрасный метод, основанный на психогальваническом эффекте³. Эта теория была независимо друг от друга разработана Уильямом Джемсом и датским физиологом Ланге, поэтому ее обычно связывают с именами обоих ученых. Суть последнего состоит в том, что под влиянием эмоций падает электрическое сопротивление кожи. Под действием чувств этого не происходит.

49 Приведу один пример. В бытность моей работы в клинике я со своим тогдашним профессором провел следующий эксперимент. Он отвечал на вопросы моего теста, будучи подключенным к аппарату, измеряющему психогальванический эффект. Я попросил его вообразить себе нечто крайне неприятное и весьма болезненное, то, о чем мне ничего неизвестно. Он это сделал. Он был прекрасно знаком с экспериментами подобного рода, к тому же наделен высокой способностью к концентрации; когда он фокусировал на чем-либо свое внимание, сопротивление кожи практически не изменялось, сила тока совершенно не увеличивалась. Затем у меня возникло некоторое предчувствие. В одно утро я заметил, что происходит нечто такое, что должно быть чертовски неприятно моему шефу. И я подумал: «Надо попробовать» — и попросту сказал ему: «Дело случайно не в том-то и том-то?» — и назвал одно имя. Мгновенно произошел всплеск эмоций. Это была эмоция, в то время как предшествующей реакцией было чувство.

50 Интересно, что истерическая боль не вызывает сужения зрачков и не сопровождается физиологическим возбуждением, хотя это весьма сильная боль. Но боль физическая обязательно вызывает сужение

³ Jung C. G., Peterson F. Psychophysical Investigations with the Galvanometer and Pneumograph in Normal and Insane Individuals (1907); Jung C. G., Ricksher Ch. Further Investigations on the Galvanic Phenomenon and Respiration in Normal and Insane Individuals (1907). Обе работы вошли в книгу: Jung C. G. C. W., vol. 2.

зрачков. Можно испытывать сильное чувство, и не будет никаких физиологических изменений, но как только такое изменение происходит, то вы уже не владеете собой, вы утрачиваете свою целостность, будучи выброшенными из собственного дома, и дом готов к тому, чтобы в него вселился дьявол.

Доктор Эрик Грэхэм Хоу:

- 51 Не можем ли мы сравнить эмоцию и чувство соответственно с волевым началом и познанием? Чувство соответствует познанию, а эмоция сопоставима с волевым усилием.

Профессор Юнг:

- 52 С философской точки зрения — да. У меня нет возражений.

Доктор Хоу:

- 53 Могу ли я сделать еще один краткий комментарий? Мне кажется, что четыре функции, упомянутые вами, — ощущение, мышление, чувство и интуиция — соответствуют одно-, двух-, трех- и четырехмерной классификации. Вы сами воспользовались словом «трехмерное» по отношению к человеческому телу; кроме того, вы сказали, что интуиция отличается от остальных трех функций тем, что включает в себя Время. Не следует ли из этого, что она соответствует четвертому измерению? В этом случае я полагаю, что «ощущение» соответствует одномерной, «перцептивное познание» — двухмерной, «концептуальное познание», которое, возможно, соответствует вашему «чувству», — трехмерной, а «интуиция» — четырехмерной системе координат.

Профессор Юнг:

- 54 Это не лишено смысла. Поскольку интуиция иногда кажется функционирующей так, словно нет пространства, а иногда так, словно нет времени, то можно сказать, что я ввел своего рода четвертое измерение. Но не следует при этом заходить слишком далеко. Понятие четвертого измерения не дает новых фактов. Интуиция иногда напоминает «машину времени» Герберта Уэлса. Вспомните эту машину со специальным двигателем, которая, когда вы в нее усаживаетесь, перемещает вас во времени вместо того, чтобы переместить вас в пространстве. У нее четыре цилиндра, три из которых видны хорошо, а четвертый — весьма неотчетливо, ибо он представляет временной аспект. Я прошу меня извинить за, возможно, не слишком удачное сравнение, но интуиция в каком-то смысле подобна этому четвертому

цилиндру. Существует такой феномен, как бессознательное восприятие, или восприятие, способы которого мы не осознаем. Имеется эмпирический материал, который подтверждает существование этой функции. Даже как-то неловко за такие вещи: мой интеллект хотел бы увидеть вселенную ярко очерченной, без каких бы то ни было темных закоулков, но космос полон подобных хитросплетений. И тем не менее в интуиции я не вижу ничего мистического. Можете ли вы, например, с полной ясностью ответить на вопрос, что заставляет некоторых птиц преодолевать огромнейшие расстояния, или объяснить поведение гусениц, бабочек, муравьев или термитов? Здесь возникает множество вопросов. Или взять хотя бы факт наибольшей плотности воды при температуре 4°С. Почему происходит именно так? Почему энергия имеет квантовую природу? Имеет, и все, и пусть это смешно или глупо, но с этим ничего не поделаешь. Вспоминается старый, как мир, вопрос: «Почему Бог создал мух?» Просто создал, и все.

Доктор Уилфред Р. Байон:

55 Почему, проводя эксперимент с профессором, вы попросили его подумать о чем-то болезненном для него, а вам неизвестном? Как вы считаете, имеет ли какое-то значение тот факт, что при повторном эксперименте он понимал, что вам что-то известно о неприятном для него случае, и это обусловило различие в эмоциональной реакции, наблюдавшейся в двух описанных вами случаях?

Профессор Юнг:

56 Да, безусловно. Моя идея строилась на том, что для меня более приемлемо, если я уверен, что мой партнер ничего не знает; если же я знаю, что и ему об этом известно, это совсем другое дело, последнее было для меня неприемлемым. В жизни каждого врача есть такие неприятные случаи, о которых коллегам лучше не знать. Я был почти уверен, что он взорвется, как мина, как только я намекну ему о том, что я в курсе дела. И он действительно взорвался. Таковы мои соображения на этот счет.

Доктор Эрик Б. Штраус:

57 Не мог бы доктор Юнг пояснить, что он имеет в виду, когда называет чувство рациональной функцией? Еще я не совсем понял, что доктор Юнг подразумевает под чувством как таковым. Большинство из нас, употребляя термин «чувство», имеют в виду некоторые

полярные качества типа удовольствия, боли, напряжения и расслабления. Далее, доктор Юнг считает, что различие между чувством и эмоцией заключается лишь в степени. Если дело всего лишь в степени, почему тогда он располагает их, так сказать, по разные стороны границы? И наконец, доктор Юнг считает, что одним из критериев или даже основным критерием является тот факт, что, в отличие от эмоций, чувство не сопровождается физиологическим изменением. Как мне кажется, эксперименты, проведенные профессором Фрейндлихером⁴ из Берлина, ясно показали, что простые чувства (удовольствие, боль, напряжение и расслабление) на самом деле сопровождаются физиологическими изменениями; так, например, с помощью современной аппаратуры можно очень точно зарегистрировать сопутствующие чувствам изменения кровяного давления.

Профессор Юнг:

58 Это правда, что чувства, если они носят эмоциональный характер, сопровождаются физиологическими изменениями; однако, безусловно, есть и такие чувства, которые не вызывают изменений в физиологическом состоянии. Эти чувства имеют не эмоциональную, а четко выраженную умственную природу. В этом и заключается различие, которое я провожу. Поскольку чувство является оценочной функцией, легко понять, что это вовсе не физиологическое состояние. Это может быть нечто столь же абстрактное, как и мышление. Вы ведь не считаете абстрактное мышление физиологическим состоянием. Термин «абстрактное мышление» говорит сам за себя. Дифференцированное мышление рационально; точно так же может быть рациональным и чувство, несмотря на тот факт, что многие люди вовлечены во всеобщую терминологическую путаницу.

59 Нам нужно найти какое-то слово для обозначения оценочной функции. В отличие от прочих термин «чувство» является вполне подходящим. Конечно, вы можете подобрать любое другое слово, необходимо лишь оговорить это особо. Я вовсе не возражал бы, если бы большинство мыслящих людей пришли к выводу о том, что «чув-

⁴ Возможно, это ошибка стенографиста: скорее всего, имеется в виду Якоб Фрейндлих, проводивший эксперименты с электрокардиограммами. См. его статью в *Deutsches Archiv für klinische Medizin* (Berlin), 177:4 (1934).

ство» является неудачным наименованием данной функции. Если вы говорите, что предпочтительнее использовать другой термин, так будьте добры, найдите его, ибо факт остается фактом: оценочная функция существует, и поэтому мы должны ее как-то назвать. Обычно ощущение ценности передается словом «чувство». Однако я вовсе не намерен цепляться за термины. В этом отношении я абсолютно либерален. Просто, употребляя тот или иной термин, я всегда сначала даю определение того, что в данном случае имею в виду. Если кому-то хочется считать, что чувство — это эмоция или причина повышения кровяного давления, у меня нет возражений. Но я вкладываю в это слово иное значение. Если люди придут к выводу, что в предложенном мною значении употреблять слово «чувство» нельзя, я тоже не буду возражать. В немецком языке есть слова *Empfindung* и *Gefühl*. Если вы почитаете Гете или Шиллера, то заметите, что и поэты путают эти два понятия. Немецкие психологи уже давно настаивают на том, что слово *Empfindung* для обозначения чувства употреблять нельзя. Они предлагают называть словом *Gefühl* (чувство) оценочную функцию, а словом *Empfindung* — ощущение. В наши дни уже никто из психологов не скажет: «...чувства моих глаз, ушей или кожи». Люди, конечно, могут сказать, что их ухо или большой палец обладают чувствами, но в научном языке подобные выражения уже не используются. Если отождествлять эти два понятия, то можно было бы выразить словом *Empfindung* состояние высшей экзальтации, однако это будет похоже на то, как, например, француз скажет «*les sensations les plus nobles de l'amour*»⁵. Над ним будут смеяться. Это прозвучит шокирующей бессмыслицей!

Доктор Эдвард А. Беннет:

60 Вы считаете, что человек, страдающий маниакальной депрессией, осознает доминирующую функцию в период депрессии?

Профессор Юнг:

61 Я бы не сказал. Наблюдая случаи маниакальной депрессии, вы вполне можете обнаружить, что в маниакальной фазе превалирует одна функция, а в депрессивной — другая. Например, живые, мирные, сангвинистичные и добродушные люди в маниакальной фазе, ни о чем

⁵ Благороднейшее ощущение любви (франц.).

слишком не раздумывающие, внезапно становятся крайне задумчивыми, как только начинается депрессия, ими овладевают навязчивые мысли, и наоборот. Я знаю нескольких интеллектуалов, склонных к маниакальной депрессии. В маниакальной фазе они свободно мыслят, весьма продуктивно, ясно и абстрактно. Затем наступает депрессивная фаза, и у них появляются навязчивые чувства, их преследует ужасное настроение, именно настроение, а не мысли. Все это, конечно, психологические тонкости. Лучше всего наблюдать эти процессы у людей лет сорока или немного старше, которые долгое время вели специфически интеллектуальный образ жизни или же жили чувствами, ценностями, но внезапно все перевернулось с ног на голову. Есть целый ряд интересных случаев подобного рода. Имеются замечательные литературные иллюстрации, например, Ницше. Это наиболее впечатляющий пример психологической метаморфозы в среднем возрасте. В молодые годы стиль мышления Ницше — французский афористический, однако позднее, в возрасте тридцати восьми лет, при написании «Так говорил Заратустра» его охватило дионисийское неистовство, и он полностью отрицал все, что было написано раньше.

Доктор Беннет:

62 А меланхолия не экстравертна?

Профессор Юнг:

63 Так нельзя сказать, поскольку это вещи несоизмеримые. Сама по себе меланхолия может быть определена как интровертное состояние, но это вовсе не предпочтительная установка. Называя какого-то человека интровертом, вы имеете в виду, что он более склонен к интроверсии, но экстравертная сторона у него также присутствует. Всем нам присуще и то и другое, иначе мы вообще были бы не в состоянии приспособляться, влиять на окружающих и находились бы вне самих себя. Депрессия — это всегда интровертное состояние. Меланхолики погружаются в своего рода эмбриональное состояние, и поэтому у них можно обнаружить накопление специфических физических симптомов.

Доктор Мэри К. Лафф:

64 Поскольку профессор Юнг определил эмоцию как овладевающее индивидом навязчивое состояние, мне неясно, как он

различает то, что называет «инвазией» (вторжением) и «аффектами».

Профессор Юнг:

65 Порой вы переживаете так называемые «патологические» эмоции, сталкиваясь при этом с весьма специфическими проявлениями этой эмоции — скажем, мыслями, которые вам никогда не приходили в голову; порой это ужасные мысли или фантазии. Например, некоторые люди, будучи сильно рассерженными, жаждут не просто мести или чего-то похожего, а переживают ужасные фантазии, планируя убийство своего врага, с отрезанием рук или ног и тому подобными жестокостями. Последнее не что иное, как вторжение фрагментов бессознательного, и если речь идет о совершенно патологической эмоции, то перед нами действительно состояние помутнения сознания: человек доходит до безумного бреда и делает совершенно безумные вещи. Это и есть инвазия. В принципе, это патология, но фантазии подобного рода не исключены и в пределах нормы. Я слышал иногда, как вполне невинные люди говорили: «Я разорву его на куски», и таких людей действительно посещают подобные кровавые фантазии; они и впрямь готовы «размозжить» голову своему противнику; им представляется, что они совершают то, что в спокойном состоянии просто называется метафорой. Когда эти фантазии оживают и люди начинают бояться самих себя, мы говорим об инвазии.

Доктор Лафф:

66 Может быть, это то, что вы называете психозом помраченного сознания?

Профессор Юнг:

67 Вообще это не обязательно должен быть психоз. И даже не обязательно, чтобы это была патология; подобное случается и с нормальными людьми, когда они оказываются во власти определенных эмоций. Однажды я пережил очень сильное землетрясение. Это случилось впервые в моей жизни. Я был попросту ошарашен мыслью о том, что земля не какая-то твердыня, а шкура гигантского животного, которое трясется подобно лошади. Эта мысль преследовала меня до тех пор, пока я не вспомнил, что точно так же объясняют землетрясение японцы: ворочается огромная саламандра,

несущая на себе землю⁶. Таким образом, я удовлетворился тем, что это была внезапно всплывшая в сознании архаическая идея. Подобное событие кажется мне весьма примечательным, и я думаю, оно совсем не патологическое.

Доктор Бернард Д. Хэнди:

68 Не хочет ли профессор Юнг сказать, что аффект, как он его определил, вызван неким физиологическим состоянием, или же само это физиологическое изменение является результатом, так сказать, инвазии?

Профессор Юнг:

69 Вопрос о связи души с телом очень сложен. Вам известно, что согласно теории Джемса—Ланге аффект является результатом физиологического изменения. Ответ на вопрос, какой фактор является доминирующим — тело или дух, — всегда зависит от темперамента отвечающего. Те, кто в силу своего темперамента предпочитают теорию превосходства тела, скажут, что ментальные процессы являются эпифеноменами физиологической химии. (Например, Энгельс считал, что жизнь есть способ существования белковых тел.) Те же, кто больше верит в дух, скажут обратное: для них тело — лишь придаток разума, и причиной всего выступает дух. В действительности это философский вопрос, а поскольку я не философ, то никакого решения и не предлагаю. Из опыта мы знаем только то, что телесные и духовные процессы происходят совместно, но не совсем понятно, как именно. Наш жалкий разум не в состоянии помыслить тело и дух как единое целое; вероятно, это и есть одно целое, мы просто не можем себе этого представить. Современная физика столкнулась с аналогичными трудностями; достаточно посмотреть на то, что происходит со светом! Свет ведет себя то как вибрация или колебание, то как частица или корпускула. Потребовалась очень сложная математическая

⁶ Согласно японской легенде, большую часть Японии несет на себе гигантских размеров рыбокот — патазу, и, если его потревожить, он начинает вертеть головой или хвостом, вызывая тем самым землетрясение. Данная тема широко представлена в японском искусстве.

формула Луи де Бройля ⁷, для того чтобы человеческий разум смог осознать, что и колебания, и корпускулы суть наблюдаемые при различных условиях проявления одной и той же первичной реальности. Это положение трудно осмыслить, но вы вынуждены принять его как постулат.

70 Аналогичным образом неразрешимой проблемой является и так называемый психофизический параллелизм. Взять хотя бы для примера тифозную лихорадку с сопутствующими ей психологическими синдромами. Если вы ошибочно примете психический фактор за определяющий, это повлечет за собой несообразные выводы. Факты же таковы, что определенные физиологические состояния явно вызваны душевным расстройством, а другие не обусловлены, а лишь сопровождаются определенными психическими процессами. Тело и разум суть два аспекта единого живого бытия, и это все, что нам известно. Поскольку мы не в состоянии помыслить их вместе, я предпочитаю говорить, что эти две вещи случаются вместе неким чудесным образом. Для себя лично я создал термин, делающий это сосуществование наглядным; я предполагаю, что в мире активно действует определенный принцип синхронии, благодаря которому есть вещи, определенным образом совпадающие и ведущие себя так, как если бы они были одним и тем же, хотя нам они представляются совершенно различными. Возможно, в один прекрасный день будет найден новый математический метод, который позволит доказать, что происходит нечто в этом роде, однако в настоящий момент я не могу сказать, что главенствует — разум или тело, или же они просто сосуществуют ⁸.

Доктор Лоуренс Дж. Бэндит:

71 Мне не совсем понятно, в каких случаях инвазия становится патологической. Вы предположили в первой части вашего сообщения, что это происходит тогда, когда инвазия становится привычной. Чем же

⁷ Луи Виктор де Бройль — французский физик, лауреат Нобелевской премии в области физики за 1929 год, открыл волновой характер электронов. Вместо использованных Юнгом терминов «колебание» и «корпускула» сейчас более употребительны «волны» и «частицы».

⁸ См.: Jung C. G. Synchronicity: An Acausal Connecting Principle // Jung C. G. C.W., vol. 8. Рус. пер.— Юнг К. Г. Синхронистичность.— М.-Киев, 1997.

патологическая инвазия отличается от образов художественного вдохновения и творческих идей?

Профессор Юнг:

72 Между художественным вдохновением и инвазией нет абсолютно никакой разницы. Это одно и то же, и как раз поэтому я избегаю слова «патология». Я никогда не назову художественное вдохновение патологией, ибо, на мой взгляд, это совершенно нормальное состояние. В этом нет ничего плохого, ничего выходящего за пределы нормы. Вследствие этого я делаю исключение и для инвазии. К счастью, человек устроен так, что вдохновение приходит внезапно и не так часто, но все же приходит. И вот, поскольку ясно, что патологические явления происходят в принципе таким же образом, мы вынуждены где-то провести грань. Предположим, что вы все занимаетесь психиатрией; я рассказываю вам случай одного человека, и вы все уверены, что он душевнобольной. Однако я могу вам возразить, сказав, что, раз ему удалось мне все толком объяснить, раз у нас с ним возник контакт, он вовсе не сумасшедший. Сумасшествие — это весьма относительное понятие. Например, если негр ведет себя специфическим образом, мы говорим: «Ну что с него возьмешь, это же негр». Но, когда точно так же поступает белый человек, мы говорим: «Он с ума сошел», — ибо, на наш взгляд, белый человек так себя вести не может. От негра чего-то подобного уже ожидают, а от белого — нет. Быть сумасшедшим — это социальное понятие; для того чтобы распознать ментальные расстройства, мы пользуемся социальными мерками. Например, речь идет о каком-то своеобразном человеке, который ведет себя непредсказуемым образом и выдвигает странные идеи; случись ему жить в маленьком городке где-нибудь во Франции или в Швейцарии, про него скажут: «Оригинальный парень, один из самых оригинальных обитателей нашего местечка». Но окажись он на Харли Стрит⁹, и выяснится, что перед вами — безумец. Или другой пример: вы считаете человека оригинальным художником, но, если вдруг он станет работать кассиром в банке, у банка будут неприятности, и все

⁹ «Harley Street» — улица в Лондоне, на которой расположены кабинеты преуспевающих врачей, поэтому данное сочетание имеет переносное значение: врачи, медицинская профессия.

сразу же скажут, что этот парень — полный идиот. Но все это чисто социальные соображения. Нечто подобное мы можем наблюдать в сумасшедших домах. Причина того, что больницы забиты до отказа, отнюдь не в абсолютном возрастании числа душевнобольных — мы просто перестали мириться с теми, кто не соответствует норме, хотя все же приходится признать, что сейчас сумасшедших больше, чем прежде. В юности я знавал людей, которые, как я сейчас понимаю, были просто шизофрениками. Мы же говорили: «Дядюшка такой-то — большой оригинал». В моем родном городке было несколько слабоумных, но о них никогда никто не сказал: «Он полный осел» — или что-то в этом роде, а наоборот, говорили: «Он просто прелесть». Точно так же некоторых идиотов называют «кретинами» (это идет от французского «il est bon chretien»¹⁰). Вряд ли к этому можно что-то добавить, разве что признать, что все они действительно хорошие христиане.

Председательствующий:

73 Дамы и господа, я считаю, что сегодня мы должны избавить профессора Юнга от дальнейших трудов и выразить ему глубокую благодарность.

¹⁰ Он добрый христианин.

II ЛЕКЦИЯ

Председательствующий (доктор Дж. Хэдфилд):

74 Дамы и господа! Вспоминая вчерашний вступительный панегирик доктору Юнгу, предваривший его выступление, я более чем уверен, что все присутствовавшие согласятся с правильностью высказанных здесь похвал и не усмотрят в них никакого преувеличения. В своей вечерней лекции доктор Юнг упоминал ряд функций человеческого разума, таких, как чувство, мышление, интуиция и ощущение, но несмотря на то, что он говорил нам, я не могу избавиться от ощущения, что у него самого все эти функции должны быть очень хорошо развиты. Кроме того, у меня есть подозрение, что все они связаны воедино в центре, ответственном за чувство юмора. Ничто не убеждает меня столь сильно в истинности какого-либо представления или гипотезы, как способность ее создателя взглянуть на собственное творение с юмором, а это именно то, что проделал доктор Юнг прошлым вечером. Сверхсерьезное отношение к любому предмету очень часто оборачивается неуверенностью человека и его обеспокоенностью по поводу истинности сообщаемого им.

Профессор Юнг:

75 Дамы и господа! Вчера мы рассмотрели функции сознания. Сегодня я хочу закончить с проблемой структуры психического. Обсуждение человеческого разума, целостной психической сферы будет неполным без учета существования бессознательных процессов.

76 Вчера я уже говорил о том, что у нас не может быть непосредственного контакта с бессознательными процессами, так как они для нас непостижимы. Бессознательное дает о себе знать только в своих продуктах, и нам остается лишь постулировать его как таковое на основании своеобразия этих продуктов; утверждать, что существует

нечто стоящее у истоков их возникновения. Мы называем эту темную сферу бессознательным психическим.

77 Эктопсихические содержания сознания вытекают прежде всего из окружающей среды посредством чувственных данных. Существуют и другие источники, такие, как память и процессы суждения, иначе — субъективные компоненты. Последние относятся к эндопсихической сфере. Третьим источником осознанных содержаний является темная сфера разума — бессознательное. Мы приближаемся к ней благодаря свойствам эндопсихических функций, которые не контролируются волей. Эти функции — как раз то самое средство, благодаря которому бессознательное содержание достигает поверхности сознания.

78 Бессознательные процессы не фиксируются прямым наблюдением, но их продукты, переходящие через порог сознания, могут быть разделены на два класса. Первый содержит познаваемый материал сугубо личностного происхождения; эти программы являются индивидуальными приобретениями или результатами инстинктивных процессов, формирующих личность как целое. Далее следуют забытые или вытесненные содержания и творческие процессы, относительно которых ничего особенного сказать нельзя. У некоторых людей подобные процессы могут протекать осознанно. Есть люди, сознающие нечто не осознаваемое другими. Этот класс содержаний я называю подсознательным разумом или *личным* бессознательным, потому что, насколько можно судить, он всецело состоит из личностных элементов — элементов, составляющих человеческую личность как целое.

79 Есть и другой класс содержаний психики, по-видимому, неизвестного происхождения; все события из этого класса не имеют своего источника в отдельном индивиде. Данные содержания имеют характерную особенность: они мифологичны по сути. Они принадлежат к типу, не воплощающему свойства отдельного разума или психического бытия человека, а именно к типу, несущему в себе свойства *всего человечества как некоего целого*. Когда я впервые столкнулся с подобными явлениями, то был несколько удивлен и, убедившись, что наследственными факторами их не объяснишь, решил, что разгадка кроется в расовых признаках. Чтобы решить вопрос, я отправился в Соединенные Штаты и исследовал сны чистокровных негров, после

чего, к великой радости, убедился, что искомые признаки ничего общего с так называемым кровным или расовым наследованием не имеют, как не имеют и личностного индивидуального происхождения. Они принадлежат человечеству в целом и, таким образом, являются коллективными по природе.

80 Эти коллективные паттерны, или типы, или образцы, я назвал *архетипами*, используя выражение Бл. Августина¹. Архетип означает *типос* (печать, отпечаток), определенное образование архаического характера, включающее равно как по форме, так и по содержанию *мифологические мотивы*. В чистом виде мифологические мотивы появляются в сказках, мифах, легендах и фольклоре. Некоторые из них хорошо известны: фигуры Героя, Спасителя, Дракона (всегда связанного с Героем, который должен его победить), Кита или Чудовища, проглатывающих Героя². Вариацией мотива Героя и Дракона является катабазис, спуск в пещеру, в Некию. Вспомним Одиссею, где Улисс спускается в ад, чтобы испросить совета у ясновидящего Тиресия. Мотив Некии, подземного царства, обнаруживается повсеместно в античном мире и широко распространен во всех древних культурах по всему миру. Он выражает психологический механизм интроверсии сознательного разума в глубинные пласты бессознательной психики. Из этих пластов актуализируется содержание безличностного, мифологического характера, другими словами, архетипы, и поэтому я называю их *безличностным или коллективным бессознательным*.

81 Я понимаю, что даю здесь лишь слабый эскиз понятия о коллективном бессознательном, требующем отдельного рассмотрения, но хочу привести пример, иллюстрирующий символическую основу явления и технику разграничения специфики коллективного бессознательного и личностного. Когда я поехал в Америку исследовать бессознательные явления у негров, я считал, что все коллективные паттерны наследуются расовыми признаками либо являются «априорными категориями воображения», как их совершенно независимо от меня назвали французы Юбер и Мосс³. Один негр рассказал мне

¹ См.: Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное // Юнг К. Г. Архетип и символ. — М., 1991.

² Юнг К. Г. Символы трансформации. — М., 2000.

³ Hubert H., Mauss M. *Mélanges d'histoire des religions*. — Paris, 1909, p. XXIX.

свой сон, в котором участвовала фигура человека, распятого на колесе. Нет смысла описывать весь сон, так как он не имеет отношения к разбираемой проблеме. Разумеется, он содержал личностный смысл, равно как и намеки на безличностные идеи, но нас здесь интересует только мотив. Это был малообразованный негр с юга с низким уровнем интеллекта. С наибольшей вероятностью можно было предположить, что исходя из христианской традиции, привитой неграм, он должен был увидеть человека, распятого на кресте, поскольку крест является символом личного опыта. Но образ человека, распятого на колесе, весьма необычен. Конечно, я не могу доказать, что по «счастливой» случайности он увидел нечто подобное на картине или услышал от кого-либо, но если ничего такого у него не было, то мы имеем дело с *архетипическим образом*, потому что распятие на колесе — мотив мифологический. Это древнее солнечное колесо, и распятие означает жертву богу-солнцу, чтобы умиловить его, так как и человеческие жертвы, и жертвы животных издавна приносились в целях повышения плодородия земли, т. е. солнце-колесо — архаичная идея, древнейшая из существовавших когда-либо у религиозных людей. Ее следы можно обнаружить в мезолите и палеолите, в чем убеждают родезийские скульптуры. Как показывает современная наука, изобретение колеса относится к бронзовому веку; в палеолите колеса как такового еще не существовало (оно не было изобретено). Родезийское колесо-солнце по возрасту сродни самым ранним наскальным изображениям животных, таким, как, например, известное наскальное изображение носорога с птицами-клещеедами, и поэтому является первым изображением, вероятно, архетипического образа солнца⁴. Но этот образ не является натуралистическим изображением, так как он всегда

⁴ Юнг К. Г. Психология и поэтическое творчество // Юнг К. Г. Собр. соч. Т. 15. — М., 1992, пар. 150. Jung C. G. Psychology and Religion // Jung C. G. C. W., vol. 11, par. 100; Jung C. G. Brother Klaus // Jung C. G. C. W., vol. 11, par. 484. Данные о родезийском солнечном колесе не документированы, хотя подобные формы, высеченные в камне, обнаружены в Анголе и Южной Африке. Ср.: Willcox A. R. The Rock Art of South Africa. — Johannesburg, 1963, fig. 23 and pls. XXVII—XX. Датировка их появления весьма сомнительна. «Носорог с птицами-клещеедами» происходит из Трансвааля, его изображение находится в музее Претории.

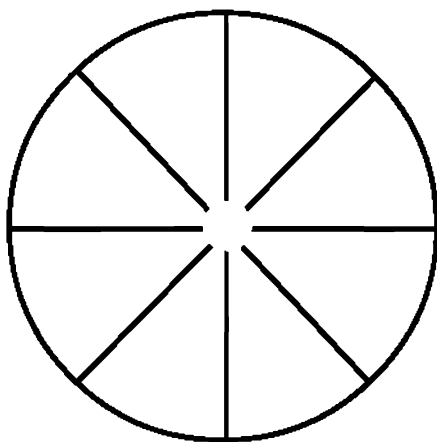

Рис. 3. Колесо-солнце

разделен на четыре или восемь частей (рис. 3). Этот образ, разделенный круг, является символом, который можно обнаружить на протяжении всей истории человечества, а также и в снах наших современников. Можно предположить, что изобретение колеса началось с этого образа. Многие изобретения возникли из мифологических предчувствий и первобытных образов. К примеру, искусство алхимии — мать современной химии. Наш сознательный научный разум начался в колыбели бессознательного ума.

82 Человек на колесе в сновидении негра является повторением греческого мифологического мотива Иксиона, который за свою обиду на людей и богов был привязан Зевсом к беспрерывно вращающемуся колесу. Я привожу этот пример мифологического мотива во сне лишь для того, чтобы проиллюстрировать идею коллективного бессознательного. Один пример, разумеется, еще не доказательство. Но в данном случае нельзя предполагать, что негр изучал греческую мифологию, и исключается возможность того, что он мог видеть какие-либо изображения греческих мифологических фигур (тем более, что изображения Иксиона крайне редки).

83 Я мог бы предоставить вам убедительные и подробные доказательства существования этих мифологических структур в бессознательном. Но за недостатком времени я сначала раскрою вам значение сновидений и серий снов, а затем приведу все исторические параллели, символизм идей и образов которых мало знаком даже специалистам. Мне пришлось работать годы, собирая материал. Когда

мы займемся техникой анализа сновидений, я более подробно остановлюсь на разборе мифологического материала, а сейчас лишь хочу предварительно заметить, что в слое бессознательного содержатся мифологические паттерны и что бессознательное формирует содержания, которые невозможно предписать индивиду и которые, более того, могут оказаться в крайнем противоречии с личностной психологией сновидца. Поразительными порой оказываются и детские сновидения, символика которых подчас поражает глубиной мысли настолько, что невольно воскликнешь: «Да как это возможно, чтобы ребенок мог такое увидеть во сне!»

84 В действительности все достаточно просто. Наш разум имеет свою историю, подобно тому как ее имеет наше тело. Возможно, кому-то и кажется удивительным, что у человека есть аппендикс. А знает ли он, что должен его иметь? Он просто рождается с ним, и все. Миллионы людей не знают, что имеют зобную железу, однако она у них есть. Так и наше бессознательное, подобно телу, является хранилищем реликтов и воспоминаний о прошлом. Исследование структуры коллективного бессознательного может привести к таким открытиям, какие делаются и в сравнительной астрономии. Не следует думать, что здесь прячется что-то мистическое. Хотя стоит мне заговорить о коллективном бессознательном, как меня сразу же стараются обвинить в обскурантизме. А речь идет всего лишь о новой области науки, и допущение существования коллективных бессознательных процессов не противоречит здравому смыслу. Возьмем ребенка: он не рождается с готовым сознанием, но его разум не есть *tabula rasa*. У младенца функционирует определенно устроенный мозг, и мозг английского ребенка будет действовать не так, как у австралийца, а в контексте жизненных путей современного гражданина Англии. Сам мозг рождается с определенной структурой, работает современным образом, но этот же самый мозг имеет и свою историю. Он складывался в течение миллионов лет и содержит в себе историю, результатом которой и является. Естественно, что он функционирует со следами этой истории, так же как и тело, и если поискать в основах мозговой структуры, то можно обнаружить там следы архаического разума.

85 Идея коллективного бессознательного действительно очень проста. Если бы это было не так, можно было бы говорить о чуде. Но я вовсе

не торгую чудесами, а исхожу из опыта. С моим опытом вы бы пришли к таким же выводам по поводу этих архаических мотивов. Случайно «вступив» в мифологию, я всего-навсего прочел больше книг, нежели, возможно, вы. Так вот однажды, когда я работал в клинике, там был пациент с диагнозом шизофрении и весьма своеобразными видениями. Он рассказал мне об этих видениях и предлагал при этом «взглянуть на них тоже». Чуть позже я натолкнулся на книгу одного исследователя из Германии (Albrecht Dieterich «Eine Mithras-liturgie»), опубликовавшего главу о магическом папирусе. Я прочел ее с большим интересом и на седьмой странице обнаружил видение моего лунатика «слово в слово». Это меня потрясло. Как могло случиться, чтобы мой клиент увидел подобное? И это был не просто один образ, а серия, причем в книге буквально все повторялось. Этот случай я описал в «Символах трансформации» (пар. 151 и далее).

86 Это поразительное совпадение и послужило для меня импульсом к дальнейшей работе. Вы, вероятно, незнакомы с книгой упомянутого мною профессора Дитериха. Однако, случись вам читать те же книги, что и мне, и наблюдать те же случаи, вы и сами пришли бы к идее коллективного бессознательного.

87 Наиболее глубоко лежащий слой, в который мы можем проникнуть в исследовании бессознательного, — это то место, где человек уже не является отчетливо выраженной индивидуальностью, но где его разум смешивается и расширяется до сферы общечеловеческого разума, не сознательного, а бессознательного, в котором мы все одинаковы. Подобно анатомической схожести тел, имеющих два глаза, два уха, одно сердце и т. д., с несущественными индивидуальными различиями, существует схожесть основ разумов. Это легко понять, изучая психологию первобытных людей. Наиболее ярким фактом в мышлении первобытного человека является отсутствие различия между индивидуумами, совпадение субъекта с объектом, мистическое соучастие, как определил Леви-Брюль⁵. Первобытное мышление выражает основную структуру нашего разума, тот психологический пласт, который в нас составляет коллективное бессознательное, тот низлежащий уровень, который одинаков у всех. Поскольку базовая структура мозга и разума

⁵ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. — М., 1930.

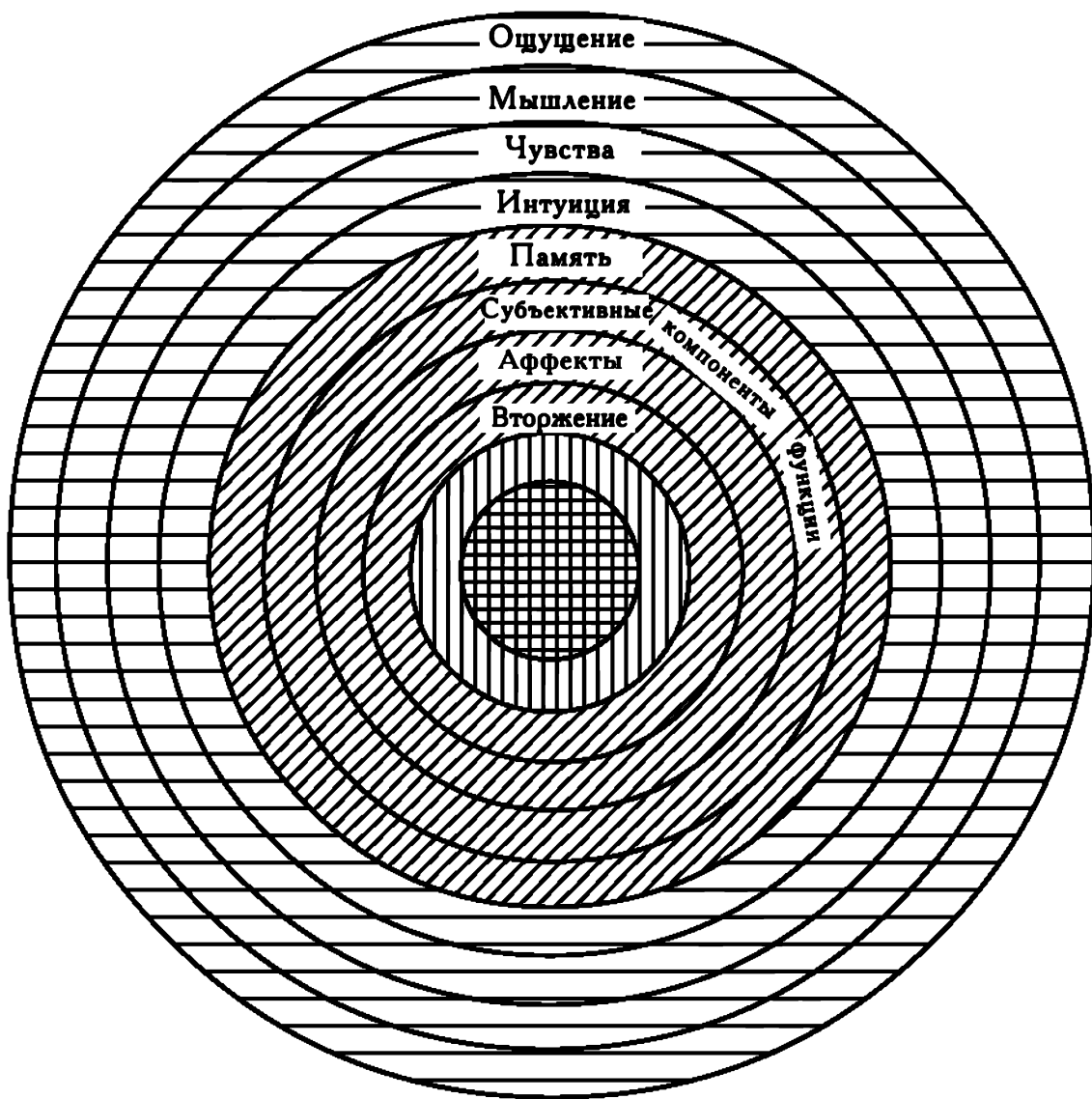
одна и та же у всех, то функционирование на этом уровне не несет в себе каких-либо различий. И здесь мы не осознаем происходящего с вами или со мной. На низлежащем коллективном уровне царит целостность, и никакой анализ здесь невозможен. Если же вы начинаете думать о сопричастности как о факте, означающем, что в своей основе мы идентичны друг другу во всех своих проявлениях, то неизбежно приходите к весьма специфическим теоретическим выводам. Дальнейшие рассуждения на этот счет нежелательны и даже таят в себе опасность. Но некоторые из этих выводов вы должны использовать на практике, поскольку они помогают в объяснении множества вещей, составляющих жизнь человека.

88 Я хочу подытожить сказанное, используя диаграмму (рис. 4). На первый взгляд изображенное здесь может показаться сложным, но, в сущности, все выглядит достаточно просто. Представьте, что наша ментальная сфера представляет подобие светящегося глобуса. Поверхность, из которой выходит свет, является доминирующей функцией личности. Если вы человек, адаптирующийся в окружающем мире главным образом с помощью мышления, то ваша поверхность и будет поверхностью мыслящего человека. Ведь вы осваиваете мир вещей и событий путем мышления, и, следовательно, то, что вы при этом демонстрируете, и есть ваше мышление. Если же вы принадлежите к другому типу, то налицо будет проявление другой функции⁶.

89 На диаграмме в качестве периферической функции выступает ощущение. С его помощью человек получает информацию о внешнем мире. Второй круг — мышление: на основании информации, полученной от органов чувств, человек дает предмету имя. Затем идет чувство, которое будет сопутствовать его наблюдениям. И наконец человек осознает, откуда берутся те или иные явления и что может произойти с ними в дальнейшем. Это *интуиция*, с помощью которой мы «видим в темной комнате». Эти четыре функции образуют эктопсихическую систему.

90 Следующая сфера в диаграмме представляет сознательный Эго-комплекс, с которым соотносятся все функции. Прежде всего

⁶ Общее описание типов и функций см.: Юнг К. Г. Психологические типы. — СПб., 1996, гл. X.

Эктопсихическая сфера

Индивидуальное бессознательное

Эндопсихическая сфера

Коллективное бессознательное

Рис. 4. Структура психического бытия человека

назовем память — функцию, контролируемую волей и находящуюся под контролем Эго-комплекса. Субъективные компоненты функций могут быть подавлены или усилены силой воли. Эти компоненты не так контролируемы, как память, хотя и она, как вы знаете, несколько ненадежна. Теперь мы переходим к аффектам и инвазиям, которые контролируются одной только силой. Единственное, что вы можете сделать, — это пресечь их. Сожмите кулаки, чтобы не взорваться, ведь они могут оказаться сильнее вашего Эго-комплекса.

91 Разумеется, никакая психическая система не может быть отражена в такой упрощенной диаграмме. Это, скорее, шкала оценок, показывающая, как энергия или интенсивность Эго-комплекса, манифестирующая себя в волевом усилии, уменьшается по мере приближения к темной сфере — *бессознательному*. Прежде всего мы вступаем в личностное подсознание, некий порог в сфере бессознательного. Это часть психики, содержащая те элементы, которые могут быть осознанными. Многие вещи именуются бессознательными, но это относительно. Есть люди, которые осознают практически все, что может осознать человек. Конечно, в нашем цивилизованном мире есть много неосознанных вещей, хотя индусы, китайцы, к примеру, осознают то, к чему наши психоаналитики идут долгим, сложным путем. Более того, живущий в естественных, природных условиях человек удивительным образом осознает то, о чем городской житель просто не догадывается, а если и вспоминает, то лишь под влиянием психоанализа. Я обнаружил это еще в школе. Я жил в деревне, среди крестьян, и знал то, чего не знали другие мальчишки в городе. Просто мне представился случай, и это во многом помогло мне. Анализируя сны или симптомы фантазий невротиков или обычных людей, вы проникаете в сферу бессознательного, вы переступаете этот искусственный порог. Весьма примечательно, что человек в состоянии развить свое сознание до такой степени, что сможет сказать: ничто человеческое мне не чуждо (*Nihil humanum a me alienum puto*).

92 Наконец, мы подходим к ядру, которое вообще не может быть осознано, — к сфере архетипического разума. Его возможные содержания появляются в форме образов, которые могут быть понятны только в сравнении с их историческими параллелями. Если вы не распознаете определенный материал как исторический и не проведете

параллелей, то не сможете собрать все содержания в сознании, и последние останутся спроецированными⁷. Содержания коллективного бессознательного не контролируются волей и ведут себя так, словно никогда в нас и не существовали, — их можно обнаружить у окружающих, но только не в самом себе. К примеру, злобные абиссинцы нападают на итальянцев; или как в известном рассказе Анатоля Франса: два крестьянина живут в постоянной вражде. И, когда у одного из них спрашивают, почему он так ненавидит своего соседа, он отвечает: «Так ведь он живет на другом берегу реки!» Точь-в-точь как Франция и Германия. Мы, швейцарцы, во время (Первой) Мировой войны, как вам известно, имели возможность читать газеты и наблюдать, как этот специфический механизм, подобно артиллерийской перестрелке, срабатывал то на одном, то на другом берегу Рейна. Было совершенно ясно, что люди видят в своих соседях то, чего в самих себе не осознают.

93 Как правило, когда коллективное бессознательное констеллируется в больших социальных группах, то результатом становится публичное помешательство, ментальная эпидемия, которая может привести к революции или войне и т. п. Движения такого рода очень заразительны и практически непреодолимы — заражение происходит потому, что во время активизации коллективного бессознательного человек перестает быть самим собой, он попросту не принадлежит себе. И не просто участвует в движении, он и есть само движение. Если бы вы жили в Германии или оказались там на какое-то время, все ваши попытки защититься оказались бы тщетными. Эта заразительность буквально проникает под кожу. Вы человек, и, где бы вы ни жили, вы можете оградить себя от подобной заразы только путем сужения сознания, опустошая и обездушивая себя, насколько это возможно. Вы всего лишь пылинка, крупинка сознания, брошенная в океан жизни, существующий сам по себе. Но если вы не растворитесь и останетесь самими собой, то тут же заметите, что окружающая атмосфера поглощается вами, проникает вам под кожу. Невозможно жить в Африке или любой другой экзотической стране и не проникнуться ее атмосферой. Если вы живете в окружении желтых людей, то вы

⁷ О проецировании см. лекцию пятую. (Примечание переводчика.)

«пожелтеете» изнутри, из-под кожи. Подобного невозможно избежать, потому что, кем бы вы ни были — негром, китайцем, — все едино, в чем-то вы такие же человеческие существа, как и все остальные, ибо прежде всего вы — человек. В коллективном бессознательном все люди имеют похожие архетипы, независимо от цвета кожи у всех имеются глаза, сердце, печень и т. д. Неважно, что их кожа черного или желтого цвета. В каком-то смысле это остается важным — возможно, у какой-то расы по сравнению с вами отсутствует тот или иной исторический пласт. Разные расовые истории характеризуются различными уровнями мышления.

94 Изучая истории рас, как это делал я, можно сделать много интересных открытий. Например, исследуя северных американцев, я обнаружил, что каждый американец, поскольку он живет на земле аборигенов, несет в себе краснокожего индейца. Краснокожий, которого американец, возможно, никогда не видел, или негр, несмотря на всевозможные «только для белых», прочно вошли в американца и сделали его принадлежащим отчасти к нации «разноцветных»⁸. Эти вещи всецело бессознательны, и говорить о них следует лишь с просвещенными людьми. Нелегко, скажем, обсуждать с французом или немцем причины их взаимного недопонимания.

95 Не так давно я провел приятный вечер в Париже в обществе весьма образованных людей. Мы говорили о национальных различиях. «Вы цените ясность романского (латинского) духа, — сказал я, — поскольку мышление оказывается у вас подчиненным. Но латинское мышление в свою очередь уступает немецкому». Все насторожились. Я продолжил: «Зато ваши чувства непревзойденны, вдобавок абсолютно дифференцированы». Мои собеседники попросили разъяснения, и я ответил: «Отправляйтесь в кафе или на водевиль, да куда угодно, где поют или играют пьесы, и вы столкнетесь с весьма примечательным явлением. Вначале последует ряд гротескных и циничных пассажей, а затем внезапно на вас хлынет нечто сентиментальное. Потеря матерью ребенка, утраченная любовь или что-то на редкость патристическое — и тут никуда не деться от слез. Для вас соль и сахар

⁸ Jung C. G. Civilization in Transition // Jung C. G. C. W., vol. 10, pars. 94ff and 946ff.

должны быть в “одном флаконе”. Немец способен целый вечер потреблять одни только сладости. Француз же непременно прибавит туда и соль. Француз при встрече обязательно скажет, что счастлив познакомиться, даже если при этом он готов послать вас к черту. Немец же такому, ничего не значащему приветствию поверит. Прислав вам из магазина пару подтяжек, помимо обычной платы, он будет ждать вашей любви».

96 Для немцев вообще характерна подчиненность и недифференцированность чувственной функции. Если вы скажете об этом немцу, он оскорбится. Я бы тоже обиделся. Немец очень привязан к тому, что называется *Gemütlichkeit*, «уютом». Полная табачного дыма комната, где царит любовь и взаимопонимание, — это уютно, и никто не вправе этот уют нарушить. Все было бы понятно, но необходимо сделать одно замечание: это и есть та самая «ясность» подчиненного немецкого чувства. С другой стороны, француз, для которого всякое парадоксальное высказывание обидно, поскольку неясно, и англичанин, который считает, что лучшие мысли всегда не совсем понятны. Я согласен с этим, то же самое происходит и с чувствами, мыслями. Правдивые чувства, в которых вы слегка сомневаетесь, принесут вам только наслаждение. Мысль, в которой нет мягких противоречий, неубедительна.

97 Теперь рассмотрим вопрос: как достичь темной психической сферы человека? Я уже говорил вам, что это можно сделать с помощью трех методов анализа — теста словесных ассоциаций, анализа сновидений и метода активного воображения. Начнем с теста словесных ассоциаций⁹. Многим он может показаться старомодным, но я часто им пользуюсь, даже в криминальных случаях.

98 Эксперимент прост: я читаю перечень из ста хорошо знакомых слов, а тестируемый человек должен как можно быстрее отреагировать на каждое произнесенное мною слово другим, своим словом. Объясните пациенту, что от него требуется произнести первое пришедшее ему в голову слово. Фиксируйте время каждой реакции с помощью секундомера. Эксперимент после первого чтения повторяется снова. Вы повторяете слова-стимулы, и испытуемый должен воспроизвести

⁹ Jung C. G. *Studies in Word Association* // Jung C. G. C. W., vol. 2.

свои предыдущие ответы. В некоторых случаях его память дает «осечку», и воспроизведение оказывается затрудненным. Подобные сбои очень важны для исследователя.

99 Исходная идея теста была утопична — ментальные ассоциации. Тест оказался слишком примитивен для этого. Но именно ошибки, допущенные тестируемым, помогут вам кое-что узнать. Вы произносите элементарное слово, знакомое даже ребенку, а высокообразованный человек не может вам ответить. Почему? Просто это слово натолкнулось на то, что я называю комплексом. Комплекс — скопление психических характеристик, отмеченных специфическим, возможно, болезненным чувством, нечто, обычно тщательно скрываемое. Словно сквозь плотную оболочку *персоны* прорывается метательный снаряд и попадает в темный пласт психики¹⁰. Человек с комплексом денег, например, запнется на словах «покупать», «деньги», «платить».

100 Мы столкнулись более чем с двенадцатью различными типами нарушений реакции. Я остановлюсь на некоторых из них, и вы получите представление об их практической ценности. С практической точки зрения наиболее важно продление времени реакции. Чтобы выяснить это, необходимо рассчитать среднюю продолжительность реакции тестируемого. Среди других нарушений можно назвать следующие: реакция, состоящая более чем из одного слова (вопреки инструкции); при повторении слова допускается ошибка; реакция выражена не словом, а мимикой, смехом, движениями рук, тела, покашливанием, заиканием и т. д.; неполная реакция типа «да», «нет»; ассоциация может не соответствовать реальному значению стимульного слова; использование одних и тех же слов в качестве реакции; использование иностранного языка — у вас в Англии опасность этого не столь велика, а у нас подобное происходит довольно часто; неправильное воспроизведение, когда память не срабатывает в повторном эксперименте, а также полное отсутствие реакции.

101 Все эти реакции не контролируются волей и поэтому всегда истинны. Если вы подчинитесь условиям эксперимента, то с вами все

¹⁰ Юнг К. Г. Психология бессознательного. — М., 1995.

ясно, если же откажетесь от него, тоже станет понятным, почему вы не хотите этого делать. Если попытаться подвергнуть подобному эксперименту преступника, он может отказаться в нем участвовать, но это будет своеобразным разоблачением, ибо ясно, почему он отказывается. Если же он согласится, то сам приблизит развязку — обнаружение истины. В Цюрихе меня приглашают на судебные заседания в трудных случаях; мои выводы подводят итоги разбирательства.

102 Результаты теста можно проиллюстрировать диаграммой (рис. 5). Высота колонок отражает время реакции на каждое слово. Штриховая горизонтальная линия показывает среднее время реакции. Незакрашенные колонки обозначают реакции без нарушений, а заштрихованные — нарушенные реакции, время которых превышает среднее. В реакциях 7–10 мы наблюдаем целую серию нарушений.

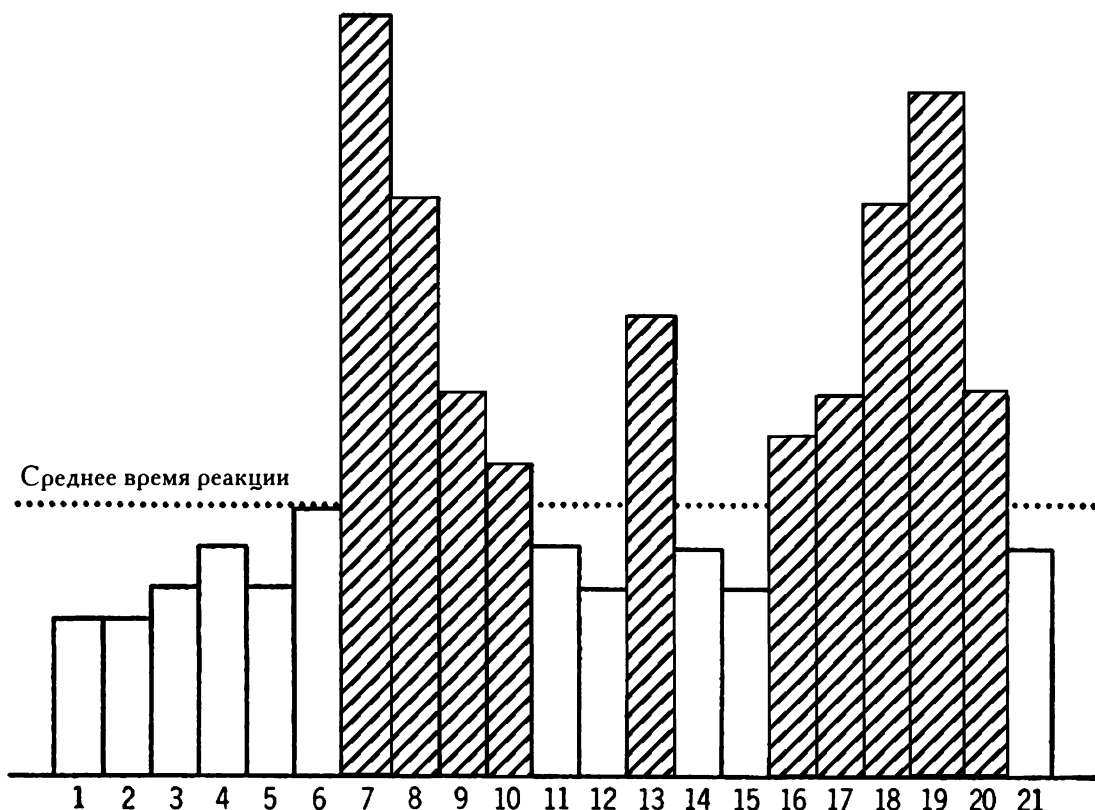

Рис. 5. Ассоциативный тест

Слова-стимулы: 7 — нож, 13 — копье, 16 — бить, 18 — острый, 19 — бутылка

Реакция 13 не входит в этот ряд, но вслед за ней идет еще одна серия нарушений (16—20). Необходимо отметить, что сам пациент не замечает отклонений в своих реакциях. Наиболее сильное нарушение мы наблюдаем в реакциях 18 и 19. В этом частном случае мы имеем дело с так называемым повышением чувствительности через бессознательные эмоции: когда критическое слово вызвало стойкую реакцию, а следующее оказалось созвучно первому, можно ожидать большего эффекта, чем от серии обычных ассоциаций. Это называется эффектом усиления чувствительности.

103 Может оказаться полезным применение этого эффекта в исследовании криминальных случаев. Для усиления эффекта критических слов-стимулов необходимо расположить их в определенной последовательности, чтобы они могли вызвать стойкую реакцию. Если тестируемый подозревается в совершении преступления, для него критическими будут слова-стимулы, содержащие прямой намек на преступление.

104 Тест, представленный на рисунке 5, был проведен со здоровым мужчиной тридцати пяти лет. Замечу, что я провел немало экспериментов с людьми различных социальных групп до того, как научился делать выводы из патологического материала. Если вы хотите знать, что беспокоило этого человека, взгляните на слова, вызывавшие нарушения реакции. Свяжите их, и у вас получится неплохое объяснение случившегося.

105 Итак, это был «нож», который вызвал четыре нарушенные реакции. Следующими словами-раздражителями были «копье», «ударить», «острый», «бутылка». Мне было вполне достаточно небольшой серии из пятидесяти слов, чтобы сказать: «Я не думал, что с вами могла случиться такая беда. Помните, вы были пьяны и ножом убили человека...». Потрясенный, он во всем мне признался. Этот человек был из уважаемой семьи. Будучи за границей, он попал в пьяную ссору, в которой ножом убил человека. Он просидел год в тюрьме, но скрывал это, ибо не хотел осложнять себе жизнь. На своем семинаре в Цюрихе я также провожу подобные эксперименты. Приглашаются все, кто желает в чем-то исповедаться. При этом я всегда прошу их принести какой-либо материал о другом человеке, которого они знают, а я — нет, и демонстрирую на конкретном

примере, как читать историю индивида. Это весьма интересное занятие; иногда случаются очень интересные открытия.

106 Я приведу другой пример. Много лет назад, когда я был еще молодым доктором, пожилой профессор криминологии спросил меня об эксперименте, выразив свое недоверие. Я предложил ему попробовать тест на себе. Он согласился, однако после десяти слов устал, и мне пришлось довольствоваться ими. Я сказал ему, что совсем недавно его беспокоили денежные дела, что он боится умереть от сердечного приступа. Возможно, он учился во Франции, там у него было любовное приключение. И, как это часто бывает, когда человеку приходят в голову мысли о смерти, память приносит светлые воспоминания из далекого прошлого. Как я мог это знать? Это мог понять даже ребенок! У человека семидесяти двух лет слово «сердце» ассоциировалось с «болью», «смерть» с «умирать» — естественная реакция, вызванная боязнью смерти. На слово «деньги» он отреагировал обычно — «слишком мало». Следующие ассоциации поразили меня: на «плату» он, после некоторого раздумья, ответил «La Semeuse». Это известное изображение на французской монете. Мы говорили по-немецки, почему же он употребил французское «La Semeuse» («сеятельница»)? Пришла очередь слову «поцелуй», была долгая реакция и ответ — «красивый». Теперь я мог представить события связно. Он ни за что бы не использовал французский, если бы это не было связано с определенными ощущениями. Какими? Неприятности с французским франком? Нет, в те дни о девальвации франка не было и речи. Я сомневался в том, что послужит ключом к разгадке: любовь или деньги, но реакция «поцелуй» — «красивый» убедила меня в том, что причина — любовь. Он был не из тех, кто едет во Францию в зрелые годы. Но в студенческие годы он был в Париже, изучал право, возможно, в Сорбонне. Теперь я мог с легкостью «соорудить» историю.

107 Бывают случаи, когда вы сталкиваетесь с настоящей трагедией. На рисунке 6 представлен тест, проведенный с женщиной тридцати пяти лет. Она лежала в клинике с диагнозом «шизофрения в депрессивной форме». Прогноз был удручающим. Она находилась под моим наблюдением, и я был не совсем согласен с таким диагнозом. Уже тогда у меня сложилась своя точка зрения на шизофрению: я думал,

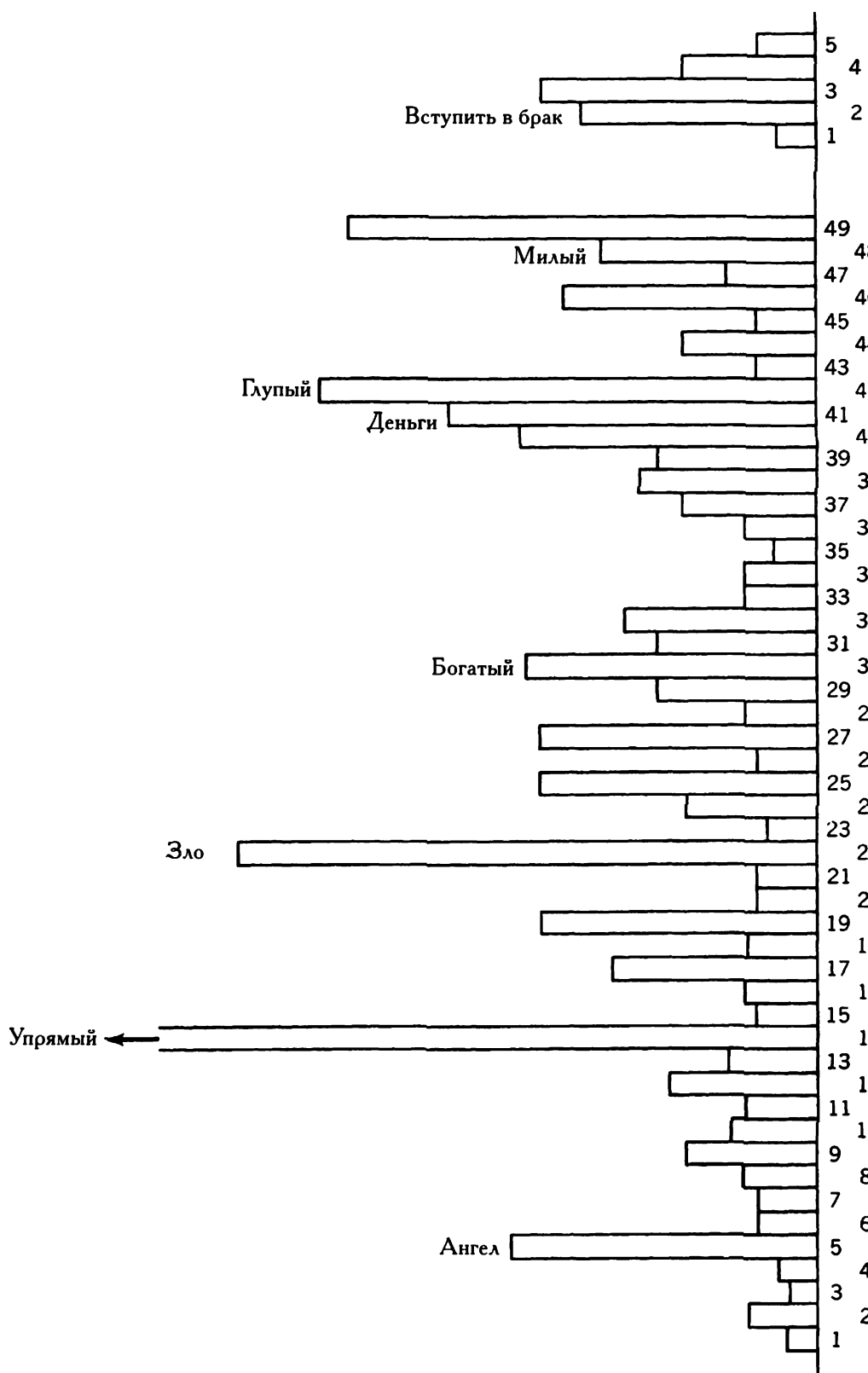

Рис. 6. Ассоциативный тест

что все мы в какой-то мере сумасшедшие. Я сделал анамнез, но не обнаружил ничего, что могло бы пролить свет на ее болезнь. Тогда я применил тест на ассоциации и сделал с его помощью немаловажные открытия. Первое нарушение было вызвано словом «ангел», а слово «упорный» привело к полному отсутствию реакции. У пациентки наблюдалось нарушение реакции на слова «зло», «богатый», «деньги», «глупый», «дорогой» и «женитьба». Эта женщина была замужем за преуспевающим и, по-видимому, довольным жизнью человеком. Я беседовал с ее мужем, и он лишь подтвердил ее слова о том, что депрессия началась спустя два месяца после смерти ее старшей четырехлетней дочери. Тест запутал меня окончательно, я не мог свести воедино и объяснить реакции моей пациентки. Вы тоже можете попасть в такую ситуацию, особенно если не так часто сталкивались с подобными заболеваниями. Начните со слов, которые не отражают сути вашего теста. Если же вы сразу попросите охарактеризовать наиболее сильные раздражители, то можете получить ложный ответ. Поэтому начните с нейтральных слов, и тогда вам гарантирован искренний ответ. Я начал с того, что спросил у пациентки, значит ли для нее что-нибудь слово «ангел». Заплавав, она сказала, что это ребенок, которого она потеряла. Значение слова «упорный» пациентка отрицала, сказав, что оно для нее ничего не значит. Я так и не смог ничего от нее добиться. Затем последовала серьезная негативная реакция на «зло». Она просто отказалась отвечать. Я не мог вытянуть из нее ни слова. «Голубой» ассоциировалось у нее с глазами умершего ребенка: «Они были удивительно голубые, когда она родилась, но это не были глаза моего мужа...» В результате выяснилось, что глаза у девочки были похожи на глаза бывшего возлюбленного ее матери. Мне удалось расположить пациентку к рассказу.

108 В небольшом городе, где она росла, жил богатый молодой человек. Она была из обеспеченной, но не именитой семьи. Он — богатый аристократ. Герой, о котором мечтала каждая девочка в том маленьком городке. Она была хорошенькой, верила в себя и надеялась. Но родители сказали, что он богат и вовсе не думает о ней. А вот мистер такой-то — милый человек, и почему бы ей не выйти за него замуж... Он вышла замуж и даже была счастлива первые пять лет своего

супружества, до тех пор, пока ее не навестил друг детства. В отсутствие мужа он сказал ей, что она причинила боль одному джентльмену (имелся в виду Герой), что он был влюблен в нее и ее брак оказался для него ударом. Это известие словно током пронзило нашу пациентку, но она сумела взять себя в руки. Через две недели она купала своих детей — мальчика двух и девочку четырех лет. Вода — это было не в Швейцарии — вызывала некоторые подозрения; как оказалось, она на самом деле была заражена тифозной палочкой. Мать заметила, что девочка тянет в рот губку для мытья, но не остановила ее. А когда мальчик попросил пить, она дала ему эту воду. В результате девочка заболела тифом и умерла, мальчика спасли. Получилось то, чего она втайне хотела (или дьявол в ней хотел), — возможность расторгнуть брак, с тем чтобы выйти замуж за другого. Получилось, что она совершила убийство. Сама она этого не знала: она излагала только факты, но выводов не делала. Однако именно она была в ответе за смерть ребенка, поскольку знала, что опасность заражения была. Передо мной встал вопрос: сказать ей о том, что она убийца, или лучше промолчать? Поясню: криминал ей не грозил, но такое «известие» могло бы ухудшить ее состояние. Учитывая неблагоприятный прогноз, я решил использовать шанс: если она осознает свой поступок, возможно выздоровление. Я собрался с духом и сказал: «Вы убили своего ребенка». Это был взрыв эмоций, они затмили все, но потом она пришла в себя. Через три недели мы ее выписали. Я наблюдал за ней в течение пятнадцати лет — рецидива не было. Депрессия психологически соответствовала ее случаю: она — убийца и должна понести наказание. Но вместо тюрьмы она оказалась в психиатрической лечебнице. Возложив тягостную ношу на ее сознание, я фактически спас ее от кары безумия. Признание греха дает силы жить дальше, в противном случае человек обрекает себя на неизбежные страдания.

ОБСУЖДЕНИЕ

Вопрос:

109 Я хочу вернуться к вчерашнему вечеру. Уже ближе к концу лекции, когда речь шла о высших и низших функциях, доктор Юнг сказал, что мыслительный тип пользуется своей чувствующей функцией архаически. Мне хотелось бы знать, истинно ли обратное? Действительно ли чувствующий тип, когда он пытается мыслить, мыслит архаически? Иными словами, должны ли мы неизменно видеть в мышлении и интуиции функции более высшие по сравнению с чувством и ощущением? Я спрашиваю об этом потому, что... насколько я понял из лекции, ощущение является самой низшей из сознательных функций, а мышление — наивысшей. В повседневной жизни мышление, конечно, выглядит более значительным. Когда профессор — не профессор Юнг, а вообще, — размышляя над своими исследованиями, думает о самом себе, то себя он считает и другим представляется высшим типом — высшим по сравнению с крестьянином, который говорит: «Иногда я сижу и думаю, а иногда просто сижу».

Профессор Юнг:

110 Я надеюсь, что не давал вам какого-либо повода считать, будто я отдаю предпочтение какой-либо из функций. Доминирующая функция у того или иного индивида всегда наиболее дифференцирована, но таковой может быть любая из функций. У нас нет абсолютно никаких критериев, на основании которых можно было бы сказать, что та или другая функция сама по себе является наилучшей. Мы можем лишь отметить, что данный индивид лучше всего адаптируется с помощью своей дифференцированной функции и что в наибольшем небрежении при этом оказывается подчиненная функция. Сейчас есть люди, считающие высшей функцией интуицию.

Утонченные люди предпочитают интуицию — это первоклассно! Человек ощущающего типа всегда считает других людей ниже себя: он уверен, что им недостает реализма. Он единственный — подлинный реалист, а все остальные — фантазеры, далекие от реальности. Каждый считает, что его первичная функция — ведущая. В этом вопросе все мы склонны к удручающей слепоте. Для понимания подлинной порядковой связи функций в нашем сознании необходим строгий психологический критицизм. Многие люди считают, что мышление способно решить все мировые проблемы. Но на самом деле истину невозможно установить без участия всех четырех функций. Когда вы размышляете о мире, то осуществляете лишь одну четвертую часть того, что требуется; оставшиеся три четверти могут выступить против вас.

Доктор Эрик Б. Штраус:

111 Профессор Юнг сказал, что тест словесных ассоциаций является средством, с помощью которого можно изучать содержания личного бессознательного. В приведенных же им примерах были обнаружены содержания сознания пациента, а не его бессознательного. Разумеется, при желании отыскать бессознательный материал пришлось бы сделать дальнейший шаг и заняться поиском свободных ассоциаций в тех зонах, где наблюдались аномальные реакции. Я имею в виду ассоциации, связанные со словом «нож», которые столь успешно вывели профессора Юнга на историю о том несчастном случае. Все это присутствовало в сознании пациента, но если бы слово «нож» имело бессознательные ассоциации, то мы могли бы, будь мы фрейдистски ориентированы, предположить, что оно связано с бессознательным комплексом кастрации или с чем-то подобным. Я не утверждаю этого, но мне непонятно, что профессор Юнг имеет в виду, когда он говорит, что посредством теста словесных ассоциаций мы достигаем бессознательного пациента. Определенно в сегодняшнем примере мы имеем дело с сознанием или с тем, что Фрейд, возможно, назвал бы предсознательным.

Профессор Юнг:

112 Я был бы очень рад, если бы вы более внимательно относились к тому, о чем здесь идет речь. Я говорил, что бессознательные феномены очень относительны. Если я не осознаю нечто, то не осознаю

это в весьма относительной форме; в каких-то других отношениях я могу об этом знать. В определенном смысле содержания личного бессознательного вполне сознательны, но вы не знаете их в определенном отношении или в определенный момент.

113 Как мы можем установить, является ли эта вещь сознательной или бессознательной? Вы просто спрашиваете об этом у людей. Никакого иного критерия для того, чтобы установить, сознательно ли нечто или нет, у нас нет. Вы спрашиваете: «Заметили ли вы у себя какие-нибудь колебания?» — и вам отвечают: «Нет, никаких колебаний не было; насколько я могу судить, я реагировал как обычно». — «Осознаете ли вы, что вас что-то беспокоило?» — «Нет». — «У вас нет никаких воспоминаний, связанных с вашим ответом на слово “нож”?» — «Нет, никаких». Неведение такого рода очень распространено. Когда меня спрашивают, знаю ли я такого-то человека, я могу сказать, что не знаю: я ведь просто могу его не вспомнить или, иначе говоря, не осознать, что знаю его; но, когда мне скажут, что я встречал его два года назад, что его зовут так-то и так-то, что он сделал то-то и то-то, я отвечу: «Конечно, я его знаю». Я знаю его — и не знаю. Все содержания личного бессознательного бессознательны относительно, включая и комплексы кастрации и инцеста. В определенном смысле они совершенно осознаны, хотя и бессознательны в других. Относительность сознания становится совершенно очевидной в случае истерии. Очень часто оказывается, что некоторые вещи, которые кажутся бессознательными, выглядят таковыми лишь для врача, но не для медсестер или родственников.

114 Как-то в известной клинике в Берлине мне довелось наблюдать интересный случай; речь шла о множественных саркомах спинного мозга, и, хотя диагноз был поставлен знаменитым неврологом, перед которым я, можно сказать, трепетал, я все же настоял на проведении анамнеза, который принес великолепный результат. Я спросил о том, когда появились симптомы, и выяснил, что все началось вечером того дня, когда единственный сын этой женщины женился и покинул ее. Она была вдовой, очевидно, обожавшей своего сына, и я сказал: «Это не саркома, а обычная истерия, в чем можно теперь же убедиться». Профессор ужаснулся, уж не знаю чему — моему «непрофессионализму», бестактности или еще чему-то, и мне пришлось уйти.

Но кто-то побежал за мной на улицу. Это была медсестра, которая сказала: «Доктор, я хочу вас поблагодарить за то, что вы сказали, поскольку тут-таки и была истерия. Я всегда так думала».

Доктор Эрик Грэхем Хоу:

115 Могу ли я вернуться к тому, что сказал доктор Штраус? Вчера вечером профессор Юнг упрекнул меня в произвольном употреблении слов, но, на мой взгляд, очень важно, чтобы эти слова были ясно поняты. Хотелось бы знать, задумывались ли вы над тем, что произойдет, если тест словесных ассоциаций будет применен к словам «мистика» или «четвертое измерение»? Я уверен, что реакция у вас существенно замедлится и всегда, когда будут упоминаться эти слова, вы будете наполняться гневом. Я предлагаю вернуться к идее о четырехмерности, которая, как мне думается, в этой связи может помочь нашему пониманию. Доктор Штраус использует слово «бессознательное», но его, как я понял из высказываний профессора Юнга, как такового нет, а есть лишь относительное бессознательное, зависящее от степени осознанности. Согласно сторонникам Фрейда, имеется некое место, вещь, реальность, называемая бессознательным. Согласно профессору Юнгу, насколько я его понял, такой вещи нет. У него речь идет об изменчивой среде отношений, а у Фрейда — о статичной среде несвязанных сущностей. Проще говоря, Фрейд трехмерен, а Юнг в своей психологии в целом четырехмерен. По этой причине я бы, с вашего позволения, подверг критике схематизированную систему Юнга за то, что тут нам предлагается трехмерное изображение четырехмерной системы, статичное изображение того, что является функционально динамичным; но, пока это не будет разъяснено, фрейдовская терминология все время будет сбивать нас с толку, и мы не сможем ничего понять. Поэтому я настаиваю на необходимости уточнения используемых слов.

Профессор Юнг:

116 Хотелось бы надеяться, что доктор Грэхем Хоу не будет столь категоричным в своих суждениях. Вы правы, но не стоит заводить этот разговор. Как я уже объяснил, я стараюсь исходить из наиболее умеренных предположений. Вы как раз и коснулись этого, заговорив о четырех измерениях и слове «мистика». Вы говорите, что на эти слова-стимулы у всех нас будет замедленная реакция. Вы совершенно

правы, мы все легко уязвимы, ибо только начинаем двигаться по избранному пути. Я согласен с вами в том, что очень трудно поддерживать в психологии ее живой дух и не сводить ее к статичным сущностям. Естественно, что необходимо выражаться на понятийном языке четвертого измерения, когда вы вводите временной фактор в трехмерную систему. Когда вы говорите о динамике и о процессах, то вам необходим временной фактор, но, поскольку вы используете само слово «четырёхмерный», против вас восстают все предрассудки этого мира. Это слово-табу, о котором не следует упоминать. Оно имеет свою историю, и мы должны быть крайне осторожными в обращении с подобными вещами. Чем дальше мы продвинемся в понимании психического, тем более внимательно нужно обращаться с терминологией, поскольку каждое слово имеет множество исторических параллелей и с ним связана масса предрассудков. Чем глубже мы проникаем в фундаментальные проблемы психологии, тем больше касаемся философских, религиозных и моральных предрассудков. Поэтому с некоторыми вещами следует обращаться крайне осторожно.

Доктор Хоу:

117 Данная аудитория предпочитает более провокационную манеру изложения. Возможно, я скажу нечто необдуманное. Ни вы, ни я не рассматриваем Эго как прямую линию. Мы скорее привыкли рассматривать в качестве истинной формы самости четырехмерную сферу, одним из аспектов которой является трехмерная схема. Если это так, можете ли вы ответить на вопрос: «Каковы масштабы той самости, которая в четырех измерениях предстает как движущаяся сфера?» Я предполагаю такой ответ: «Это сама вселенная, включающая ваше понятие коллективного расового бессознательного».

Профессор Юнг:

118 Я был бы очень признателен, если бы вы повторили этот вопрос.

Доктор Хоу:

119 Насколько велика эта сфера, представляющая собой четырехмерную самость. Я не в силах удержаться от ответа и не сказать, что она столь же велика, как и космос.

Профессор Юнг:

120 По сути, это чисто философский вопрос, и ответ на него требует серьезного обращения к теории познания. Мир — это наша картина.

Лишь по-детски мыслящие люди воображают, что мир таков, каким мы его себе представляем. Образ мира является проекцией мира самости, в то время как последняя является интроекцией внешнего мира. Лишь особый разум философа способен заглянуть по ту сторону этой привычной картины мира, населенной статичными и изолированными друг от друга вещами. Выйдя за пределы этой картины, вы рискуете вызвать потрясение в обыденном сознании: вздрогнет и зашатается все мироздание, самые сокровеннейшие убеждения и надежды окажутся помятыми, и я не вижу необходимости расшатывать устоявшийся порядок вещей. Это не принесет пользы ни пациентам, ни врачам; хотя, возможно, это то, что полезно философам.

Доктор Ян Д. Сатти:

121 Я бы хотел возвратиться к вопросу доктора Штрауса. Я понимаю, что имеет в виду доктор Штраус, и, думается, могу понять, что имеет в виду профессор Юнг. Насколько я могу судить, профессору Юнгу не удалось сколько-нибудь убедительно связать свои рассуждения с тем, что сказал доктор Штраус. Доктор Штраус хотел узнать, как тест словесных ассоциаций может выявить фрейдовское бессознательное, т. е. тот материал, который в настоящее время вытеснен из сознания. Насколько я понимаю профессора Юнга, он имеет в виду фрейдовское Id (Оно). Мне кажется, что нам следует формулировать свои идеи достаточно четко с тем, чтобы их можно было сопоставлять, а не просто использовать в привычном для своей школы смысле.

Профессор Юнг:

122 Я вынужден повторить снова, что мои методы не открывают теорий, а служат открытию фактов, и я рассказываю вам, какого рода факты я открываю с помощью этих методов. Я не могу обнаружить комплекс кастрации, или вытесненный инцест, или что-нибудь в этом роде, ибо нахожу только психологические факты, а не теории. Боюсь, вы слишком часто путаете теорию с фактом, и поэтому вас, возможно, разочарует то, что эксперимент не подтверждает наличия комплекса кастрации и подобных вещей, что и неудивительно, поскольку комплекс кастрации — это теория. То, что вы обнаруживаете с помощью ассоциативного метода, есть определенные факты, о которых мы прежде ничего не знали и о которых в определенном

специфическом отношении не знал и сам тестируемый. Я не отрицаю того, что он их знал в каком-то ином смысле. Есть много вещей, о которых вы знаете на работе и не знаете дома, но также и дома вы знаете множество таких вещей, о которых не знаете в рабочей обстановке. В одном положении вам это известно, а в другом — нет. Это мы и называем бессознательным. Я должен повторить, что невозможно проникнуть в бессознательное эмпирическим путем, а затем открыть, скажем, фрейдовскую теорию комплекса кастрации. Комплекс кастрации является мифологической идеей, но как таковой он не обнаруживается эмпирически. В действительности мы находим определенные факты, сгруппированные специфическим образом, и в соответствии с историческими или мифологическими параллелями даем им название. Вы не можете выявить мифологический мотив, вы можете обнаружить мотив личный, и не более, причем последний никогда не возникает в форме теории, он лишь живой факт человеческой жизни. Исходя из него, можно выстроить теорию — фрейдовскую, адлеровскую или любую другую. Можно думать о фактической стороне мира все, что вам угодно, но в результате теорий будет столько же, сколько людей, ломающих над ними голову.

Доктор Сатти:

123 Я протестую! Меня не интересует та или иная теория, меня не интересует, какие факты обнаружены, а какие нет, но я заинтересован в обретении средств коммуникации, с помощью которых каждый может узнать, что думают другие, и поэтому я настаиваю на том, чтобы мы определили наши понятия. Мы должны знать, что другие подразумевают под тем или иным понятием, таким, например, как бессознательное Фрейда. Что касается слова «бессознательное», оно уже всем более или менее понятно. Оно является общепризнанным и достаточно разъяснено, но Юнг отказывается понимать слово «бессознательное» в том смысле, которым наделил его Фрейд, и употребляет его как то, что Фрейд называет Ид, или Оно.

Профессор Юнг:

124 Слово «бессознательное» не является изобретением Фрейда. Оно было известно в немецкой философии задолго до него Канту, Лейбницу и другим, и каждый из философов давал данному термину собственное определение. Я прекрасно знаю, что существует множество

разных концепций бессознательного, и своими скромными попытками что-то сделать в этом направлении лишь стремился высказать о нем свое собственное мнение. Это вовсе не значит, что я недооцениваю заслуги Лейбница, Канта, фон Гартмана и других великих мыслителей, включая Фрейда, Адлера и т. д. Я просто объясняю вам, что я сам подразумеваю под бессознательным, и предполагаю, что вы все достаточно хорошо осведомлены о мнении Фрейда на этот счет. Я вовсе не думал, что в мою задачу входит объяснение вещей таким образом, чтобы все сторонники фрейдовской теории, отдающие ей предпочтение, тотчас же отказались от своей веры. У меня нет намерения разрушать ваши воззрения и теоретические позиции. Я просто предлагаю собственную точку зрения, и если кому-то покажется, что она тоже имеет смысл, то этого и достаточно. Мне совершенно безразлично, какие у кого представления о бессознательном, иначе мне бы пришлось срочно садиться за длинную диссертацию о том, как понимали бессознательное Лейбниц, Кант и фон Гартман.

Доктор Сатти:

125 Доктор Штраус спросил, как соотносится ваше понимание бессознательного с фрейдовским. Можно ли установить между ними ясную и определенную взаимосвязь?

Профессор Юнг:

126 Доктор Грэхем Хоу ответил на этот вопрос. Фрейд рассматривает умственные процессы как статичные, в то время как я говорю о них в терминах динамики и взаимосвязи. Для меня все является относительным. Нет ничего однозначно бессознательного: это лишь то, что не представлено сознательному разуму в определенном свете. Можно выдвигать самые различные предположения относительно того, почему та или иная вещь известна в одном аспекте и неизвестна в другом. Единственное исключение я делаю для мифологического паттерна: у меня есть фактические подтверждения того, что он глубоко бессознателен.

Доктор Штраус:

127 Безусловно, существует разница между использованием вашего теста словесных ассоциаций в качестве детектора лжи при раскрытии преступлений и для обнаружения с его помощью, скажем так,

бессознательной вины. Преступник сознает свою вину, равно как сознает и свой страх быть разоблаченным. Невротик же не знает ни о своей вине, ни о том, что он ее боится. Можно ли пользоваться одной и той же техникой в этих двух столь разных случаях?

Председательствующий:

128 Та женщина не осознавала своей вины, хотя и позволила ребенку сосать губку.

Профессор Юнг:

129 Я покажу вам разницу экспериментальным путем. На рисунке 7 мы имеем схематическое изображение дыхания тестируемого во время проведения теста словесных ассоциаций. Вы видите четыре серии по семь вдохов и выдохов, зарегистрированных после предъявления слов-стимулов. Диаграмма отражает типичную для множества тестируемых зависимость дыхания от нейтральных и критических стимулов.

130 Серия «А» показывает, как протекает дыхание после индифферентных слов-стимулов. Вдохи, идущие сразу после слов-стимулов, ниже нормы, а затем следует нормализация.

131 В серии «В» слово-стимул было критическим, и объем дыхания существенно снижен, порой более чем в два раза по сравнению с нормой.

132 В серии «С» дана динамика дыхания после слова-стимула, относящегося к комплексу, осознаваемому тестируемым. Первый вдох почти нормальный, и лишь затем происходит некоторое уменьшение объема дыхания.

133 Серия «D» соответствует дыханию после слова-стимула, относящегося к такому комплексу, который не осознается тестируемым. В этом случае первый вдох явно слаб, и те, что идут вслед за ним, несколько ниже нормы.

134 Представленные диаграммы наглядно демонстрируют различие между реакциями, соответствующими сознательным и бессознательным комплексам. В серии «С», например, комплекс явно является сознательным. Слово-стимул задевает тестируемого за живое, и следует глубокий вдох. Но, когда слово-стимул ударяет по бессознательному комплексу, объем дыхания, как показывает диаграмма «D» (ее первая колонка), уменьшается. Имеет место спазм грудной клетки — дыхание практически замирает. Таким образом можно

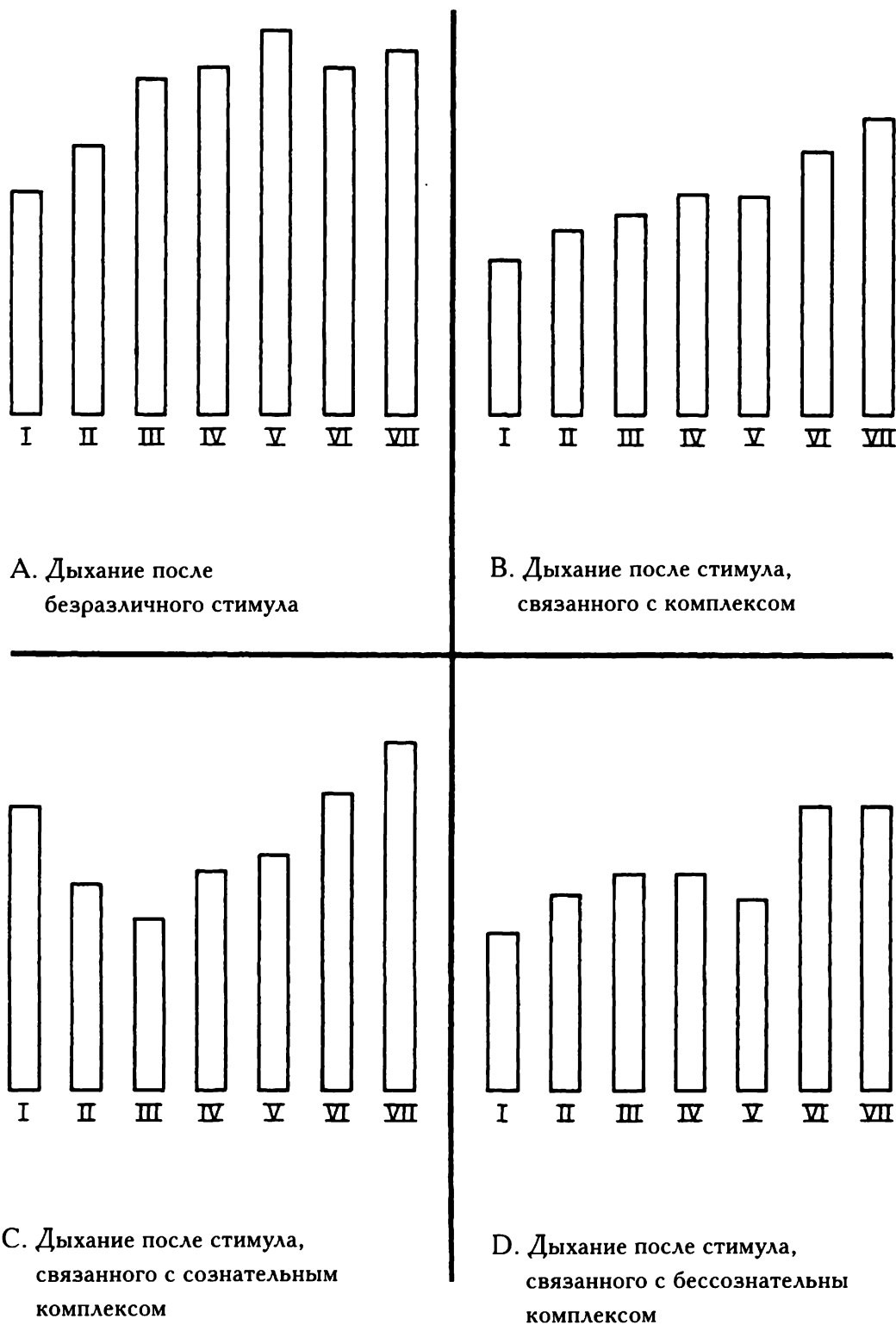

Рис. 7. Тест словесных ассоциаций (дыхание)

эмпирически подтвердить различие между сознательными и бессознательными реакциями¹¹.

Доктор Уилфред Р. Байон:

135 Вы провели аналогию между архаическими формами тела и архаическими формами сознательного разума. Это просто аналогия, или имеет место более тесная связь? Из того, что вы сказали вчера вечером, можно сделать вывод о том, что вы признаете наличие связи между сознательным разумом и мозгом; недавно в «British Medical Journal» был опубликован диагноз, поставленный вами на основании сна и свидетельствовавший об органическом расстройстве¹². Если отчет об этом случае является точным, то мы получаем очень важное подтверждение, и мне хотелось бы знать, не считаете ли вы, что между этими двумя формами архаического выживания существует более тесная связь. Сон, сообщенный пациентом доктора Дэви, был таков: «Кто-то сзади непрерывно спрашивал у меня что-то о смазке какого-то механизма. Говорилось, что лучшим смазочным средством является молоко. Я же, по-видимому, считал, что предпочтительнее будет использовать илистую грязь. Затем, когда был осушен пруд, среди ила обнаружили двух ископаемых животных. Один был маленький мастодонт, а кто второй — я забыл». Комментарий Дэви: «Я подумал, что было бы интересно представить этот сон Юнгу и спросить, какова его интерпретация. Несмотря на то, что в этом сне было множество психологических ответвлений, Юнг нисколько не сомневался, что заболевание в своей основе было не психологическим. По его мнению, сон свидетельствовал об органическом расстройстве. Осушение водоема он проинтерпретировал как ухудшение циркуляции спинномозговой жидкости».

Профессор Юнг:

136 Вы вновь касаетесь противоречивой проблемы психофизического параллелизма, на которую нет ответа, ибо она находится за пределами возможностей человеческого познания. Как я пытался объяснить вчера, обе вещи — психический факт и факт физиологический —

¹¹ См. сноску выше, после пар. 48.

¹² См.: Davie T. M. Comments upon a Case of «Periventricular Epilepsy» // British Medical Journal.— 1935.— № 3893(Aug.).— P. 293—297.

некоторым образом происходят совместно. Они происходят совместно и являются, как я полагаю, попросту двумя разными аспектами лишь нашего сознательного разума, но не самой реальности. Мы рассматриваем их как два разных явления в силу крайней неспособности нашего сознательного разума помыслить о них совместно. Вследствие возможного единства этих двух вещей следует ожидать появления сновидений, которые в большей степени окажутся физиологическими, чем психологическими, точно так же, как существуют сны более психологические, нежели физиологические. Сон, о котором вы упомянули, был явным выражением органического расстройства. Такие «органические репрезентации» хорошо известны в древней литературе. Античные и средневековые врачи пользовались подобными снами для установления диагнозов. Я не проводил физического осмотра пациента, о котором вы упомянули. Просто я выслушал его историю, узнал о содержании его сна и высказал свое мнение. У меня были и другие случаи, например, очень сомнительный случай прогрессирующей мускульной атрофии у молодой девушки. Я спросил о ее сновидениях: у нее было два чрезвычайно колоритных сна. Мой коллега — человек, знакомый с психологией, — считал, что это, должно быть, случай истерии. Истерические симптомы здесь действительно имели место, так что было неясно, была ли это прогрессирующая мускульная атрофия или нет; но на основе анализа сновидений я пришел к заключению, что это было органическое заболевание, и в дальнейшем мой диагноз подтвердился. Это было органическое расстройство, и сны определенно указывали на органику. Согласно моей идее о единстве психического и телесного, это и должно было быть так; удивительно, если бы было иначе¹³.

Доктор Байон:

137 Будете ли вы говорить об этом дальше, когда речь пойдет о сновидениях?

Профессор Юнг:

138 Боюсь, что не могу входить в такие подробности; сама тема слишком специальная. На самом деле это предмет особого переживания и опыта, и попытка его изложения оказалась бы очень трудоемкой. Описать

¹³ Юнг К. Г. Практика психотерапии. — СПб., 1998, пар. 344 и далее.

сжато те критерии, с помощью которых я анализирую сны, практически невозможно. Сон, который вы упомянули, содержал образ маленького мастодонта — помните? Для того чтобы показать реальное значение этого мастодонта в органическом аспекте и объяснить, почему я должен рассматривать этот сон как органический симптом, придется начать с таких аргументов, после которых меня можно обвинить в страшном мракобесии. Но здесь действительно все окутано мраком. Мне пришлось бы изъясняться на языке базального разума, мыслящего архетипическими паттернами. Когда я говорю о мифологических паттернах, люди, осведомленные об этих вещах, понимают, о чем идет речь, но если вы не в курсе, то подумаете: «Этот парень точно сошел с ума — он говорит о мастодонтах и их отличии от змей и коней». Прежде чем вы смогли бы оценить сказанное мной, мне потребовалось бы прочитать курс примерно в четыре семестра по символизму.

139 В этом-то и вся загвоздка: между тем, что об этих вещах общеизвестно, и тем, что я наработал за долгие годы, имеется значительное расхождение. Даже если бы я выступал перед медицинской аудиторией, мне пришлось бы вести речь не только об особенностях ментального уровня и цитировать Жане, но и заговорить по-китайски. Например, я бы сказал, что понижение ментального уровня в определенном случае доходит до уровня манипура чакра, т. е. до уровня пупка. Мы, европейцы, не единственные люди на Земле. Мы всего лишь полуостров на азиатском материке, населенном древними цивилизациями, представители которых тысячелетиями упражняли свой разум в интроспективной психологии, тогда как мы занялись психологией даже не вчера, а только нынешним утром. Эти люди достигли просто-таки фантастических прозрений, и, для того чтобы понять некоторые факты, связанные с бессознательным, я был вынужден заняться Востоком. Мне потребовалось вернуться назад, чтобы понять восточный символизм. Вскоре я опубликую небольшую книгу, посвященную лишь одному символическому мотиву¹⁴; вас бы это шокировало. Мне пришлось

¹⁴ Мотив мандалы — в лекции «Traumsymbole des Individuationsprozesses», прочитанной Юнгом двумя неделями раньше, она была напечатана в «Eranos-Jahrbuch» за 1935 год.

заняться не только китайским и хинди, но также и литературой, написанной на санскрите, средневековыми латинскими манускриптами, неизвестными даже специалистам, — об этом можно справиться в Британском музее. Только располагая таким обширным материалом параллелей, можно начать ставить диагнозы и судить, является ли тот или иной сон органическим или нет. Пока люди не освоят этой области знаний, я буду казаться не более чем ку-десником или колдуном. Это называется фокус-покус, магическая манипуляция. В средние века люди могли спросить: «Как вы можете видеть, что у Юпитера есть спутники?» Предположим, вы бы ответили, что у вас есть телескоп,

140 Я не собираюсь этим хвастаться. Но меня всегда озадачивает, когда мои коллеги спрашивают: «Как вы поставили такой диагноз или пришли к такому заключению?» Я отвечаю: «Хорошо, я объясню, но для начала мне придется растолковать, что вы должны знать для того, чтобы быть в состоянии это понять». Я ощутил это на себе, когда знаменитый Эйнштейн был профессором в Цюрихе. Он тогда начинал работать над своей теорией относительности. Мы часто виделись, нередко он бывал у меня дома, и я выпрашивал у него об этой теории. Я лишен математического дара, и нужно видеть, чтобы представить, с какими мучениями этот бедняга объяснял мне, что такое относительность. Он не знал, как это сделать. Я готов был провалиться сквозь землю и чувствовал себя полностью никчемным, видя, как он мучается со мной. Но однажды он спросил меня о чем-то из области психологии. Тут-то я и взял реванш.

141 Особое знание ставит в ужасно невыгодное положение. Оно заводит вас настолько далеко, что вы уже ничего не можете объяснить. Вам придется смириться с тем, что я буду говорить вам элементарные, на первый взгляд, вещи, ибо, лишь зная о них, вы сможете понять, почему я делаю те или иные выводы. Я приношу извинения, поскольку у нас не так много времени и я не могу рассказать вам все. Переходя к снам, я отдаю себя во власть вашего суждения и рискую быть признанным полным дураком, поскольку я не в состоянии предоставить вам все те материалы, все те исторические свидетельства, на которых строятся мои заключения. Я буду вынужден по кусочкам цитировать

литературу Индии и Китая, средневековые тексты, т. е. все те вещи, которые вы не знаете. Да и как бы вы могли знать? Я сотрудничаю со специалистами из других областей знания, и они помогают мне. Среди них был и мой покойный друг профессор Вильгельм, синолог; я работал вместе с ним. Он перевел даосский текст и попросил меня прокомментировать его с психологической точки зрения, что я и сделал ¹⁵. Мой рассказ будет полон новшеств для синолога, но то, что может рассказать он, будет столь же неожиданным для нас. Китайские философы не были глупцами. Это мы считаем, что древние просто глупы, но они были ничем не хуже нас. Это были чрезвычайно мудрые люди, и психология могла бы неустанно учиться у древних цивилизаций, особенно у Индии и Китая. Бывший президент Британского антропологического общества как-то спросил меня: «Почему же такие высокоразвитые люди, как китайцы, не имеют своей науки?» Я ответил: «У них есть наука, но вы не понимаете ее. Она не основывается на принципе причинности. Причинность не единственный принцип; она достаточно условна (относительна)».

142 Кто-то может возразить: «Что за глупость считать причинность условностью!» Однако взгляните на современную физику! Восток строит свое мышление и систему оценки фактов исходя из иного принципа. У нас для его обозначения нет даже названия. На Востоке, естественно, есть обозначающее его слово, но мы его не понимаем. Таким восточным словом является Дао. У моего друга МакДугалла ¹⁶ был китайский студент, которому он задал вопрос: «Что именно ты понимаешь под Дао?» Типично западный вопрос! Китаец объяснил, что такое Дао, но МакДугалла ответ не удовлетворил: «Что-то мне пока непонятно». Тогда китаец вышел на балкон и сказал: «Что вы видите?» — «Я вижу улицу, дома, людей, прогуливающихся или едущих в трамваях». — «Что еще?» — «Я вижу холм». — «А еще?» — «Деревья». — «А еще?» — «Дует ветер». Китаец распростер руки и сказал: «Это Дао».

¹⁵ The Secret of the Golden Flower (Китайский текст был переведен Рихардом Вильгельмом. Комментарий Юнга см.: Jung C. G. Alchemical Studies // Jung C. G. C. W., vol. 13.).

¹⁶ Уильям МакДугалл (1871–1938) — американский психиатр.

143 В этом-то все и дело. Дао может быть чем угодно. Для его обозначения я пользуюсь иным, достаточно узким термином. Я называю его синхронией. Когда восточный разум наблюдает совокупность фактов, он воспринимает ее как таковую, а западный разум разделяет ее на отдельные сущности, на малые элементы. Например, вы смотрите на некоторое скопление людей и говорите: «Откуда они все пришли?» или «Зачем они собрались вместе?» Восточный разум это абсолютно не интересует. Восточный разум говорит: «Что означает, что эти люди собрались вместе?» Для западного разума такой проблемы нет. Нас интересует, зачем вы сюда пришли и что вы здесь собираетесь делать. Для восточного разума все не так: его интересует то, что вы вместе.

144 Вот как это выглядит: вы стоите на морском берегу, и волны выбрасывают старую шляпу, старую коробку, ботинок, мертвую рыбу, и все эти вещи остаются лежать на берегу. Вы говорите: «Случай, бессмыслица!» А китайский разум задает вопрос: «Что означает, что эти вещи находятся вместе?» Китайский разум экспериментирует с этим «быть вместе», «прийти вместе в какой-то момент»; у него есть свой, неизвестный на Западе, но играющий значительную роль в восточной философии экспериментальный метод. Это метод предвосхищения возможностей, и он все еще используется японским правительством при решении политических вопросов — так было, например, во время (Первой) Мировой войны. Этот метод был сформулирован еще в 1143 г. до Р. Х.¹⁷

¹⁷ См.: The I Ching, or Book of Changes / Tr. by W. Baynes. — 3rd edn. Рус. пер. — Книга перемен (И-Цзин). — М., 1991.

III ЛЕКЦИЯ

Председательствующий (доктор Морис Б. Райт):

145 Дамы и господа! Нынешним вечером мне выпала честь быть председателем на лекции профессора Юнга. Двадцать один год назад мне также довелось встречать профессора Юнга, когда он прибыл в Лондон с серией докладов¹, но тогда, однако, аудиторию составляла очень малая группа психологически мыслящих врачей. Я помню очень хорошо, как после наших встреч мы отправлялись в небольшой ресторан в Сохо и беседовали там до самого закрытия заведения. Естественно, мы пытались выведать у профессора Юнга все, что могли. Когда я прощался с профессором, он сказал мне — без особой серьезности: «Я думаю, вы экстраверт, который стал интровертом». Честно говоря, я до сих пор размышляю над этим.

146 А теперь, дамы и господа, только одно слово о вчерашнем вечере. Я думаю, профессор Юнг дал нам прекрасную картину своих взглядов и своей работы, когда упомянул о роли телескопа. С помощью телескопа человек, естественно, может увидеть значительно больше, чем невооруженным глазом. Именно такова позиция профессора Юнга. Благодаря своим особым очкам, своим совершенно специфическим исследованиям он приобрел знание и видение глубины человеческой психики, которых многим из нас как раз и недостает. Конечно, в пределах нескольких лекций невозможно дать более, чем сжатый очерк того видения, которым он владеет. Поэтому, по моему, если что-то и может показаться неясным или окутанным мраком, то это не вопрос обскурантизма, а проблема очков. Моя собственная беда заключается в том, что моя аккомодационная мышца уже окостенела, и я вряд ли увидел бы предлагаемую картину со всей ясностью, даже если бы профессор Юнг и смог одолжить мне свои

очки. Однако это все же возможно, и я знаю, с каким трепетом мы ловим каждое сказанное им слово, как оно стимулирует наше мышление, особенно в той области, где умозрение столь легко, а доказательства весьма трудны.

Профессор Юнг:

147 Дамы и господа! Я должен был завершить свою лекцию о тесте словесных ассоциаций вчера, но вынужден нарушить регламент. Поэтому вы должны простить меня за то, что я вновь к этому возвращаюсь. И это вовсе не из-за того, что я отдаю какое-то особенное предпочтение ассоциативным тестам. Я пользуюсь ими лишь тогда, когда это необходимо, но они действительно составляют основу определенных понятий. В прошлый раз я говорил вам о характерных расстройствах, и, думаю, было бы неплохо кратко суммировать все то, что следует сказать о самих результатах эксперимента, а именно о комплексах.

148 Комплекс является агломерацией, или совокупностью, ассоциаций, чем-то вроде слепка более или менее сложной психологической природы — иногда травматического, иногда просто болезненного аффектированного характера. Человеку в состоянии напряжения достаточно трудно управлять собой. Я, например, не без колебаний приступаю к важному для меня делу. Вы, наверное, заметили, задавая мне непростые вопросы, что я не могу ответить на них мгновенно, без промедления. Время моей реакции продолжительно именно потому, что вопрос серьезен. Я начинаю запинаться, и память не подает мне необходимый материал. Подобные нарушения — тоже комплекс, несмотря на то что лично я данным комплексом не страдаю. Такие ситуации связаны с физиологическими реакциями: сердечной деятельностью, давлением крови, дыханием, состоянием желудочного тракта, раздражимостью кожи. Комплекс, что называется, «сидит» в теле, делает его неуправляемым. Имея свои «корни» в теле человека, задевая его нервную систему, комплекс вызывает трудноустранимую реакцию. То, что имеет небольшую эмоциональную значимость и невысокий тонус, с легкостью может быть устранено, поскольку лишено корней в организме. Такие комплексы не столь цепки и «прилипчивы».

149 Дамы и господа, это приводит меня к весьма важному выводу: к тому, что комплекс с присущей ему энергией имеет тенденцию

образовывать как бы отдельную маленькую личность. У него есть некое исходное тело и в определенной степени собственная физиология. Он может расстроить желудок, нарушить дыхание, изменить сердечный тонус — словом, ведет себя как парциальная личность. К примеру, когда вы хотите сказать или сделать что-то и, к несчастью, комплекс вмешивается в это намерение, то вы говорите или делаете совсем не то, что намеревались. Подобные свойства просто вынуждают нас говорить о наличии определенной силы воли комплекса. Когда мы говорим о силе воли, правомочен вопрос об Эго. Где находится Эго, принадлежащее воле того или иного комплекса? Нам известен наш собственный Эго-комплекс, который, как предполагается, полностью распоряжается телом. Но, хотя это далеко не так, все же допустим, что речь идет о некоем центре, обладающем полной властью над телом, что существует некий фокус, который мы называем Эго, и что это Эго обладает волей и может что-то делать со своими компонентами. Кроме того, Эго представляет собой совокупность (агломерацию) высокочувствительных содержаний, так что нет принципиальной разницы между Эго-комплексом и другими комплексами.

150 Поскольку комплексы в определенной мере обладают волей, то есть своего рода Эго, то можно обнаружить, что в состоянии шизофрении комплекс высвобождается из-под сознательного контроля до такой степени, что становится видимым и слышимым. Он проявляется в форме видений, говорит голосами, похожими на голоса определенных людей. Эта персонификация комплексов сама по себе еще не обязательно является патологией. В снах, например, наши комплексы появляются в персонифицированном виде. Можно натренировать себя до такой степени, что они приобретут внешнюю форму и в бодрствующем состоянии. В цикле тренировок йоги есть специальное упражнение по расщеплению сознания на отдельные компоненты, каждый из которых обнаруживает себя в форме отдельной личности. В психологии бессознательного есть типичные фигуры, имеющие свою собственную определенную жизнь².

² Например, фигуры анимы и анимуса. Подробнее см.: Юнг К. Г. Психология бессознательного. — М., 1994, с. 276 и далее.

151 Все это объясняется фактом безусловной иллюзии того, что понимается под единством сознания. Здесь желаемое принимается за действительное. Нам хотелось бы думать, что мы есть нечто единое, одно целое, но это далеко не так. В действительности мы не хозяева в собственном доме. Нам бы хотелось верить в свою волю, и в свою энергию, и в то, что мы можем что-то сделать; но в действительности оказывается, что мы способны на это лишь в определенной степени, поскольку нам мешают эти маленькие черти — комплексы. Комплексы являются автономными группами ассоциаций, имеющими тенденцию жить своей собственной жизнью отдельно от наших намерений. И личное бессознательное, равно как и коллективное, состоит из неопределенного (то есть неизвестного) числа комплексов или фрагментарных личностей.

152 В этой мысли содержится многое. Например, любой поэт или драматург обладает способностью драматизировать и персонифицировать свои ментальные содержания. Когда он создает персонаж на сцене или в поэтическом произведении, драме, романе, то думает, что этот персонаж — просто продукт его воображения. На самом же деле персонаж в некотором смысле сделал сам себя. Автор будет отрицать, что эти персонажи имеют психологическое значение, но фактически, как нам известно, они все же его имеют. Поэтому можно «прочитать» авторский разум, когда изучаешь персонажей, которых он творит.

153 Следовательно, комплексы — частичные или фрагментарные личности. Когда мы говорим об Эго-комплексе, то, естественно, предполагаем, что последний обладает сознанием, так как взаимосвязь различных содержаний с центром (иными словами, с Эго) и называется сознанием. Но мы также и в других комплексах имеем дело с содержаниями, сгруппированными относительно своего центра, некоего ядра. Поэтому позволительно спросить: обладают ли комплексы своим собственным сознанием? Изучая практику спиритизма, вы будете вынуждены признать, что так называемые духи, возвещающие о себе через автоматическое письмо или голоса медиума, на самом деле тоже имеют своего рода сознание. Поэтому непредубежденные люди склонны верить тому, что духи являются призраками умерших — тети, деда или кого-то еще, в зависимости от того, насколько явно в подобных проявлениях могут прослеживаться

индивидуальные различия. Конечно, когда мы сталкиваемся со случаями умопомешательства, нам вряд ли придет в голову, что мы имеем дело с призраками. В этом случае мы имеем дело с патологией.

154 Не удивляйтесь, что мы так много говорим о комплексах. Я настаиваю на существовании этой особой точки сознания внутри комплексов лишь потому, что они играют большую роль в анализе сновидений. Вы помните диаграмму (рис. 4), демонстрирующую различные сферы сознания и темный центр бессознательного посередине. Чем ближе вы к центру, тем сильнее начинаете ощущать то, что Жана называет *понижением ментального уровня*: автономия сознания постепенно исчезает, и вы все больше и больше оказываетесь в плену бессознательных содержаний. Автономия сознания теряет свое напряжение и энергию, и эта энергия трансформируется в возрастающую активность бессознательных содержаний. Такой процесс в его крайней форме можно наблюдать при внимательном изучении случаев безумия. Обворожительность бессознательных содержаний постепенно нарастает, и контроль сознания пропорционально ослабевает до тех пор, пока в конце концов пациент полностью не погружается в бессознательное и не становится его жертвой. Теперь он жертва полной автономной активности, которая имеет своим началом не Эго, а темную сферу.

155 Для завершения разговора о тесте словесных ассоциаций я должен упомянуть о совершенно другом эксперименте. Экономя время, я не буду входить в его подробности. Результат наших объемных исследований, проводившихся в семьях, отражен в диаграммах (рис. 8, 9, 10, 11)³. Например, небольшой подъем кривой, обозначенный на рисунке 8 номером XI, — это особый класс или категория ассоциаций. Принцип классификации — логический и лингвистический. Я не буду вдаваться в его подробности, примите к сведению лишь тот факт, что я подразделил ассоциации на пятнадцать категорий. Мы провели тест во многих семьях, по определенным причинам среди малообразованных людей, и выявили удивительный параллелизм: типы ассоциаций и реакций особенно совпадают у оп-

³ Jung C. G. The Familial constellations // Jung C. G. C. W., vol. 2; Jung C. G. Significance of the Father in the Destiny of the Individual // Jung C. G. C. W., vol. 4, pars 698–702.

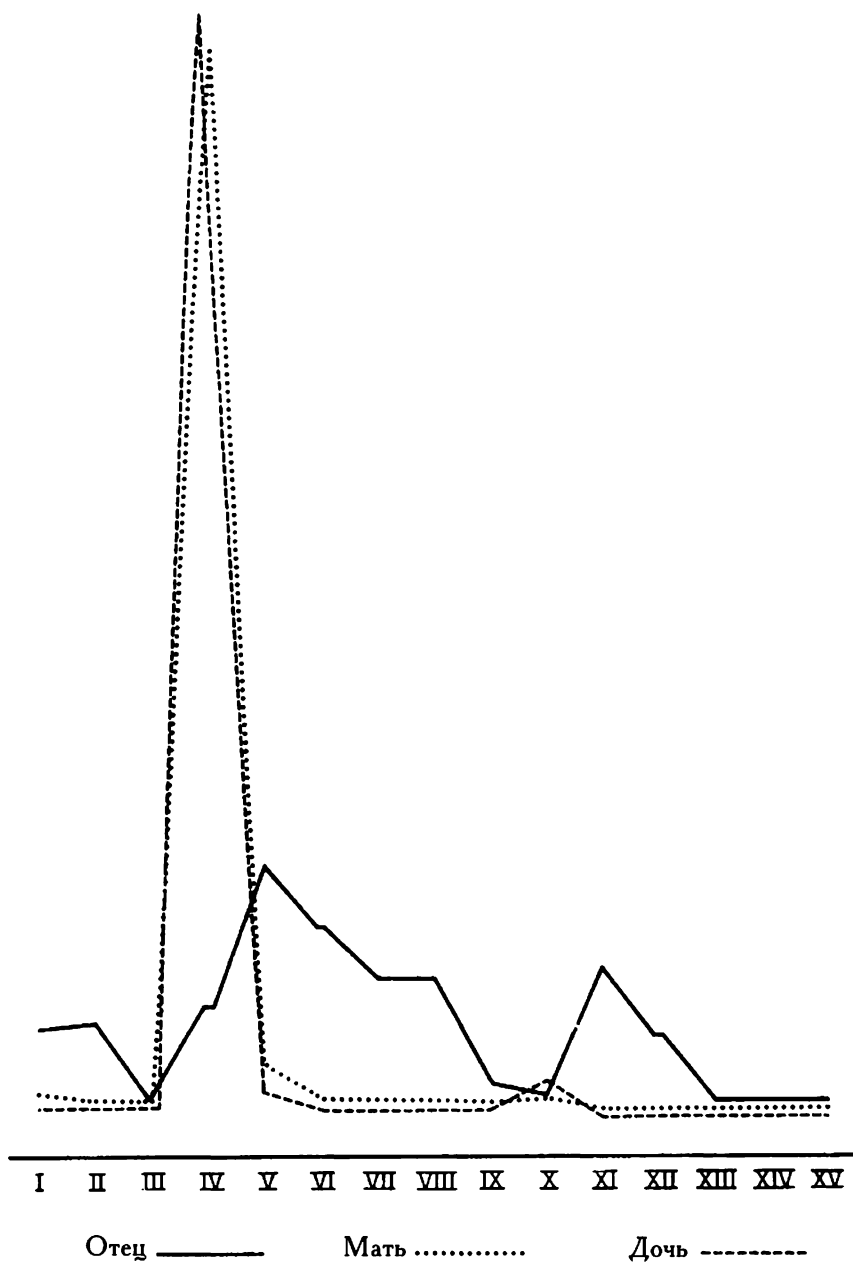

Рис. 8. Семейный ассоциативный тест

ределенных членов семьи, например, у отца и матери, у братьев, у матери и ребенка.

156 Один из случаев представлял крайне несчастливый брак, отец был алкоголиком, мать принадлежала к весьма своеобразному типу. На диаграмме видно, что шестнадцатилетняя дочь полностью повторяет тип матери. Более тридцати процентов всех ассоциаций у них были представлены одинаковыми словами. Это удивительный случай сопричастности, ментальной «инфекции». Размышляя об этом

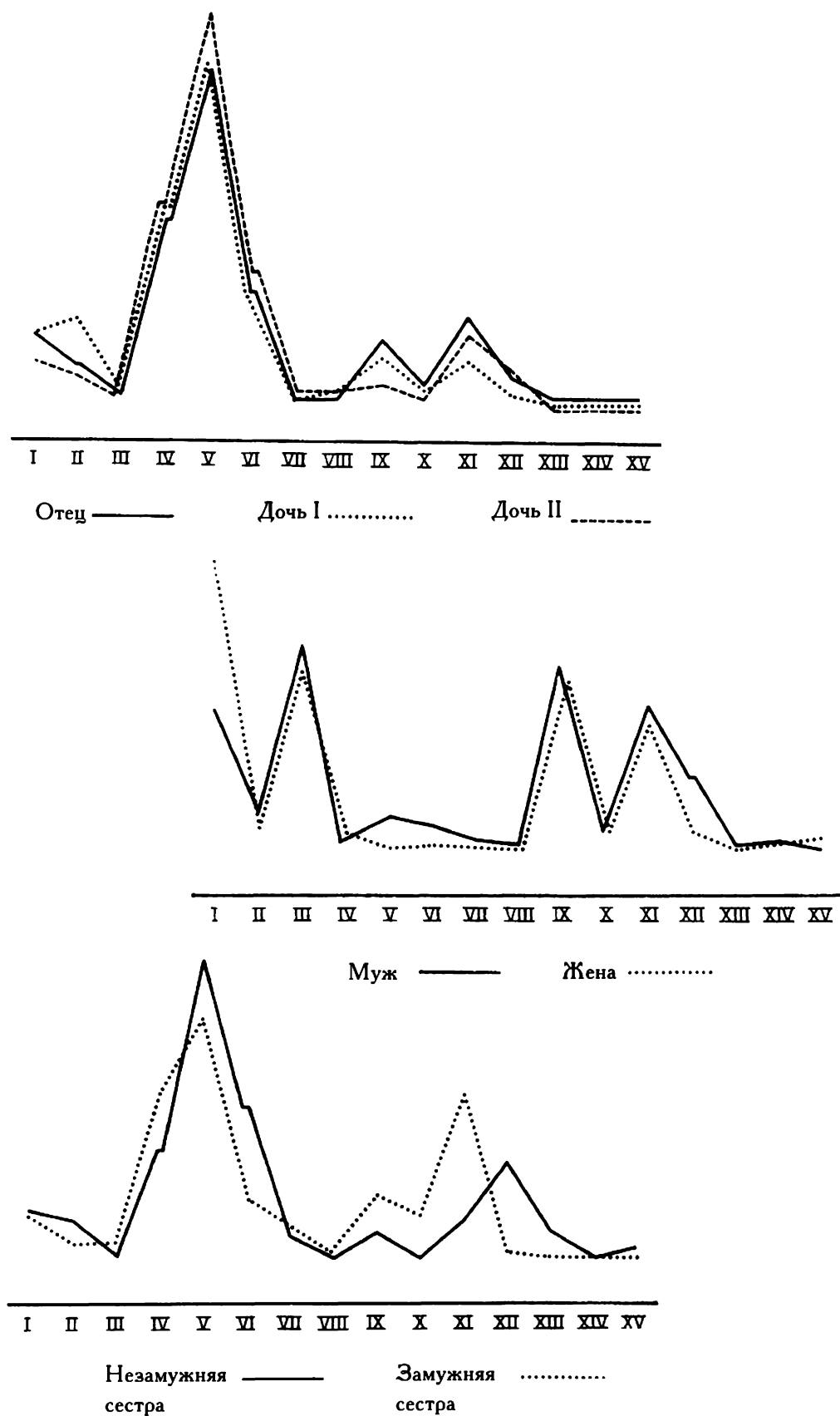

Рис. 9–11. Семейные ассоциативные тесты

случае, можно сделать определенные выводы. Матери было сорок пять лет, она была замужем за алкоголиком; жизнь не удалась. У девочек такие же реакции, что и у матери. Представьте, что ожидает ее, если она, шестнадцатилетняя девочка, вступит в жизнь, словно ей уже сорок пять лет и она уже побывала замужем за алкоголиком. Подобная сопричастность объясняет, почему дочь алкоголика, детство и юность которой были сущим адом, будет искать себе такого же алкоголика и выйдет за него замуж. Если же по воле случая он таковым не окажется, она его переделает в соответствии с раскладом в родительской семье.

157 На рисунке 9 изображен не менее поразительный случай. Вдовец жил с двумя дочерьми в полном согласии, о чем говорят все графики. Конечно, это неестественно, поскольку либо его реакции были девичьими, либо девочки реагировали по мужскому типу, что выражалось даже в одинаковой манере говорить. В целом же этот случай портит привнесение чужеродного начала, так как дочь и отец — все-таки не одно и то же.

158 Рисунок 10 — это случай мужа и жены, который вносит некоторый оптимизм в мои достаточно пессимистические примеры. Вы видите здесь гармонию, но не думайте, что для этой пары она рай. Полная гармония в семье, основанная на участии, вскоре может привести к безумным попыткам супругов освободиться друг от друга. Тогда они придумывают раздражающие обоих темы для обсуждений, чтобы иметь причину чувствовать себя непонятыми. Если вы займетесь изучением психологии брака, то обнаружите, что все неприятности происходят от этих хитроумных «изобретений», которые не имеют под собой никакого основания.

159 Рисунок 11 не менее интересен. Две сестры живут вместе, одна из них замужем. Их пиковая реакция проходит под номером V. Жена в предыдущем случае — сестра этих двух женщин, и, возможно, все они принадлежат к одному типу, но она вышла замуж за человека иного типа. Их высший показатель находится под номером III (рис. 10). Состояния идентичности или сопричастности, продемонстрированные в ассоциативном тесте, могут быть подтверждены другими опытами, например, с помощью графологии. Почерк жен, особенно молодых, часто похож на почерк мужей. Не знаю, бывает ли такое сейчас,

но думаю, что человеческая природа остается неизменной. Иногда получается наоборот, потому что так называемый «слабый пол» не всегда бывает слабым.

160 Дамы и господа, сейчас мы перейдем условную границу реального мира и отправимся в мир сновидений. Я не хочу делать какого-либо особого вступления к анализу снов и думаю, что лучший способ осветить суть идеи — практически показать вам, как я работаю со снами; необходимости в особых теоретических разъяснениях здесь нет, поскольку легко увидеть, из чего я исхожу. Разумеется, я широко использую сновидения, поскольку они являются источником объективной информации в психотерапевтическом лечении. Когда врач имеет дело с каким-то конкретным случаем, то ему очень трудно удержаться от того, чтобы не составить определенное мнение на этот счет. И чем большее число случаев вы знаете, тем больше усилий приходится прилагать, чтобы «не знать» и дать пациенту шанс самому разобраться во всем. Я всегда стараюсь не знать и не понимать. Терапевтически гораздо полезнее показаться бестолковым или назвать себя незнайкой, чтобы предоставить пациенту возможность самому выразить свой материал. Но это не означает, что вы должны полностью «уйти со сцены».

161 Вот случай с мужчиной 40 лет, женатым, прежде ничем не болевшим. Выглядит превосходно, он директор большой общественной школы, весьма интеллигентен, ранее изучил некоторые ныне вышедшие из моды области психологии, в частности вундтовскую⁴, ничего общего не имеющую с деталями человеческой жизни, но уводящую в стратосферу абстрактных идей. В последнее время он был серьезно встревожен невротическими симптомами. Он стал страдать особого свойства головокружениями, появлявшимся у него время от времени сердцебиением, тошнотой, ознобом и приступами слабости и удушья. Данный синдром представил картину болезни, хорошо известную в Швейцарии. Это горная болезнь, случающаяся с людьми, не привыкшими к большим высотам, и легко возникающая у них при восхождениях. Поэтому я спросил: «А не горная ли это у вас болезнь?» Он ответил: «Да, вы правы. Похоже на горную болезнь».

⁴ Вильгельм Вундт (1832–1920) — немецкий психолог (Лейпциг).

Я спросил, были ли у него сновидения, и он ответил, что совсем недавно видел три сна.

162 Я не люблю анализировать единичные сны, так как их можно интерпретировать весьма неопределенно. Дело существенно меняется в случае серии из двадцати или, скажем, ста снов: тут есть что сравнивать и легко выделить устойчивые информативные признаки. Здесь наяву процесс, происходящий в бессознательном из ночи в ночь и длящийся непрерывно. Существует предположение, что мы видим сны постоянно, стало быть, и днем тоже, хотя в последнем случае этого не воспринимаем, так как сознание подавляет их (окклюзия). Но бессознательное работает непрерывно днем и ночью. И вот ночью, когда происходит *понижение ментального уровня*, сны прорываются в психическую сферу и становятся видимыми.

163 В своем первом сне пациент обнаружил, что находится в маленькой швейцарской деревушке. Представительный, в длинном черном пальто, он держит под мышкой несколько толстых книг. Появляется группа молодых людей, лица которых ему знакомы. Это его бывшие товарищи по школе. Они смотрят на него и говорят: «Этот парень не очень-то часто здесь появляется».

164 Чтобы понять сон, необходимо вспомнить, что пациент имел очень хорошую научную подготовку и занимал достаточно высокое положение на социальной лестнице. Тем не менее ему пришлось все начинать с нуля, так как в известном смысле он *self made man*⁵. Его родители были бедными крестьянами, так что дорогу пришлось пробивать самостоятельно. Пациент очень амбициозен и полон надежд, что поднимется еще выше. По ассоциации картина напоминает человека, вскарабкавшегося от береговой морской отметки до высоты 2000 метров и теперь рассматривающего окрестные вершины еще большей высоты, возвышающиеся над ним. Человек забыл, что 2000 метров уже пройдены, пора отдохнуть, но нет, он намерен немедленно начать новый подъем; человек не осознает, что он устал и в данный момент не способен идти дальше. Утрата понимания сложившейся ситуации и есть причина

⁵ Человек, самостоятельно выбившийся в люди; человек, всем обязанный самому себе. (Примечание переводчика.)

симптома горной болезни. Сон донес до него реальную психологическую ситуацию. Контраст между ним, представительным человеком с книжкой под мышкой, и деревенскими мальчишками, заметившими, что он не часто появляется в родной деревне, означает, что пациент редко вспоминает, откуда он родом. Напротив, он думает о своей будущей карьере и надеется получить место профессора. Поэтому сон возвращает его назад — к прошлому окружению, помогая осознать и оценить то, чего он достиг, а также естественные границы человеческих усилий.

165 Начало второго сна — типичный пример явления, возникающего тогда, когда сознательная установка совпадает со сновидческой. Сновидец знает, что должен отправиться на важную конференцию, и берет свой портфель. Замечает, что уже довольно поздно, поезд скоро отойдет, и начинает суетиться, боясь опоздать. Он пытается собрать свою одежду: шляпы нет, пальто не лежит на месте. Бегает по всему дому в поисках того и другого и кричит: «Где мои вещи?» В конце концов все находится, и герой выбегает из дому. При этом обнаруживается, что забыт портфель. Он возвращается за портфелем и смотрит на часы, убеждаясь в том, что действительно опаздывает. Затем бежит на станцию по дороге, которая до странности настолько мягкая, будто бежишь по мху, и ноги двигаются с большим трудом. Задыхаясь, наш герой добирается до станции и видит, что его поезд только что ушел. Тут его внимание привлекает железнодорожное полотно, которое выглядит примерно как на рисунке 12.

166 Сновидец находится в A , хвост поезда уже в B , а паровоз в C . Он наблюдает за составом, огибающим всей своей длиной кривую, и думает при этом следующее: «Если машинист достаточно умен, то сообразит, подойдя к точке D , не давать полный пар, так как если он это сделает, то длинный состав, все еще огибая кривую, сойдет с рельсов». Паровоз подходит к D , и машинист дает полный пар: паровоз резко тянет состав вперед. Сновидец видит разворачивающуюся катастрофу: состав сходит с рельсов — и кричит, просыпаясь в ужасе.

167 Всякий раз, когда кто-либо видит сон с подобной ситуацией опаздывания, с сотней препятствий и помех, это значит, что в реальности он ведет себя так же, как и во сне, нервничает. А переживает

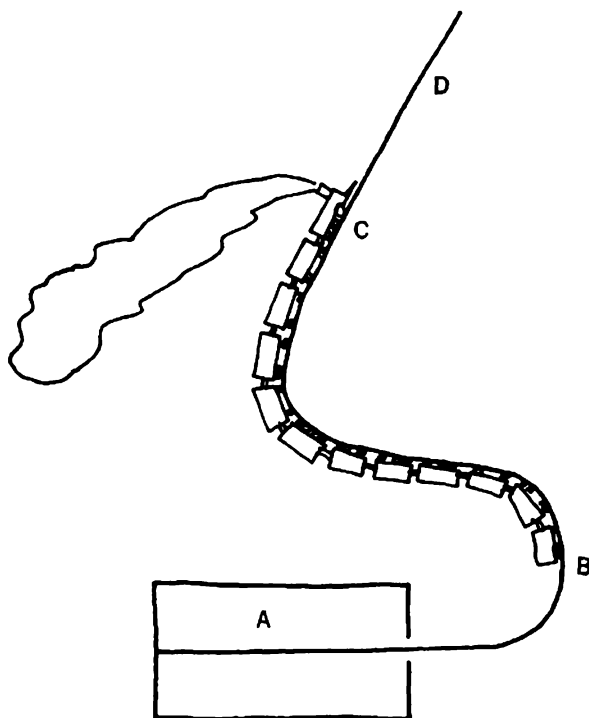

Рис. 12. Увиденная во сне траектория движения поезда

и нервничает потому, что происходит бессознательное сопротивление сознательному намерению. Больше всего раздражает, что сознательно сновидец очень сильно чего-то хочет, а невидимый дьявол всячески мешает ему, причем этот дьявол и есть сам сновидец. Во сне идет борьба с этим дьяволом, но весьма суетливо, излишне нервно. В описываемом случае развитие сюжета происходит против воли сновидца. Он не хочет оставлять дом и, однако, хочет этого весьма сильно; поэтому все помехи и трудности на пути созданы им же самим. Он и тот самый машинист, который думает: «Ну все, теперь у нас нет проблем, кривую объехали, впереди прямой участок и можно дать полный пар». Прямая линия на кривой соответствует более высоким вершинам из первого сна, о которых сновидец думал, что они по-сильны для него.

168 Но сон предупреждает, что Герой не должен быть таким же глупым, как машинист, давший полный пар, когда хвост состава еще не вышел из поворота. А это как раз то, о чем мы всегда забываем; забываем, что сознание — всего лишь поверхность, лишь авангард нашего психического существования. Голова — только один конец, а за ним,

за авангардом-сознанием — длинный хвост колебаний, слабостей, комплексов, предрассудков и унаследованных качеств. Мы же почти всегда принимаем решение без учета факторов прошлого. И порой сходим с рельсов.

169 Я всегда говорю, что за нашей психологией тянется длинный хвост, как у ящерицы, заключающий в себе всю историю индивидуального рода, нации, Европы и человечества в целом. Мы только люди и не должны забывать, что несем свою ношу — все бремя человеческого бытия. Будь у нас только головы, мы были бы подобны ангелам, имеющим лишь голову да крылья; они, конечно, могут делать все, что хотят, ибо не имеют тела, обязывающего ходить только по земле. Нужно еще отметить, что хитроумное движение состава напоминало змею. Это важно, и, скорее, не для сновидца, а для интерпретатора. Сейчас мы увидим почему.

170 Следующий сон завершает цикл и является решающим в нем. Необходимы некоторые пояснения. В этом сне мы встречаемся с необычным животным — наполовину ящерицей, наполовину крабом. Перед тем как приступить к анализу деталей, необходимо сказать о методе работы над осмыслением сновидения. Как вы знаете, существуют различные точки зрения и множество противоречий в отношении способов понимания снов.

171 Метод свободных ассоциаций в этом случае представляется весьма сомнительным, как показывает опыт. Свободные ассоциации показывают и означают, что перцепиент открыт любому количеству и виду ассоциаций, а они, естественно, ведут к его комплексам. Но, как вы понимаете, я не хочу знать комплексы своих пациентов. Положим, меня это не занимает; мне интересно, что *сны* могут сказать о комплексах, а не что есть комплексы. И я хочу знать, что человеческое бессознательное делает с комплексами; к чему человек готовит себя. Это то, что я «вычитываю» из снов. При использовании метода свободных ассоциаций не было бы необходимости обращаться к снам. Я достал бы дорожный указатель, например, «Путь туда-то и к тому-то», дал бы клиентам возможность свободно поразмышлять, и они непременно привели бы меня к своим комплексам. Сядьте в венгерский или русский поезд, взгляните на диковинные знаки на непонятном языке, и вы сможете выявить все свои комплексы.

172 Моя цель иная — не комплексы, а выяснение природы сна. Поэтому я рассматриваю сновидение как некий текст, который не совсем понимаю, скажем, на латинском, греческом или санскрите. Какие-то слова мне неизвестны или сам текст фрагментарен; я использую обычный метод, который применяет любой филолог при чтении подобного текста. Идея заключается в том, что сам сон ничего не скрывает — мы просто не понимаем его язык. Предположение, что сон может что-то скрывать, зиждется на антропоморфической иллюзии. Ни одному филологу не придет в голову, что кусок текста на санскрите или клинописная табличка что-то скрывают. В Талмуде есть очень мудрое замечание, гласящее: в самом сне заключено и его толкование. Сон сам по себе закончен и целостен, и если думать, что он прячет нечто позади себя или в себе самом, то это значит просто не понимать его как таковой.

173 Поэтому, имея дело с тем или иным сном, прежде всего говоришь себе: «Здесь я не понимаю ни слова». Я всегда приветствую это чувство некомпетентности, так как знаю, что придется проделать большую работу, чтобы понять его. Итак, что же я делаю. Я пользуюсь филологическим методом и логическим принципом, называемым *амплификацией*. Это не более чем простые поиски параллелей. К примеру, при встрече с редким словом, ранее не попадавшимся, вы пытаетесь найти параллельные куски текста, где это слово также появляется. Так мы учимся читать иероглифы, клинопись; аналогично можно научиться читать сны.

174 Как я нахожу контекст? Здесь необходимо следовать принципу ассоциативного эксперимента. Вот сны мужчины, в которых фигурирует просто деревенский дом. Могу ли я знать, с чем связан простой крестьянский дом в мышлении этого человека? Конечно, нет, да и откуда мне знать? Знаю ли я, что простой деревенский дом означает для него в общем? Тоже нет. Следовательно, я прямо спрашиваю: «Каким образом эта вещь могла возникнуть в поле вашего сознания?» — или, другими словами, каков подтекст, каково ментальное клише, в которое влетено понятие «простой крестьянский» дом? И он может ответить вам нечто весьма удивительное. К примеру, кто-то говорит «вода». Могу ли я знать, что имеется в виду? Разумеется, нет. Я привожу слово из текста в виде вопроса

и получаю ответ «зеленая». А другой скажет H_2O , т. е. совершенно иное. Третий скажет «быстросеребристая» или «самоубийство». Каждый раз я получаю словесную ткань или образ, в нее влеченный. Это и есть амплификация.

175 Разумеется, здесь необходимо упомянуть о заслуге Фрейда, который поставил проблему сновидений и позволил нам к ней приблизиться в прямом смысле слова. Согласно его идее, сон есть искаженное представление (репрезентация) скрытого несовместимого желания, несогласуемого с сознательной установкой, в силу чего оно подвергается цензурным ограничениям, т. е. искажается, чтобы сознание его не узнало. В то же время это скрытое желание не дает себе умереть и стремится проявиться во что бы то ни стало. И затем Фрейд сам говорит: «Дайте нам преодолеть это искажение; будем естественны, оставим свои искаженные тенденции и позволим ассоциациям течь свободно, тогда-то мы и придем к своим естественным событиям, а именно к комплексам». Это совершенно иная точка зрения по сравнению с моей, Фрейд ищет комплексы, я — нет. В этом-то и вся разница. Я стремлюсь выяснить, что бессознательное совершает над комплексами, ибо меня это интересует гораздо сильнее, чем тот факт, что люди имеют комплексы. У нас у всех есть комплексы; это малоинтересный и весьма банальный факт. В их числе и комплекс инцеста, который можно найти у всех, стоит только поискать; он ужасно банален и не стоит внимания. Но интересно другое: что люди делают со своими комплексами. Это по крайней мере практический вопрос. Фрейд использует метод свободных ассоциаций и основывается на принципе, который в логике называется *reductio in primam figuram*, возвращение к первой фигуре. Это силлогизм, сложный ряд логических заключений, в ходе которых от исходного резонного положения путем различных допущений и инсинуаций постепенно переходят к его полной противоположности. Сны, по Фрейду, — это полное искажение, которое маскирует оригинал, и вам только нужно распутать паутину, чтобы добраться до исходного содержания, которое может быть следующим: «Я хочу совершить то или это; у меня есть такое-то и такое-то несовместимые желания». Приведу пример, используемый в логике. Начнем с очевидного предположения: «Нет неразумного свободного человека». Другими

словами, неразумный человек не имеет свободной воли. Далее первый шаг к заблуждению: «Следовательно, ни один свободный человек не является неразумным». Это уже трюк, софизм, и с этим трудно согласиться. Продолжаем: «Все люди обладают свободной волей». И «триумфальный» конец: «Следовательно, нет неразумных людей». Полная чепуха.

176 Можно предположить, что и сон является чепухой. Это логично, потому что очевидно, что сон есть нечто абсурдное: иначе его легко можно было бы понять. Но, как правило, сны не понимает никто; и едва ли когда-либо кто-либо видел сны, которые были бы ясны с начала до конца. Даже в первобытных племенах, где уж весьма внимательны к сновидениям, и там считают, что обычные сны ничего не значат. Но есть особые «большие сны»; вожди и целители могут видеть «большие сны», а прочие люди — нет. Здесь их рассуждения весьма сходны с европейскими. Столкнувшись с нелепым сном, вы скажете: «Чепуха, должно быть, искажение реальных, разумных событий». Вы во всем разберетесь, используя *redictio in primam figuram*, и придете к первоначальному, устраивающему вас положению. Итак, вы убедились: если допустить, что содержание снов действительно бессмысленно, метод интерпретации сновидений Фрейда вполне логичен.

177 Не следует также забывать, что, делая заявление относительно бессмысленности тех или иных вещей, мы, возможно, просто их не понимаем, мы не Боги, а всего лишь люди с ограниченными способностями мыслить. Когда душевнобольной пациент говорит мне о чем-то, я могу подумать: «Все, что он мне говорит, — чушь», но если я по-настоящему занимаюсь наукой, то скажу, что не понимаю его. Но, если я антинаучен, я подумаю: «Этот парень всего лишь сумасшедший, а я разумен». Подобного рода аргументации и являются причиной того, что люди с неуравновешенной психикой часто хотят стать психиатрами. По-человечески это понятно, ведь это дает величайшее удовлетворение: будучи неуверенными в себе самом, вы можете сказать: «О, другие гораздо хуже».

178 И потому вопросы остаются. Можно ли категорически заявлять, что сон — это чушь? Вполне ли мы уверены, что знаем это? Уверены ли мы, что сон — это искажение? Можно ли быть абсолютно

убежденным, обнаруживая нечто противоположное своему ожиданию, что это просто искажение? Природа не совершает ошибок. Правильно или неправильно — категории человеческие. Естественный процесс — это всего лишь то, что есть, и ничего больше; его нельзя называть чепухой или бессмыслицей. Единственный несомненный факт — это то, что снов мы не понимаем. Посему, являясь не Богом, а человеком ограниченных способностей, я предпочитаю думать, что просто не понимаю снов. Отсюда я отвергаю точку зрения, согласно которой сон является искажением сознательных представлений. И если сон мной не понят, то искажен мой сознательный разум.

179 Но нужно избегать спекуляций и теорий, когда имеешь дело с такими мистериальными процессами, как сны. Нельзя забывать, что тысячелетиями любой разумный человек, обладающий знаниями и опытом, придерживался совершенно других взглядов на сновидения. И только совсем недавно появилась теория, что сны ничего не содержат. Во всех других цивилизациях считали иначе.

180 А теперь «большой сон» моего пациента. «Я в деревне в простом крестьянском доме с пожилой крестьянкой, с виду похожей на мать семейства. Рассказываю ей о большом путешествии, которое планирую совершить. Я собираюсь отправиться из Швейцарии в Лейпциг. Ее очень впечатляет мой рассказ, что в свою очередь очень радует меня. В этот момент я вижу в окно сельский луг, там крестьяне сгребают сено. Сцена внезапно меняется, и появляется чудовище — огромный краб-ящерица. Вначале оно движется на меня влево, затем — вправо, так что в конце концов я оказываюсь между клешнями, словно между лезвиями ножниц. Тогда я хватаю металлический прут, бью этого монстра по голове и убиваю его. Затем еще некоторое время стою рядом и рассматриваю поверженного врага».

181 Прежде чем углубиться в исследование подобного сна, я всегда стараюсь создать некоторую последовательность, потому что сон имеет свою предысторию и продолжение. Он является частью психического клише, действующего непрерывно; у нас нет причин считать, что в психических процессах нет непрерывности, так же как нет причин думать, что существуют какие-либо «пределы», «щели» в натуральных процессах. Поскольку природа представляет кон-

тинуум, то и психическое — весьма вероятный континуум. Сон в этом смысле всего лишь одна вспышка или одно из проявлений психического континуума, ставшее видимым на какой-то момент. Как непрерывность, он связан с предыдущими снами. В предыдущем сне уже возникало специфически змееподобное движение поезда.

182 После сна с поездом этот сон — возвращение в окружение раннего детства, мой пациент в обществе крестьянки — легкий намек на собственную мать. Он впечатляет нейтральную по «роли» женщину своим величием и грандиозным планом путешествия. Лейпциг — иллюзия на его надежду получить там место. Чудовищный краб-ящерица — внешняя сторона эмпирического опыта; это, очевидно, продукт бессознательного.

183 Теперь мы приступаем к действительному контексту. Я спрашиваю его: «А каковы у вас ассоциации с простым крестьянским домом?» И, к моему удивлению, он отвечает: «Это лепрозорий св. Якова неподалеку от Базеля». Это заведение — очень старый лепрозорий, и здание до сих пор сохранилось. Само место очень известно благодаря большому сражению, развернувшемуся там в 1444 году. Швейцарцы бились с войсками герцога Бургундского, армия которого пыталась прорваться в Швейцарию, но была остановлена авангардом швейцарского войска численностью 1300 человек. Бургундская армия состояла из 30 000 воинов. Сражение происходило в местечке у лепрозория св. Якова. Швейцарцы все до одного человека пали в бою, но своей жертвой предотвратили дальнейшее продвижение врага. Героическая смерть этих 1300 человек — знаменательный момент в истории Швейцарии, и ни один швейцарец не способен говорить об этом без чувства патриотизма.

184 Всякий раз, когда сновидец сообщает нечто подобное, вы должны разместить получаемую информацию в контексте самого сновидения. В данном случае это означает, что сновидец сам находится в лепрозории. Лечебница называется «Сиехенхаус», больничный дом. По-немецки «больной» означает «прокаженный». И вот он болен, изолирован от общества, помещен в лечебницу. Местонахождение лечебницы, ко всему прочему, связано с отчаянным сражением, в котором погибло 1300 человек. Само сражение произошло из-за того, что авангард не подчинился приказу. Он имел четкие инструкции

не ввязываться в сражение, а ждать подхода всей швейцарской армии. Но при виде врага воины не смогли сдержать боевого порыва и, вопреки приказу, ринулись в бой, в результате чего все погибли. И здесь снова возникает схема-идея несвязанности головы и хвоста, и снова действие заканчивается фатально. Невольно подумалось: «Какая же опасность подстерегает этого человека?» Эта опасность не просто его амбиция или желание быть с матерью и совершить инцест или нечто подобное. Вспомним машиниста. Его фигура означала, что пациент имел тенденцию рваться вперед, не думая о хвосте, он вел себя так, словно состоял из одной головы, — точно так думал и армейский авангард. Ему казалось, что он и есть вся армия. Подобное отношение и есть причина горной болезни. Пациент забрался слишком высоко и не подготовился к высоте, забывая при этом, откуда он начал свое восхождение.

185 По поводу женщины сновидец ответил: «Это моя прачка». Его прачка была вдовой, старомодной, необразованной, жившей, естественно, более примитивно, чем он сам. Поскольку клиент принадлежал к интеллектуальному типу, его чувственная сфера играла второстепенную роль. Поэтому чувство как таковое было мало дифференцированным и по своему уровню соответствовало чувственной сфере прачки. Пытаясь произвести впечатление на прачку, сновидец, по сути, воздействовал на Лейпциг.

186 По поводу поездки он заметил: «О, это моя цель. Я хочу пойти дальше и получить кафедру». Налицо безудержное стремление, глупая попытка, горная болезнь; он хочет взобраться слишком высоко. Его чувство было глубоко подавлено и поэтому не содержало верных оценок, оставаясь слишком наивным. Крестьянка ассоциируется с собственной матерью. Есть много способных, интеллигентных людей со слабо развитой дифференциацией чувств, вследствие чего само чувство находится под влиянием материнского, оно идентично материнскому. Такие люди несут в себе много материнских свойств в чувственной сфере; они очень любят детей, внутреннюю обстановку дома, красивые комнаты и старые дома. Иногда случается, что, достигнув сорока, эти индивиды обнаруживают мужское начало, и здесь их поджидает психологический конфликт.

187 Таким образом, мужские чувства оказываются, так сказать, женскими и, как таковые, возникают и проявляются в снах. Я обозначаю их термином *анима*, поскольку эти чувства оказываются персонафикацией нижних подчиненных функций, связывающих человека с коллективным бессознательным. Коллективное бессознательное в мужчине, как целое, представлено в женской форме. У женщин оно возникает в мужской форме и представлено *анимусом*.

188 На мой вопрос, что пациент имеет в виду, когда говорит, что крестьянка находилась под сильным впечатлением от плана поездки, он сказал: «Это следствие моего хвастовства. Я люблю прихвастнуть перед людьми, чтобы показать, кто я есть; люблю быть в центре внимания, когда общаюсь с малообразованным человеком. К несчастью, мне почти всегда приходится быть в окружении малокультурных людей». Когда человек возмущается примитивностью окружающей среды и чувствует, что он много выше людей своего круга, то его внутренняя среда непроизвольно проецируется во внешнюю, и он начинает замечать в ней то, что должен был бы видеть в себе самом. Вместо слов: я помню о том, что мое окружение ниже меня, он должен был бы сказать: я вижу, что мое собственное внутреннее содержание явно ниже нормы. Правильными оценками он не располагает и неполноценен в чувственной жизни. В этом и состоит его проблема.

189 Но вернемся к сюжету сна. «В этот момент он выглядывает из окна и видит крестьян, собирающих сено». Это вновь образ чего-то, что происходило у него в прошлом. Он возвращает его к схожим картинам и ситуациям. Лето, и нужно встать рано и идти ворошить сено целый день, может, придется остаться на вечер. Конечно, это простой, честный труд, и им заняты все простые, честные люди. Он вспоминает, что у него в кабинете есть картина, висящая на стене и изображающая крестьян, собирающих сено. «Вот это и есть происхождение образа в моем сне».

190 Следующая часть сна более затемнена: появляется краб-ящерица. Я спрашиваю, откуда он мог появиться. «Это мифическое чудовище, которое пятится задом. Откуда он мог появиться во сне, я не знаю, наверное, из сказок или чего-то в этом роде». То, что он вспоминал до этого, являлось вещами, которые любой из нас может встретить

в реальной жизни, предметами, реально существующими. Что касается краба, он в реальной жизни невозможен, это архетип. Аналитик, имея дело с архетипом, прибегает к размышлению. Имея же дело с личным бессознательным, непозволительно слишком много придумывать и добавлять что-либо к ассоциациям пациента. Можете ли вы что-либо прибавить к личности другого? Вы же сами по себе тоже личность. Другой человек живет своей собственной жизнью и собственным разумом, поскольку он личность. Но в той степени, в какой он рядовой индивид, особь, он обладает базовыми структурами разума, сознания, и здесь я уже могу начать рассуждать, становиться его партнером. Я даже могу обеспечить его необходимым контекстом, которого у него нет; он не знает, откуда появился краб, и не понимает, что все это означает, а я знаю и могу снабдить его этим знанием.

191 Я указал ему, что мотив героя часто появляется в снах. У него есть героическая фантазия о себе, проявившаяся в последнем сне. Он везде герой — и в длинном пальто, и с грандиозным планом, герой, когда умирает на поле боя в сражении неподалеку от лечебницы св. Якова. Он собирается показать миру, кто он таков, и, конечно, он герой, когда побеждает чудовище. Мотив героя неизменно сопровождается мотивом дракона: дракон и герой, борющийся с ним, — две фигуры одного и того же мифа.

192 Здесь дракон появляется в образе краба-ящерицы. Само по себе это, конечно, не объясняет того, что выражает дракон как образ его психологической ситуации. Поэтому последующее разворачивается вокруг чудовища. Когда оно движется сначала налево, а потом направо, у сновидца возникает впечатление, что он стоит на углу, который замыкается на нем наподобие раскрытых ножниц. Это может стать фатальным. Он читал Фрейда, и, в соответствии с его позицией, рассматривает ситуацию как желание инцеста: чудовище на поверку оказывается матерью, угол раскрытых ножниц — ноги матери, а он, стоящий между ними, является только что рожденным или намеревающимся вернуться назад.

193 Как это ни странно, в мифологии дракон *есть мать*. Этот мотив можно встретить во всем мире, и само чудовище называют матерью-драконом. Мать-дракон каждый раз поедает свое дитя,

она засасывает его обратно после того, как порождает, «чудовищная мать», как ее иначе называют, ждет с широко раскрытым ртом свою добычу где-то у западных морей, и, когда человек приближается к этому рту, чудовище заглатывает жертву. Чудовищный образ является матерью каменных гробов, пожирателем плоти; это в измененном виде Матута, мать мертвых, или богиня смерти.

194 Подобные параллели еще не объясняют, почему в данном сне возник образ краба-ящерицы. Я придерживаюсь (на это есть свои причины) мнения, что представления психических фактов в образах, подобных змее, или ящерице, или крабу, или мастодонту, или аналогичным животным, имеют органическое происхождение. К примеру, змея очень часто представляет собой цереброспинальную систему, особенно нижние мозговые центры; в частности, продолговатый мозг и спинальный шнур. Краб, с другой стороны, имея только симпатическую систему, представляет главным образом симпатику и парасимпатику живота, область абдоминальную. Поэтому при переводе текста самого сна это можно прочесть следующим образом: продолжая в том же духе, есть риск нарушить деятельность симпатической и цереброспинальной систем. Фактически так и случается. Симптомы невроза сновидца выражают «недовольство» симпатических функций и цереброспинальной системы его сознательной установкой.

195 Краб-ящерица привнес архетипическую идею героя и дракона как смертельных врагов. Но в некоторых мифах можно обнаружить интересный факт: герой связан с драконом не только борьбой. Напротив, есть указания, что сам герой — это дракон. В скандинавской мифологии герой распознается по тому, обладает ли он змеиными глазами. И, если у него змеиные глаза, он змея. Есть и другие мифы, содержащие ту же идею. Кекроп, основатель Афин, изображался могучим мужчиной со змеиным хвостом вместо ног. Души героев часто после смерти появляются в виде змей.

196 В сне чудовище движется сначала налево; я спрашиваю об этом. Он говорит, что, по-видимому, краб не знал дороги. Левая сторона — неудачная, зловещая, угрожающая. Она неблагоприятна. Правая сторона неблагоприятна для чудовища, потому что во время этого перемещения его настигает прут и убивает. Теперь о позиции в углу между движениями. Сновидец понял ее как попытку инцеста и сказал:

«Фактически я чувствовал себя окруженным со всех сторон и ощущал миссию героя, который собирается сразить чудовище». Таким образом, он реализовал мотив героя.

197 В отличие от мифического героя он сразил чудовище не оружием, а железным прутом. Он сказал: «Судя по результату, мне показалось, что это магический прут». Определенно он расправился с крабом магическим образом. Прут — другой мифологический символ. Часто он содержит сексуальную аллюзию, а сексуальная магия — это средство защиты от опасности. Можно также вспомнить землетрясение в Мессине ⁶, тогда сама природа вызывала в людях определенные инстинктивные реакции, направленные против всепоглощающих разрушений.

198 Прут — это инструмент, а инструменты в снах означают то, чем в действительности являются, — средства, с помощью которых человек осуществляет свое желание. К примеру, нож выражает желание резать; когда я пользуюсь копьем, то удлиняю свою руку; с помощью ружья можно проектировать влияние своего действия на большое расстояние; с помощью телескопа то же самое происходит и для зрения. Инструмент есть механизм, который выражает мое желание, мои способности и умения. Инструменты в снах символизируют аналогичный психологический механизм. Инструмент сновидца — магический круг. Он использует волшебную вещь, чтобы изгнать чудище, т. е. свою нервную систему, отвечающую за чувственную сферу.

199 Что же это означает в действительности? Пациент думает, что опасности нет. Так часто и поступают. Надо подумать, что чего-то нет, и этого не будет. Как ведут себя люди, живущие только головой? Они используют свой интеллект, чтобы считать многие вещи несуществующими; они убеждают их исчезнуть. Говорят: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Так поступил и мой сновидец. Он просто устранил чудище. «Краба-ящерицы нет; нет противоположного желания, я избавлюсь от него, подумаю, что его нет».

200 После этого я высказал ему свое мнение по поводу ситуации. «Лучший способ, — сказал я ему, — разобраться со снами — это предста-

⁶ Речь идет о страшном бедствии 1908 года в Сицилии, когда стихия землетрясения разрушила 90% городских сооружений и унесла 60 000 человеческих жизней.

вить себе, что ты малое дитя, и прийти к древнему старику или старухе с вопросом: «А что вы думаете об этом и обо мне?» И он (она) вам скажет: «У вас есть амбициозный план, и это глупо, поскольку вы идете против своих же собственных инстинктов. Ваши же собственные не безграничные возможности блокируют вам путь. Вы желаете устранить препятствия магией вашего мышления. Вы верите, что искусством интеллекта можно их преодолеть, но это проблема весьма иррационального характера». При этом я добавил: «Ваши сны содержат предостережения. Вы ведете себя точно так же, как машинист или швейцарский авангард, бросившийся на врага без поддержки основных сил, и если вы и дальше будете поступать так же, то вас ждет катастрофа».

201 Он был уверен, что такая точка зрения слишком серьезна и не имеет основания. Он настаивал на инцестуозной основе сновидения, на том, что теперь он осознал это и поэтому свободен и может отправляться в Лейпциг. Я пожелал ему счастливого пути. Через три месяца он потерял работу, положение и исчез в неизвестном направлении. Таков был конец. Он бежал от фатальной опасности, исходящей от краба-ящерицы, но не понял предупреждения. Мне бы не хотелось склонять вас к пессимизму. Все же есть люди, которые делают разумные выводы из своих снов, что помогает им успешно решать свои проблемы.

ОБСУЖДЕНИЕ

Доктор Чарлз Брантон:

202 Я не знаю, разумно ли задавать вопросы по поводу сновидений тех, кого здесь нет, но у меня есть маленькая дочь пяти с половиной лет, у которой недавно было два сна, разбудившие ее среди ночи. Первый сон был в середине августа, и она рассказала мне следующее: «Я вижу колесо, оно катится вниз по дороге и обжигает меня». Это все, чего я смог от нее добиться. Я хотел, чтобы она на следующий день нарисовала мне это, но сделать рисунок она не пожелала, и я не настаивал. Другой сон был примерно с неделю назад, и на сей раз это был «жук, который щиплет меня». Это все, что мне удалось вывести у нее. Не знаю, возьметесь ли вы прокомментировать сказанное. Единственное, что я хотел бы добавить, — она знает разницу между жуком и крабом. Она очень любит животных.

Профессор Юнг:

203 Вы должны учитывать, что очень трудно и не вполне разумно комментировать сны человека, о котором вам ничего не известно; однако я расскажу вам ровно столько, сколько можно увидеть в самом символизме. Жук, согласно моей версии, должен иметь отношение к симпатической системе. Следовательно, из этого сна я сделал бы вывод о том, что в ребенке происходят определенные психологические процессы, касающиеся симпатической системы и способные вызвать кишечные и брюшные расстройства. Из всего, что можно сказать, наиболее осторожным будет утверждение, что в симпатической системе имеет место определенная аккумуляция энергии, вызывающая легкие расстройства. Это подтверждается также и символом огненного колеса. Колесо в ее сне, по-видимому, является солнечным символом, а в тантрической философии огонь соответствует так называемой манипура чакра, лока-

лизованной в брюшной полости. Идею колеса, внутри которого происходит вращение, можно порой обнаружить и среди симптомов, предвещающих эпилепсию. Это тоже выражает проявления симпатического характера. Образ вращающегося колеса напоминает нам о колесе, на котором был распят Иксион. Сон маленькой девочки является архетипическим — одним из тех странных архетипических снов, которые время от времени бывают у детей.

204 Я объясняю эти архетипические сны у детей тем фактом, что вместе с пробуждением сознания, когда ребенок начинает чувствовать, что он существует, он еще близок к тому психологическому миру, из которого только что вышел, — к царству бессознательного. Поэтому у многих детей обнаруживается осознание содержаний коллективного бессознательного — факт, интерпретируемый во многих восточных верованиях как воспоминание о прежнем существовании. Например, тибетская философия говорит о существовании «Бардо» и о состоянии души между смертью и рождением⁷. Идея предыдущего существования является проекцией психологического состояния раннего детства. Самым маленьким детям все еще присуще осознание мифологических содержаний, но, если эти содержания остаются сознательными слишком долго, индивиду угрожает утрата способности к адаптации. Он одержим постоянным стремлением остаться или возвратиться к первоначальному видению. У мистиков и поэтов имеются превосходные описания подобных переживаний.

205 Обычно в возрасте от четырех до шести лет эти переживания окутывает завеса забвения. Однако мне встречались случаи, если можно так выразиться, «неземных детей»: у них наблюдалась экстраординарная осознанность подобных психических фактов, их жизнь протекала в архетипических снах, и они были не способны адаптироваться. А недавно я познакомился со случаем десятилетней малышки, видевшей изумительные мифологические сны⁸. Ее отец

⁷ Evans-Wentz W.Y. The Tibetan Book of Dead.— London, 1927. Рус. пер.— Тибетская книга мертвых.— СПб., 1992 (с предисловием Юнга).

⁸ Юнг К. Г. Подход к бессознательному // Юнг К. Г. Человек и его символы.— СПб., 1996. Данный случай обсуждается также в книге И. Якоби (Jacobi I. Complex / Archetype / Symbol in the Psychology of C. G. Jung.— New York and London, 1959, p.139ff).

консультировался со мной по поводу этих снов. Я не мог высказать ему то, что думал, ибо в снах содержались жуткие прогнозы. Девочка умерла год спустя от инфекционного заболевания. Ей даже не довелось в полной мере родиться.

Доктор Леонард Ф. Браун:

206 Я хотел бы задать профессору Юнгу вопрос, относящийся к интерпретации тех снов, о которых он рассказывал нам сегодня. В связи с тем, что пациент бывает не в состоянии принять предложенную интерпретацию, мне хотелось бы узнать, можно ли преодолеть это затруднение за счет определенного изменения техники?

Профессор Юнг:

207 Если бы я имел намерение быть миссионером или спасителем, я воспользовался бы ловким трюком. Я сказал бы пациенту: «Да, это действительно материнский комплекс», — в продолжение нескольких месяцев мы бы занимались с ним разговорами на этом специфическом жаргоне, и не исключено, что под конец мне удалось бы убедить его принять мою позицию. Но из опыта я знаю, что это нехорошо: не следует обманывать людей, даже для их блага. Я не хочу обманом выводить людей из их заблуждений. Возможно, для этого человека было бы лучше, чтобы все пошло прахом, нежели удержаться ценою лжи. Я никогда не препятствую людям. Когда кто-то говорит: «Я покончу жизнь самоубийством, если...», — я отвечаю: «Если таково ваше желание, мне нечего сказать».

Доктор Браун:

208 Есть ли у вас какие-то свидетельства или подтверждения того, что симптомы горной болезни поддаются лечению?

Профессор Юнг:

209 У пациента невроз исчез в связи с тем падением, которое он испытал. Уровню этого человека не соответствовала высота 6000 футов; ему следовало быть значительно ниже. Он спустился вниз, чтобы не стать невротиком. Однажды я беседовал с главой крупного американского учреждения, занимающегося воспитанием детей-преступников, и услышал от него об очень интересном опыте. У них есть две категории детей. Большинство из них, попадая в учреждение, чувствуют себя значительно лучше, развиваются очень хорошо и в конце концов перерастают свои пороки, какими бы они ни были. Дети же дру-

гой категории — они составляют меньшинство — становятся истеричными, как бы они ни старались быть хорошими и нормальными. Это прирожденные преступники. Они психически нормальны тогда, когда поступают неправильно. Мы тоже чувствуем себя не так уж хорошо, когда ведем себя образцово, нам лучше, когда мы понемногу грешим. Индусы, когда они строят храм, оставляют один угол недостроенным; только боги создают нечто совершенное, человек на это никогда не способен. Лучше отдавать себе отчет в том, что ты, как и любой другой человек, несовершенен, в таком случае чувствуешь себя значительно лучше. Так обстоит дело и с этими детьми, так бывает и с нашими пациентами. Неразумно обманом уводить человека от его судьбы и помогать ему превзойти его собственный уровень. Если человек сам готов адаптироваться, помогите ему всем, чем можете; но, если на самом деле у него другая задача, любыми средствами помогите ему не адаптироваться; только тогда с ним будет все в порядке.

210 На что был бы похож мир, если бы все люди разом адаптировались? Во всяком случае, было бы нестерпимо скучно. Должны существовать люди, которые ведут себя неправильно; они выполняют роль козлов отпущения, они необходимы нормальным людям. Задумайтесь, чем мы обязаны детективным романам и газетным очеркам — мы ведь можем сказать: «Слава небесам, я не из тех, кто совершает преступления, я абсолютно невинное создание». Вы чувствуете удовлетворенность, и этим вы обязаны существованию людей порочных. Это придает глубочайший смысл тому факту, что Иисус как спаситель был распят между двумя ворами. Эти воры по-своему тоже были спасителями человечества — они были козлами отпущения.

Вопрос:

211 Я хотел бы задать вопрос о психологических функциях, если, конечно, это не уведет нас слишком далеко в сторону. В прошлый раз, отвечая на вопрос, вы сказали, что нет критериев, согласно которым можно было бы рассматривать какую-либо из функций как высшую саму по себе, затем вы сказали, что для достижения полного и адекватного знания о мире должны быть одинаково дифференцированы все четыре функции. Не имеете ли вы, таким образом, в виду, что в каком-то определенном случае все четыре функции могут быть

в равной степени дифференцированы или что это достигается путем обучения?

Профессор Юнг:

212 Я не верю в то, что в человеческом смысле возможно одинаково дифференцировать все четыре функции, в таком случае мы были бы так же совершенны, как Бог, а это, конечно, никогда не произойдет. В кристалле всегда будет трещина. Мы никогда не сможем достичь совершенства. Более того, если бы мы могли одинаково дифференцировать все четыре функции, мы тем самым просто превратили бы их в функции, доступные сознанию. Но тогда мы утратили бы идущую через подчиненную функцию наиболее ценную связь с бессознательным, с низшим миром инстинктов и с родственными нам существами. Наши добродетели лишь дают нам возможность быть независимыми. Тут мы ни в ком не нуждаемся, тут мы короли; но в нашей подчиненности мы связаны с человечеством, равно как и с миром наших инстинктов. Владеть всеми функциями в совершенстве — даже не преимущество, потому что подобное состояние равносильно полной отчужденности. Я лишен мании совершенства. Мой принцип таков: ради бога, не будьте совершенными, но любимыми средствами старайтесь достичь полноты во всякой ее форме.

Вопрос:

213 Могу ли я спросить, что означает быть полным? Нельзя ли уточнить представление о полноте?

Профессор Юнг:

214 Должен же я оставить что-то и на долю ваших собственных ментальных усилий. Несомненно, наиболее занимательным развлечением по дороге домой было бы размышление о возможном значении подобной полноты. Не следует лишать людей удовольствия делать свои собственные открытия. Полнота — очень важная проблема, говорить об этом весьма интересно, но главное все же — быть полным.

Вопрос:

215 Как с вашими построениями сочетается мистицизм?

Профессор Юнг:

216 С какими построениями?

Ответ:

217 С вашими взглядами на психологию и психическое.

Профессор Юнг:

218 Безусловно, вам следует определить, что вы понимаете под мистицизмом. Допустим, вы имеете в виду людей, имеющих мистический опыт. Мистиками являются люди, наделенные яркими переживаниями процессов коллективного бессознательного. Мистическое переживание есть переживание архетипов.

Вопрос:

219 Есть ли какая-то разница между архетипическими и мистическими формами?

Профессор Юнг:

220 Я не делаю между ними различия. Если вы займетесь феноменологией мистического переживания, то столкнетесь с интереснейшими вещами. Например, все вы знаете, что наши христианские небеса — это мужские небеса, где женский элемент лишь терпят, не более. Богоматерь не является божественной, она лишь архисвятая; она ходатайствует за нас перед троном Господним, но не является частью Божества. Она не входит в состав Троицы.

221 Некоторые христианские мистики имеют иной опыт. Например, есть швейцарский мистик — Никлаус ван дер Флю⁹. Его переживание относилось как к Богу, так и к Богине. В тринадцатом веке был мистик Гильом де Дигюльвиль, написавший «*Pelerinage de l'ame de Jesus Christ*»¹⁰. Подобно Данте, у него было видение высшего рая как «небесного золотого свода» (*le ciel d'or*), где на троне, в тысячу раз ярче солнца, восседает «король» (*le Roi*), т. е. сам Бог, а за ним на красновато-коричневом хрустальном троне — «королева» (*la Reine*), предположительно Земля. Это видение находится за пределами идеи Троицы, оно является мистическим опытом архетипического характера, включающим женский принцип. Троица — это канонический образ, базирующийся на архетипе исключительно мужского характера. В ранней Церкви гностическая интерпретация Святого Духа в качестве женского начала была объявлена ересью.

⁹ См.: Jung C. G. Brother Klaus // Jung C. G. C. W., vol. 11.

¹⁰ См.: Jung C. G. Psychology and Alchemy // Jung C. G. C. W., vol. 12, par. 315ff.
Рус. пер.: Юнг К. Г. Психология и алхимия. — Киев, 1997, пар. 315 и далее.

222 Догматические образы, такие, как Троица, — это архетипы, ставшие абстрактными идеями. Но существует ряд мистических переживаний в самой Церкви, чей архетипический характер еще вполне зрим. Поэтому такие переживания содержат порой еретический или языческий элемент. Вспомните, например, святого Франциска Ассизского. Лишь благодаря огромному дипломатическому таланту папы Бонифация VIII св. Франциск смог быть принятым в лоно Церкви. Достаточно вспомнить лишь о его отношении к животным, чтобы оценить всю сложность положения. Животные, как и Природа в целом, были для Церкви неким табу. И все же есть священные животные, которым поклоняются, такие, как Агнец, Голубь, Рыба (в ранней Церкви).

Вопрос:

223 Не выскажет ли профессор Юнг свою точку зрения относительно психологических различий между диссоциацией при истерии и шизофренией?

Профессор Юнг:

224 При истерии диссоциированные личности все еще находятся в определенном взаимодействии, поэтому у вас всегда сохраняется впечатление целостной личности. В случае истерии вы можете установить связь (раппорт), вы получаете чувственную реакцию от этой целостной личности. Существует лишь поверхностное разделение между определенными отделами памяти, но всегда присутствует и базовая личность. В случае шизофрениии все протекает по-другому. Здесь вы встречаете лишь фрагменты, и нигде нет целого. Поэтому, если у вас есть друг или родственник, которого вы хорошо знаете и который обезумел, вы испытаете жуткое потрясение при встрече с полностью расщепленной личностью. В каждый конкретный момент времени вы можете иметь дело лишь с одним из фрагментов; это как осколок бывшего некогда целого стекла. Вы больше не чувствуете связной непрерывности личности. Имея дело со случаем истерии, вы думаете: лишь бы мне удалось стереть эту разновидность умопомрачения или сомнамбулизма, и тогда мы получим воссоединенную личность; при шизофрениии же налицо глубокая диссоциация личности: фрагменты больше не могут соединиться.

Вопрос:

225 Существуют ли какие-либо более точные психологические понятия, с помощью которых может быть выражено это различие?

Профессор Юнг:

226 Есть вполне определенные пограничные случаи, когда вы еще можете связать воедино все части при условии, что вам удастся восстановить утраченные содержания. Я расскажу вам один известный мне случай. Женщина дважды побывала в психиатрической лечебнице с типичными приступами шизофрении. Когда ее направили ко мне, она чувствовала себя лучше, но все еще пребывала в галлюцинаторном состоянии. Я видел, что отщепленные части еще достигаемы. И тогда мы начали вместе с ней разбирать детали тех переживаний, которые она испытала в больнице, мы рассмотрели все голоса и все галлюцинации, я объяснил ей каждый факт таким образом, чтобы она ассоциировала его со своим сознанием. Я показал ей, чем были все те бессознательные содержания, которые появлялись у нее во время приступов помешательства, и, поскольку она была весьма умной особой, я дал ей прочитать некоторые книги с тем, чтобы она побольше узнала, главным образом в области мифологии, что позволило бы ей связать все части воедино. Линии разрывов, бесспорно, оставались, и, когда впоследствии у нее была новая волна дезинтеграции, я, для того чтобы иметь целостную картину, объективирующую ее состояние, попросил ее написать или нарисовать на бумаге изображение этой особой ситуации, что она и сделала. Она принесла мне довольно много выполненных ею рисунков, которые всегда помогали ей в тех случаях, когда она чувствовала, что вновь распадается на части. Таким образом я поддерживал ее в течение примерно двенадцати лет, у нее больше не было приступов, которые делали бы необходимым помещение ее в больницу. Ей всегда удавалось предупредить приступы путем объективации их содержаний. Более того, она рассказала мне, что, сделав такой рисунок, она обращалась к своим книгам и читала главу, касающуюся какой-то главной его особенности; делала она это для того, чтобы обрести единство с человечеством, с тем, что известно людям, с коллективным сознанием; после этого она снова чувствовала себя хорошо. Она сказала, что чувствует себя вполне адаптированной и не должна более полагаться на милость коллективного бессознательного.

227 Другие случаи не столь ясны, как этот, как вы понимаете. В принципе, я не способен излечить шизофрению. Однако при благоприятном стечении обстоятельств я могу синтезировать фрагменты. Но я не люблю этим заниматься, поскольку подобная работа ужасно трудна.

IV ЛЕКЦИЯ

Председательствующий (доктор Эммануэль Миллер):

228 Я не стану отнимать время у профессора Юнга, а просто выражу свою радость по поводу того, что нынешним вечером я оказался в роли председательствующего. Однако я нахожусь и в весьма невыгодном положении: у меня не было возможности посетить предыдущие лекции, и поэтому я не знаю, в какие глубины бессознательного профессор Юнг успел вас погрузить, но думаю, что сегодня он собирается продолжить знакомить вас со своим методом анализа сновидений.

Профессор Юнг:

229 Интерпретация глубокого сна на примере, рассмотренном нами выше, никогда не будет исчерпывающей, если останется в пределах личностной сферы. Подобные сны содержат архетипические образы, и это означает, что психологическая ситуация сновидца выходит за пределы личного слоя бессознательного. Его проблема носит уже не только частный характер, в известном смысле это проблема общечеловеческая. Символ чудовища как раз и указывает на это. Он демонстрирует миф о герое, и дальнейшая связь со сражением у лечебницы св. Якова также представляет общий интерес.

230 Способность рассматривать ситуацию с общей точки зрения обладает в клиническом смысле огромной терапевтической силой. Современная терапия не очень-то осведомлена об этом, но древней медицине было хорошо известно, что возведение индивидуальной болезни на общий, более высокий и безличный уровень оказывает значительный лечебный эффект. В Древнем Египте, например, к человеку, укушенному змеей, сразу же звали жреца-лекаря, и тот брал с собой из библиотеки храма манускрипт с мифом о Боге Ра и его

матери Изиде. Совершался процесс лечебной декламации в присутствии укушенного больного. Изида произвела ядовитого червя и упрятала его в песок, бог Ра наступил на змею, и та его укусила. Бог Ра стал страдать от ужасной боли и находился под угрозой смерти. Тогда боги настояли на том, чтобы Изида прочла заклинание, которое вытянуло бы яд из тела ¹. Суть идеи проста: пациент под впечатлением услышанного может и в самом деле вылечиться. Для нас с вами это представляется совершенно невозможным. Трудно вообразить, что, читая сказки братьев Гримм, можно вылечиться от тифозной лихорадки или воспаления легких. Но даже с нами могут происходить определенные чудеса: иногда простое утешение, сочувствие или психическое воздействие сами по себе могут вылечить или по крайней мере помочь в лечении.

231 Если архетипическая ситуация, подразумевающая болезнь, была выбрана верно, то пациент-пращур выздоравливал. Ему начинало казаться, что муки болезни заставляют страдать не только его одного, но они общие — даже сам Бог страдал. Косвенным путем это вводило пациента в общество людей и богов, и само это знание уже обладало значительным излечивающим эффектом. Современная духовная терапия пользуется теми же приемами: боль или страдание сравниваются с муками Христа, что приносит утешение. Индивид покидает скорлупу своего жалкого одиночества и представляется последователем божественной героической судьбы через страдания самого Бога. Когда древнему египтянину указывали, что он следует судьбой Ра, Бога Солнца, он тотчас же вставал на один уровень с фараоном, являющимся сыном Бога. Таким образом, обычный человек становился сам как бы богом (отождествляясь с ним), это приводило к высвобождению огромных запасов энергии (психической), отсюда излечение и снятие болевых ощущений. Становятся понятными и некоторые необычные ритуальные действия

¹ «И Изида, великий мастер чародейства, произнесла: “Струись яд и выходи из Ра... Я совершила тайнодействие, и теперь яд прольется на землю, ибо он послушен мне... Ра будет жить, а яду суждено умереть, ибо если яд жив, то умрет Ра”. И сходным образом конкретный человек, сын конкретного человека будет жить, а яд, попавший в его тело, умрет». (Wallis Budge E. A. Egyptian Literature, I, p. 55.)

людей. Например, хождение босыми ногами по раскаленным углям или нанесение себе тяжелых телесных повреждений, которые воспринимаются без какого-либо чувства боли. Вероятно, здесь срабатывает этот впечатляющий и адекватный сигнал, мобилизующий бессознательные силы до такой степени, что даже нервная система перестраивается, делая тем самым реакции тела «нормальными».

232 В случае психического страдания, которое всегда изолирует индивида от сообщества, от объединения так называемых нормальных людей, огромную роль играет понимание того, что данный конфликт не индивидуальная трагедия, а одновременно страдание всех, общая тяжелая ноша, характерная для эпохи. Эта общая точка зрения возвышает человека над собой и связывает с человечеством. В подобном случае нет условий для возникновения невроза, ибо подчас ситуации порождаются самыми обычными обстоятельствами. Например, живя в современном обществе, вы вдруг потеряли деньги. Естественная реакция — огорчение и стыд, что вы один такой осел, который теряет деньги. Но поскольку все теряют деньги и это не есть нечто из ряда вон выходящее, то в конце концов примиряешься с потерей. Когда другим людям так же плохо, как тебе, переносить дискомфорт гораздо легче. Если человек потерялся в пустыне, на леднике или он ответственный лидер группы в рискованной ситуации, он чувствует себя скверно, если не совсем плохо. Но если он только солдат потерявшегося батальона, то он присоединяется к остальным, отпуская шутки, подбадривая коллектив и себя, и не будет думать об опасности. И хотя степень опасности от этого не меньше, индивид чувствует себя совершенно иначе в группе, чем когда он оказывается в подобном положении один.

233 Когда архетипические фигуры возникают в снах, особенно на последних этапах анализа, я объясняю пациенту, что его случай не уникальный и не особенный и что его психика работает на уровне, близком к общечеловеческому. Это важно, так как невротик чувствует себя ужасно изолированным и стесняется своего невроза. Но если он знает, что его проблема общая, а не просто личная, вот тут уже другое дело. В случае нашего сновидца, если бы я намеревался продолжать лечение, я бы обратил его внимание на тот факт, что в его последнем сне присутствует общечеловеческий мотив. Да и он сам в своих ассоциациях осознавал этот мотив противостояния между героем и драконом.

234 Битва героя с драконом как символ типичной человеческой ситуации — распространенный мифологический мотив. Одна из его древнейших литературных версий — вавилонский космогонический миф, в котором герой — бог Мардук — борется с драконом Тиаматом. Мардук — бог весны, а Тиамат — мать-дракон, первозданный хаос, Мардук убивает ее и разрубает на части. Из одной половины он делает небеса, а из другой — землю².

235 Другая, еще более впечатляющая параллель нашему случаю — эпос о Гильгамеше. Великий царь и герой Гильгамеш — типичный карьерист, человек с честолюбивыми замыслами, как и наш сновидец. Мужчины рабским трудом возводят город со сложными оборонительными стенами. Женщины, забытые, покинутые мужьями, взывают с мольбой к богам защитить их от безрассудного тирана. Боги решают, что пора что-то предпринять. На психологическом этапе это означает: Гильгамеш пользуется только своим сознанием, голова имеет крылья и отделена от тела, но тело хочет что-то сообщить по этому поводу. Ситуация оборачивается неврозом — столкновением противоположных факторов-полюсов. Как же невроз выглядит в поэме? Боги решают «призвать», т. е. сделать, человека наподобие Гильгамеша. Они создают Энкиду, однако Энкиду несколько отличается от Гильгамеша. Он длинноволос, выглядит как пещерный житель, живет с дикими животными в степи, пьет воду из колодцев, вырытых копытами газелей. Гильгамеш в добром здравии и памяти спит и видит сон, посвящающий его в намерения богов. Ему снится, что на его спину упала звезда, превратившаяся в могучего воина, и Гильгамеш борется с ним, но что-то ему мешает. В конце концов он все же побеждает и бросает противника к ногам матери, а мать делает его равным Гильгамешу. Мать, как мудрая женщина, разгадывает сон Гильгамеша, а Гильгамеш, пользуясь хитрыми приемами, делает Энкиду своим другом. Он овладевает реакцией бессознательного: хитростью и настойчивостью преследует своего противника, в результате они становятся друзьями и могут действовать совместно. Но приключения только разворачиваются.

² Jung C. G. Symbols of transformation // Jung C. G. C. W., vol. 5, par. 375ff.

236 В самом начале совместных предприятий Энкиду видит мрачный сон — подземное царство, где живут мертвые; а в это время Гильгамеш готовится к серьезному и опасному делу. Как и подобает герою, вместе с Энкиду он собирается победить Хумбабу, ужасное чудовище, которого боги поставили охранять их святилище на кедровой горе. Хумбаба издавал рев, подобный буре, и все, кто приближался к кедровой роще, не могли ему противостоять. Энкиду выглядел храбрым и очень сильным, однако нервничал по поводу всего мероприятия. Его угнетали дурные сны, к которым он относился с вниманием; сходным образом, как и подавленный человек в нас самих, над которым мы смеемся, когда эта подавленная часть нашего Я проявляет суеверность определенных дат и т. п.; подавленный человек тем не менее продолжает нервничать по поводу определенных вещей. Энкиду очень суеверен, его преследуют дурные сны на пути в лес и предвестия худых новостей. Но Гильгамеш толкует эти сновидения оптимистически. Вновь реакция бессознательного оказывается не соответствующей дальнейшему сюжету: наши герои достигают успеха и с триумфом доставляют голову Хумбабы в свой город.

237 Но тут вмешиваются боги, точнее, богиня Иштар, пытающаяся победить Гильгамеша. Исходный принцип самого бессознательного — Вечная женственность, и Иштар с истинно женской хитростью обещает Гильгамешу золотые горы, если он станет ее возлюбленным. Он уподобится Богу, его власть и богатства безмерно возрастут, но Гильгамеш не верит ни единому ее слову. Он грубо отказывается и, в свою очередь, обвиняет ее в жестокости и неверности своим любовникам. Иштар в гневе призывает богов сотворить исполинского быка, который спускается с небес и начинает разрушать царство Гильгамеша. Вспыхивает великая битва, сотни людей погибают, отравленные дыханием священного быка. Гильгамешу с помощью Энкиду удастся убить быка. Празднуется победа.

23 Иштар, исполненная боли и гнева, опускается на стену города, но здесь сам Энкиду совершает над ней насилие. Он оскорбляет ее и бросает ей в лицо члены мертвого быка. Это кульминационный момент, далее следует развязка. Энкиду видит зловещие сны, а затем заболевает и умирает.

239 Это означает, что сознательное полностью отделилось от бессознательного. Бессознательное ушло со сцены, и Гильгамеш остался один — победитель с горестным лицом. Он едва выносит потерю друга, но все его муки утраты есть, по сути, страх смерти. Гильгамеш видит своего друга мертвым и сталкивается лицом к лицу с фактом смерти: ведь он тоже смертен. Теперь только одно желание беспокоит его — достичь бессмертия. Гильгамеш предпринимает героические усилия, чтобы отыскать лекарство против смерти: он знает одного старика, своего предка, обретшего вечную жизнь и живущего далеко на Западе, и пытается найти его. Начинается путешествие в подземное царство, в потусторонний мир — Некию, а затем Гильгамеш отправляется на Запад, вслед за солнцем, через двери небесной горы. Он преодолевает неслыханные трудности, и даже боги не мешают рискованному предприятию, хотя знаменьями предупреждают его, что поиски напрасны. В конце концов Гильгамеш достигает цели своего путешествия и убеждает старика рассказать о лекарстве. На дне моря он добывает магическую траву бессмертия *pharmakon athanasias* и приносит ее домой. Он устал от странствий, но полон радости, так как овладел удивительным лекарством, и ему не надо больше бояться смерти. Гильгамеш купается в бассейне, освежая себя с дороги, а в это время змея вынюхивает целебное растение, подползает к нему и похищает его. Возвратившись домой, Гильгамеш предпринимает новые действия по укреплению города, но это не приносит ему успокоения. Он хочет знать, что происходит с человеком после смерти, и в конце концов к нему приходит дух Энкиду. Он появляется из дыры в земле и сообщает Гильгамешу весьма неутешительные сведения. На этом эпос заканчивается. Окончательная победа остается за холоднокровным животным.

240 Сохранилось значительное количество снов, записанных еще в античный период, в которых прослеживаются параллельные мотивы. Я приведу короткий пример того, как поступали наши коллеги в древности, разгадывая сон. Первый век новой эры. Эпизод, изложенный Иосифом Флавием в его истории об Иудейской войне³, в котором он описывает разрушение Иерусалима.

³ Флавий Иосиф. Иудейская война. Ч. 2. — СПб., 1996.

241 Тетрарх Палестины по имени Архелай был римским правителем и отличался жестокостью. Подобно почти всем провинциальным правителям, он рассматривал свое положение как удобный способ возвеличить себя и украсть то, что попадалось ему под руки. В конце концов к императору Августу отправились с жалобой. Случилось это на десятый год правления Архелая. Примерно в это же время ему приснился сон, в котором он увидел девять больших спелых колосьев пшеницы, которые «на глазах» поела голодная скотина. Архелай встревожился и немедленно призвал к себе «психоаналитика». Психоаналитик сказать ничего не смог, возможно, он побоялся поведать правду и отделался ничего не значащими фразами. Тогда Архелай собрал группу других «психоаналитиков» для консультации, но и те ничего путного не сообщили.

242 В это время в Египте существовала интересная секта — ессеи, люди с весьма независимыми взглядами. Они жили неподалеку от Мертвого моря, кстати, вполне возможно, что к этой секте принадлежал Иоанн Креститель. Послали к ним за толкователями. Явился некто Симон Ессей и, разобравшись, дал следующий ответ: «Пшеничные хлопья означают годы твоего правления, а скотина, пожравшая их, — перемены. Девять лет истекло, и теперь предстоят большие перемены в твоей судьбе. Голодная скотина предвещает твое падение». Подобные сельскохозяйственные образы в тех странах воспринимались достаточно легко. Поля должны были надежно охраняться от пасущегося скота. Трава на южных пастбищах растет очень низкая, и скот вечно голоден, так что ночной визит коров или волов через сломанный забор на засеянное поле может обернуться катастрофой — потерей урожая. Отсюда и основа для толкования сна. Через несколько дней после визита прорицателя прибыл римский инспектор; он провел расследование, сместил Архелая, лишил его всего недвижимого имущества и выслал из Палестины.

243 Архелай был женат, и его жене, Глафире, тоже приснился сон. Естественно, то, что произошло с мужем, оказало на нее сильное впечатление. Во сне явился ее первый муж (Архелай был третьим); согласно сновидческой версии, он был убит Архелаем, так что появился из царства мертвых. Этот бывший муж, по имени Александрос, обвинил Глафиру в недостойном поведении и сообщил,

что собирается забрать ее назад к себе. Симон Ессей по поводу этого ничего не пояснил, предоставив эту возможность нам. Важно, что в действительности Александрос был мертв. Поэтому его заявление о том, что он собирается забрать Глафиру к себе, означает, что ей предстоит путь в загробный мир. Так оно и случилось: через несколько дней Глафира совершила самоубийство.

244 Способ, которым руководствовался Симон-прорицатель, оказался весьма рациональным и логичным с точки зрения сегодняшнего дня. Правда, он не был слишком сложным, как того требует большинство наших снов. Я отметил для себя следующую особенность: сны по своей сложности или простоте соответствуют самому сновидцу, сложности структуры его сознания. Только они всегда немного опережают сознание сновидца, предшествуют сознанию. Например, я не понимаю свои собственные сны сколь-нибудь лучше, чем сны других людей, так как они — мои сны — отчасти выходят за рамки возможностей моего понимания. Толкование их представляет для меня такую же проблему, как и для людей, совсем ничего не знающих о толковании снов. Знание не является преимуществом, когда речь идет о собственных снах.

245 Другая интересная параллель к нашему случаю — это история, возможно, известная вам из четвертой главы книги пророка Даниила⁴. Когда царь Навуходоносор завоевал всю Месопотамию и Египет, то решил, что теперь он самый великий человек, поскольку владеет всеми известными ему землями. И вот ему снится сон, типичный, как мы говорим, сон *карьериста*, забравшегося слишком высоко. Ему приснилось дерево невероятных размеров, выросшее до небес и отбрасывающее тень на всю землю. Но вот наблюдающий с небес ангел-хранитель приказал срубить дерево, обрубить сучья и ветки, сорвать листья, так что в конце концов остался один пенек. А сам он, Навуходоносор, дикий и одинокий, живет среди зверей, и у него вместо человеческого сердца — звериное.

246 Конечно, все признанные астрологи, мудрецы и прорицатели отказались разгадать сон. И только Даниил понял его смысл. Он предостерег царя от попыток стяжательства и несправедливостей,

⁴ Jung C. G. The Structure and Dynamics of the Psyche // Jung C. G. C. W., vol. 8.

иначе сон может обернуться несчастьем. Но царь, преисполненный мании величия, советом пренебрег. Тогда голос с небес вновь послал ему знамение, повторившее пророчество Даниила. И что же в конце концов? Все случилось, как и было предсказано. Навуходоносор превратился в зверя и очутился среди животного царства. Ел траву, тело покрылось росой, волосы выросли длиной с орлиные перья, ноги стали когтями. Он превратился в дикаря, лишённого разума. Ещё хуже, чем дикаря, так как утратил все человеческое; он стал чудовищем Хумбабой. История символизирует полную деградацию человека, потерявшего себя.

247 Случай этот иллюстрирует проблему преуспевающего человека, забывающего о себе и наталкивающегося на сопротивление бессознательного. Противоречие возникло прежде всего в снах, и если оно не принимается во внимание, то переживается в реальности, и, как правило, катастрофическим образом. Эти исторические сны, как и все сны, осуществляют *компенсаторную функцию*: они индикация, симптом, служащий сигнализацией того, что сновидец где-то отклонился от своего собственного пути. Где-то он мог стать жертвой собственной амбиции и тщеславных замыслов, и если он не обратит на это внимание, то пропасть может увеличиться, увеличивая тем самым вероятность в нее угодить.

248 Я хочу подчеркнуть, что в истолковании снов очень важно внимательнейшим образом рассмотреть все детали, не упуская из виду и сам контекст. Ни в коем случае нельзя подстраивать какую-либо теорию, но всегда спрашивать сновидца, что он чувствует по поводу тех или иных образов. Сны всегда посвящены какой-либо частной проблеме индивида, о которой у него имеется неверное сознательное суждение. Сны всегда являются реакцией на нашу сознательную установку, действующей тем же самым образом, каким тело, скажем, реагирует на переедание или недоедание. *Сны — естественная реакция саморегуляции психической системы.* Эта формулировка лежит в основе теории о структуре и функции сновидений. Я придерживаюсь точки зрения, что сны так же многомерны, непредсказуемы и неожиданны, как и человек, поведение которого можно наблюдать в течение дня. Понаблюдайте за человеком какое-то время, и вы увидите и услышите самые разнообразные реакции; то же можно

сказать и о снах. В снах мы проявляем такую же разносторонность, как и в повседневной жизни; и так же, как невозможно обосновать теорию многих аспектов сознательной личности, невозможно и выстроить общую теорию сновидений.

249 Сегодня, вопреки собственной традиции, я собираюсь проанализировать сон не из серии, а единичный. Более того, я не знаком со сновидцем и, следовательно, не могу использовать ассоциативную сферу. Поэтому интерпретация сна покажется кому-то спорной. Но есть и известное оправдание для подобной процедуры. Если сон сконструирован из *личностного* материала, то и ассоциации носят индивидуальный характер, но если сон главным образом *мифологичен* по структуре (разница между ними сразу очевидна), то тогда он говорит универсальным языком, и любой интерпретатор может пользоваться параллелями для конструирования текста. По крайней мере необходимое знание для этого у него есть. Например, если во сне разыгрывается герой-дракон, каждый кое-что может сказать по этому поводу: все мы читали сказки и легенды и знаем о героях и драконах. На коллективном уровне сновидений практически нет разницы между людьми, в то время как на персональном уровне обнаруживаются все различия.

250 Главная составляющая сновидения, о которой я собираюсь говорить, — мифологическая. Здесь мы сталкиваемся с вопросом: при каких условиях человек видит мифологические сны? У цивилизованных людей они крайне редки, так как наше сознание в значительной степени свободно от подспудного архетипического разума. Мифологические сны поэтому воспринимаются нами как чуждый элемент. Но это не так, когда речь идет о менталитете, близком к первобытной психике. Примитивы обращают огромное внимание на такие сны и называют их «большими снами» в противоположность обычным. Они чувствуют, что эти сны важны и несут в себе общий для всех смысл. Поэтому в племенной общине сновидец всякий раз объявляет о приснившемся «большом сне» соплеменникам, по поводу чего собирается специальный совет. «Большие сны» каждый раз рассказывались римскому сенату. Сохранилась история I века до н. э. о сновидении дочери сенатора, в котором богиня Минерва явилась перед ней и пожаловалась, что римляне нерадиво относятся к ее храму.

Госпожа чувствовала себя обязанной изложить сон сенату, который, выслушав, проголосовал выделить определенную сумму денег на ремонт храма. Похожая история рассказана Софоклом: из храма Геракла был украден драгоценный золотой сосуд. Во время сна Софокла перед ним явился Бог и назвал ему имя вора. После того как сон повторился в третий раз, Софокл счел нужным известить об этом Ареопаг. Человек, на которого пало подозрение, был задержан, в процессе расследования он признался и вернул украденный сосуд. Эти мифологические или коллективные сны не обладают свойствами, заставляющими людей инстинктивно рассказывать их. Инстинкт здесь совершенно обоснован, так как такие сны не принадлежат индивиду, они несут в себе коллективный смысл. Объективно они содержат в себе бесстрастную истину, в частности являются той же истиной для ряда людей в определенных обстоятельствах. Вот почему в античности и в средние века сны весьма почитались. Тогда существовало убеждение, что они выражают коллективную человеческую правду.

251 Теперь о самом сне. Его сообщил мой коллега вместе с некоторыми подробностями о самом сновидце. Этот коллега — клинический психиатр, а пациентом оказался весьма интересный молодой француз двадцати двух лет, очень интеллигентный и привлекательный. Француз путешествовал по Испании и вернулся в очень подавленном состоянии, которое врачи определили как маниакально-депрессивный психоз (МДП) в депрессивной форме. Степень подавленности не была критически острой, хотя клиент чувствовал себя неважно и был госпитализирован. Спустя полгода он выписался и через несколько месяцев после этого покончил с собой несмотря на то, что в процессе лечения стал практически здоров, от депрессии избавился, так что была вероятность, что самоубийство он совершил осознанно и в спокойном состоянии. Сновидение имело место в самом начале периода депрессии.

В основании большого собора в Толедо находится резервуар с водой, сообщающийся с речкой Тахо, опоясывающей город. Резервуар представляет собой небольшое темное помещение. В воде живет огромный змей, глаза его сверкают, как бриллианты. Здесь же находится золотой кувшин, в котором хранится золотой кинжал. Кинжал яв-

ляется ключом к городку, и его обладатель имеет полную власть над Толедо. Сновидец знает, что змей — друг и защитник В.С., юного приятеля сновидца. В.С. засунул голую ногу в пасть змею, змей дружелюбно лижет ее, а В.С. радостно играет со змеем, на лице бесхитростного дитяти нет и тени страха. Во сне В.С. что-то около семи лет, в действительности он и в самом деле друг детства сновидца. С того момента, согласно сновидению, о змее позабыли, и уже никто не осмеливался спускаться в его обитель.

252 Эта часть сна — своеобразное вступление, затем разворачивается само действие.

Сновидец наедине со змеем. Он почтительно, но без страха беседует с ним. Змей говорит, что так как он друг В.С., то Испания принадлежит ему, а затем просит вернуть мальчика. Сновидец отказывается сделать это, но взамен обещает сам спуститься в темную пещеру и подружиться со змеем. Позже он изменяет решение и намеревается послать вместо себя своего приятеля мистера С. Мистер С. — потомок испанских мавров, и его визит в подвальный резервуар с водой должен продемонстрировать исконную храбрость этого народа. Сновидец советует прихватить меч с красной рукояткой, найденный на оружейном заводе по другую сторону реки Тахо. При этом сообщается, что меч очень древний, принадлежавший еще древним фокейцам⁵. С. берет меч и спускается в резервуар, сновидец советует ему проткнуть левую ладонь мечом. С. протыкает, но оказывается не в состоянии сохранить самообладание в присутствии могучего змея. Подавленный болью и страхом, С. кричит и, качаясь, вылезает наверх, бросив кинжал. Выходит, что С. править Толедо не сможет, и тут сновидец не в состоянии ему помочь. Он вынужден оставить его стоять у стены собора, словно каменное изваяние...

252a Сон заканчивается. Он, естественно, был на французском языке. Что мы имеем из самого текста сна? Относительно друзей — некоторые намеки: В. С. — друг раннего детства, немного старше, чем сновидец. Последний спроектировал на мальчика все обаяние и очарование и сделал из него героя, но позже потерял его из виду,

⁵ Фокейцы — обитатели древней Фокейи, располагавшейся на западном побережье Малой Азии. Они основали Марсель, а также ряд колоний на восточном побережье Испании.

возможно, мальчик умер. С. — друг более недавнего времени. Указывается, что он родом из испанских мавров.

253 Уже говорилось, что сновидец недавно был в Испании и, конечно, видел Толедо, после чего приснился сон. Пациент был в тяжелом состоянии и не мог помочь доктору в толковании сна. Мой коллега не знал, что делать с этим сном, но чувствовал его важность и решил отослать сон мне. Получив сон, я не смог сразу расшифровать его. Тем не менее у меня появилось ощущение, что если бы я знал больше о такого рода снах и занимался этим случаем сам, то смог бы помочь молодому человеку, и самоубийства, возможно, не произошло бы. Мне известны случаи, когда, понимая сны буквально, люди сталкивались с большими трудностями. С таким чувствительным, утонченным, изучавшим историю искусства и необычайно интеллигентным человеком, как наш пациент, следовало быть особенно осторожным и внимательным. Банальности здесь неуместны, был необходим глубокий анализ.

253a Не будет ошибкой предположить, что Толедо — город мечты сновидца, мечты, которая возникла бы у любого человека с его уровнем образования, тонким эстетическим восприятием, эрудицией. Это чрезвычайно впечатляющий город. В нем находится один из наиболее изумительных готических соборов мира. Место с очень древними традициями, старый римский Толетум (Tolletum) веками был резиденцией кардинала епископата и примаса Испании. С VI по VIII — столица вестготов, с VIII по XI — столица Мавритании, а с XI по XVI — столица Кастилии. Толедский собор — прекрасное и впечатляющее сооружение — воплотил в себе мощь, величие, красоту и тайну средневекового христианства, нашедшего свое существенное выражение в церкви. Собор является воплощением, олицетворением духовного царства, так как в средние века мир управлялся императором и Богом. Поэтому собор выражает христианскую философию или мировоззрение (Weltanschauung) средневековья.

254 Согласно сну, под собором находится место для мистерий, что в реальности не соответствует духу христианской церкви. Что могло находиться под собором в тот период? В древности всегда существовали подземные часовни или крипты. Большая крипта есть в Шартрском соборе, она дает прекрасное представление о мистериальном характере крипты.

Крипта в Шартре первоначально была святилищем с источником, там совершались поклонения Деве — не деве Марии, как сейчас, а кельтской богине. Под каждой христианской церковью в средние века сооружалось потаенное место, в котором в старину совершались мистериальные празднества. То, что сейчас мы называем церковными таинствами, в раннем христианстве было мистериями. В Провансе крипта называлась *Le musset*, что значит *секрет*; это слово, возможно, произошло от *мистерии* и может означать тайное место. В Аoste, где говорят на провансальском диалекте, есть *musset* под собором.

255 Крипта, возможно, ведет свое начало от культа Митры (древнеиранского бога Солнца). В митраизме главная религиозная церемония совершалась в сводчатом склепе, наполовину скрытом под землей. Члены общины в это время находились в главном храме наверху. Сквозь специальные смотровые щели они могли видеть и слышать церемонию службы, самих священнослужителей и избранных, распевających псалмы, совершающих ритуальные обряды внизу. Вход туда разрешался только посвященным. Крестильни в христианской церкви, отделенные от основной молитвенной залы храма, служат той же цели, так как крещение (и причастие) являлось мистерией, о которой прямо не упоминалось. Пользовались аллегорическими намеками, чтобы сохранить тайну. Засекреченность касалась и имени Христа, которое упоминать не разрешалось. Вместо этого употреблялось имя Ихтиас, Рыба. Возможно, кое-кому приходилось видеть репродукции раннехристианской живописи, где Христос появляется в виде рыбы. Тайна, связанная со священным именем, есть возможная причина, почему имя Христа ни разу не упоминалось в раннем христианском документе 140 года н. э., известном как *Пастырь Гермы*⁶. Последний являлся важной частью христианской литературы, почитаемой церковью до XV века. Автор этой книги видений Герма, как полагают, был братом римского епископа Пия. Духовного учителя, являющегося Герме, зовут Поймен, Пастырь, но никак не Христос.

256 Идея крипты, или мистериального места, восходит к чему-то лежащему в предыстории христианского мировоззрения, к чему-то более древнему, чем само христианство. Живой пример того —

⁶ Юнг К. Г. Психологические типы. — СПб., 1995, глава 5.

языческий источник под собором в Шартре или античная пещера с живущим в ней змеем. Разумеется, источника со змеем не мог видеть наш сновидец во время своего путешествия по Испании. Этот образ — результат не индивидуального опыта, и поэтому не может быть параллелью к мифологическому и орфографическому знанию. О некоторых реализациях этого параллелизма я скажу. Известно, что каждая церковь имеет купель для крещения. Прообразом ее был бассейн для купания, водоем, в который погружали или символически окунали посвящаемых. После метафорической смерти в крестильной купели посвященные появлялись преображенными *quasi modo geniti*, совершалось как бы перерождение. Можно поэтому предположить, что крипта, или крестильная купель, имеет значение места ужаса и смерти и одновременно перерождения; места, в котором совершаются тайные посвящения.

257 Змей в пещере — это образ, характерный для античности. Важно отметить, что в классической античности, как и в других цивилизациях, змей был не только животным, вызывавшим страх, но также означавшим исцеление. Поэтому Асклепий, бог врачевания, связан со змеем; эмблема с профилем змеи часто используется в медицине до сих пор. В храме Асклепия, Асклепионе, являвшемся своеобразной древней хижиной, в земляном основании пола находилась дыра, сверху заложенная камнем, дыра-ход вела в нору, в которой жил священный змей. В камне имелась щель, предназначенная для опускания платы людьми, приходившими исцелиться. Змей одновременно служил как бы кассиром клиники и собирателем даров, бросаемых ему в нору. Во время страшной эпидемии чумы в эпоху правления Диоклетиан знаменитый змей из Асклепиона в Эпидарии был доставлен в Рим как панацея. Он представлял своим присутствием самого бога.

258 Кроме божественной миссии исцеления, змею приписывались такие качества, как мудрость и дар пророчества. В знаменитом Кастальском ключе, символизирующем источник вдохновения, жил питон. Аполлон, сражаясь, победил питона; с этого времени Дельфы стали местом пребывания знаменитого оракула, а Аполлон — их богом. Позже половина могущества перешла к Дионису, появившемуся с Востока. Под землей, где обитают духи мертвых, змеи и вода всегда

встречаются вместе, о чем упоминает в «Лягушках» Аристофан. Легендарный змей часто заменялся драконом; латинское «draco» переводится просто как «змея». Символ, представленный во сне, можно соотнести с христианской легендой V века о святом Сильвестре. В пещере под скалой Тарпейи в Риме жил страшный дракон, в жертву которому приносились юные девушки. По другой версии, дракон был искусно сделан, и, чтобы доказать это, в пещеру спустился один монах. Он обнаружил меч, торчащий из пасти искусно сделанного чудища, а вместо глаз сверкали бриллианты.

259 Часто в мистериальных пещерах, как и в Кастальской, находился источник. Источники играли очень важную роль в культе Митры, из которого произошли многие ритуальные элементы ранней церкви. Порфирий рассказывает, что Зороастр, пророк и реформатор древнеиранской религии, освятил в честь Митры пещеру, в которой было несколько источников. Те, кто был в Германии и видел Саальбург (Saalburg) около Франкфурта, могли заметить источник неподалеку от пещеры Митры. Его культ всегда связывался с источником. В прекрасной Митрейе в Провансе есть большой бассейн с удивительной кристально-чистой водой, а за ним скала с высеченным на ней изображением сцены жертвенного убийства быка Митрой. Подобные святилища всегда возмущали ранних христиан. Они ненавидели натурализованные церемонии митрян и тем не менее восприняли от них ряд обрядовых элементов. В Риме обнаружили митрейон⁷, находившийся на глубине около четырех метров под церковью св. Клементя. Он неплохо сохранился и был полностью заполнен водой, которая после того, как ее откачивали, вновь прибывала. Известны и другие религиозные направления античности (например, орфический культ), всегда связывавшие подземный мир с водой.

260 Анализируя сказанное, можно заметить, что все примеры взяты из античности. Действительно, образ змея в пещере с водой в античный период был широко известен и играл важную роль в религиозно-общественной жизни. Но можно было бы провести аналогии и с другими цивилизациями и там найти то же самое. Вода под землей в емкости представляет бессознательное. В глу-

⁷ Митрейон — ритуальное сооружение в честь Митры.

бине, как правило, находится сокровище, охраняемое змеем или драконом. В приведенном сне сокровищем является золотой кувшин с кинжалом. Чтобы завладеть сокровищем, надо победить дракона. Сокровище несет в себе таинственный смысл. Оно связано со змеем необычным образом: своеобразная фигура змея сама по себе представляет характер сокровища, словно змей и сокровище одно и то же. Часто змей сам оказывается золотым. Золото есть нечто, чем каждый стремится обладать, поэтому золотой змей — сокровище, источник власти и мощи. В раннегреческих мифах обитателями пещер являются герои, такие, как, например, Кекроп, основатель Афин. Он наполовину мужчина, наполовину женщина, гермафродит; нижняя часть тела змеевидная; он настоящий монстр. То же можно сказать и об Эрехтее, другом мифическом царе Афин.

261 Мы приближаемся к уяснению символа золотого кувшина и кинжала. Видевшие вагнеровский «Парцифаль» знают о соответствии кувшина чаше Грааля, а кинжала — копьё, оба составляют единое; это мужское и женское начала, образующие единство противоположностей. Пещера, или подземный мир, представляет собой слой бессознательного, в котором нет никакого поэлементного членения и даже различия между мужским и женским, которое в первую очередь выделяют первобытные люди. Подобным образом они различают любые предметы, мы тоже иногда так поступаем. Например, некоторые ключи имеют отверстие в бороздке, а у некоторых бороздка сплошная. Мы называем их мужскими и женскими. Или возьмем, например, черепичные крыши в Италии. Выпуклая черепица кладется сверху, вогнутая — снизу. Верхнюю называют монахом, нижнюю — монахиней⁸. И это не неприличная шутка итальянцев, а квинтэссенция различения.

262 Бессознательное, сводя вместе мужское и женское, делает предметы совершенно неразличимыми, поэтому невозможно сказать, мужские они или женские, так же как и Кекроп возник из такой мифической дали, что уже невозможно говорить, мужчина он или женщина, человек или змей. Так же и дно цистерны в сне

⁸ Ср.: разъемы в радиоэлектронике по типу штепсель — розетка называют «папа» — «мама». (Примечание переводчика.)

характеризуется полным единством содержащихся в ней противоположностей. Это первичное единство элементов вечно противопоставляется их раздробленности. Но в крайних точках конфликт угасает, и все пребывает или вновь оказывается в первоначальном состоянии нерасчленимой гармонии. Сходные идеи содержатся в древнекитайской философии. Идеальное состояние именуется Дао (рис.13), и оно состоит из полной гармонии между небом и землей. Одна сторона символа Дао — белая с черным пятном, другая — черная с белым. Белая сторона — горячая, сухая, светлый принцип, юг; черная сторона — холодная, влажная, темный принцип, север.

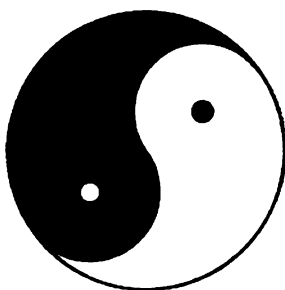

Рис. 13. Дао

Состояние Дао — это начало мира, в котором еще ничего не началось, а также состояние, достигаемое высшим разумом. Идеи единства двух противоположностей, принципов мужского и женского — образ архетипический. Однажды я стал свидетелем случая бытования первобытной архетипической формы. Во время войны я был в армии, служил в горной артиллерии. Как-то солдаты копали глубокое укрытие для тяжелого орудия. Вытаскивая тяжелые камни из каменистого, неподатливого грунта, они кляли свою работу; я находился неподалеку и прислушивался к их разговору. Один из солдат сказал: «Проклятье, ну и работка нам досталась: ковырайся в этой дурацкой долине, где когда-то жили русалки и еще до сих пор спят вместе отец и мать». Та же самая мысль, только выраженная наивным образом. По африканскому мифу, первый мужчина и первая женщина спали вместе в тыкке; они ничего не замечали до тех пор, пока не обнаружили, что разорваны надвое, а между ними находится сын. Посреди был человек, и с этого момента мужчина и женщина разделились

и познали друг друга. Первоначальное сознание абсолютного бессознательного выражается как полностью покоящееся состояние, где ничего не происходит.

263 Когда сновидец имеет дело с архетипическими символами, он вступает в область полного бессознательного, которое представляется как величайшее сокровище. Это центральный мотив «Парцифалья» Вагнера. Копье должно быть возвращено чаше Грааля, потому что они существуют вместе вечно. Этот союз — символ целостного завершения, вечность до и после творения мира, потенциальное условие. Это и возможный идеал, который так страстно ищет человек. Вот почему он, рискуя, спускается в пещеру, где находится дракон, — обрести состояние, когда сознание и бессознательное объединяются настолько, что сам человек оказывается сознающим и несознающим одновременно. Но, увы, и то, и другое слишком разделены, и сознание вновь ищет пути к объединению, спускаясь в глубины, в которых они были одним целым. Это можно найти в Тантрической йоге или йоге Кундалини — попытки достичь состояния, в котором Шива находился бы в вечном союзе с Шакти. Шива — вечно напряженная точка, окруженная женским принципом Шакти в виде змеи.

264 Список аналогичных идей можно было бы продолжить. Единство и гармония играют значительную роль в эзотерической традиции средневековья. В алхимических текстах можно встретить изображение процесса соединения Солнца и Луны, мужского и женского начал. Аналогичный символизм прослеживается в христианских хрониках о древних мистериях. Например, в отчете епископа Астерия об Элевсине говорится, что каждый священнослужитель совершал *катабазис*, или спуск в пещеру. А жрец Аполлона и жрицы Деметры, матери земли, праздновали *иерогамии*, священное бракосочетание, дабы земля вечно оставалась плодородной. Это свидетельство христианское и не является, впрочем, окончательно установленным. Посвященные в Элевсинские мистерии сохраняли строжайшую тайну, разгласивших ожидала смерть. Поэтому никаких конкретных сведений о содержании ритуала нет. Известно, правда, что во время мистерий в честь Деметры совершались ритуалы непристойного характера, служившие символизацией оплодотворения земли. Кворум мистерий

представляли известные женщины Афин во главе со жрицами Деметры. Начиналась изысканная трапеза, на которую подавалось множество самых разнообразных вин; затем совершался ритуал сквернословия. Он подразумевал произнесение непристойных шуток, которые рассматривались как религиозный долг, ибо связывались с благоприятным прогнозом на будущий урожай⁹. Аналогичный ритуал совершался в Бубастисе, в Египте, во времена мистерий в честь Изиды. Жители деревень по берегам Верхнего Нила спускались на своих суденышках группами вниз по течению, и женщины на барках демонстрировали себя женщинам, стоящим на берегу. Это делалось, по всей вероятности, с той же целью, что и в обряде сквернословия, — обеспечить большее плодородие земельных участков. Об этом можно прочесть у Геродота (Книга 260). В южной Германии вплоть до XIX века для увеличения плодородия почвы крестьянин каждый год брал жену на поле и совокуплялся с ней на борозде. Подобный ритуал относится к симпатической магии.

265 Кувшин является сосудом, функция которого вмещать или получать, отсюда его женское начало. Это символ пола, содержащего аниму, дыхание и живительную влагу жизни; кинжал же, обладая колющими, проникающими свойствами, является мужским началом. Он режет, разделяет, расщепляет, следовательно, символизирует принцип мужского Логоса.

266 В нашем сне кинжал оказывается ключом к Толедо. Идея ключа часто связывалась с мистериями в пещере. В культуре Митры был представлен особый бог — бог ключа Эон, присутствие которого в божественном пантеоне никак не объяснялось, но я думаю, понять это нетрудно. Бога изображали в виде крылатого существа с мужским те-

⁹ Юнг К. Г. Психология и алхимия. — Киев, 1997, пар.105, сноска 35. По данным классической филологии, сообщение епископа Астерия относится к мистериям Деметры, которые имели место в Александрии; в ходе ритуала жрец (но только не Аполлона) и жрица совершали иеросгамос. Сквернословие в угоду Деметре имело место во время Тесмофорий — осеннего праздника в ее честь, Стений — празднования ее возвращения и Алой — священнодействия в честь Деметры и Диониса, происходившего в середине зимы. См.: Harrison J. E. Prolegomena to the Study of Greek Religion. — Cambridge, 1922, ch. 4.

лом и головой льва, обвитого змеей, возвышавшейся над его головой. Изображение его имеется в Британском музее¹⁰. Он представляет Неопределенное время и Длющуюся вечность; он является верховным богом в иерархии митраизма, созидающим и разрушающим все существующее, в бергсонианском смысле творческое время. Он же и бог солнца. Лев — зодиакальный знак, в котором солнце находится летом, в то время как змея символизирует зиму или влажный сезон. Поэтому Эон, львиноголовый бог, обвитый змеей, представляет также искомое единство противоположностей, свет и тьму, мужское и женское, созидание и разрушение. Бог изображен со скрещенными руками, держащими ключи. Это ключи к прошлому и будущему.

267 Древние мистериальные культы всегда были связаны с помпезными божествами. Некоторые из этих божеств имели ключи к подземному царству, так как являлись и хранителями врат к нему; они наблюдали за сошествием вниз, во тьму, посвященных и управляли мистериями. Одна из них — богиня Геката.

268 В нашем сюжете ключ оказывается ключом к городу Толедо, поэтому рассмотрим символический смысл Толедо и символику города как такового. Являясь древней столицей Испании, Толедо был хорошо укреплен, что само по себе считалось идеалом средневекового города: убежище и оплот, который невозможно сокрушить. Феодалный город представлял некую замкнутую в себе целостность, несокрушимую и не подавляемую веками мощь. Поэтому город символизировал целостность самого человека, принцип целостности, которая не может быть разрушена.

269 Город как синоним самости человека, его психической целостности — вообще говоря, старый и хорошо известный образ. Например, в «Новых сказаниях» об Иисусе читаем: «Город, построенный на вершине высокого храма на прочном фундаменте, не может пасть или скрыться». И: «Возжаждите поэтому познать самих себя, и вы познаете, что вы дети Отца всемогущего; и вы познаете, что вы в городе Бога и вы — сам город»¹¹. В Кодексе Брусинауса есть Колтский трактат,

¹⁰ См. рисунок на фронтисписе: Юнг К. Г. Аіоп.— Киев, 1998; см. также указатель к книге: Jung C. G. Symbols of Transformation // Jung C. G. C. W., vol. 5.

¹¹ New Sayings of Jesus and Fragment of a Lost Gospel / Ed. by B. P. Grenfell and A. S. Hunt.— New York and London, 1904, p. 36 and 15.

содержащий идею едиnorodного или единственного сына Бога, который также есть Антропос, Человек¹². В трактате назван город с четырьмя воротами. Город с четырьмя воротами символизирует идею целостности; это индивид, обладающий четырьмя воротами в мир, четырьмя психологическими функциями, так или иначе содержащимися в самости. Город с четырьмя воротами — нерушимая целостность самости, единство бессознательного и сознания.

270 Таким образом, эти глубины, этот слой абсолютного бессознательного в нашем сне содержит в то же время ключ к индивидуальной завершенности и целостности, т. е. к исцелению. Смысл слов «целое» и «целостность» — *освятить* или *исцелить*. Погружение в глубины приводит к исцелению. Это путь к целостному бытию, к сокровищу, которое страждущее человечество вечно ищет и которое находится в укромном месте, охраняемом ужасным *дангером-опасностью*. Это место первичного бессознательного и одновременно место исцеления и спасения, так как в нем содержится бриллиант целостности. Это пещера, в которой обитает дракон хаоса, и одновременно это неприступный город, магический круг или *temenos*, священный предел, в котором соединяются все разорванные части личности.

271 Использование магического круга, или мандалы, как его называют на Востоке, для лечебных целей — идея архетипическая. Когда человек болен, индейцы пуэбло из Нью-Мексико делают песочное изображение мандалы с четырьмя воротами. В центре сооружают так называемый «потный дом», или лечебный вигвам, в котором пациент подвергается потолечению. На полу вигвама нарисован другой магический круг, помещенный в центре большой мандалы¹³, а посреди него находится кувшин с целебной водой. Вода символизирует вход в подземный мир. Процесс излечения в данной церемонии явно аналогичен символизму, который обнаруживается в коллективном бессознательном. Это процесс индивидуации, идентификации с целостной личностью, с самостью¹⁴. В христианском символизме

¹² Юнг К. Г. Психология и алхимия. — Киев, 1997, пар. 138 и далее.

¹³ Мандала («круг», «диск») — один из священных символов в буддизме, в мифологии индейцев пуэбло.

¹⁴ Самость — ключевой архетип в аналитической психологии.

целостность есть Христос, и процесс индивидуации заключается в *imitatio Chriti* (подражании Христу). Ворота заменены осями креста.

272 Змей из пещеры во сне оказывается другом В. С., героя ранних лет сновидца, в которого он проецирует все идеалы, к каким стремился сам, и все добродетели, которыми он вдохновлен. Этот юный друг в большой дружбе со змеем. Он невинное дитя и еще не ведает конфликта. Поэтому он и обладает ключом к Испании и имеет власть над всеми четырьмя воротами¹⁵.

¹⁵ О дальнейшем анализе данного сна (в рамках семинара в Базеле) см.: Jung C. G. *L'Homme a la decouverte de son ame.* — Geneva, 1944, par. 314ff.

ОБСУЖДЕНИЕ

Доктор Дэвид Йеллоулис:

273 Вряд ли нужно говорить о том, что я не собираюсь обсуждать что бы то ни было из сказанного сегодня вечером. Все мы довольны, что профессор Юнг, вместо того чтобы тратить время на полемику, дал нам столь впечатляющий обзор собственных идей. Однако, думается, что кое-кто из нас был бы весьма признателен, если бы профессор согласился с тем, что наш подход к психологии и психотерапии если и не исчерпывается линией Фрейда, то все же соответствует определенным фундаментальным принципам, ассоциируемым с его именем, если последние даже и не были сформулированы самим Фрейдом. Мы глубоко благодарны профессору Юнгу за то, что он предложил нам более широкую, как нам кажется, точку зрения. Некоторые из нас отдадут ей предпочтение, и, вероятно, даже сами фрейдисты могли бы объяснить почему. Но в один из предыдущих вечеров был поднят вопрос об отношении понятия бессознательного, предложенного нам профессором Юнгом, к фрейдовской концепции, и я полагаю, было бы весьма любезно со стороны профессора Юнга, если бы он хоть как-то помог нам в этом разобраться. Я вполне отдаю себе отчет в том, что мог неправильно его понять, но во вторник у меня создалось впечатление, что профессор сказал буквально следующее: будто он сам занимается фактами, а Фрейд — теориями. Не хуже меня профессор Юнг должен знать, что такое смелое утверждение требует определенного разъяснения и подтверждения, и, я надеюсь, он скажет нам, например, что с терапевтической точки зрения следует делать, когда мы сталкиваемся с пациентом, спонтанно продуцирующим то, что я называю фрейдовским материалом, и насколько правомерно рассматривать его теории в качестве просто теорий перед лицом очевидности, подтверждаемой

таким материалом, как инфантильная фиксация либидо — оральная, анальная, фаллическая и др. Если бы профессор Юнг несколько откоррелировал сказанное им прежде, хотя бы в общих чертах, мы были бы ему весьма признательны.

Профессор Юнг:

274 В самом начале я сказал вам, что не хотел бы заниматься критикой. Я просто хочу предложить вам свою собственную точку зрения, свой метод рассмотрения психологического материала, и я полагаю, что, узнав, к чему я пришел, вы сможете составить собственное мнение об этих вопросах и решить, в какой мере вам следовать Фрейдю, Адлеру, мне либо кому-то еще. Если же вы хотите, чтобы я пролил свет на вопрос о связи с Фрейдом, я с удовольствием сделаю и это. Я начинал, находясь всецело на позициях Фрейда. Я даже считался его лучшим учеником. Я был с ним в полном согласии до тех пор, пока у меня не появилась идея о символичности некоторых вещей. Фрейд не мог с этим согласиться, он идентифицировал свой метод с теорией, а теорию — с методом. Это недопустимо, нельзя отождествлять метод с наукой. Я сказал, что в связи с этим не могу продолжать участвовать в издании *Jahrbuch*'а¹⁶, и ушел.

275 Мне прекрасно известны заслуги Фрейда, и я не собираюсь их преуменьшать. Я знаю, все, что говорит Фрейд, верно в отношении многих людей, и предполагаю, что у этих людей именно такой тип психологии, который описывается Фрейдом. Адлер, хотя у него совершенно иные воззрения, тоже имеет немало последователей, и я убежден, что «адлеровская» психология близка многим людям. У меня тоже есть свои последователи, — не так много, как у Фрейда, — это люди, разделяющие мой взгляд на психологию. Я рассматриваю свой вклад в психологию как собственное субъективное признание. То, как я вижу психологические факты, представляет собой мою личную психологию, мой предрассудок. Я признаю, что вижу вещи таким-то и таким-то образом, но ожидаю, что и Фрейд с Адлером поступят точно так же и согласятся с тем, что их идеи пред-

¹⁶ «*Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen*» (Лейпциг и Вена) — орган психоаналитического движения. Юнг вышел из состава редакции в 1913 году.

ставляют их субъективную точку зрения. От того, в какой мере мы сможем признать наши личные предрассудки, зависит наш реальный вклад в объективную психологию. Мы не можем избежать наследования предрассудков по линии наших предков, желающих смотреть на вещи определенным образом, и потому уже инстинктивно имеем определенные взгляды. Я был бы невротиком, если бы смотрел на вещи не так, как мне подсказывают инстинкты; моя змея, как сказал бы первобытный человек, была бы во всем против меня. Когда Фрейд говорил некоторые вещи, моя змея не соглашалась. И я выбрал маршрут, предписанный мне моей змеей, так было лучше для меня. Но у меня были и пациенты, с которыми приходилось проводить фрейдовский анализ и входить во все те детали, которые были точно описаны Фрейдом. Мне встречались и другие случаи, которые требовали обращения к адлеровской точке зрения, поскольку речь шла о комплексе власти. Люди, обладающие способностью к адаптации и преуспевающие, более склонны к фрейдовской психологии, поскольку при таком положении дел человек может думать об удовлетворении своих желаний, тогда как неудачнику не до этого. У него лишь одно желание — выдвинуться, следовательно, в работе с ним применим адлеровский подход к психологии, ибо у человека, который вечно оказывается на вторых ролях, развивается комплекс власти.

276 У меня нет комплекса власти в этом смысле, потому что я был довольно удачлив и практически во всех отношениях был способен к адаптации. Даже если со мной не согласен весь мир, мне это совершенно безразлично. У меня в Швейцарии безупречное положение, я доволен собой, и, даже если мои книги никому не нравятся, они не перестают нравиться мне. Я не знаю ничего лучшего, чем пребывание в собственной библиотеке, и, если я открываю что-либо новое в своих книгах, — это чудесно. Я не могу сказать, что у меня фрейдовский подход к психологии, поскольку, что касается моих желаний, я никогда не знал подобных сложностей. Мальчиком я жил в селе и воспринимал вещи очень естественно, а те естественные и неестественные вещи, о которых говорит Фрейд, меня не интересовали. Разговоры об инцестуозном комплексе способны довести меня до слез. Но я точно знаю, что может действительно сделать меня

невротиком: если я начну говорить или верить в нечто такое, что мне не свойственно. Я говорю то, что думаю, если кто-то согласен со мной, меня это радует, но, даже если не согласен никто, меня это не огорчает. Я не могу присоединиться ни к фрейдовской, ни к адлеровской конфессиям. Для меня приемлема лишь юнговская конфессия, ибо, если даже на всей земле не будет ни единого человека, разделяющего мои взгляды, я все равно буду смотреть на вещи именно так, а не иначе. Я лишь надеюсь дать вам ряд интересных идей, а также показать, как я работаю с материалом.

277 Мне всегда интересно увидеть мастера за работой. Его мастерство придает очарование ремеслу. Психотерапия — это ремесло, и то, что мне положено делать, я делаю своим особым способом — способом достаточно простым, так что и говорить-то, кажется, не о чем. Я ни на миг не допускаю, что абсолютно прав. В психологических вопросах никто не бывает абсолютно прав. Никогда не забывайте о том, что в психологии средство, с помощью которого вы судите о психическом и наблюдаете за ним, это и есть само психическое. Слыхали ли вы когда-нибудь об ударяющем по самому себе молотке? В психологии объектом наблюдения является сам наблюдатель. Психическое не только объект, но и субъект нашей науки. Как видите, это своеобразный порочный круг, поэтому нам следует быть очень осторожными. Наибольшее, чего мы можем ожидать, — это чтобы каждый открыл свои карты и признал: «Я обращаюсь с вещами таким-то и таким-то образом, а вот такими я их вижу». После этого мы можем обменяться своими замечаниями.

278 Я всегда обменивался впечатлениями с Фрейдом и Адлером. В трех книгах, написанных моими учениками, была предпринята попытка дать конспективное изложение этих трех точек зрения¹⁷. Вы никогда не услышите ни о чем подобном с противоположной стороны. Таков наш швейцарский темперамент. Мы либералы и стараемся рассматривать все вместе, в одном ряду. На мой взгляд, лучше всего сказать, что, вероятно, есть тысячи людей, имеющих фрейдовский тип

¹⁷ Kranefeldt W. M. Secret way of the Mind.— New York, 1932; Heyer G. R. The Organism of the Mind.— London, 1933; Adler G. Entdeckung der Seele.— Zurich, 1934.

психологии, и точно так же есть тысячи людей с адлеровским типом психики. Некоторые ищут удовлетворения желаний, другие — достижения власти, а третьи хотят оставить все на своих местах и видеть мир таким, каков он есть. Мы не хотим ничего менять. Мир хорош таким, каков он есть.

279 В настоящее время существует немало различных психологий. Некоторые американские университеты каждый год выпускают по тому психологии соответственно за 1934, 1935 год и т. д. В психологии существует тотальный хаос, поэтому не относитесь слишком серьезно к психологическим теориям. Психология не символ веры, а точка зрения, и если относиться к этому по-человечески, то можно прийти к общему согласию. Я признаю, что одних людей беспокоит сексуальность, других — нечто иное. Меня в основном заботит нечто иное. Теперь вы имеете представление о том, как я смотрю на вещи. Битва с огромным монстром исторического прошлого, змея столетий, бремя человеческого сознания, проблема христианства — вот что не дает мне покоя. Все было бы намного проще, если бы я ничего не знал; но благодаря моим предкам и моему образованию я знаю слишком много. Других людей подобные проблемы не беспокоят, их не заботит историческое бремя, которое возложило на нас христианство. Но есть люди, охваченные пылом борьбы между настоящим и прошлым или будущим. Это величайшая человеческая проблема. Одни люди делают историю, а другие строят маленький домик в пригороде. Случай Муссолини не объяснить простым указанием на факт наличия у него комплекса власти. Он сосредоточен на политике, в ней его жизнь и его смерть. Мир огромен, и ни одна теория не может объяснить в нем все.

280 Для Фрейда бессознательное является главным образом вместилищем вытесненных содержаний. Он смотрит на него из угла детской комнаты. Для меня бессознательное является безбрежной исторической сокровищницей. Я сознаю, что и у меня была детская комната, но она невелика в сравнении с безбрежными просторами истории, которые с юных лет интересовали меня больше, чем детство. Таких людей, как я, немало, в этом плане я оптимист. Когда-то, когда я думал, что таковых нет, я опасался, что это мегаломания. Но затем я обнаружил немало людей, имеющих сходную с моей точку зрения,

и с удовлетворением узнал, что отношусь к тем, пожалуй, немногим людям, чью психологию, в ее фундаментальных проявлениях, довольно удачно выражают предложенные мной формулировки: если таких людей подвергнуть анализу, обнаружится, что их психологическая сущность ближе к моей точке зрения, а к не фрейдовской или адлеровской. Меня упрекали в простодушии. Когда в связи с проблемами какого-то пациента я испытываю неуверенность, я даю ему книги, написанные Фрейдом или Адлером, и говорю: «Сделайте свой выбор» — в надежде на то, что мы выйдем на верный путь. Иногда мы оказываемся на ложном пути. Как правило, людям, достигшим определенной зрелости, имеющим философский склад ума, преуспевающим и не слишком склонным к неврозам, ближе моя точка зрения. Но из всего мною сказанного не следует делать вывод, что я всегда раскрываю карты и рассказываю пациенту все, что по этому поводу думаю. Время не позволяет входить во все детали интерпретации. Но некоторые случаи требуют привлечения большого материала, и пациенты признательны, когда они прозревают путь, ведущий к обогащению их воззрений.

281 Я не могу сказать, смог бы я найти общий язык с Фрейдом, если некую область бессознательного он называет словом «Ид» (Оно). К чему такое смешное название? Это бессознательное, и это нечто такое, чего мы не знаем. Зачем называть его «Ид»? Безусловно, различие темпераментов порождает различие в воззрениях. Мне никогда не удавалось пробудить в себе такой уж отчаянный интерес ко всем этим сексуальным случаям. Да, они существуют, существуют люди с невротической сексуальной жизнью, и вам приходится обсуждать с ними все эти сексуальные материи, пока им не надоест и вы, наконец, избавитесь от этой скуки. Естественно, я, со своим темпераментом, считаю за благо поскорее разделаться с этим. Это невротическая материя, и ни один психически нормальный благо-разумный человек не станет попусту тратить время на подобные разговоры. Задерживаться на таких предметах противоестественно. Первобытным людям свойственна большая скрытность на этот счет. Они намекают на сексуальную связь с помощью слова, равнозначного нашему «тише!». Сексуальные предметы для них являются табу, точно так же как и для нас, если только мы нормальны. Но табуированные

предметы и места всегда имеют тенденцию принимать на себя всякого рода проекции. И поэтому очень часто реальную проблему следует искать вовсе не здесь. Есть немало людей, которые создают себе лишние проблемы по поводу секса, в то время как на деле их беспокоят проблемы совершенно иной природы.

282 Однажды ко мне пришел молодой человек с неврозом навязчивости. Он принес мне свою рукопись объемом в сто сорок страниц, в которой давался полный фрейдовский анализ его случая. Все было выдержано в строгом соответствии с правилами и вполне могло быть опубликовано в «Jahrbuch». Он сказал: «Не могли бы все это прочесть и объяснить мне, почему я не излечился, несмотря на то, что провел полный психоанализ?» Я ответил: «Как и вы, я ничего не могу понять. По всем правилам искусства вы должны были излечиться, но раз вы говорите, что этого не произошло, я просто вынужден вам поверить». Но он по-прежнему вопрошал: «Почему я не излечился, несмотря на полное проникновение в структуру моего невроза?» Я снова ответил: «Не могу оспаривать вашу позицию. Все отработано просто великолепно. Остается лишь один, возможно, дурацкий вопрос: вы не упомянули, откуда вы родом и кто ваши родители. Вы говорите, что провели прошлую зиму на Ривьере, а лето в Сент-Морице. Вы сами сделали такой выбор или об этом позаботились родители?» — «Конечно же, нет». — «Тогда у вас, наверное, хорошо налаженный бизнес, и вы умеете делать большие деньги?» — «Нет, делать деньги я не умею». — «Может, вам повезло с дядюшкой?» — «Нет». — «Тогда откуда же у вас появились деньги?» Он ответил: «У меня есть определенная договоренность с моим другом, который дает мне деньги». Я позволил себе некоторую оценку: «О, это, должно быть, просто сказочный друг», — на что он сказал: «Это женщина». Она была значительно старше его, тридцати шести лет, и работала учительницей в начальной школе. Получая довольно низкое жалование, она, как это бывает со старыми девами, влюбилась в двадцативосьмилетнего парня. И, чтобы он мог проводить зиму на Ривьере, а лето в Сент-Морице, сама жила на хлебе и молоке. «И вы еще спрашиваете, почему вы больны!» — сказал я. Он тем не менее возразил: «Вы рассуждаете, как моралист; а это ненаучно». Я сказал ему: «Деньги в вашем кармане — это деньги жен-

щины, которой вы морочите голову». Он ответил: «Это не так, у нас был уговор на этот счет. Я имел с ней серьезную беседу, и то, что я беру у нее деньги, вообще не тема для обсуждения». На это я сказал: «Вы убеждаете себя в том, что это не ее деньги, но вы живете на них, и это аморально. В этом причина вашего невроза навязчивости. И это компенсация и наказание за аморальность вашей позиции». Разумеется, подобная точка зрения совершенно ненаучна, но, по моему убеждению, он заслуживает своего навязчивого невроза и не избавится от него до скончания своих дней, если не перестанет вести себя по-свински.

Доктор Томас А. Росс:

283 Не вышло ли это наружу в процессе анализа?

Профессор Юнг:

284 Он тут же ушел, преисполненный чувства собственного достоинства, думая: «Этот доктор Юнг — никчемный моралист, а не ученый. Другой бы, вместо мелочного морализаторства, с воодушевлением ухватился за такой неординарный случай». Но он совершает преступление: ради приятного времяпрепровождения обкрадывает порядочную женщину, пользуясь тем, что она сберегала на протяжении всей своей жизни. Этот парень заслуживает тюрьмы, и его невроз навязчивости — вполне заслуженное им наказание.

Доктор Перси У. Л. Кэмпс:

285 Я не психолог, а обычный практикующий врач-терапевт и отношусь к тем, кто не претендует на большее, чем пригородный домик. В этой аудитории я аутсайдер. В первый вечер я подумал, что не имею права здесь находиться; но во второй — снова был здесь; на третий — я уже радовался, что пришел; а на четвертый — вдруг оказался в дебрях мифологии.

286 Я бы хотел кое-что спросить по поводу прошлого вечера (третья лекция). Мы уходили под впечатлением вашей идеи о том, что совершенство вовсе не желательно, что оно одновременно знаменует собой конец и цель существования¹⁸. После этого я, прав-

¹⁸ Имеется в виду намек на высказывание Юнга в предыдущей лекции: «Одни люди делают историю, а другие строят маленький домик в пригороде». См. выше. (Примечание переводчика.)

да, спал крепко, но все-таки чувствую, что пережил некоторый нравственный шок. Возможно, я не столь высоко интеллектуален, но это к тому же был и интеллектуальный шок. Профессор Юнг заявил, что он детерминист или фаталист. После проведенного им анализа от него ушел разочарованный молодой человек, который впоследствии и вовсе потерпел крах. Однако профессор Юнг считает, что подобный крах был единственно правомерным. Я полагаю, что психологи призваны лечить людей, что у вас должна быть цель в жизни, а не просто удовлетворение собственных интересов, будь то мифология или изучение человеческой природы. Вам необходимо достичь самого дна человеческой природы и попытаться как-то перестроить ее.

287 Я с величайшим интересом вслушивался в простые английские термины профессора Юнга и восхищался ими. Меня просто поразила вся эта новая терминология. Послушать о наших ощущениях, мышлении, чувстве и интуиции, к которым, вероятно, можно добавить еще нечто, было для меня, обычного человека, чрезвычайно интересно.

288 Но я чувствую, что мы не услышали о том, как развивается детское сознание или скорее бессознательное. Мне кажется, что о детях мы мало что услышали. Я хотел бы спросить профессора Юнга о том, каким образом бессознательное ребенка становится сознанием.

289 Я также хотел бы узнать, не сбивает ли нас с пути это обилие диаграмм, барьеров, разного рода Эго и Ид, прочих описанных нам вещей; не разобрались ли бы мы лучше в этих диаграммах, будь у нас некая градация стадий.

290 Как отметил профессор Юнг, мы унаследовали лица, глаза и уши, так что существует множество лиц, равно как и в психологии также наличествует множество типов. Имеет ли смысл предположить, что на почве этой наследственности произрастает огромное множество разнообразных возможностей, что это многообразие есть своего рода сеть или сито, воспринимающее впечатления и осуществляющее их селекцию в ранний бессознательный период жизни, а позднее пропускающее их в сознание? Я хотел бы спросить профессора Юнга, столь выдающегося психолога, величайшего, по моему мнению, не посещали ли подобные мысли и его нынешним вечером?

Профессор Юнг:

291 После таких суровых упреков в аморальности я просто обязан объяснить свои вчерашние циничные замечания. Я не такой уж плохой, как это могло показаться. Естественно, я пытаюсь сделать для своих пациентов все, что могу, но в психологии очень важно, чтобы врач не стремился вылечить любой ценой. Он должен быть крайне осторожным, дабы не навязать пациенту свою волю и убеждения. Мы должны оставлять ему определенную степень свободы. Как бесполезно спорить с судьбой, так и в медицине вы не можете излечить пациента, если природа назначила ему умереть. И это еще вопрос: дозволено ли вам спасти человека от того, что ему суждено вынести во имя своего дальнейшего развития. Вы не можете уберечь некоторых людей от совершения ужасных глупостей, ибо у них такая натура. Если оберегать их начну я, то в этом не будет никакой их заслуги. Мы обретаем собственное достоинство и развиваемся психологически, только принимая себя такими, какие мы есть, и проживаем всерьез вверенную нам жизнь. Наши грехи, ошибки и заблуждения необходимы нам, иначе мы будем лишены наиболее ценных побудительных причин к развитию. Я не пытаюсь вернуть человека, который услышал нечто такое, что могло изменить его разум, но ушел, не обратив на это внимания. Вы можете обвинить меня в отсутствии христианского чувства или варварстве, но меня это уже не беспокоит. Я на стороне природы. Старинная китайская Книга Мудрости гласит: «Учитель говорит единожды». Он не станет гоняться за людьми, это нехорошо. Те, кому дано услышать, поймут, те же, кому не предназначено понять, не услышат.

292 У меня было впечатление, что эта аудитория состоит главным образом из психотерапевтов. Если бы я знал, что здесь присутствуют медики, я бы нашел более подходящие выражения. Но психотерапевты поймут. Фрейд — цитирую собственные слова мэтра — говорит, что «нехорошо пытаться лечить любой ценой». Он часто повторял это мне, и здесь он прав.

293 Психологические истины носят обоюдоострый характер, так что все сказанное мной может быть использовано таким образом, что послужит величайшему злу, величайшему опустошению и абсурду. Нет ни одного утверждения, сделанного мной, которое нельзя было бы об-

ратить в противоположность. Поэтому я не настаиваю ни на одном утверждении. Вы можете принять их, но если и не примете, то все будет нормально. Вероятно, за это меня можно порицать, но я верю в то, что в каждом человеке есть воля к жизни, которая поможет ему выбрать те вещи, которые годятся именно ему. Когда я лечу человека, то должен быть крайне внимательным и осторожным, чтобы не сбить его с ног своими взглядами или силой своего личного авторитета, ведь он вынужден всю свою жизнь сражаться в одиночку, и он должен быть способен поверить в свою, возможно, очень непрочную броню и в свою, возможно, очень несовершенную цель. Когда я говорю: «Это никуда не годится, должно быть гораздо лучше», — я лишаю его смелости, отваги, храбрости. Он должен вспахать свое поле, возможно, не самым лучшим плугом, мой был бы, наверное, лучше, но для него-то что толку? У него нет моего плуга, мой плуг у меня, я не могу дать его кому-то взаймы; каждый вынужден пользоваться своими, пусть ненадежными, инструментами и исходить из своих, унаследованных способностей, какими бы они ни были. Конечно, я могу чем-то помочь, например, сказать: «Ваше мышление вполне совершенно, но в другом отношении вам есть над чем поработать». Если человек и слышать об этом не хочет, то настаивать я не буду, ибо не хочу заставлять его отклоняться от своего пути.

Доктор Марион Маккензи:

294 Именно таким образом и ушел со своими печальми тот богатый молодой человек, вы его не остановили?

Профессор Юнг:

295 Да, и в этом случае все обстояло так же. Если бы я сказал человеку: «Вы не должны уходить», то, скорее всего, он никогда бы и не вернулся. Я должен говорить: «Ищите свой собственный путь». Тогда он будет мне верить.

296 Что же касается детей, то в последние десятилетия вокруг этого вопроса было так много шума, что часто на какой-нибудь встрече мне хочется сказать, недоуменно почесав затылок: «Неужели здесь собрались одни повивальные бабки и няни?» Неужели весь мир состоит из родителей и дедушек с бабушками? У взрослых тоже есть проблемы. Оставьте бедных детей в покое. Я могу судить лишь о том, что рассказывает мать. Неврозы детей на совести родителей.

298 Конечно, очень интересно провести исследование в области развития сознания. На первых порах сознание пребывает в неустойчивом состоянии, и трудно сказать, в какой момент ребенок уже стал сознательным, а в какой еще нет. Но это относится к совершенно иной области: возрастной психологии. Существует психология детства, которая соответственно включает в себя психологию родителей; психология младенчества и далее вплоть до пубертатного периода; психология подростка; психология юноши и девушки; психология зрелого тридцатипятилетнего человека, а также человека, вступившего во вторую половину своей жизни; психология пожилого возраста. Здесь уже начинается наука, и у меня нет возможности вдаваться в эти материи. Я в затруднении даже тогда, когда нужно проиллюстрировать один-единственный сон. Наука очень обширна. Это все равно, что ожидать от физика, излагающего теорию света, одновременного объяснения всего курса механики. Это попросту невозможно. Психология — это не вводный курс для медсестер; это очень сложная наука, состоящая из массы знаний; поэтому вы не должны ждать от меня слишком многого. На своем уровне я делаю все, что только могу, для того чтобы разобраться со снами и рассказать вам что-нибудь о них, а осуществить все ваши ожидания я, естественно, не в состоянии. Что касается вопроса о совершенстве: стремление к совершенству есть высший идеал. Но я говорю: «Сделайте то, что вы в состоянии осуществить, вместо того чтобы гнаться за тем, чего вы никогда не достигнете». Никто не совершенен. Вспомните изречение: «Никто не благ, кроме самого Бога, и никто не может быть таким»¹⁹. Это иллюзия. Мы можем лишь скромно стремиться к самореализации и пытаться достичь максимальной полноты своего бытия. И с этим у нас будет достаточно хлопот.

Доктор Эрик Штраус:

299 Намеревается ли профессор Юнг опубликовать те соображения, которые привели его к идентификации определенных архетипических символов с физиологическими процессами?

¹⁹ Евангелие от Луки. 18:19.

Профессор Юнг:

300 Случай, который вы имеете в виду, мне предложил доктор Дэви; впоследствии он опубликовал этот материал без моего ведома²⁰. Я не хотел бы больше говорить об этой корреляции, поскольку я еще не чувствую твердой почвы под ногами. Вопросы дифференциального диагноза в случае органического заболевания и психологической символики достаточно сложны, и в данный момент я предпочел бы не говорить на эту тему.

Доктор Эрик Штраус:

301 Но ваш диагноз был поставлен на основании фактов сновидения?

Профессор Юнг:

302 Да, поскольку органические затруднения нарушили умственную деятельность. Имели место серьезная депрессия и, предположительно, глубокое расстройство симпатической системы.

Доктор Х. Крихтон-Миллер:

303 Завтра состоится последний семинар, и есть один интересующий всех нас вопрос, который, однако, еще не был затронут. Речь идет о сложной проблеме переноса. Хотелось бы знать, не сочтет ли профессор Юнг возможным сообщить нам завтра свою точку зрения — касаться взглядов представителей других школ вовсе не обязательно — относительно переноса и соответствующего с ним обращения?

²⁰ См. выше.

В ЛЕКЦИЯ

Председательствующий (доктор Джон Риз):

304 Дамы и господа! Вероятно, вы заметили, что замечания председательствующего с каждой лекцией становились все короче. Вчера профессор Юнг прервался на середине весьма продолжительного рассказа, и я думаю, что все мы хотим, чтобы он его продолжил.

Профессор Юнг:

305 Дамы и господа! Вы помните, что я начал излагать материал, касающийся того самого сна. Сейчас я нахожусь в середине своего повествования, и еще о многом необходимо поведать. Но в конце вчерашней встречи доктор Крихтон-Миллер попросил меня рассказать о проблеме переноса. Это показалось мне важным, имеющим практический интерес. Когда я анализирую подобный сон и стараюсь делать это с великой осторожностью, столь глубоко погружаясь в работу, мои коллеги недоумевают по поводу привлечения мною такого обширного материала. Они думают: «Да, это говорит о его усердии и благом намерении что-нибудь сделать с этим сном. Однако какова практическая польза от всех этих параллелей?»

306 Меня подобные сомнения совершенно не задевают. Но как раз нынче я и сам близок к той проблеме, к которой меня подтолкнула просьба доктора Крихтона-Миллера, упредившего мою собственную попытку. Просьба об обсуждении данного вопроса естественна для любого практикующего врача. Врачи-практики озабочены практическими проблемами, а не теоретическими вопросами; поэтому они всегда проявляют некоторое нетерпение, как только дело касается теоретических разъяснений. И особенно они обеспокоены отчасти занимательными, а отчасти болезненными и даже трагическими проблемами переноса. Окажись у вас немного больше терпения, и вы

смогли бы убедиться, что я занимаюсь именно тем самым материалом, с помощью которого можно анализировать перенос. Но так как сам вопрос уже был сформулирован, то, я думаю, следует пойти навстречу вашему пожеланию и рассказать о психологии и лечении переноса. Однако окончательный выбор остается за вами. У меня есть ощущение, что доктор Крихтон-Миллер высказал пожелание большинства. Верно ли мое предположение?

307 *Слушатели:* Да.

Профессор Юнг:

308 Думаю, что вы решили правильно, так как поскольку я собираюсь говорить о переносе, то у меня появляется возможность вернуться к тому, с чего я начал в связи с вышеупомянутым сном. Боюсь, правда, что у нас не хватит времени довести начатое до конца, но думаю, что будет лучше начать с ваших актуальных проблем и действительных трудностей.

309 Ничто не смогло бы заставить меня заниматься этим тщательно разработанным символизмом и столь внимательным изучением параллелей, не будь я серьезно обеспокоен проблемой переноса. Поэтому при обсуждении проблемы переноса открывается поле для такого рода работы, которую я и пытался описать вам в своей вчерашней лекции. С самого начала я сказал вам, что мои лекции будут не более чем жалким фрагментом. Я попросту не в состоянии за пять вечеров, даже после того, как спрессовал все, что возможно, дать вам более или менее полный конспект того, что я должен рассказать.

310 Говоря о переносе, необходимо вначале определить само понятие, чтобы было ясно, о чем пойдет речь. Вы знаете, что слово «перенос» изначально введено Фрейдом; из специфически рабочего термина оно постепенно сделалось общеупотребительным среди широкой публики. В обычном разговорном языке под ним подразумевается «прилипчивый», навязчивый тип отношений.

311 Термин *перенос* — перевод немецкого слова *Übertragung*, что буквально означает перетащить что-то с одного места на другое. Это слово используется также и в метафорическом смысле для обозначения перевода из одной формы в другую. Поэтому в немецком языке оно синонимично со словом *Übersetzung*, т. е. с переводом.

- 312 Психологический процесс переноса является частной формой более общего процесса проекции. Важно свести оба понятия вместе и осознать, что перенос есть частный случай проекции — по крайней мере, так его понимаю я. Разумеется, любой может пользоваться этим термином по своему усмотрению.
- 313 Проекция есть общий психологический механизм переноса субъективных содержаний любого рода в объект. Например, когда я говорю: «Цвет этой комнаты желтый», то это проекция, потому что объект сам по себе не желтый; желтый он только для нас. Цвет, как вы знаете, составляет содержание нашего субъективного опыта. То же самое и со звуком, и это — проекция, так как звук сам по себе не существует; звук существует лишь в моей голове, и это психический феномен, явление, которое я проецирую.
- 314 Перенос — это обычно процесс, происходящий между двумя людьми, а не между субъектом-человеком и физическим объектом. Процесс проекции, — поскольку субъективные компоненты переносятся в объект и возникают в нем как присущие ему, объекту, — не является актом волевым; а перенос, как психический акт, субъектом не осознается. Невозможно одновременно осознавать и проецировать, поскольку в этом случае узнаешь, что проецируешь свои собственные компоненты, а следовательно, невозможно локализовать последние в объекте, так как знаешь, что они в действительности принадлежат тебе. В проекции несомненный, очевидный факт, с которым вы сталкиваетесь в объекте, в действительности оборачивается иллюзией, и все же вы предполагаете, что наблюдаемое в объекте не может быть субъективным, что оно объективно существует. Поэтому проекция исключается, когда обнаруживается, что очевидные объективные факты суть реально субъективные содержания. В этом случае данные содержания связываются с особенностями собственной психологии, и их уже больше нельзя относить к объекту.
- 315 Порой человек думает, что вполне осознает свои собственные проекции, хотя в действительности это лишь отчасти так. То, что все же не осознается, остается носителем качества, присущего объекту. Это часто происходит в ходе практического анализа. Врач, например, говорит: «Послушайте, вы же просто переносите образ своего отца на этого человека (или на меня)» — и при этом считает, что такого

объяснения достаточно, чтобы аннулировать перенос. Данная мера достаточна скорее для врача, но не для пациента. Поскольку в проекции содержится нечто еще, пациент ее сохранит. Она не зависит от его желания: это самовоспроизводящееся явление. Проекция — факт спонтанный, автоматический. Она просто возникает, и все. И этот закон, в сущности, справедлив и для переноса. Если перенос возникает, то он возникает априори. Механизм проекции бессознателен, вот почему осознание факта проекции разрушает ее.

316 Перенос в прямом смысле есть проекция, совершающаяся между двумя индивидами; как правило, она носит эмоциональный и принудительный компульсивный характер. Сами по себе эмоции в какой-то степени всегда оказываются произвольными психическими состояниями, в которых осуществляются целевые установки Эго. Более того, субъект буквально пропитан ими и не в силах отделить их от себя. Одновременно эмоции спроектированы в объект. Поскольку субъект не в силах разрушить канал проекции, то, пользуясь объектом как рычагом, произвольные психические состояния управляют самим субъектом.

317 Эмоции неотделимы от своего носителя, равно как и идеи и мысли. Они идентичны с определенными физическими состояниями и, таким образом, глубоко внедрены в физическую сферу жизнедеятельности человека. Эмоции спроектированных содержаний всегда образуют связь, некоторое динамическое соотношение между субъектом и объектом — это и есть перенос. Очевидно, что по своему характеру эмоциональная связь, или мост, может быть отрицательной или положительной.

318 Проекция эмоциональных содержаний всегда обладает специфическим влиянием. Эмоции заразительны, вследствие того что коренятся в глубине симпатической системы; отсюда и само слово *sympathicus* (лат. «сочувственный»). Любой эмоциональный процесс незамедлительно вызывает подобные ему проявления у других людей. Находясь в толпе, движимой эмоцией, невозможно сдержать в себе те же эмоциональные проявления. Представьте, что вы находитесь в стране, языка которой не знаете, и кто-то из находящихся рядом людей пошутил: окружающие смеются, и вы тоже невольно начинаете смеяться, причем самым идиотским образом. Сдержаться очень

тяжело. Французские психологи называют это явление «ментальным заражением». Среди ряда замечательных книг на эту тему следует отметить работу Лебона «Толпа. Исследование общественного сознания».

319 В психотерапии же, даже если врач полностью освободился от эмоциональных содержаний пациента, сам факт наличия у пациента эмоций все же существенно влияет на него. Было бы большой ошибкой считать, что врач может полностью выйти из сферы влияния пациента. Больше, на что врач может рассчитывать, — это осознать, что подвергается воздействию. Если он этого не замечает, то находится слишком далеко от пациента и в этом случае не достигнет цели лечения, поскольку принимать эмоции больного и реагировать на них — в известном смысле врачебный долг. По этой причине я отказался укладывать пациента на кушетку и садиться рядом. Я усаживаю его перед собой и разговариваю с ним так, как обычно говорят два нормальных человека; здесь я выражаю себя полностью и реагирую без ограничений.

320 Очень хорошо помню случай одной дамы лет пятидесяти восьми из США, тоже врача. Она приехала в Цюрих в крайнем замешательстве и находилась в таком удрученном состоянии, что я вначале подумал, в себе ли она, но потом выяснил, что ее помраченное состояние — результат аналитической процедуры. Дама рассказала мне некоторые подробности, из которых стало совершенно ясно, что подобного замешательства никогда бы не произошло, если бы психотерапевт был нормальным человеком, а не мистиком-кудесником, сидящим рядом, совершенно бесстрастным, как бы нечаянно роняющим мудрость сверху, с высоты своего положения. После общения с этим врачом дама окончательно растерялась и наделала кучу глупостей. Когда она рассказала мне все это, я, естественно, не сдержался и, кажется, выругался. В ответ на это она вскочила со стула и воскликнула: «До чего же вы эмоциональны!» — Я не скрыл удивления: «А что? Разве это возбраняется?»

— Вообще-то нет. Но вы же психотерапевт!

— Да. Я врач-психотерапевт. Но не стремлюсь скрывать свои эмоции. Вы что, думаете, что я идиот или кататоник?

— Но вам не положены эмоции!

— Это вашему врачу не положены, но он, смею заметить, полный дурак.

В этот момент вся ситуация для нее прояснилась.

— Боже,— воскликнула она.— Теперь только я поняла, где я нахожусь. Я беседую с нормальным человеком, у которого нормальные эмоции.

Моя реакция дала ей ориентацию. Поскольку дама относилась к чувственному, а не к мыслительному типу, то нуждалась именно в подобной ориентации. А ее лечащим психотерапевтом был мужчина, живший только интеллектом и потому не имевший контактов с чувственной жизнью своих пациентов. Дама же была высоко эмоциональной натурой, сангвиником; она нуждалась в эмоциональных переживаниях и чувственных проявлениях других людей, чтобы не ощутить собственного одиночества. Иметь дело с человеком чувственного типа и говорить исключительно на интеллектуальные темы — все равно, что интеллектуалу беседовать в компании клоунов. Чувствуешь себя, как на Северном полюсе, крайне потеряннм, так как тебя никто не понимает, никто не реагирует на твои высказывания. И люди могут быть самыми замечательными, тем не менее все будет выглядеть по-дурацки, поскольку они не будут соответствовать вашему психическому типу.

321 Необходимо всегда стараться отвечать людям с учетом их ведущей психической функции, иначе контакта не произойдет. Поэтому, чтобы иметь возможность показать пациентам, что их реакции достигают меня и воспринимаются мной, я сажусь напротив — так, чтобы они могли прочесть эти реакции на моем лице и видеть, как я их слушаю. Сидя же рядом с кушеткой, на которой расположился пациент, можно было бы зевать, дремать, уходить в собственные мысли и вообще делать все, что заблагорассудится. Пациенты между тем оставались бы в аутоэротическом и изолированном состоянии, находиться в котором обычному человеку не совсем удобно. Разумеется, готовься они к отшельничеству где-нибудь в Гималаях, тогда другое дело.

322 Эмоции пациентов всегда отчасти заразительны, но они становятся чрезвычайно заразительными в том случае, когда содержание, проецируемое пациентом на психотерапевта, идентично собственным бессознательным содержаниям врача. В этом случае уже оба они

погружаются в ту же самую темную дыру бессознательного и делают-ся соучастниками. Данный феномен описан Фрейдом как контр-перенос. Он заключается во взаимной проекции и совместной связи посредством общего бессознательного. Соучастие характерно для первобытной психологии, т. е. для психологического уровня, на котором отсутствует осознанное различие между субъектом и объектом. Общее бессознательное, конечно, совершенно недопустимо в ситуации врач — пациент; все ориентации при этом теряются, и исход такого лечения печален.

323 Но даже врачи-аналитики не бывают абсолютно безупречными и, случается, в некоторых отношениях так или иначе строят свое поведение бессознательным образом. Поэтому я давно настаиваю на том, чтобы сами врачи-аналитики подвергались анализу: у них должны быть свои духовные отцы или матери. Даже сам папа римский при всей своей непогрешимости должен регулярно исповедоваться, и не кардиналу, а простому священнику. Если психотерапевт не столкнется объективно со своим бессознательным, то нет гарантии, что рано или поздно пациент не окажется в ловушке бессознательного психотерапевта. Возможно, многим известны пациенты, обладающие дьявольской изобретательностью в нахождении слабой точки, уязвимо-го места в психике врача. В эту точку они норовят спроецировать свое собственное бессознательное. Некоторые считают, что данное качество больше свойственно женщинам, но это не совсем так, мужчины делают то же самое. Они безошибочно выбирают то место, где врач наиболее уязвим и склонен делать те же проекции, что и пациент. В результате происходит соучастие, или, точнее, состояние «заражения» (контаминации) личности через общее бессознательное.

324 В отношении переноса существует предубеждение, сложившееся у всех нас в результате определения, данного Фрейдом: большинство склонны думать, что мы имеем дело с эротическим переносом. Но мой опыт не подтверждает этой теории. Я считаю, что проецируется масса вещей, и эротический перенос — лишь одна из возможных форм переноса. В человеческом бессознательном существует множество других содержаний, также являющихся высоко эмоциональными по природе, и они столь же прекрасно проецируются, как и сексу-

альность. Все активные содержания бессознательного имеют тенденцию появляться в спроецированном виде. Это, скорее, даже правило: сгруппированное бессознательное содержание обнаруживает себя прежде всего в виде проекции. Любой действующий архетип может обнаружиться в проекции, либо во внешней ситуации, либо в людях, либо в обстоятельствах, т. е. в любых объектах. Существуют переносы на животных и на предметы.

325 Не так давно я рассматривал случай одного очень интеллигентного человека. Я объяснил ему произведенную им проекцию: он спроецировал свой бессознательный образ женщины на реальную женщину, а сны очень ясно показали, насколько разительно реальная личность отличается от той, которую он ожидал увидеть. Выслушав меня, он сказал: «Если бы я знал это два года назад, то сэкономил бы 40 000 франков!» Я спросил: «Каким образом?» «Как-то раз один человек показал мне древнюю египетскую скульптуру, и я тотчас же влюбился в нее. Это была скульптура египетского кота, очень красивая вещь. Я купил ее за 40 000 франков и поставил над камином в гостиной». Далее мой пациент обнаружил, что потерял покой. Его офис находился этажом ниже, и буквально каждый час он вскакивал, отвлекался от работы и поднимался взглянуть на кота, а нагладевшись, шел обратно, чтобы снова вернуться. Это обстоятельство настолько лишило его отдыха, что он перенес скульптуру и водрузил ее на стол прямо перед собой — и тут обнаружил, что не может работать! Он вынужден был унести ее подальше, в комнату под чердаком, дабы избавиться от назойливого влияния, и все время боролся с искушением подняться и посмотреть на кота еще раз. Когда он понял свою гениальную проекцию женского образа (так как кот в самом деле символизировал женщину), тогда весь шарм и очарование скульптуры тотчас же исчезли.

326 Вот пример проекции на «оживший» физический предмет, к которому тянуло, как порой многих снова тянет к врачу-психотерапевту. Как вы знаете, врачей-психотерапевтов часто винят за змеиные глаза, магнетизирующие и гипнотизирующие людей. Этот взгляд будто бы заставляет людей снова возвращаться к врачу. Как исключение существует ряд неблагоприятных случаев контрпереноса, когда психотерапевт действительно не в силах позволить пациенту уйти;

но, как правило, такие обвинения — результат проекции пациента, приводящей порой к навязчивой мысли о преследовании.

327 Интенсивность отношений переноса всегда эквивалентна степени важности субъективных содержаний. В случаях интенсивного переноса можно быть уверенным, что проецируемые содержания, если только они выделены и осознаны, столь же важны для пациента, сколь и сам перенос. Когда последний теряет силу, то не исчезает бесследно; его интенсивность, или соответствующее количество энергии, проявится в другом месте, например, в измененном отношении к чему-либо или в другой психологической форме. Происходит это потому, что сила переноса оказывается силой эмоциональной, присущей самому пациенту. В случае аннулированного переноса вся спроецированная энергия попадает обратно в субъекта, давая ему возможность испытать чувство победителя; в противном случае энергетическое «сокровище» просто утрачивается в самом процессе переноса.

328 Теперь следует сказать несколько слов об *этиологии* самого переноса. Перенос может быть полностью спонтанным — неспровоцированной реакцией, чем-то вроде «любви с первого взгляда». Разумеется, его нельзя путать с любовью, с которой он ничего общего не имеет. Перенос лишь рядится в одежды любви. Порой он выступает так, что его можно принять за любовь, и, поддавшись на это, малоопытные психотерапевты совершают ошибку.

329 Случается, перенос возникает до первой встречи, до начала лечения. Это говорит лишь о том, что личность аналитика в этом случае не имеет никакого значения.

330 Однажды ко мне в кабинет зашла одна дама, которую недели за три до того я встретил на официальном приеме. Тогда я даже не разговаривал с ней, я лишь беседовал с ее мужем, которого знал очень мало. Позже дама написала мне письмо с просьбой о консультации, и я назначил ей время. Когда она пришла и стояла уже у самой двери, то внезапно сказала: «Я не хочу входить». Я не настаивал: не хочет, значит, не хочет. Тогда она сказала: «Но я должна!» — Я ответил: «Я вас не заставляю». — «Но вы заставили меня прийти». — «Помилуйте, каким образом?» Я подумал невольно, что она сумасшедшая, но все было не так. Просто эта женщина испытала перенос, который

притягивал ее ко мне. В это время у нее были некоторые проекции, имевшие такую высокую эмоциональную силу, что у нее не было сил им противостоять. Совершенно магическим образом ее тянуло прийти ко мне. В процессе анализа мы, естественно, выяснили, что причиной для этого послужило содержание неспровоцированного переноса.

331 Обычно перенос возникает только в процессе анализа. Часто это бывает вызвано трудностями в установлении контакта и создании эмоциональной гармонии между доктором и пациентом, что французские психологи при гипнозе и внушении называют *le rapport* (связь, отношение, взаимопонимание). Хороший раппорт означает, что пациент и врач прекрасно ладят и доверяют друг другу. Безусловно, гипнотический эффект зависит от наличия или отсутствия раппорта. В аналитическом лечении в случае, когда раппорт между аналитиком и пациентом затруднен ввиду значительной психологической дистанции между ними, бессознательное пациента пытается «покрыть» эту дистанцию и возводит компенсаторный мост. Если нормальное общение отсутствует, брешь заполняется пылкими чувствами или эротическими фантазиями.

332 Это обычно происходит с людьми, психологически очень одиночными, привыкшими сопротивляться — либо из-за комплекса неполноценности, либо из-за мании величия, или из-за чего-то еще. Из-за страха одиночества они вызывают в себе сильнейшие эмоциональные усилия, чтобы «привязать» себя к аналитику. Они впадают в безысходность от одной мысли, что он может их не понять. Так что, пуская в ход своего рода сексуальную привлекательность, они тем самым пытаются умиловить и расположить к себе обстоятельства, аналитика и даже свою собственную неохоту.

333 Компенсаторный феномен в той же степени можно отнести и к аналитику. Представьте, что врач занимается лечением женщины, которая вызывает у него сексуальные фантазии. Я бы не пожелал такого ни одному аналитику, но если это случилось, то лучше во всем разобраться. Прежде всего это информация об отсутствии хорошего человеческого контакта. Бессознательное аналитика маскирует недостаток раппорта фантазией. Такие фантазии могут быть видимыми: это могут быть чувства или ощущения, например, сексуальные. Все они — предупреждение о неправильном отношении врача

к пациенту. Если вы видите пациента во сне, также будьте внимательны и попытайтесь понять, не указывает ли сон на вашу ошибку. Больные бесконечно благодарны за честное и внимательное отношение и прекрасно чувствуют фальшь и небрежность.

334 Со мной был один весьма поучительный случай. Я занимался с девушкой двадцати-двадцати четырех лет. У нее было необычное детство: она родилась на Яве в хорошей европейской семье, воспитывала ее няня-аборигенка¹. Как часто бывает с детьми, родившимися в колониях, экзотика и эта чуждая нам, я бы сказал, варварская цивилизация наложили отпечаток на эмоциональную и инстинктивную жизнь девочки. Белому человеку это трудно понять. Существует атмосфера великого страха местных жителей перед жестокостью, безрассудством и огромной силой белого человека. Дети, рожденные на Востоке, заражены этой атмосферой, страх проникает в них и порождает бессознательные фантазии, которые искажают всю психологию детей. Они страдают кошмарами, приступами паники, не умеют адаптироваться в нормальных ситуациях, когда дело касается любви, брака и т. д.

335 Что касается моей пациентки, она безнадежно запуталась, часто попадала в рискованные эротические ситуации и заработала себе дурную репутацию. Ее адаптация к внешнему окружению оказывалась не лучшей: она неумеренно красилась, носила огромные украшения, чтобы удовлетворить в себе ту самую аборигенку, первобытную женщину, которая была у нее в крови, как будто та могла помочь ей в жизни. Девушка не могла обойтись без своих примитивных инстинктов: она с легкостью стала жертвой дурного вкуса — носила платья безобразных цветов, и все это для того, чтобы задобрить свое примитивное бессознательное. Ее выбор мужчин всегда оставлял желать лучшего и всегда заканчивался безобразными ссорами. Ее называли «великой вавилонской блудницей». Когда она пришла ко мне, то выглядела просто отвратительно. Я даже что-то сказал по этому поводу, чем ее очень расстроил.

¹ Этот случай более подробно обсуждается в статье: Jung C. G. The Realities of Practical Psychotherapy // Jung C. G. C. W., vol. 16. Рус. пер.— Юнг К. Г. Практика психотерапии.— СПб., 1998. См. также: Jung C. G. Concerning Mandala Symbolism // Jung C. G. C. W., vol. 9 (1), pars. 656–659, fig. 7, 8 и 9 с изображениями мандалы, выполненные пациентом.

336 После всего этого она приснилась мне в следующем виде: я *находился на дороге у подножия большой горы, на горе возвышался замок, в замке была высокая башня (donjon), на вершине башни — открытая лоджия с колоннами и мраморной балюстрадой, на ней сидела элегантная женщина. Я посмотрел наверх и так высоко задрал голову, что почувствовал боль в затылке. В сидящей на балюстраде женщине я узнал свою пациентку.* Проснувшись, я сразу же подумал: «Боже, почему мое бессознательное поместило эту девочку так высоко?» И тут же понял: сон указывает на мою ошибку. Я смотрел на нее сверху вниз, я плохо о ней подумал. На следующий день я обо всем ей рассказал. Это подействовало, как чудо. Никаких переносов больше не случилось, я стал общаться с ней на должном уровне.

337 Если вы действительно пытаетесь быть на одном уровне с пациентом — не слишком высоко и не слишком низко, если вы правильно оцениваете его проблему, вас меньше всего беспокоят проблемы переноса, вызываемые отсутствием раппорта, — их у вас не будет.

338 Явление переноса может возникнуть у пациентов чрезмерно самовлюбленных, которые возводят вокруг себя непробиваемую стену изоляции. Тем не менее они отчаянно желают человеческого контакта, но ничего для этого не делают и не позволяют приблизиться другим. Все это вызывает перенос. Его непросто заметить, поскольку таких людей защищает надежная стена. Вашу помощь они воспринимают как агрессию, поэтому нужно дождаться, пока они добровольно не выйдут из своей крепости. Конечно, они будут выражать свое недовольство, высказываясь в том смысле, что вы их не понимаете, но единственное, что вы можете сделать, — это запастись терпением и сказать: «Что ж, вы продолжаете оставаться внутри, вы ничего не демонстрируете, и, пока это будет продолжаться, я тоже ничего не смогу сделать».

339 В подобном случае перенос может дойти до точки кипения. Ведь только сильный пожар может заставить человека покинуть свою крепость. Это будет взрыв, но доктор должен его спокойно выдержать. Я помню случай с моей коллегой-американкой (сейчас ее уже нет в живых, поэтому я могу спокойно об этом рассказывать). Она окончила в Америке женский колледж (мы называем эти

заведения *animus incubators*), который ежегодно выпускает огромное количество перепуганных несносных девиц. В их числе и была эта «пташка»; она представлялась «очень компетентной» и угодила в достаточно неприятную ситуацию переноса. Это был случай с женатым мужчиной, который безумно влюбился в нее. Конечно, здесь была не любовь, а перенос, но он спроецировал на нее ситуацию, будто бы она желает выйти за него замуж, но не может себе такого позволить. Он задаривал ее цветами, шоколадом, украшениями, в конце концов угрожал даже револьвером. В результате она собралась и прибежала ко мне.

340 Вскоре выяснилось, что она не имеет ни малейшего представления об отношениях и чувствах мужчин и женщин. Она пребывала даже в неведении по поводу мужской анатомии, потому что в колледже, где она училась, изучали только женское тело. Можете представить, с какой ситуацией я столкнулся.

341 Я сумел разобраться в ее проблеме и понял, почему этот мужчина угодил в ловушку. Она абсолютно не осознавала себя как женщину, обладая при этом мужским складом ума. Сама природа заставила ее партнера заполнить эту брешь. Он стремился доказать ей, что она женщина и должна ответить ему, мужчине, у которого есть требования к ней как к женщине. Отсутствие же в ней женского начала послужило ловушкой. Он в такой же степени не был мужчиной, поскольку и сам этого не заметил.

342 Оба они попали в ужасную ситуацию переноса, и кому-то могло бы показаться, что и тот и другая сумасшедшие, и уж ей-то следовало бы бежать от всего этого. Что же касается лечения, то здесь мне все было ясно. Следовало довести до ее сознания, что она женщина, но это было невозможно сделать до тех пор, пока она не признает свои женские чувства и качества. Поэтому ее бессознательное осуществило удивительный перенос на меня, что, естественно, она принять не могла, я же, со своей стороны, никакого давления здесь не оказывал. Это был случай полной изоляции, обособления, и столкновение с собственным переносом лишь усилило ее защитную реакцию, которая, разумеется, должна была быть подавлена в общем контексте лечебного процесса. Поэтому я никогда не заговаривал с ней об этом, не вмешивался в ход событий и занимался главным образом анализом

сновидений. Сновидения постоянно информировали меня о развитии ее переноса. Я чувствовал, что приближается кульминационный момент, и ожидал взрыва со дня на день. Я знал, что это будет довольно неприятно и слишком эмоционально, но мне ничего не оставалось делать. После шести месяцев старательной систематической работы она больше не могла сдерживать себя и буквально прокричала: «Но я люблю вас!» После этого ее сопротивление прекратилось, и обнажились ужасные беспорядок и путаница в ее душе.

343 А теперь попробуйте представить себе эту ситуацию. Разумеется, нет ничего хорошего в том, чтобы к тридцати четырем годам вдруг обнаружить, что в тебе живет подлинно человеческое начало. И это свалилось на нее как снежный ком. Если бы я сказал ей шесть месяцев назад, что наступит день, когда она произнесет признание в любви, реакция была бы просто непредсказуема. Она пребывала в состоянии самовлюбленной изоляции, но пламя ее эмоций в результате прорвалось сквозь стены и вырвалось наружу, подобно вулканической лаве.

344 Возможно, мое отношение показалось бесчувственным и равнодушным, но в такой ситуации невозможно вести себя иначе. Фактически справиться с ситуацией подобающим образом можно, лишь полностью исключив из своего поведения какие-либо нотки превосходства. Вы просто следуете за процессом и уравниваете свое сознание и чувства в соответствии с ситуацией для того, чтобы не отличаться в заметной степени от пациента; в противном случае он почувствует себя неловко и впоследствии будет переживать глубокую обиду. Вообще неплохо иметь «резервные» чувства, которые в таких случаях могут очень пригодиться. Конечно, это требует определенного опыта. Не всегда это просто, но необходимо преодолевать подобные болезненные моменты таким образом, чтобы не вызвать отрицательные реакции у пациента.

345 Я уже упоминал о причинах переноса: это общее бессознательное и контаминация (психическое заражение). Только что приведенный мной случай — яркий тому пример. Контаминация через общее бессознательное, как правило, происходит, когда аналитик недостаточно адаптирован, другими словами, когда он невротик. Хороши ли, плохи ли его невроз, это всегда открытая дверь, через которую

может войти пациент. В этом случае происходит контаминация. Именно поэтому сам аналитик должен знать о себе как можно больше.

346 Я помню случай с молоденькой девушкой, которая до того, как попала ко мне, уже работала с двумя аналитиками. Каждый раз перед началом анализа ей снился один и тот же сон. *Она приезжает на границу и хочет пересечь ее, но не может найти таможню, чтобы заявить в декларации, что она везет с собой.* Сон давал ей ощущение того, что она никогда не найдет правильного отношения к своему аналитику, но, поскольку чувство неполноценности сохранилось, а к своим суждениям она относилась с недоверием, отношения с прежним аналитиком не прерывались, и, в сущности, никакого прогресса не наблюдалось. Пациентка проработала с ним еще два месяца, после чего все же ушла от него.

347 Затем она нашла другого аналитика. И снова ей приснилось, что она подходит к границе. *Темная ночь. Ей видится какой-то тусклый свет. Кто-то говорит ей, что это таможня. Сновидица пытается туда пробраться. Для этого она спускается с горы, идет по равнине. Ей нужно пройти через темный лес. Сновидица преодолевает страх. Когда она идет по лесу, кто-то хватает ее. Она хочет освободиться, ее держат все крепче. Вдруг ей открывается, что это ее психоаналитик.* В результате через три месяца работы у этого аналитика развился стойкий контрперенос, который предсказал сон.

348 Когда она пришла ко мне, увидев меня перед этим на лекции, ей тоже приснился сон. *Она подходила к швейцарской границе. Был день. Она увидела таможенный домик, вошла туда. Там стоял швейцарский таможенник. Перед ней была какая-то женщина, сновидица позволила ей пройти, потом настала ее очередь. У нее была только маленькая сумочка, она думала, что пройдет незамеченной. Офицер остановил ее. Она сказала, что в сумочке ничего нет. Он настоял на досмотре и стал вытаскивать из сумочки что-то такое, что становилось все больше и больше и превратилось в двуспальную кровать. Ее проблема заключалась в том, что она отказывалась выходить замуж по определенным причинам. А кровать во сне была брачной постелью. Я избавил ее от этого комплекса, и вскоре, разобравшись в себе, она вышла замуж.*

349 Такие первые сны часто бывают очень информативны. Поэтому я всегда спрашиваю нового пациента, знал ли он, что придет ко мне, встречал ли меня раньше, что ему снилось накануне визита. Проникая в бессознательное, вы получаете неоценимую информацию, которая помогает вам миновать острые углы. Перенос же никогда не бывает преимуществом, это всегда помеха.

350 Причиной тяжелых форм переноса может оказаться провокация со стороны самого врача-аналитика. Мне грустно об этом говорить, но есть такие аналитики, которые целенаправленно добиваются переноса, думая, что это необходимая и полезная часть самого лечения. Это абсолютно ошибочная идея. Ко мне попадали люди, которые после двух недель такого «лечения» испытывали состояние безнадежности. Случалось, что я был уверен в успехе анализа, дела шли великолепно, как вдруг пациент со слезами заявлял мне, что он больше не может. — Почему? В чем дело? Может быть, у вас нет денег? — Нет-нет, причина не в этом. Просто у меня нет переноса! И мне приходится объяснять, что это великое благо, что перенос — это болезнь, что у нормальных людей не бывает переноса. После этих объяснений анализ снова идет великолепно.

351 Мы не нуждаемся в переносе, равно как не нуждаемся в проекции. Тем не менее это всегда будет происходить с людьми, можно не сомневаться. Люди всегда создают проекции, правда, часто не те, которых они ожидают. Некоторые считают, что без переноса они никогда не вылечатся. Это происходит оттого, что они начитались работ Фрейда о переносе или пообщались с другими аналитиками, и подобное представление прочно вошло в них. Это полный нонсенс. Есть перенос, нет переноса — это не имеет никакого отношения к лечению. Да, определенные психические состояния просто невозможны без подобных проекций, и как проекция исчезает, став осознанной, так и перенос уходит, если добиться его осознания. Если же нет переноса, то тем лучше для вас. Вы получаете материал в любом случае, и не перенос вас им снабжает. Все, что необходимо, выводят наружу сны. Если же вы работаете для переноса, провоцируя пациента, результаты анализа будут неудовлетворительными. Вы пробуждаете ожидания, которые никогда не сможете удовлетворить. И тогда вы просто обманщик. Аналитику непозволительно вести себя

слишком дружески, потому что эффект будет направлен против него. Он не сможет оплатить предъявленный счет. Даже если ему кажется, что он делает это на благо пациента, это заблуждение. Оставьте людей такими, какие они есть. Не имеет значения, любят ли они аналитика или нет. Мы вовсе не те немцы, которые ждут, что их должен полюбить каждый клиент, которому они продали подтяжки для носков. Это слишком сентиментально. Главное для пациента — разобраться в своей жизни, и вы не поможете ему этими своими притязаниями.

352 Таковы некоторые причины переноса. Общим психологическим основанием для переноса всегда является активированное бессознательное, ищущее своего выражения. Интенсивность переноса равна важности проецируемого содержания. Сильный перенос соответствует активному содержанию, он несет в себе нечто значительное для пациента. И чем дольше он проецируется, тем больше аналитик заключает в себя эти ценности. Иначе и быть не может, но ему следует вернуть их пациенту. Без этого анализ не будет завершен. К примеру, если пациент проецирует на вас комплекс спасителя, вы должны вернуть ему не что иное, как спасителя, что бы это ни означало. Вы ведь, более чем уверен, не спаситель.

353 Проекция архетипической природы представляет особую задачу, отдельную трудность для психотерапевта (врача-аналитика). Любая профессия содержит в себе определенные трудности, и опасностью в анализе оказывается возможность заразиться проекциями переноса, в особенности архетипическими содержаниями. Когда, положим, пациент решит, что врач-аналитик (психотерапевт) есть реальное осуществление его сновидений, что он не просто врач, а духовник-герой, нечто вроде спасителя, то, конечно, тот или иной врач скажет: «Какая чушь! Это просто болезнь. Истерическое преувеличение». Однако это пощекочет его нервы, поскольку выглядит очень красиво, и, кроме того, сам психотерапевт несет в себе те же архетипы. Постепенно он начинает чувствовать, что поскольку спасители как таковые существуют, то нет ничего невероятного в том, что он окажется одним из них; затем, сначала колеблясь, а потом все увереннее убедит себя в том, что он не совсем обычный индивид. Постепенно делается обворожительным и исключительным. Он уже

не может просто разговаривать со своими коллегами, так как он стал сам не знает кем. Делается все более несговорчивым, избегает человеческих контактов, изолирует себя, в конце концов ему становится совсем ясно, что он очень важная фигура, наполненная высоким духовным смыслом, возможно, равная Махатмам в Гималаях, и, что вполне возможно, он тоже принадлежит к высокому братству. И наконец такой человек утрачивается для своей профессии.

354 У меня есть коллеги, с которыми случилось именно так. Они не смогли противостоять атакам коллективного бессознательного пациентов, раз за разом проецировавших комплекс спасителя и религиозных ожиданий на них. Пациент начинал верить в то, что аналитик владеет секретным знанием, «ключом», потерянным Церковью, с помощью которого может открыться великая искупительная правда. Аналитики поддались этому соблазнительному искушению. Они отождествили себя с архетипом, нашли свой собственный символ веры, и, нуждаясь в учениках и последователях, которые верили бы в них, стали основателями своего рода сект.

355 Эта же проблема является причиной тех специфических трудностей, которые не позволяют психологам разных школ и направлений достаточно доброжелательно обсуждать спорные идеи. Существует тенденция разбиваться на небольшие группы и обособляться в них, образуя так называемые «научные» сообщества. В действительности все они сомневаются в исключительности своей «правды», и именно поэтому они собираются вместе и твердят одно и то же до тех пор, пока не поверят в это окончательно. Фанатизм всегда есть признак подавленного сомнения. Обратимся к истории Церкви. Когда ее положение было шатким, возникали секты фанатиков. Происходило это потому, что тайные сомнения должны быть подавлены. Если человек действительно убежден в своей правоте, он абсолютно спокоен и может обсуждать противоположную точку зрения без тени негодования.

356 Для психотерапевта всегда существует профессиональный риск заражения теми проекциями, перед которыми он беззащитен. Он постоянно должен находиться во всеоружии. «Яд» действует не только психологически, он может затронуть его симпатическую систему. Я наблюдал несколько экстраординарных случаев физических заболеваний среди психотерапевтов, заболеваний с неизвестными

медицине симптомами. Я склонен относить их к эффекту продолжительной проекции, когда аналитик не способен оградить от нее свою собственную психологию. Определенные эмоциональные состояния пациента контагиозно воздействуют на аналитика, вызывая похожие вибрации в его нервной системе. Именно поэтому как психиатры, так и психотерапевты бывают иногда со странностями. Такая возможность определенно связана с проблемой переноса, и никогда не следует забывать об этом.

357 Теперь следует сказать о терапии переноса². Это весьма сложный и запутанный предмет; есть опасность, что я буду рассказывать вам о вещах, в которых вы осведомлены не хуже меня, но обойти их молчанием не могу, поскольку хочу сохранить систематичность.

358 Чтобы устранить перенос, а речь идет именно об устранении, необходимо заставить пациента осознать субъективную ценность личностного и безличностного содержаний его переноса. В проекции может оказаться не только личностный, но и архетипический материал. Комплекс спасителя — явно не личностный мотив; это предчувствие, экспектация, повсеместно обнаруживаемые в человеческих сообществах в особый период истории. Комплекс спасителя — архетипическая идея магической личности³.

359 В начале анализа проекции переноса — это неизменные повторения прошлого личного опыта пациента. Допустим, ваш пациент часто бывал на курортах. Вы знаете, какого рода там врачи. Свой опыт общения с ними он будет проецировать на вас. Сначала вам придется пробираться сквозь страх своих коллег с морских побережий, отличающихся большими гонорарами и актерством. Возможно, и вас он примет за такого же. Затем вам придется разделаться с целой серией знакомцев вашего пациента — докторов, юристов, школьных учителей, тетушек, кузин, братьев и даже с папой. Вы ошибаетесь, если думаете, что это конец. На этом ряд не заканчивается, и вы начинаете подозревать, что на вас спроецировали даже дедушку. Такое вполне возможно. Лично я никогда не сталкивался с проекцией прадедушки, но дедушку на меня проецировали. Когда вы дойдете до няни,

² О более поздних взглядах Юнга на эту проблему см.: Jung C. G. C. W., vol. 16.

³ Jung C. G. C. W., vol. 7, par. 374ff.

возможности вашего сознания будут истощены, и, если перенос на этом не закончится, несмотря на все ваши усилия, причина — в проекции безличностных переживаний. Существование обезличенных проекций опознается специфической безличностной природой их содержаний; например, комплексом спасителя или архаическим Богообразом. Архетипический характер этих образов несет в себе и магическую составляющую, т. е. обладает сверхмощным эффектом. Нашим рациональным сознанием трудно понять, почему это происходит. Бог, например, есть дух, а дух для нас не содержит ничего вещественного или динамического. Но если исследовать первоначальное значение этих терминов, то выясняется реальная составляющая опыта и становится понятным, как он воздействует на первобытный разум, на первобытную психику в нас самих. Дух (*spiritus*), или пневма (*pneuma*), означает воздух, ветер, дыхание; *спиритус*, или *пневма*, — по своему архетипическому смыслу динамические и полуматериальные сущности, вы движимы ими, как ветром; они вдыхаются в вас, в результате чего вы насыщаетесь, наполняетесь ими.

360 Спроецированные архетипические фигуры могут точно так же нести отрицательный смысл, как, например, образы колдуна, дьявола, демонов и т. п. Даже сами врачи-аналитики не вполне защищены от подобных реалий. Я знаю коллег, которые распространяют фантастические вещи обо мне и верят, что я связан с дьяволом и черной магией. И у людей, которые до сих пор не верили, что существует, скажем, дьявол, могут возникнуть самые невозможные, невысказанные фигуры при переносе безличностных содержаний. Проекция образов, содержащих родительское влияние, обычно исчезает в результате здравого размышления, но безличностные образы простым рассуждением не аннулируются. Более того, аннулировать или разрушать их было бы неправильно, так как в общем-то они весьма существенны в психическом бытии. Боюсь, чтобы пояснить это, мне придется снова вернуться к истории человеческого разума.

361 Давно известно, что архетипические образы являются спроецированными. Они и должны быть спроецированными, иначе сознание просто было бы наводнено этими образами. Суть заключается в подыскивании формы, которая явилась бы адекватным вместилищем. Испокон веков существует процедура, помогающая людям

проецировать безличностные образы. Все ее хорошо знают, возможно, многие сами прошли в ней соответственную выучку, но, к сожалению, не обратили внимания на всю важность подобной институции. Я имею в виду религиозное посвящение, которым у нас, христиан, является крещение. Когда пленяющее и неповторимое влияние родительских образов ослабевает и ребенок освобождается от своего первоначального биологического участия в совместной с родителями «битве за жизнь», бессознательная человеческая природа в своей бесконечной мудрости производит ряд посвящений. Их можно обнаружить в самых первобытных племенах — посвящение мужчины, инициация на участие в духовной и социальной жизни племени. В процессе дифференциации сознания посвящение подвергалось множеству изменений, пока не перекочевало в христианство в виде таинства крещения. В обряде крещения участвуют два формальных лица: крестный отец и крестная мать. На швейцарском наречии они носят имена Бога — «Gotti» и «Gotte». Gotti — мужская форма, означающая Отца, Gotte — женская форма. Слово Бог означает «Отец», «породитель». Крещение и духовные родители в лице крестных отца и матери выражают тайну второго рождения. Известно, что все высшие касты в Индии имеют титул «Дважды рожденный». В этом же смысле быть дважды рожденным оказывается прерогативой фараона. Поэтому в египетских храмах очень часто рядом с главным помещением для богослужений можно встретить так называемую «родильню», состоящую из одной-двух комнат, специально предназначенных для совершения ритуала. В них происходит второе рождение фараона, поскольку, хотя он и рожден во плоти как человек, он, кроме этого, создан Богом и рожден Богиней. И, следовательно, рождается как сын человека и Бога.

362 Наше крещение означает обособление ребенка от естественных родителей и от влияния родительских образов. С этой целью биологические родители заменяются родителями духовными: крестные отец и мать представляют *intercessio divina* (божественное поручительство) посредством Церкви, которая выступает как зримая форма духовного царства. В католическом ритуале и брак (здесь предполагается весьма важным, что этот мужчина и эта женщина соединяются друг с другом) осуществляется посредством церковного

ритуала; *intercessio sacerdotis* (божественное поручительство) не допускает непосредственного контакта полов. Священник представляет Церковь, а Церковь всегда оказывается между, в форме вероисповедания, которое является обязательным. Это вмешательство есть следствие не особой хитрости Церкви, но, скорее, ее великой мудрости, сама же идея восходит к истокам христианства — уже тогда мы вступали в брак не просто как мужчина и женщина, но как брачующиеся *во Христе*. У меня есть античная ваза, на которой изображено раннее христианское обручение. Мужчина и женщина держат друг друга за руку. Соединенные руки помещены в Рыбу; Рыба означает Христа. Этим символизируется, что обрученные разделены и соединены Христом. Христос находится между ними; он представляет власть, означающую отделение человека от простых природных сил.

363 Процесс выделения человека из природного мира испытан в хорошо известных обрядах инициации или обрядах, посвященных юношам, вступающим в половозрелый возраст в первобытных племенах. По достижении половой зрелости мальчики внезапно отзываются из селения. Их выводят в окрестности, где заставляют провести ночь. Из темноты слышны голоса духов, рев быков, женщинам в это время под страхом смерти запрещено выходить из дома. Среди ночи мальчиков приводят в лесную хижину, где демонстрируются всевозможные ужасные сцены. Им запрещено разговаривать: сообщается, что они умерли, а затем — что снова родились, и для доказательства этого дают новые имена. Им внушается, что они теперь другие люди, нежели были раньше, и больше не дети своих родителей. Инициация может пойти так далеко, что после возвращения матерям больше не разрешают разговаривать со своими сыновьями, так как молодые люди уже не их дети. Некогда у готтентотов один мальчик совершил инцест с матерью, чтобы доказать, что она ему больше не мать, а всего лишь женщина в числе прочих.

364 Соответствующий христианский ритуал утратил много весьма существенного, но, изучая символику крещения, можно и сейчас обнаружить следы первоначального смысла. «Родильня» — в нашем случае купель для крещения; это в сущности бассейн, рыбный садок, в котором каждый представляет маленькую рыбку: вначале

он символически тонет, а затем снова воскресает. Известно, что ранних христиан на самом деле погружали в крещенскую купель, которая была гораздо больше, чем сейчас; во многих старых церквях сооружалась крестильня отдельным зданием на собственном основании, в плане представлявшим круг. Накануне пасхи католическая церковь совершала специальную церемонию освящения купели для крещения, *Benedictio Fontis* (лат. «благословенная купель»). Обычную воду заклинали от смешения со всякими дурными силами, в результате чего она превращалась в обновленный и очищенный источник жизни, чистое, незапятнанное лоно, заключающее божественное начало. Затем священник святил воду, обходя купель, в форме креста в четырех местах, три раза дул на нее и три раза погружал в воду священную пасхальную свечу, как символ вечного света, а в это же время заклинание призывало Целомудренную силу Святого Духа погрузиться в купель. Из иерогамии (*hierosgamos* — святой брак между Святым Духом и крещенской водой как лоном Церкви) и возрождался человек в истинной невинности нового детства. Пятно греха, взятое от него и его природы, соединялось с образом Бога. Человек больше не осквернялся природными силами, он перерождался в духовное бытие.

365 Известны и другие обычаи и ритуалы, выделявшие человека из естественной животной среды. Не вдаваясь в детали, следует заметить, что, изучая психологию первобытных, можно обнаружить тесную связь всех важных жизненных событий с тщательно разработанными церемониями, цель которых — отделить человека от предшествующей стадии существования и помочь ему перенести психическую энергию в следующую стадию жизнеустройства. Когда девушка выходит замуж, она должна освободиться от давления родительских образов и избежать проекции образа отца на мужа. С этой целью в Вавилоне существовал ритуал, с помощью которого психика молодой девушки освобождалась от образа отца. Я имею в виду ритуал храмовой проституции, согласно которому девушки из знатных семей отдавались незнакомцам, посещавшим храм; тем, кто, предположительно, в дальнейшем его не посетит. Как правило, это были чужеземцы, с которыми девушки проводили ночь. Подобный институт существовал и в средние

века — *jus primaе noctis*, право первой ночи; этим правом обладал феодал-правитель по отношению к крепостным. Невеста свою первую брачную ночь должна была провести с ним. Ритуалом храмовой проституции создавался наиболее впечатляющий образ, сталкивающийся с образом мужчины, за которого юная дама собиралась замуж, в случае если возникала брачная проблема, то возвращение в исходное психическое состояние, как естественный результат внутреннего конфликта, совершалось не к образу отца, а к однажды встреченному незнакомцу, пришедшему из неведомых земель. Это давало возможность не погружаться снова в мир детских впечатлений, а находить психическое убежище в рамках собственного возраста, и тем самым в достаточной степени защищало от инфантильной регрессии.

366 Данный ритуал демонстрирует одно из самых изумительных качеств человеческой психики. Не случайно женщины сохраняют архетипический образ возлюбленного из отдаленной, неведомой земли, мужчины, появившегося из-за моря-океана, встретившего ее однажды и ушедшего назад. Этот мотив известен из вагнеровского «Летучего голландца» и ибсеновской «Дамы из моря». В обеих драмах дама ожидает чужеземца, который должен прийти из-за далеких морей, чтобы пережить большую любовь к ней и с ней. В опере Вагнера героиня по-настоящему влюбляется в образ, который видит воочию еще до того, как появляется сам герой. В «Даме из моря» героиня только однажды встретила своего избранника и теперь вынуждена все время ходить на берег моря в ожидании его возвращения. В вавилонском ритуале этот архетипический образ существовал конкретно с целью вызволить женщину из тисков родительских образов, являющихся также образами архетипическими и посему чрезвычайно мощными. Я написал небольшую книгу о взаимоотношениях между Эго и бессознательным⁴, где описал случай проекции образа отца, имевший место у лечившейся у меня женщины; и о том, как эта проблема разрешилась благодаря анализу архетипического образа, лежавшего в основе этого переноса.

⁴ Jung C. G. C. W., vol. 7, par. 206ff.

367 Первая стадия лечения переноса вовлекает не только осознание пациентом того факта, что он все еще смотрит на мир из детской или классной комнаты и т. п., то есть содержанием его проекций и ожиданий остаются все положительные и отрицательные авторитеты его личного опыта; в осознание должна быть включена вся объективная сторона вопроса. Для создания действительно зрелой установки, зрелого отношения пациент должен понять саму *субъективность* всех тех образов, которые, как казалось, создают саму проблему. Он должен ассимилировать их, сделать частью собственного психического; должен обнаружить, в каком смысле они является частью его самого; каким образом он приписывает, например, положительную оценку тому или иному *объекту*, когда фактически это и есть он сам, тот, кто эту оценку выставляет. Тем же самым образом он проецирует собственные отрицательные качества и соответственно ненавидит объект и испытывает отвращение к нему. Здесь необходимо понять, что субъект сам проецирует свою собственную низменную сторону, свою тень, так сказать, предпочитает иметь оптимистический и односторонний образ себя самого. Фрейд, как известно, имеет дело только с объективной стороной. Но фактически невозможно помочь пациенту усвоить содержание его невроза снисходительными ссылками на детское отсутствие ответственности или смиренным указанием на глупую судьбу, жертвой которой является пациент. Его невроз означает требование стать целостной личностью, а это включает узнавание и ответственность за свое целостное бытие, за его хорошие и плохие стороны, возвышенные и низменные функции.

368 Предположим теперь, что проекция личностных образов как таковая состоялась, реализовалась и возымела действие, и тем не менее имеет место перенос, который вы просто не можете устранить. Тогда в терапии переноса мы вступаем во *вторую стадию*. Эта стадия — *разделение личностных и безличностных содержаний*. Личностные проекции, как мы видели, устраняемы в принципе; для этого они должны оказаться осознанными, но безличностные проекции устранить нельзя, так как они принадлежат структурным элементам самой психики (самого психического бытия). Они оказываются не реликтами переживаемого прошлого, а наоборот, целенаправленными и компенсаторными функциями чрезвычайной важ-

ности, надежной защитой в ситуациях, в которых человек, как говорится, теряет голову. Скажем, в случае паники (неважно, внутренней или внешней) вмешиваются архетипы, дающие человеку возможность совершения адаптивных инстинктивных действий. Реакция человека в данном случае оказывается такой же, какой она обычно и была на протяжении всей истории человечества, поэтому сам механизм жизненно важен.

369 Следует заметить, что проекция этих безличностных образов сама по себе носит опосредованный характер. А поэтому устранить здесь можно лишь сам акт проекции, но никак не ее *содержание*, чего, кстати, не стоит и пытаться делать. При всех стараниях пациент не может ассимилировать безличностные содержания в своем сознании; тот факт, что они по сути *безличностные* содержания, как раз и является причиной их проекции; человек чувствует, что они не принадлежат определенному субъекту, его индивидуальному разуму, а локализуются где-то вне единичного Эго, и за отсутствием подходящей субъективной формы их вместилищем является определенный человеческий объект. Поэтому необходимо быть крайне внимательным, имея дело с безличностными проекциями. Например, было бы большой ошибкой сказать пациенту: «Пожалуйста, поймите, что вы проецируете на меня образ спасителя. А это глупо — уповать на спасителя и делать меня ответственным за это упование». Встретившись с «надеждой» подобного рода, отнеситесь к ней серьезно. Все человечество живет с подспудным ожиданием спасителя; это ожидание можно обнаружить везде: обратите внимание хотя бы на Италию или Германию (1935 г. — время прихода и разрастания фашизма. — Примечание переводчика.). Сегодня у вас, в Англии, нет спасителя, нет его и у нас, в Швейцарии. Но я не верю, что мы так уж сильно отличаемся от остальной Европы. Ситуация у нас лишь немного отличается от итальянской или германской; возможно, они чуточку менее уравновешены, но даже и у нас с уравновешенностью не все гладко. В указанных странах комплекс спасителя обнаруживается в виде психологии массы, толпы. Комплекс спасителя — архетипический образ коллективного бессознательного, и совершенно естественно, что он активизируется в эпохи, так насыщенные проблемами и дезориентацией, как, к примеру, наша. В коллективных

событиях несложно увидеть, как сквозь волшебное стекло, что может произойти с отдельным индивидом, внутри него самого. Даже в относительно простой ситуации — панике — приходят в действие все компенсаторные психические элементы. И это совсем не патологическое явление. Возможно, покажется странным, что коллективное бессознательное выражается в политической форме. Но форма — фактор весьма иррациональный, и наше рациональное сознание не может указывать ему, каким должно быть его проявление. Конечно, предоставив коллективное бессознательное самому себе, следует ожидать, что его активация окажется весьма разрушительной; она может обернуться массовым психозом. Поэтому связь человека с коллективным бессознательным всегда регулируется; существует определенная форма, в которой выражаются архетипические образы. Так как коллективное бессознательное — функция, действующая непрерывно, то человек должен постоянно поддерживать с ней контакт. Его психическое и душевное здоровье зависят от кооперации с безличностными образами. На практике подобная связь поддерживается религией, поскольку в наличии всегда имеется та или иная религиозная форма или структура.

370 Что такое религия? Религия есть психотерапевтическая система. А что делаем мы, психотерапевты? Мы пытаемся лечить страдания человеческого разума, человеческой психики или человеческой души, религия имеет дело с той же самой проблемой. Поэтому наш Бог — целитель, доктор, он исцеляет больного и имеет дело с душевными трудностями человека, а это и есть именно то, что мы называем психотерапией. Когда я говорю о религии как о психотерапевтической системе, то это не игра слов. Религия — мощно работающая психотерапевтическая система, в ней заключена огромная практическая истина. Могу сказать одно: клиентов у меня достаточно много, и живут они на разных континентах, при этом, где бы ни жил я сам, меня окружали практически одни католики; но за последние тридцать лет у меня побывало вряд ли больше чем шесть действительно верующих католиков. Подавляющее большинство пациентов составляли протестанты и иудеи. Однажды я разослал опросник людям, которых не знал лично; в нем я спрашивал: «Как бы вы поступили, окажись в психологическом затруднении? Пред-

почли бы вы пойти к доктору или к священнику (пастору)?» Самих ответов я уже не помню, но хорошо помню то, что около 20% протестантов предпочли пойти к пастору. Остальные же были настроены против пастора и предпочли доктора, причем самыми убежденными в этом оказались родственники и дети священнослужителей. Помню один интересный ответ китайца. Тот заметил: «Когда я молод, я иду к доктору, а когда стар — к философу». А среди католиков 58 или 60% ответили, что, конечно, пойдут к священнику. Это доказывает, что католическая церковь, в частности с ее строгой системой религиозных предписаний и наставлений к образу мышления, является терапевтическим институтом. У меня было несколько пациентов, прошедших аналитический курс лечения, которые после этого сделались убежденными католиками; было несколько и других, вступивших в так называемую группу «Оксфордское движение» — с моего благословения! Я думаю, что существование подобных институтов совершенно правильно и полезно. Ими нас обеспечила история, и будь я сам человеком средневекового склада мышления, то с легкостью принял бы подобное вероучение. К несчастью, воцерковление требует в некотором смысле средневекового образа мыслей, чего я не имею в достаточной степени. Но и из сказанного ясно, что я подхожу к архетипическим образам и соответствующей форме для их проекции весьма серьезно, потому что коллективное бессознательное занимает значительное место в психическом существовании человека.

371 Все личностные проявления типа инцестуозных тенденций и других детских побуждений оказываются на поверку весьма поверхностными; то, из чего в действительности состоит бессознательное, — великие коллективные события времени. По сути дела, в коллективном бессознательном индивида представлена сама история; и, когда у отдельных индивидов начинают активизироваться архетипы, мы оказываемся окруженными историей, хотя и пребываем в настоящем. Архетипический образ, диктуемый моментом истории, входит в жизнь, и каждый оказывается захваченным им. Это, кстати, и то, что мы видим сегодня. (Намек на фашизм в Италии и Германии. — Примечание переводчика.) Я предвидел это в 1918 году, когда говорил, что «белокурая бестия» пошевеливается во сне и что

в Германии что-то произойдет⁵. Никто из психологов тогда не подозревал, что я имел в виду, так как люди просто не представляли, что наша личностная психология не более чем тонкая кожа, всего лишь рябь на океанской толще коллективной психологии. Коллективная психология есть мощный фактор, фактор, меняющий всю нашу жизнь, меняющий поверхность знакомого нам мира, фактор, который делает историю. И коллективная психология действует согласно законам, весьма отличающимся от таковых в нашем собственном сознании. Архетипы — мощные решающие силы, они свидетельствуют о реальных событиях, а не о нашем индивидуальном разуме и практическом интеллекте. Перед (Первой) мировой войной все интеллигентные люди говорили: «У нас не будет войны, мы стали слишком разумны, чтобы позволить ей случиться; торговля и финансы сплетены в международный узел, так что война абсолютно невозможна». И после этого всего вспыхнула самая чудовищная битва, какую видел мир. И сейчас снова начинают твердить те же самые дурацкие вещи и о разуме, и о мирных планах, и о других подобных вещах. Они завязали себе глаза, цепляясь за этот детский оптимизм, — взгляните реальности в лицо! Совершенно очевидно, что архетипические образы решают судьбу человека. Решает бессознательная психология, а не то, что мы думаем и говорим в кулуарах, с трибуны и в совещательных комнатах.

372 Кто в 1900 году мог подумать, что через тридцать лет будет возможно то, что происходит в Германии сейчас? Могли бы вы поверить тогда, что целая нация высокоинтеллигентных и воспитанных людей может быть охвачена умопомрачающей властью архетипа? Я видел, что это грядет, и понимал это грядущее, так как знаю силу коллективного бессознательного. На поверхности же все выглядит невероятным. Даже мои друзья находятся под чарующим влиянием архетипа, и когда я в Германии, то сам в это верю; я все понимаю и знаю, что иначе и быть не может. Никто не в силах сопротивляться. Происходящее бьет ниже пояса, а не в голову; мозг при этом ничего не считает, поскольку здесь действует система симпатии, сочувствия. Это сила, которая очаровывает людей из-

⁵ Jung C. G. C. W., vol. 10, par. 17.

нутри — актуализировавшееся коллективное бессознательное. Она — архетип, общий для всех тех, кто призван к жизни. И именно потому, что это архетип, он имеет исторические корни, и мы не можем понять те или иные события, не зная истории⁶. То, что происходит сегодня, — это ожившая история Германии, подобно тому как фашизм — живая итальянская история. Не следует сохранять в себе детское ощущение происходящего, сводящее интеллектуальные и разумные идеи к простому «этого не может быть». Даже звучит по-детски: не может быть. Происходящее не имеет ничего общего с рациональными суждениями, оно — просто история. И когда перенос вашего пациента добирается до архетипа, вы попадаете в шахту, которая может взорваться. Взорваться просто потому, что вы ожидаете взрыв коллективно. (Воронья Слободка в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова: «Дом не мог не сгореть. И однажды вечером он запылал, подоженный сразу с четырех концов». — Примечание переводчика.) Безличностные образы содержат громадную динамическую энергию. Бернард Шоу говорил в «Человеке и Сверхчеловеке»: «Человек — это такое существо, которое в своих собственных делишках эгоистично до мозга костей, но за идею будет сражаться как герой»⁷. Конечно, нельзя назвать фашизм или гитлеризм идеями. Это архетипы, и потому можно сказать: дай людям архетип, и вся толпа будет действовать как один человек, без всякого сопротивления.

373 С громадной динамической силой архетипических образов справиться нельзя. Поэтому единственное, что делается на *третьей* стадии терапии переноса, — *отделение личного отношения к врачу-психотерапевту от безличностных факторов*. Совершенно ясно, что, когда вы честно и внимательно работаете с пациентом, вы ему нравитесь; если вы выполнили большой объем работы с пациентом, то он нравится вам независимо от того, мужчина он или женщина. И было бы совершенно неестественно и даже странно не испытывать никакой человеческой реакции со стороны пациента на проделанную работу. Обычная человеческая реакция для вас вполне нормальна

⁶ Юнг К. Г. Вотан // Одайник В. Психология политики. — СПб., 1996, с. 275–291.

⁷ Речь Дон Жуана в третьем акте. (Примечание переводчика.)

и естественна, и она стоит того; и это ни в коей мере не перенос. Но в соответствующей сдержанной форме и до тех пор, пока она не испорчена безличностными оценками. Это означает, с другой стороны, необходимость полного признания важности архетипических образов, многие из которых носят религиозный характер. Допускаете ли вы, что ураган нацизма в Германии наполнен религиозным содержанием? Или нет, не наполнен? Думаете ли вы, что Дуче — фигура религиозная, или нет, не суть важно, потому что он все-таки фигура религиозная. Подтверждение тому можно прочесть даже в газетах, вышедших на днях. В них процитирована стихотворная строчка о римском Цезаре: *esse deus, deus ille, Mennalka* (Вот Бог, Бог Меньалька)⁸! Фашизм представляет латинскую форму религии, и его религиозный характер объясняет, почему в целом дело приняло такой пленительный и чудовищный оборот.

374 Следствием осознания важности безличностных оценок может стать воцерковление вашего пациента, или его присоединение к религиозному вероучению, или что-нибудь подобное. Вот если он не может объединить свой опыт коллективного бессознательного в пределах той или иной религиозной формы, тогда его ждут трудности. В таком случае безличностные факторы не получают вместилище, пациент вновь оказывается во власти переноса, а архетипические образы губят человеческое отношение к врачу. Психотерапевт оказывается спасителем или — проклятие ему — не оказывается, хотя и должен был оказаться. Но врач всего лишь человек, он не может быть ни спасителем, ни любым другим архетипическим образом из тех, что активизируются в бессознательном пациента.

375 Вследствие огромной трудности и важности этой проблемы я разработал специальную методику восстановления спроецированных безличностных оценок. Методика весьма сложная, и на прошлой лекции я кое о чем упоминал в связи с вышеприведенным сном. Когда бессознательное говорит, что под христианским храмом находится тайное помещение с золотым сосудом и золотым кинжалом, то оно

⁸ См.: Вергилий Публий Марон. Буколики. Георгики. Энеида.— М., 1971. Эклога V, 64.

не лжет. Бессознательное вообще не лжет, так как природно по сути своей. Природа же не лжет никогда. *Есть золото, есть сокровище и есть величайшая цена за него.*

376 Располагай я большим временем, можно было бы продолжить эту тему и подробно рассказать о сокровищах и способах их сохранить. Это убедило бы в справедливости метода, позволяющего индивиду самому держаться вблизи своих безличностных образов. Сейчас же я могу сказать лишь пару слов и отослать к моим публикациям по этому поводу ⁹.

377 *Четвертую стадию* терапии переноса я называю *объективизацией безличностных образов*. Это существенная часть процесса индивидуации ¹⁰. Ее цель — отделить сознание от объекта настолько, чтобы индивид больше не помещал гарантию своего счастья, а иногда и жизни, в неких внешних посредников, будь то люди, идеи, обстоятельства. Чтобы он пришел к осознанию, что все зависит от того, владеет ли он сокровищем или нет. Если он чувствует, что сокровище в его руках, то центр тяжести находится в самом индивиде, а не в объекте, от которого он зависел. Достичь состояния такого освобождения — цель духовной практики на Востоке и цель всех наставлений Церкви. В различных религиях сокровище спроецировано в фигурах святых, но подобное гипостазирование невозможно для современного просвещенного разума. Огромное число индивидов не могут более выражать свои безличностные ценности в исторических символах.

378 В связи с этим они оказываются перед необходимостью отыскивать индивидуальный способ, чтобы придать форму безличностным образам. Так как в конечном счете они призваны найти эту форму, то и жизнь их течет весьма специфическим образом, иначе индивид оказывается оторванным от самой основы психического бытия и неизбежно становится невротиком, дезориентируется и конфликтует с самим собой. Но если он способен объективировать безличностные образы и соотноситься с ними, тогда он соприкасается с той

⁹ См., в частности: Jung C. G. C. W., vol. 13; Юнг К. Г. Цели психотерапии // Юнг К. Г. Практика психотерапии. — СПб., 1998.

¹⁰ Юнг К. Г. Психологические типы. — СПб., 1995, гл. XI. Термин «индивидуация». См. также: Зеленский В. В. Аналитическая психология: Словарь. — СПб.: БСК, 1997.

жизненно важной психологической функцией, которая с момента пробуждения человеческого сознания находилась под попечением религии.

379 Сейчас невозможно вдаваться в детали данной проблемы не только потому, что время истекло, но и потому, что дать адекватное выражение живому психическому опыту означает выйти за пределы научных понятий. Все, что можно сказать рационального относительно условия отделения, — это определить его как некий центр внутри психического бытия индивида, но не внутри его Эго. Это «не Эго-центр» (non-ego center). Боюсь, что придется представить вам целую диссертацию по сравнительному религиоведению, чтобы более или менее полно выразить то, что я имею в виду под не Эго-центром¹¹. Поэтому я только коснусь существа дела. Это действительно существенная проблема большого числа индивидов, приходящих на прием к врачу-психотерапевту или на анализ. Поэтому врач должен попытаться найти способ, пользуясь которым он сможет реально помочь человеку в разрешении его проблемы.

380 Принимая такой метод, мы поднимаем факел, забытый нашими коллегами в XVII веке, когда они погасили его, став химиками. Мы, психологи, исходя из химических и материальных понятий психического бытия, зажигаем этот факел вновь, продолжая тем самым процесс, который на Западе начался в XII веке, так как алхимия была делом врачей-целителей, занятых проблемами человеческого разума.

¹¹ См.: Юнг К. Г. Психология и алхимия. — Киев, 1997, пар. 44, 126, 129, 135, 325 и др.

ОБСУЖДЕНИЕ

Вопрос:

381 Могу ли я задать профессору Юнгу очень простой вопрос: не может ли он дать определение невроза?

Профессор Юнг:

382 Невроз — это диссоциация личности, вызванная существованием комплексов. Само по себе наличие комплексов не содержит в себе ничего ненормального; но если те или иные комплексы несовместимы, та часть личности, которая слишком противостоит сознательной части личности, отщепляется. Если это расщепление достигает органической структуры, диссоциация оказывается психозом, шизофреническим состоянием, на что указывает сам термин. Тогда каждый комплекс живет своей собственной жизнью, не давая личности связать их воедино.

383 Если отщепленные комплексы бессознательны, они находят лишь косвенные средства выражения, скажем, через невротические симптомы. И вот вместо того, чтобы страдать от психологического конфликта, человек страдает от невроза. Любая несовместимость характеров может стать причиной диссоциации, и, например, слишком большой разрыв между мыслительной и чувствующей функциями — это уже в незначительной степени невроз. Когда вы не вполне в согласии в каком-либо вопросе с самим собой, вы близки к невротическому состоянию. Идея психической диссоциации — наиболее общий и взвешенный подход к определению невроза, которое я могу дать. Естественно, здесь не охвачена вся симптоматика и феноменология невроза; это всего лишь наиболее общая психологическая формулировка.

Доктор Хэлтон Г. Байнес:

384 Вы сказали, что перенос не дает практической ценности анализу. Неужели невозможно придать ему телеологическое значение?

Профессор Юнг:

385 Телеологическое значение переноса становится очевидным уже из анализа его архетипических содержаний. Каково его назначение, видно и из того, что я говорил о переносе как о функции, компенсирующей недостаток раппорта (взаимопонимания) между аналитиком и пациентом, — по крайней мере, если считать, что для человеческих существ нормально, когда они находятся в состоянии взаимопонимания (en rapport) друг с другом. Конечно, нетрудно представить философа-интроверта, склонного думать, что у людей нет взаимных контактов. Например, Шопенгауэр говорит, что человеческий Эгоцентризм настолько силен, что человек способен убить своего брата только для того, чтобы начистить свои ботинки его гуталином.

Доктор Генри В. Дикс:

386 Профессор Юнг, мне кажется, можно предположить, что вы рассматриваете вспышку невроза как попытку самолечения, как попытку компенсации посредством выявления подчиненной функции?

Профессор Юнг:

387 Безусловно.

Доктор Дикс:

388 Насколько я понимаю, вспышка невротического заболевания с точки зрения человеческого развития является чем-то благоприятным?

Профессор Юнг:

389 Это так, и я рад, что вы касаетесь этого вопроса. Действительно, такова моя точка зрения. Я не слишком пессимистичен в отношении невроза. Во многих случаях мы вынуждены сказать: «Слава богу, он смог поправить свой разум, став невротиком». Невроз — это действительно попытка самолечения. Мы больше не можем понимать заболевание как *ens per se*, как нечто обособленное, хотя еще не так давно мы были убеждены, что все обстоит именно так. Современная медицина (например, раздел, касающийся внутренних органов) понимает заболевание как систему, состоящую из вредоносных и целебных факторов. Точно так же и с неврозом. Это попытка саморегулирующейся психической системы восстановить равновесие, попытка, ничем не отличающаяся от функции сновидений, только куда сильнее и действеннее.

Доктор Джеймс А. Хэдфилд:

390 Не может ли профессор Юнг дать нам краткий обзор техники активного воображения?

Профессор Юнг:

391 На эту тему, признаться, я и сам хотел поговорить сегодня в связи с анализом толедского сна, поэтому я очень рад, что можно этого коснуться. Разумеется, мне не удастся представить вам эмпирический материал, но зато я смогу дать вам представление о самом методе. Убежден, что лучше всего будет рассказать вам о случае, в котором было очень трудно обучить пациента этому методу.

392 Я лечил молодого художника, который никак не мог понять, что же я подразумеваю под активным воображением. Он пробовал и так и сяк, но понять так и не смог. Трудность заключалась в том, что он не умел думать. Все эти музыканты, художники и артисты часто вообще не могут думать, ибо они никогда не используют свой мозг целенаправленно. Мозг этого человека тоже всегда работал сам по себе, погруженный в свое художественное воображение, так что он не мог использовать мозг психологически и поэтому ничего не понимал. Я предоставил ему множество шансов, он перепробовал всевозможные трюки и фокусы. Всего, что он предпринимал, не перескажешь, я расскажу лишь о том, как он в конце концов преуспел в использовании своего воображения психологически.

393 Я жил в пригороде, и ему приходилось пользоваться поездом для того, чтобы добраться до меня. Поезд шел от маленькой станции, на стене которой висел плакат. Каждый раз, ожидая своего поезда, он разглядывал этот плакат. Это была реклама Мюррена, расположенного в Бернских Альпах, — красочная картинка: водопад, зеленый лужок и коровы на склонах холма посреди луга. Он сидел, уставившись на эту картинку, и думал о том, как разобраться с тем, что я подразумеваю под активным воображением. И вот в один из дней ему пришло в голову: «Наверное, я мог бы начать с фантазии по поводу этого плаката. Я, например, мог бы вообразить самого себя на этой картинке, как будто это реальный пейзаж, представить, что я могу взобраться по склону, где пасутся коровы, на вершину холма и увидеть, что находится по ту сторону».

394 С этой целью, придя однажды на станцию, он вообразил себя на этой картинке. Он увидел луг, дорогу, взобрался на гору и очутился

среди коров, затем, достигнув самой вершины, посмотрел вниз; тем тоже был луг, спуск с горы, а у ее подножия — изгородь с перекинутой через нее лесенкой. Он спустился вниз, перелез через изгородь, за которой начиналась тропинка, обегавшая овраг, обошел камень и наткнулся на небольшую часовню со слегка приоткрытой дверью. «Я хотел бы туда зайти», — подумал он, толкнул дверь и вошел; там, на алтаре, украшенном прелестными цветами, стояла деревянная фигура Богоматери. Он заглянул ей в лицо, и в тот самый момент кто-то остроухий скрылся за алтарем. Он подумал: «Да, все это чушь», и вся фантазия мгновенно исчезла.

395 Молодой человек вернулся домой и сказал себе: «Я так и не понял, что же такое активное воображение». Но вдруг совершенно внезапно его осенила мысль: «Да, но, может быть, это действительно было; может быть, там, за фигурой Богоматери, действительно был кто-то с острыми ушами и в мгновение ока исчез». Поэтому он решил: «Я попытаюсь все это проделать в качестве теста», и вообразил, что снова находится на станции, рассматривает плакат и фантазирует о том, как он взбирается на гору. Добравшись до вершины, он удивился тому, что открывалось его взору на другой стороне. Там была изгородь с лесенкой и спуск с горы. Он сказал: «Да, пока все в порядке. Очевидно, с тех пор ничего не изменилось». Он обошел камень, и там оказалась часовня. Он сказал: «Вот часовня, по крайней мере, это не иллюзия. Все в порядке». Дверь была приоткрыта, и это тоже его порадовало. Он поколебался с минуту и сказал себе: «Теперь, после того как я открою дверь и увижу на алтаре Мадонну, за ее спиной должно спрыгнуть нечто с острыми ушами, если же это не произойдет, значит, это все пустое!» И вот он толчком открыл дверь и увидел, что все на месте, и, как и прежде, кто-то спрыгнул вниз; и это убедило его. Теперь у него был ключ, и он знал, что может положиться на свое воображение, т. е. он научился им пользоваться.

396 У меня нет времени рассказывать вам о развитии его образов или о том, как приходят к этому методу другие пациенты. Конечно же, у каждого свой собственный путь. Я лишь упоминаю о том, что началом для активного воображения может послужить сон или впечатление, гипнагогического характера. Я предпочитаю употреблять термин «воображение», а не «фантазия», ибо между ними имеется

отличие, которое имели в виду старые врачи, говоря, что «opus postrum» — наша работа — должна делаться «per veram imaginatiōnem et non phantastica», т. е. с помощью истинного, а не фантастического воображения¹². Иными словами, если верно понять смысл этого определения, фантазия — это просто нонсенс, фантазм, мимолетное впечатление, тогда как воображение является активным, целенаправленным творчеством. Я полностью согласен с таким различием.

397 Фантазия в большей или меньшей степени является вашей собственной выдумкой, она остается на поверхности индивидуальных смыслов и сознательных ожиданий. А активное воображение, как следует из самого термина, означает, что образы живут своей собственной жизнью и символические события развиваются согласно их собственной логике, если, конечно, сюда не вмешивается ваш сознательный разум. Вы начинаете с концентрации в исходном положении. Я приведу вам пример из своего собственного опыта. Когда я был маленьким мальчиком, у меня была незамужняя тетушка, жившая в чудесном старомодном доме. Дом был полон прекрасных цветных гравюр. Среди них был портрет моего деда по материнской линии. Он, кажется, был епископом и на картине был изображен вышедшим из своего дома и стоящим на террасе. Там были перила, ступеньки, спускающиеся с террасы, и тропинка, ведущая к собору. Дед при всех регалиях стоял наверху террасы. Каждым воскресным утром мне позволялось навестить тетушку; уже у нее в доме я усаживался на стул и смотрел на эту картину до тех пор, пока дед не начинал спускаться с террасы. И каждый раз тетушка говорила мне: «Мой милый, он никуда не идет, он по-прежнему стоит на месте». Но я знал, что видел его спускающимся вниз.

398 Вы понимаете, что происходит, когда картина начинает двигаться. Аналогичным образом, если вы концентрируетесь на мысленной картине, то она начинает двигаться: образ обогащается деталями, т. е. картина движется и развивается. Естественно, всякий раз вы не доверяете себе, вам приходит в голову, что вы сами все это вызвали, что это лишь ваша собственная выдумка. Но здесь необходимо

¹² Jung C. G. Psychology and Alchemy // Jung C. G. C. W., vol. 12, par. 360. Рус. пер.— Юнг К. Г. Психология и алхимия.— Киев, 1997.

преодолеть это сомнение, ибо оно ошибочно. Не так уж много ценного можно достичь нашим сознательным разумом. Все время мы зависим от вещей, которые буквально обрушиваются на наше сознание; поэтому по-немецки мы называем их *Einfalle*. Если бы, например, мое бессознательное отказалось подавать мне идеи, я бы не мог продолжать чтение лекции, ибо был бы не в состоянии придумать следующий шаг. Вам хорошо известно переживание, которое возникает, когда вы хотите вспомнить имя или слово, достаточно знакомое, а оно просто никак не приходит на ум; впрочем, некоторое время спустя оно все-таки всплывает в памяти. Мы полностью зависим от великодушного содействия со стороны нашего бессознательного. Если оно нам не помогает, то дело плохо. Поэтому я убежден, что путем сознательных ухищрений многого не достичь; мы переоцениваем мощь намерений и силу воли. Поэтому когда мы сосредоточиваемся на внутренней картине и не мешаем событиям идти своим чередом, наше бессознательное начинает порождать серию образов, складывающихся в целую историю.

399 Я использовал такой метод в работе со многими пациентами в течение целого ряда лет и обладаю обширной коллекцией подобных «опер» («орега»). Наиболее интересно наблюдать сам процесс. Естественно, я не всегда прибегаю к активному воображению как к некоей панацее; должны быть определенные показания, свидетельствующие о том, что этот метод подходит для данного индивида; есть множество пациентов, по отношению к которым его применение будет ошибкой. Но часто на последних стадиях анализа объективация образов занимает место снов. Образы предвосхищают сны, и поэтому материал сновидений начинает иссякать. Бессознательное проявляется все реже, по мере того как сознание устанавливает с ним связь. Тут вы получаете весь материал, представленный в творческой форме, и в этом его огромное преимущество по сравнению с материалом сновидений. Это ускоряет процесс созревания (*maturation*), так как анализ по своей сути и призван служить этому процессу. Данное понятие не является моим изобретением; этот термин ввел один почтенный профессор — Стэнли Холл.

400 Так как активное воображение продуцирует весь материал в сознательном состоянии разума, этот материал оказывается значи-

тельно более оформленным, чем в сновидениях с их невнятным языком. Он гораздо более содержателен, нежели сновидения: например, в нем есть чувственные ценности, о нем можно судить чувственным образом. Очень часто сами пациенты ощущают, что определенный материал требует зримого воплощения. Например, они говорят: «Тот сон был настолько впечатляющим, что, если бы я только мог рисовать, я бы попытался передать его атмосферу». Или же они чувствуют, что определенная идея должна быть выражена не рационально, а посредством символов. Или они в плену у эмоции, которая становится понятной, стоит только придать ей некоторую форму, и т. д. И вот они начинают чертить, рисовать или оформлять свой образы пластически, а женщины — иногда вязать или ткать. Я даже знал двух женщин, которые вытанцовывали свои бессознательные фигуры. Бесспорно, их можно выразить и с помощью письма.

401 У меня есть немало длинных серий подобных рисунков. Они содержат огромное количество архетипического материала. Именно сейчас я собираюсь разрабатывать исторические параллели к некоторым из них. Я сопоставляю их с живописным материалом, выражающим сходные попытки людей прошлых веков, в особенности раннего средневековья. Определенные элементы символизма восходят к Египту. Множество интересных параллелей к нашему бессознательному материалу, вплоть до мельчайших деталей, мы обнаруживаем на Востоке. Подобный сравнительный анализ дает наиболее ценную информацию о структуре бессознательного. Вам тоже следует давать своим пациентам необходимые параллели, естественно, не в таком разработанном виде, в каком это было бы представлено в научном труде, но в том объеме, который требуется пациенту для понимания им своих архетипических образов. Ибо он может уяснить их истинное значение лишь в качестве типичных, повторяющихся способов выражения объективных фактов и процессов человеческой психики, а не сомнительных субъективных переживаний вне всякой связи с внешним миром. С помощью объективации своих безличностных образов и понимая изначально свойственный им смысл, пациент способен сам извлечь все ценности, которыми богат его архетипический материал. Он может сам это увидеть, и бессознательное становится понятным

для него. Более того, эта работа определенным образом сама производит некоторый эффект на него. Все, что он вкладывает в нее, оказывает на него ответное воздействие и производит изменение его установки, определение которой я пытался дать, используя понятие не-Эго центра (non-ego center).

402 Я приведу вам интересный пример. У меня был случай, пациентом которого являлся университетский ученый, крайне односторонний интеллектual. Его бессознательное было вечно чем-то встревожено и находилось в активированном состоянии; поэтому оно проецировалось на других людей, которые представлялись ему его врагами, а поскольку ему казалось, что против него настроены все, он чувствовал себя ужасно одиноким. Чтобы забыть о своих проблемах, он начал пить, от выпитого становился очень раздражительным и затевал ссоры с людьми; несколько раз у него были очень неприятные стычки, а однажды его вышвырнули из ресторана и избили. Было и еще немало инцидентов подобного рода. Когда это стало повторяться слишком часто и было уже невыносимо, он явился ко мне, чтобы я посоветовал ему, как жить дальше. В ходе беседы у меня сложилось о нем вполне определенное впечатление: я увидел, что его переполняет архетипический материал, и подумал: «Теперь я могу провести интересный эксперимент — получить этот материал в абсолютно чистом виде, причем без всякой тени моего влияния, я даже не прикоснусь к нему». И с этой целью я направил его к другому врачу — женщине, которая была новичком и об архетипическом материале знала немного. Поэтому я был совершенно уверен в том, что она не станет вмешиваться. Пациент был в таком подавленном состоянии, что без возражений принял мое предложение. И вот он стал работать с ней и делал все, что она ему говорила¹³.

403 Она попросила следить его за своими снами, и он их все, от первого и до последнего, очень тщательно записал. Теперь у меня есть серия, состоящая приблизительно из тысячи трехсот снов этого человека. Они содержат самую удивительную цепь архетипических образов. И совершенно естественно, без всякой подсказки, он начал рисовать

¹³ Этот случай послужил материалом для второй части книги Юнга «Психология и алхимия».

серии картин, которые виделись ему во сне, ибо он чувствовал, что они очень важны. С помощью этой работы над своими снами и рисунками он сделал то, что другие пациенты делают посредством активного воображения. Можно сказать, что он сам придумал для себя это активное воображение, когда понадобилось решить наиболее сложные проблемы, поставленные перед ним снами, например, как уравновесить содержания круга, и многое другое. Он решил проблему *regretium mobile*, причем не предлагая ничего безумного, а символическим путем. Он работал над всеми теми проблемами, которыми так увлекалась средневековая философия и о которой наш рациональный разум говорит: «Это все чушь». Подобное заявление лишь свидетельствует о нашем непонимании. Они-то как раз старались понять; сейчас мы в глупом положении, а не они.

404 В ходе анализа, основанного на первых четырехстах снах, он был вне моего наблюдения. Со времени первой беседы я вообще не видел его восемь месяцев. Пять месяцев он работал с врачом, а затем три месяца делал всю работу сам, продолжая со всей тщательностью наблюдать за своим бессознательным. В этом отношении он был очень одарен. В конце, в течение примерно двух месяцев, у нас с ним состоялся ряд бесед. Но ему не нужно было объяснять многое из символизма.

405 В результате работы со своим бессознательным этот пациент стал совершенно нормальным и благоразумным человеком. Он перестал пить, стал вполне приспособленным и во всех отношениях нормальным человеком. Причина этого достаточно очевидна: одинокий мужчина (он не был женат) жил крайне односторонней интеллектуальной жизнью и, естественно, имел определенные желания и потребности. Но с женщинами ему не везло, поскольку он совершенно не разбирался в чувствах. В присутствии женщин он сразу же строил из себя дурака, и они его просто не выносили. Он становился невыносимым и в общении с мужчинами и поэтому был глубоко одинок. Теперь же он нашел нечто такое, что очаровало его; у него появился новый объект интересов. Вскоре он открыл, что его сны говорят о чем-то весьма значительном, отсюда и возник весь интуитивный и научный интерес. Вместо того чтобы чувствовать себя потерянной овцой, он думал теперь: «Итак, вечером, закончив работу,

приступаю к своим исследованиям и смогу увидеть, что же происходит; я буду работать над своими снами и открою для себя необыкновенные вещи». Так оно и было. Конечно, с рациональной точки зрения можно сказать, что он попросту проваливался в свои фантазии. Но дело-то вовсе не в этом. Он проделал часть трудной работы со своим бессознательным и научно проработал свои образы. Придя ко мне после трех месяцев самостоятельной работы, он был уже почти здоровым. Лишь по-прежнему испытывал неуверенность; его беспокоило то, что он не мог понять определенный материал, извлеченный им из бессознательного. Он пришел ко мне за ответом, и я намекнул ему, что бы это могло значить, но сделал это с максимальной осторожностью — так, чтобы просто помочь ему продолжить работу и довести ее до конца.

406 В конце года я собираюсь опубликовать подборку из четырехсот его первых снов, где продемонстрирую развитие только одного единственного мотива — центрального мотива этих архетипических образов¹⁴. Позднее появится английский перевод, и у вас будет возможность увидеть, как этот метод работает в случаях, в которых не было никакого внешнего воздействия и которых я абсолютно не касался. Эта самая изумительная серия образов прекрасно демонстрирует возможности активного воображения. Вы понимаете, что в данном случае можно лишь отчасти говорить о методе объективации образов с помощью пластических форм, поскольку многие символы появлялись непосредственно в снах; но в любом случае тут демонстрируется сама атмосфера, которая создается активным воображением. У меня есть пациенты, которые вечер за вечером работают над своими образами, изображая и запечатлевая свои наблюдения и переживания. Они зачарованы этой работой; архетипы всегда зачаровывают наше сознание. Но в случае их объективации мы тем самым предотвращаем угрозу того, что они могут затопить наше сознание и в то же время делаем доступным их положительное воздействие. В рациональных терминах этот эффект

¹⁴ Jung C. G. Traumsymbole des Individuationprozesses // Eranos Jahrbuch 1935.— Zurich, 1936; см. также: Jung C. G. Psychology and Alchemy // Jung C. G. C. W., vol. 12 (II).

объяснить практически невозможно; это своего рода «магический» эффект, он заключается в суггестивном воздействии образов на индивида, с его помощью расширяется и изменяется бессознательное.

407 Мне сказали, что доктор Беннет принес ряд картин своего пациента. Не будет ли он столь любезен показать их? Здесь изображается чаша или ваза (рис. 14). Конечно, выражено это весьма неуклюже, это просто попытка, намек на чашу или вазу. Мотив сосуда сам по себе является архетипическим образом, имеющим определенное

Рис. 14. Картина пациента

назначение, и с помощью этого рисунка я могу показать, каково это назначение. Сосуд приспособлен к тому, чтобы что-то в себе содержать. Он, например, содержит жидкости, сохраняет их, чтобы они не испарялись и не растекались. Немецкое слово, обозначающее сосуд, Gefass — существительное, происходящее от fassen — класть, содержать, ухватывать. Слово Fassung означает схватывание, сдерживание, обрамление, а метафорически — самообладание, собранность. Таким образом, сосуд на этом рисунке отражает процесс, имеющий своей целью собирание и объединение. Вы должны объединить нечто, иначе оно распадется на части. Из того, как составлен данный рисунок, а также из некоторых его особенностей очевидно, что психика этого человека содержит целый ряд несоизмеримых элементов. Рисунок характеризует состояние шизофрении. Я не знаком с этим случаем, но доктор Беннет подтверждает правильность моего заключения. Вы видите несопоставимые элементы по всему рисунку; целый ряд немотивированных и несоотносимых друг с другом вещей. Более того, вы видите, что поверхность вазы разделяют какие-то необычные линии. Эти линии являются признаком шизофрении; я называю их линиями разлома. Когда шизофреник рисует свою картину, он, естественно, выражает шизофреническое расщепление, имеющее место в его собственной психике, и вы обнаруживаете эти линии идущими прямо по какой-то фигуре, подобно трещинам на зеркале. На данном рисунке линий разлома на самих фигурах не видно, они лишь идут по всей поверхности.

408 Далее, этот человек пытается собрать все несоизмеримые элементы с помощью сосуда. Предполагается, что сосуд должен быть вместилищем всего его существа, всех несовместимых частей. Если он пытался собрать их в собственное Эго, то это была неосуществимая задача, поскольку Эго в каждый конкретный момент времени может совпадать только с какой-то одной частью. Поэтому он сообщает с помощью символа сосуда, что он пытается найти вместилище для всех вещей, и, следовательно, расположенный в середине мяч или шар указывает на существование не-Эго центра (non-ego center).

409 Сам рисунок является попыткой самолечения. Он выявляет наличие несоизмеримых элементов, а также свидетельствует о по-

пытке собрать их воедино с помощью этого сосуда. Идея вмес- тилища архетипична по сути. Ее можно обнаружить везде: это один из центральных мотивов бессознательных рисунков. И это идея магического круга, который чертят вокруг всего того, что хотят защитить от враждебного воздействия и исчезновение чего хотят предотвратить. Магический круг как апотропаический (греч. *apotropaïos* — отводящий несчастье) амулет или апо- тропайческое действие (колдовство, чары) — идея архаическая, и ее до сих пор можно встретить в фольклоре. Например, когда человек ищет сокровище и собирается его выкопать на том или ином месте, то он чертит вокруг себя магический круг, чтобы оградить себя от дьявола. Когда закладывался фундамент горо- да, было принято совершать вокруг него ритуальный обход или объезд, дабы защитить все находящееся в пределах этого круга. В некоторых швейцарских деревнях по-прежнему существует обычай, согласно которому священник и староста объезжают поля, своими благословениями способствуя защите урожая. В центре магического круга или священной территории находится храм. Одним из удивительных примеров этой идеи является храм *Vogobudur* на Яве. Обход совершается по спирали; паломники движутся мимо изображений всех воплощений Будды, пока не достигнут вершины, на которой находится невидимый Буд- да — Будда, которому еще предстоит прийти. В основании это- го храма находится круг, вписанный в квадрат. На санскрите эта фигура называется мандалой. Данное слово обозначает круг, в первую очередь магический круг. На Востоке мандалу можно обнаружить не только в качестве основания храма, но также и на росписях внутри храма, кроме того, ее чертят в дни определен- ных религиозных празднеств. В центре мандалы находится Бог или символ божественной энергии — алмазная вспышка молнии. Вокруг этого сокровенного круга возводится аркада с четырьмя воротами. Затем идет сад, который опоясан другим — вне- шним — кругом.

410 Символ мандалы несет в себе именно значение священного места, теменоса (*temenos*), защищающего центр. И этот символ является одним из наиболее важных мотивов в объективации бессознательных

образов¹⁵. Это средство защиты центра личности от выставления его наружу и от посягательств извне.

412 На этом рисунке (рис. 15) он пытается добиться симметрии. Теперь все эти несовместимые чудовищные вещи, которые ему раньше никак

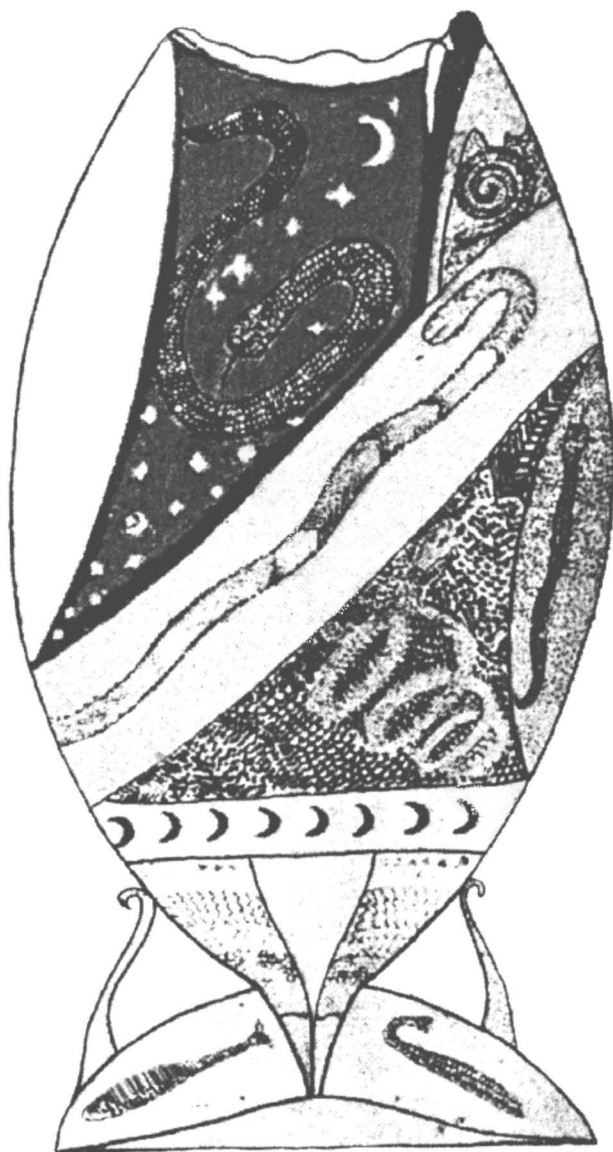

Рис. 15. Картина пациента

¹⁵ Jung C. G. Commentary on «The Secret of the Golden Flower» // Jung C. G. C. W., vol. 13; Jung C. G. Concerning Mandala Symbolism // Jung C. G. C. W., vol. 9 (I).

не удавалось соединить, собраны и ассимилированы более благоприятным и уже не столь патологическим образом. Теперь он может собрать живые элементы своего бессознательного в форме змей на священной вазе. Да и сама ваза стоит устойчиво, она больше не опрокидывается, т. е. ее форма была усовершенствована. Окончательно свое намерение он еще не реализовал, но смог, по крайней мере, придать животным определенную форму. Все эти животные из преисподней: рыбы, обитающие в морских глубинах, змеи из мрака. Они символизируют низшие центры его психологии, его симпатическую систему. Наиболее примечательно то, что тут появляется скопление звезд. Это означает, что на данном рисунке сосредоточен весь космос, т. е. его мир. Это намек на бессознательную астрологию, которая у нас в крови, хотя мы этого и не осознаем. На самом верху рисунка находится персонификация бессознательного — обнаженная фигура анимы, изображенная со спины. Это типичная позиция; в самом начале объективации подобных образов фигура анимы часто повернута к зрителю спиной. В основании вазы находится восемь полумесяцев; луна также является символом бессознательного. Человеческое бессознательное является лунным миром, ибо это ночной мир, и он характеризуется Луной — женским знаком, так как бессознательное — это женское начало. По-прежнему представлены разнообразные ломаные линии, нарушающие гармонию. Но можно допустить, что пациент и дальше будет следовать этим конструктивным путем, если не будет какого-то особого специфического вмешательства. Так что есть надежда на то, что он сумеет полностью прийти в себя, поскольку появление анимы — достаточно положительный признак. Анима — тоже своего рода сосуд, ибо поначалу она вмещает в себя все бессознательное, в противовес тому состоянию, когда последнее расщеплено на множество фрагментов. К тому же пациент пробует распределить мотивы по левую и правую стороны, что свидетельствует о попытке сознательной ориентации. Мяч или шар с первого рисунка исчезли, но это обстоятельство отрицательным знаком не является. Тут весь сосуд обозначает центр; благодаря привнесенным исправлениям ваза больше не опрокидывается, она прочно стоит на своем основании. Все это показывает, что он действительно пытается справиться с собой.

413 Эти рисунки следует вернуть пациенту: они чрезвычайно важны для него. Вы можете сделать копии; пациенты любят делать копии для врача. Но оригиналы нужно оставлять у пациентов, поскольку им хочется видеть их перед собой; глядя на них, они чувствуют, что их бессознательное выразимо. Объективированная форма воздействует на них, это завораживает. Суггестивное воздействие рисунка влияет на психологическую систему пациента и приводит к тому же результату, идею которого сам пациент закладывал в свой рисунок. В этом причина поклонения идолам, магического использования сакральных образов, икон. Их магия обладает свойством проникать в нашу систему и исправлять нас на условии, что мы открываемся им (put ourselves into them). Если вы открываетесь иконе, она заговорит с вами. Взять хотя бы ламаистскую мандалу с Буддой или Шивой в центре; в той мере, в которой вы способны проникнуться ею, она отвечает и входит в вас. Это производит магический эффект.

414 Поскольку рисунки бессознательного выражают текущее психическое состояние индивида, можно использовать их в целях установления диагноза. Из подобного рисунка вы можете сделать точный вывод о состоянии пациента: есть ли у него склонность к шизофрении, или же он просто невротик. Можно даже сделать некоторый прогноз. Нужно просто иметь некоторый опыт, чтобы извлечь нужные сведения из подобных рисунков. Конечно, следует быть весьма осторожным. Нельзя с упорством догматика навязывать каждому пациенту: «А теперь приступайте к рисованию». Некоторые заявляют: «У доктора Юнга лечение заключается в том, что его пациенты рисуют», точно так же, как прежде говорили: «Он всех делит на интровертов и экстравертов и наставляет: вот вам следует жить так-то и так-то потому, что вы принадлежите к такому-то типу». Это, естественно, не лечение. Каждый пациент является для врача новой проблемой, и он будет излечен от своего невроза лишь в том случае, если вы поможете ему найти индивидуальный путь к разрешению его конфликтов.

Председательствующий:

415 Дамы и господа, своими аплодисментами вы прекрасно выразили то, что вы чувствуете по отношению к профессору Юнгу. Сегодня нам в последний раз в этом цикле встреч выпала честь и ни с чем

не сравнимое удовольствие слушать профессора Юнга. Нет слов, чтобы достойным образом выразить всю нашу признательность перед ним за эти лекции, которые бросают вызов нашим умам и побуждают к дальнейшим научным поискам, заставляя задуматься над такими вопросами, которые для всех нас, особенно для тех, кто занимается психотерапией, невероятно важны. Я полагаю, сэр, что именно этого Вы и ожидали от нас. Здесь, в этом институте¹⁶, мы гордимся выпавшей нам возможностью беседовать с вами, и, я думаю, все мы таим надежду, что пройдет немного времени, и вы еще раз посетите Англию с тем, чтобы продолжить наш разговор и вновь побудить нас к размышлениям об этих грандиозных проблемах.

¹⁶ Имеется в виду Институт медицинской психологии, в котором читался данный курс лекций.

СИМВОЛЫ И ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ

Первоначально эта работа была написана по-английски и завершена Юнгом незадолго до смерти, в июне 1961 года. Под другим названием она входит в сборник «Человек и его символы», опубликованный в 1964 году и состоящий из работ как самого Юнга, так и четырех его коллег. Сборник задумывался как популярное изложение юнговских идей, и соответственно исходный текст с согласия автора был значительно переработан редактором книги Джоном Фриманом в сотрудничестве с Марией-Луизой фон Франц. Часть текста была написана заново, часть опущена, а часть сохранена в более упрощенном виде. Добавлены некоторые пояснительные замечания, и дано новое название юнговской главе — «Подход к бессознательному». В настоящем издании предлагается первоначальный — полный — юнговский текст, отредактированный Р. Халлом. В русской версии мы сочли возможным сохранить и некоторые пояснительные замечания из вышеуказанного сборника, выделив их квадратными скобками.

1 ЗНАЧЕНИЕ СНОВ

416 С помощью языка человек пытается обозначить вещи таким образом, чтобы его слова передавали смысл сообщаемого. Но иногда он использует термины или образы, которые в строгом смысле описательными не являются и могут быть поняты лишь при определенных условиях. Возьмем, к примеру, множество аббревиатур, которыми наводнены наши газеты, таких, например, как ООН, ЮНЕСКО, НАТО, или торговые марки, названия лекарств, нашивки, эмблемы, знаки различия. Сами по себе бессмысленные, они становятся узнаваемыми в результате общего употребления или преднамеренным образом. Это не символы. Это знаки, и они лишь обозначают объекты, к которым относятся. То, что мы называем символами, — это термин, имя или изображение, которые могут быть известны в повседневной жизни, но обладают специфическим добавочным значением к своему обычному смыслу. Предполагается, что они содержат нечто смутное, неизвестное или скрытое от нас. Например, многие критские памятники отмечены знаком двойной секиры. Это предмет, который нам известен, но мы не знаем его символического смысла. Или представьте себе индуса, который, вернувшись из Англии, рассказывает друзьям, что англичане поклоняются животным, поскольку в старых английских церквях он обнаружил изображения орлов, львов, быков. Он не знал (как и многие христиане), что эти животные — символы евангелистов, восходящие к видению пророка, а видение, в свою очередь, имеет предшествующую аналогию с египетским богом солнца Гором и его четырьмя сыновьями. Такие предметы, как колесо и крест, тоже известны повсеместно, но при определенных условиях и они имеют

символическое значение. То, что они символизируют, все еще является предметом противоречивых суждений.

417 Таким образом, слово и изображение символичны, если они подразумевают нечто большее, чем их очевидное и непосредственное значение. Они имеют более широкий «бессознательный» аспект, который всякий раз точно не определен или не может быть объяснен. И надеяться определить или объяснить его нельзя. Когда мы исследуем символ, он ведет нас в области, лежащие за пределами здравого смысла. Колесо может привести нас к концепции «божественного солнца», но здесь мы вынуждены признать свою некомпетентность: человек не способен определить «божественное» бытие. Когда со всей нашей интеллектуальной ограниченностью мы называем что-либо «божественным», мы всего лишь даем ему имя, которое основывается на вере, но никак не на фактическом свидетельстве.

418 Так как существует бесчисленное множество вещей, находящихся за пределами человеческого понимания, то мы постоянно пользуемся символической терминологией, чтобы представить понятия, которые не можем определить или полностью понять. Это одна из причин, по которой все религии пользуются символическим языком или образами. Но подобное сознательное использование символов — лишь один аспект психологического факта большого значения: человек также продуцирует символы спонтанно и бессознательно в форме снов.

419 Это не так легко понять, хотя и необходимо, если мы хотим узнать больше о том, как работает человеческое сознание. Если задуматься, человек никогда ничего полностью не воспринимает и никогда ничего полностью не понимает. Он может видеть, слышать, осязать, воспринимать вкус, но, насколько далеко он видит, как хорошо он слышит, что говорят ему осязание и вкус, зависит от количества и качества его ощущений. Они ограничивают восприятие им окружающего мира. Пользуясь различными приборами, человек может частично компенсировать недостатки своих органов чувств. Например, он может увеличить пределы зрения с помощью бинокля, а чувствительность слуха — с помощью электронного усиления. Но большинство разработанных приборов могут только приблизить отдаленные и маленькие объекты к его глазам или сделать слабые звуки более слышимыми, и не более. Неважно, какими инструментами он поль-

зуются, в некоторой точке все равно наступает предел уверенности, за который осознанное знание переступить не может.

420 Более того, существуют бессознательные аспекты нашего восприятия реальности. Когда наши органы чувств реагируют на реальные явления, скажем, на изображения или звуки, они переводят их из области реального в область разума, — это очевидный факт. Здесь они становятся психическими явлениями, конечная природа которых непознаваема (психика не может познать свою собственную психическую сущность). Поэтому любой опыт содержит бесконечное множество неизвестных факторов, не говоря уже о том, что каждый конкретный объект всегда неизвестен в определенных отношениях, поскольку мы не можем знать конечной природы самой материи. Кроме того, существуют некоторые события, которые мы не отмечаем в сознании, они остаются, так сказать, за его порогом. Эти события имели место, но были восприняты подпорогово, без участия нашего сознания. Мы можем узнать о таких событиях только интуитивно или в процессе глубокого размышления, который ведет к последующему сознанию того, что они должны были произойти; и, хотя первоначально мы игнорировали их эмоциональное и жизненное значение, оно все же проступило из бессознательного в виде послемысли. Подобные события могут проявиться, например, в форме снов. Как правило, бессознательный аспект любого явления открывается нам в снах, в которых он возникает не как рациональная мысль, а в виде символического образа. Исторически именно изучение снов подвигло психологов на изучение бессознательного аспекта сознательных психических явлений.

421 Прежде чем прийти к более или менее рациональному и научному пониманию функциональной роли сновидений, человечеству пришлось пройти долгий путь. Первым, кто попытался практически исследовать бессознательный фон сознания, был Зигмунд Фрейд. Общим положением в его работе было то, что сны не являются делом случая, они связаны с сознательными проблемами и мыслями. Такое предположение никоим образом не было сделано произвольно. Оно основывалось на выводах известных неврологов (например, Пьера Жане), что невротические симптомы связаны с определенным сознательным опытом. Эти симптомы оказываются даже некими

отщепленными областями сознательного разума, областями, которые в другое время и при других обстоятельствах были бы сознательными. В конце прошлого века Фрейд и Иосиф Брейер выяснили, что невротические симптомы — истерия, некоторые виды боли и не соответствующее принятым нормам поведение — несут в себе символическое значение. Это один из путей, по которым бессознательная психика проявляет себя, так же как и в снах, и оба пути оказываются одинаково символическими. У пациента, который, к примеру, столкнулся с непереносимой ситуацией, может развиться спазм при глотании: «он не может это проглотить». В сходных условиях психологического стресса другой пациент получает приступ астмы: он «не может дышать атмосферой дома». Третий страдает от паралича ног: «он не может ходить», т. е. «не может больше идти». Четвертый, которого рвет во время еды, «не может переварить» какой-то неприятный факт. Можно привести много примеров подобного рода, но такие физические реакции — лишь одна из форм, в которой выражаются проблемы, бессознательно волнующие нас. Чаще же они находят воплощение в снах.

422 Любой психолог, которому довелось выслушивать людей, описывающих свои сны, знает, что символика сна намного разнообразнее, чем физические симптомы неврозов. Она часто состоит из детально разработанных и живописных фантазий. Но, если аналитик при работе с материалом этих снов будет использовать разработанную Фрейдом технику «свободных ассоциаций», он в конце концов обнаружит, что сны могут быть сведены к нескольким основным типам. Эта техника сыграла важную роль в развитии психоанализа, так как она позволила Фрейду использовать сны как исходную точку для исследования бессознательных проблем пациента. Фрейд сделал простое, но глубокое наблюдение: если поощрить видевшего сон продолжать рассказывать о своем сновидении и мыслях, на которые оно наводит, то пациент пойдет достаточно далеко и откроет бессознательный фон своего недуга: как тем, что он скажет сам, так и тем, о чем он бессознательно умолчит. Идеи сновидца могут казаться иррациональными и несущественными, но через некоторое время можно легко обнаружить, чего он старается избежать, какие неприятные мысли или переживания он в себе подавляет. Неважно,

каким путем он стремится замаскировать это; все, что он говорит, указывает на суть его проблемы.

423 Таким образом, если врач обладает достаточным терпением, то он может услышать многое из того, что направлено как бы на сокрытие тайны от сознания пациента. Врач вообще-то достаточно часто сталкивается с темными сторонами жизни людей, что позволяет ему редко ошибаться при интерпретации намеков, которые пациент выдает за знаки встревоженной совести. То, что открывается в конце концов, к сожалению, обычно подтверждает его предположения. В этой области трудно что-либо возразить против фрейдовской теории вытеснения и осуществления желаний как очевидной причины символизма снов.

424 [Фрейд придавал особое значение снам как отправной точке процесса «свободных ассоциаций».]* Но спустя время я стал чувствовать, что использование богатых фантазий, которые бессознательное продуцировало во время сна, бывает неадекватным и порой вводит в заблуждение. Я начал сомневаться в этом, когда однажды коллега рассказал мне о своих переживаниях во время долгого железнодорожного путешествия по России. Хотя он не знал языка и не мог даже разобрать написание кириллического алфавита, по дороге он размышлял над странными буквами, которыми были выполнены железнодорожные надписи, и фантазировал, придумывая для них разные значения. Одна мысль породила другую, и в неспешном расслабленном состоянии он обнаружил, что «свободные ассоциации» всколыхнули много старых воспоминаний. Среди них досадно обнаружились некоторые давно утраченные и неприятные темы, которые он не хотел держать в памяти и сознательно забыл. Фактически этот человек оказался перед тем, что психологи называли бы его «комплексами», т. е. подавленным эмоциональным содержанием, которое могло вызывать постоянное психологическое раздражение или в некоторых случаях даже симптом невроза.

425 Этот эпизод навел меня на мысль, что, если хочешь определить комплексы пациента, нет необходимости рассматривать сны как

* Текст в квадратных скобках сохранен из редакционной версии, представленной в книге «Человек и его символы». (Примечание переводчика.)

исходную точку процесса «свободных ассоциаций». Описанный случай показал, что можно достичь центра непосредственно с любой точки окружности. Можно начать с букв кириллицы, [с медитации перед хрустальным шаром, с молитвенного колеса] или современной живописной картины, или даже со случайного разговора по поводу пустякового события. В этом отношении любое другое отправное событие столь же эффективно, как и сон. [И тем не менее сны имеют особое значение даже тогда, когда они возникают в результате эмоционального расстройства, в которое вовлечены присущие тому или иному лицу комплексы. («Привычные» комплексы — это наиболее чувствительные зоны психики, приоритетно реагирующие на внешние беспокоящие стимулы). Вот почему свободные ассоциации могут привести от любого сна к потаенным кризисным мыслям. Здесь, однако, я понял (если до того я был прав), что сами сны выполняют свою собственную, отдельную, имеющую смысл функцию.] Очень часто сны имеют определенную целеполагающую структуру, указывающую на подспудную идею или намерение, хотя, как правило, последние поначалу как таковые могут и не восприниматься. [Поэтому я стал размышлять, нужно ли уделять больше внимания актуальной форме и содержанию сна или же позволить «свободной ассоциации» вести по цепи мыслей к комплексам, которые могут быть легко обнаружены и другими способами.]

[Изменение моего отношения к снам повлекло изменение и самого метода; в новом методе принималось во внимание все разнообразие области сновидений. История, рассказанная сознательным разумом, имеет свое начало, развитие и конец, но во сне все обстоит иначе. Координаты времени и пространства здесь совершенно другие, и, чтобы это понять, необходимо исследовать сон со всех сторон, точно так же, как можно взять в руки неизвестный предмет и поворачивать его до тех пор, пока не выявятся все особенности его формы.] Возможно, я уже достаточно полно показал, как постепенно пришел к разногласию со «свободной ассоциацией» Фрейда; я стремился держаться как можно ближе к самому сну и исключать все мало-значительные идеи и ассоциации, которые он вызвал. И хотя они на самом деле могли привести к комплексам у пациента, у меня имелась другая, более далеко идущая цель, чем выявление комплексов,

вызывающих невротические расстройства. Существует много иных способов, посредством которых их можно обнаружить, например, психолог может получить все нужные указания с помощью тестов словесных ассоциаций (спросив пациента, с чем он связывает данный набор слов, и изучив его ответы). Но, чтобы узнать и понять психическую жизнь целостной отдельной личности, важно осознать, что сны человека и их символические образы играют более значительную роль. Почти каждый, например, знает, что существует бесчисленное множество образов, которые могут символизировать половой акт (или, можно сказать, представленных в форме аллегии). Любой из этих образов путем ассоциации может привести к идее полового акта и к специфическим комплексам, которые проявляются у индивида в отношении собственных сексуальных установок. Но точно так же можно выявить эти комплексы путем фантазирования над незнакомыми русскими буквами. Отсюда я пришел к предположению о том, что сон может нести в себе и иное послание, чем сексуальная аллегория, и что это происходит по определенным причинам. Попробую это проиллюстрировать. Человеку может присниться, что он вставляет ключ в замок, машет тяжелой палкой или пробивает дверь таранящим предметом. Все эти действия можно рассматривать как сексуальную аллегию. Но фактически само бессознательное выбирает один из этих специфических образов: это может быть и ключ, и палка или таран, — и это обстоятельство само по себе также значимо. Всякий раз задача заключается в том, чтобы понять, почему ключ был предпочтен палке или тарану. И иногда в результате оказывается, что содержание сна вовсе не сексуальный акт, а имеет другую психологическую интерпретацию. Рассуждая таким образом, я пришел к выводу, что в интерпретации сна должен принимать участие лишь тот материал, который составляет его ясную и видимую часть. Сон имеет свои собственные границы, и его специфическая форма говорит нам, что к нему относится, а что уводит от него.]

426 Вышеупомянутая идея о сновидениях, с их латентной целеполагающей структурой, была для меня новой и оказалась поворотной на пути развития моего подхода в психологии. Не упуская полностью из виду идею «ассоциации», я предпочел сконцентрировать больше внимания на самом сне, то есть на его непосредственной форме

и содержательных элементах. Например, моему пациенту приснилась пьяная, растрепанная вульгарная женщина. Ему казалось, что эта женщина — его «жена», хотя на самом деле его жена была совсем иной. Внешне сон представляется абсолютной бессмыслицей, и пациент отвергает его, считая полной ерундой. Если бы я, как врач, позволил ему начать процесс ассоциаций, он неизбежно попытался бы уйти как можно дальше от неприятного намека своего сна. В этом случае он пришел бы к одному из своих ведущих комплексов — комплексу, который, возможно, не имел ничего общего с женой, и тогда мы ничего не узнали бы о значении этого сна. Что же в таком случае пыталось передать его бессознательное с помощью своего ложного заявления?

427 Неопытный в толковании сновидений человек может подумать, что сны представляют собой бессмысленное, хаотическое нагромождение происшествий. Но если представить, что это нормальные события, какими они на самом деле являются, то приходится признать, что они либо каузальны, то есть основаны на реальных событиях, либо служат для определенной цели, либо и то, и другое вместе; иными словами, они имеют смысл.

428 Ясно, что вышеупомянутый сон как-то пытался выразить идею опустившейся женщины, тесно связанной с жизнью пациента. Но так как проекция этого образа на его жену была неоправданной и фактически неверной, то за объяснением смысла этого отталкивающего образа следовало обратиться к чему-нибудь другому. К чему же?

429 Еще в средние века, задолго до того, как физиологи выяснили, что в каждом человеке есть мужские и женские гормональные элементы, говорилось, что «каждый мужчина несет в себе женщину». Этот женский элемент в каждом мужчине я назвал «Анима». Женский аспект представляет определенный подчиненный уровень связи с окружающим миром и, в частности, с женщинами, уровень, который тщательно скрывается от других и от себя. Другими словами, хотя видимая личность человека может казаться совершенно нормальной, он может скрывать от других и даже от самого себя плохое положение «женщины внутри». Именно так и обстояло дело с моим пациентом: его женская составляющая находилась в плачевном состоянии. Его сон фактически говорил ему: «Ты в известном смысле ведешь себя,

как падшая женщина», и тем самым повергал его в шок. (Этот пример, конечно, не должен быть понят как доказательство того, что бессознательное озабочено «моральными» нарушениями. Сон не говорил пациенту: «Веди себя лучше», а просто пытался уравновесить перекошенную природу его сознательного разума, который поддерживал фикцию, что пациент — совершенный джентльмен).

430 Приобретенный опыт научил меня не доверять свободным ассоциациям. Я более не следовал за ними, если они уводили меня от картины сна. Я концентрировался на ней как на предмете, который бессознательное имело в виду, и начинал обхождение в «зоне» самого сна, не упуская его из поля зрения; мои действия напоминали действия человека, который берет в руки неизвестный предмет и поворачивает его до тех пор, пока не выявятся все его детали.

431 Однако следует ли вообще обращать внимание на сны, на эти легкие, смутные, ненадежные, изменчивые и неопределенные фантазии? Заслуживают ли они нашего внимания? Наше рациональное мышление, несомненно, ответило бы на этот вопрос отрицательно, а история толкования сновидений до Фрейда не заслуживает добрых слов; оно осуществлялось совершенно недостоверно и абсолютно «ненаучно». И все же сны являются самым обычным и наиболее доступным источником, позволяющим исследовать способности человека к формированию символов, помимо содержаний психозов, неврозов, мифов и произведений искусства. Однако последние из вышеперечисленных явлений отличаются большей сложностью; их еще труднее понять, поскольку когда речь идет об их индивидуальной природе, невозможно решиться на интерпретацию таких продуктов бессознательного без помощи автора. Сны являются наиболее доступным источником всех наших сведений о способности человека к символизации.

432 «Изобрести» символы невозможно; они не создаются в качестве плода сознательных усилий, поскольку в таком случае они представляли бы собой всего лишь знаки, выражение осознанных мыслей. Символы приходят к нам спонтанно, как это случается в снах, они не изобретаются, а являются нам. Они не всегда могут быть сразу поняты и требуют тщательного анализа посредством ассоциаций, однако, как я уже говорил ранее, не «свободных ассоциаций»,

которые, как нам известно, всегда уводят в сторону эмоций или комплексов, неосознанно владеющих нашим разумом. Чтобы попасть в их владения, мы не нуждаемся в снах. Хотя на раннем этапе развития медицинской психологии считалось, что анализ сновидений осуществляется с целью выявления комплексов, однако, как мной давно было показано, для этого достаточно провести тест на свободные ассоциации, который даст все требуемые подсказки. Но можно даже обойтись без этого теста; необходимый результат будет получен, если позволить людям достаточно долго говорить.

433 Несомненно, что часто сны вызываются эмоциональными расстройствами, в которые вовлечены привычные комплексы. Привычные комплексы являются чувствительными точками психики, наиболее быстро реагирующими на тревожные внешние ситуации. Однако у меня возникло подозрение, что сны могут выполнять и другую, более сложную функцию. Тот факт, что они со временем уводят обратно к комплексам, не является их особой заслугой. Если мы хотим узнать смысл сновидения, понять, каковы его специфические функции, нам не следует обращать внимание на неизбежно сопутствующий ему комплекс. Мы должны наложить ограничения на «свободные» ассоциации, предел которым кладет само сновидение. Путем свободных ассоциаций мы удаляемся от индивидуального сна и теряем его из виду. Напротив, следует сохранять близость со сном и с его индивидуальной формой. Сон сам накладывает необходимые ограничения. Он самостоятельно определяет критерии того, что к нему относится, а что уводит от него. Материал, выпадающий из рамок сна или выходящий за пределы, устанавливаемые его индивидуальной формой, вводит в заблуждение и создает только комплексы, которые, возможно, и не относятся к сну, поскольку они могут иметь самые разнообразные источники. Существует, например, бесконечное разнообразие образов, которые могут «символизировать» сексуальный акт или представлять его в аллегорической форме. Однако сон с очевидностью отдает предпочтение тому или иному способу выражения, невзирая на то обстоятельство, что сопутствующие ассоциации будут наталкивать на идею сексуального акта. Все сказанное не ново, но реальная задача заключается в том, чтобы понять, по какой причине сон выбрал свой индивидуальный способ выражения.

434 Для интерпретации сна должен использоваться только материал, совершенно ясно и очевидно относящийся к нему, о чем свидетельствуют присутствующие в нем образы. В то время как свободная ассоциация уводит от материала по некой зигзагообразной линии, метод, разработанный мной, больше похож на кружение, центром которого является картина сна. Я все время вращаюсь вокруг картины сна и отвергаю часто случающиеся попытки видевшего сон уйти от него. Эта постоянно присутствующая «невротическая» тенденция содержит много аспектов, однако, в сущности, она заключается в постоянном сопротивлении сознательного разума всему бессознательному и неизвестному. Мы знаем, что такое порой яростное сопротивление типично для психологии первобытного общества, которая, как правило, консервативна и демонстрирует то, что антропологи называют мизонеизмом — глубоким и суеверным страхом перед новым. Примитивные люди проявляют совершенно животные реакции на непредвиденные события. Но и «цивилизованный человек» реагирует на новые идеи зачастую так же — воздвигая психологические барьеры, дабы защитить себя от шока встречи с новым. Новым идеям не доверяют, их опасаются, с ними сражаются всеми доступными способами. Многие пионеры в философии, науке и даже в литературе были жертвами врожденного консерватизма своих современников. Психология — весьма молодая наука, и, поскольку она пытается иметь дело с бессознательным, она неизбежно встречает мизонеизм в его крайнем проявлении. А имея дело с собственными снами, легко заметить свои негативные реакции в случае необходимости признать неприятные мысли. Именно страх перед неожиданным и неизвестным заставляет людей прибегать к свободным ассоциациям как к средству, позволяющему спастись бегством. Снова и снова в своей профессиональной работе я вынужден повторять: «Вернемся к вашему сну. Что этот сон говорит?»

435 При желании понять сон к нему следует отнести со всей серьезностью; необходимо также исходить из допущения, что он означает именно то, что говорит, поскольку нет видимых причин, позволяющих думать иначе. Однако кажущаяся легковесность сновидений так велика, что не только видящий сон, но и его толкователь нередко соглашаются «просто» объяснять увиденный сон; если же при этом

приходится сталкиваться с трудностями, если сон «упрямится», они порой поддаются соблазну и отказываются от его интерпретации.

436 В обычной жизни понимание снов рассматривается как ненужное занятие. Это можно проиллюстрировать моими исследованиями первобытного племени в Восточной Африке. К моему удивлению, в результате терпеливых, настойчивых бесед с ними я убедился, что они так же, как и все, видят сны, но уверены, что их сны никакого смысла не имеют. «Сны обычного человека ничего не значат», — говорили они. Они считали, что только сны вождей и знахарей могут что-то означать; от этих людей зависит благосостояние племени, соответственно и их сны получали определенный статус. Правда, и здесь возникла трудность: вождь и знахарь заявляли, что в настоящее время у них осмысленных снов нет. Дату их утраты они относили ко времени, когда англичане пришли в их страну. Теперь миссию «великих снов» взял на себя окружной комиссар, ведающий их делами, — его «сны и направляют» поведение племени.

437 Этот случай показывает, что даже в первобытном обществе существует различное отношение к снам. Так же обстоит дело и в нашем обществе, где большинство людей не придает им значения, тогда как меньшинство считает их очень важными. Так, например, церковь издавна считает, что существуют 'somnia a Deo missa' (сны, содержащие послание Бога), а в наши дни мы наблюдаем, как развивается ветвь науки, занимающаяся исследованием обширной области бессознательных процессов. Тем не менее средний обыватель мало интересуется снами; даже образованные люди отличаются невежеством в этом вопросе, недооценивая все, что хотя бы отдаленно связано с «бессознательным».

438 Огромное число ученых и философов отрицают само существование бессознательной психики. Они наивно полагают, что подобное предположение ведет к допущению существования двух «субъектов», или (говоря обычным языком) двух личностей внутри одного индивида. В действительности же так оно и есть. И одно из проклятий современного человека заключается в том, что он страдает от расщепления собственной личности. Это ни в коем случае не патологический симптом, а нормальное явление, которое можно наблюдать везде и в любое время. Не только у невротиков правая рука не ведаает,

что творит левая. Это неприятное положение является симптомом общей бессознательности, бесспорного общего наследия всего человечества.

439 Человек развивал свое сознание медленно и трудно. Потребовались бессчетные века, чтобы достичь современного цивилизованного состояния (которое произвольно датируется со времени изобретения письменности около 4000 лет до н. э.) Эта эволюция и сейчас далека от завершения, поскольку значительные области человеческого разума погружены в темноту. То, что мы называем «психическим», «душой», ни в коей мере не идентично нашему сознанию и его содержанию. Тот, кто отрицает существование бессознательного, предполагает, что наше нынешнее знание психики фактически является полным. Но эта вера с очевидностью ложна, так же как ложно и предположение, что мы знаем все, что можно знать о вселенной. Наша психика — лишь часть природы, и тайна ее безгранична, поэтому мы не можем дать полное определение ни психическому, ни природе. Мы можем лишь заявлять, что верим в их существование и описываем, как умеем, — лучшее из того, что мы можем, — каким образом они действуют. Помимо свидетельств, собранных в медицинских исследованиях, существуют сильные логические основания, чтобы отвергнуть заявления типа «бессознательное не существует». Утверждающие это лишь выражают древний «мизонеизм» — страх перед новым и неизвестным.

440 Разумеется, есть исторические основания для противостояния идее существования неведомой области в человеческой психике. Сознание — относительно недавнее приобретение природы, и оно все еще пребывает в стадии «эксперимента». Оно хрупко, подвержено опасностям и легко ранимо. Как заметили антропологи, одним из наиболее общих проявлений умственного расстройства, встречающегося у первобытных племен, оказывается то, что последние сами называют «потерей души». Это означает, как указывает название, заметное разрушение (точнее, диссоциацию) сознания. Среди людей, чье сознание находится на уровне развития, отличающемся от нашего, «душа» (психика) не ощущается как нечто единое. Многие первобытные племена считают, что человек имеет, помимо собственной, еще и «лесную душу» и что эта лесная душа воплощена в диком животном или в дереве (друиды), с которыми тот или иной человек

имеет некоторую психическую идентичность. Именно это известный французский этнолог Леви-Брюль назвал «мистическим участием». Правда, позже под давлением критики он отказался от этого термина, но я полагаю, что его оппоненты были неправы. Хорошо известно психологическое состояние, когда человек может находиться в состоянии психической идентичности с другим человеком или предметом. Подобная идентичность среди первобытных племен принимает самые разнообразные формы. Если лесная душа принадлежит животному, само животное считается человеку как бы братом. Предполагается, что человек, чей брат крокодил, находится в безопасности, когда плавает в реке, кишасей крокодилами. Если его душа — дерево, то считается, что дерево имеет по отношению к нему нечто вроде родительской власти. В обоих случаях тот или иной ущерб, нанесенный лесной душе, истолковывается как повреждение, нанесенное самому человеку. В ряде племен полагают, что человек имеет сразу несколько душ; такая вера отражает некоторые первобытные представления о том, что каждый человек состоит из нескольких связанных между собой, но различающихся отдельностей. Это означает, что человеческая психика далека от полного синтеза, напротив, она слишком легко готова распасться под напором неконтролируемых эмоций.

441 Хотя описываемая ситуация известна нам по работам антропологов, ею не следует пренебрегать и в нашей развитой цивилизации. Мы тоже можем оказаться диссоциированными и утратить собственную идентичность. На нас влияют различные настроения, мы можем становиться неразумными, порой мы не можем вспомнить самые важные факты о самих себе или других, так что люди даже удивляются: «Что за черт в тебя вселился?» Мы говорим о способности «контролировать» себя, но самоконтроль — весьма редкое и замечательное качество. Мы можем думать, что полностью контролируем себя; однако друг может без труда рассказать нам о нас такое, о чем мы не имеем ни малейшего представления.

442 Вне всякого сомнения, даже на так называемом высоком уровне цивилизации человеческое сознание еще не достигло приемлемой степени целостности. Оно все так же уязвимо и подвержено фрагментации. Сама способность изолировать часть сознания —

безусловно, ценная характеристика. Она позволяет нам сконцентрироваться на чем-то одном, исключив все остальное, что может отвлечь наше внимание. Но существует огромная разница между сознательным решением отделить и временно подавить часть психики и ситуацией, когда это происходит спонтанно, без знания или согласия на это и даже вопреки собственному намерению. Первое — достижение цивилизации, второе — примитивная (первобытная) «потеря души» или патологический случай невроза.

443 Между примитивным мышлением и надежным сознанием лежит долгий путь. Даже в наши дни единство сознания — дело все еще сомнительное, слишком легко оно может быть разрушено самым незначительным аффектом. Способность же контролировать эмоции, весьма желательная с одной стороны, с другой оказывается сомнительным достижением, так как лишает человеческие отношения разнообразия, тепла и эмоциональной окраски.

2 ФУНКЦИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

444 Итак, я обрисовал некоторые из принципов, на которых основывается мое отношение к проблеме снов, и поскольку мы хотим исследовать способность человека к продуцированию символов, сны оказываются самым главным и доступным материалом для этой цели. Два основных положения, которые необходимо учитывать при работе со снами, суть следующие: первое — сон следует рассматривать как факт, относительно которого нельзя делать никаких предварительных утверждений, кроме того, что он имеет некоторый смысл; и второе — сон есть специфическое выражение бессознательного. Вряд ли можно сформулировать данные положения более скромно. Неважно, сколь незначительным, по чьему-либо мнению, может быть бессознательное, в любом случае следует признать, что оно достойно исследования, сродни вши, которая, при всем к ней отвращении, все же вызывает живой интерес энтомолога. Если кто-нибудь, имеющий небольшой опыт в понимании снов, полагает, что сон — это хаотическое, бессмысленное событие, то он, конечно, волен полагать и так. Но если допустить, что сны являются нормальным явлением (как это и есть на самом деле), то необходимо признать: они имеют рациональное основание для своего возникновения, или же целенаправленны, или же и то и другое вместе. Новое вспыхивает как некий намек, слабое подозрение: «что-то висит в воздухе» или «пахнет крысой».

445 Посмотрим теперь более внимательно на то, как связаны в мозгу сознательное и бессознательное. Возьмем общеизвестный пример. Внезапно вы обнаруживаете, что не можете вспомнить нечто, что только что хотели сказать, хотя перед тем ваша мысль была совершенно ясна и определена. Или, скажем, вы хотите представить своего друга, а его имя выпало в момент, когда вы собирались его

произнести. Вы объясняете это тем, что не можете вспомнить, фактически же мысль стала бессознательной или даже отделилась от сознания. Мы обнаруживаем подобные явления и в связи с нашими органами чувств. Достаточно слушать непрерывную ноту на границе слышимости — и звук то возобновляется, то периодически прекращается. Эти колебания обусловлены периодическими уменьшениями и повышениями нашего внимания, а отнюдь не изменениями звука. Но когда нечто ускользает из сознания, то перестает существовать не в большей степени, чем автомобиль, свернувший за угол. Последний просто выпал из поля зрения, и так же как мы можем увидеть его позже вновь, вспоминается и временно забытая мысль.

446 Таким образом, часть бессознательного состоит из множества временно затемненных мыслей, впечатлений, образов, которые, невзирая на утрату, продолжают влиять на наше сознание. Отвлеченный чем-либо, с «отсутствующим сознанием», человек может за чем-либо отправиться по комнате. Внезапно он останавливается озадаченный — он забыл, что ему нужно. Его руки шарят по столу, как во сне: человек забыл свое первоначальное намерение, хотя бессознательно руководим, управляем им. И вот он вспоминает, что, собственно, хотел. Бессознательное вновь вернуло ему утраченную цель поиска. Если вы наблюдаете поведение невротика, то можете видеть, как он совершает некоторые поступки по видимости сознательно и целенаправленно. Однако если вы спросите его о них, то обнаружите, что он или не осознает их, или имеет в виду нечто совсем другое. Он слушает и не слышит, он смотрит и не видит, он знает, однако не осознает. Подобные примеры столь часты, что специалист понимает: бессознательное содержание разума ведет себя так, как если бы оно было сознательным. В таких случаях никогда нельзя быть уверенным в том, сознательны ли мысли, слова или действия или нет. Нечто совершенно очевидное для вас может не существовать для других, хотя по их поведению может казаться, что и для них это очевидно.

447 Именно подобный тип поведения заставляет многих врачей игнорировать заявления их истерических пациентов как полную ложь. Эти люди действительно рассказывают больше неправд, чем многие из нас, но все же «ложь» вряд ли здесь окажется правильным словом.

Фактически их умственное состояние вызывает неопределенность поведения, поскольку их сознание подвержено непредсказуемым затемнениям при вмешательстве бессознательного. Подобным же колебаниям подвержена и их кожная чувствительность. В какой-то момент истерическая личность может почувствовать укол иглой, а следующий, возможно, окажется незамеченным. Если внимание невротика сфокусировано на определенной точке, его тело может быть полностью анестезировано до тех пор, пока напряжение, вызывающее отключение болевых «приемников», не спадет. После этого чувствительность восстанавливается. Все это время, однако, он бессознательно следит за тем, что происходит вокруг. Врач ясно представляет данное обстоятельство, когда гипнотизирует такого пациента. Кстати, нетрудно показать, что последний знает все детали. Укол в руку или замечание, сделанные во время отвлечения сознания, вспоминаются столь же точно и отчетливо, как и в случае отсутствия анестезии или «забывчивости». В связи с этим вспоминаю женщину, которую однажды привезли в клинику в состоянии полного ступора. Когда на следующий день она пришла в себя, то сознавала, кто она, но не представляла, ни где находится, ни почему она здесь, ни даже какое сегодня число. Однако, когда я загипнотизировал ее, она рассказала мне, почему она заболела, как попала в клинику, кто ее принимал. Все эти детали легко проверялись. Она даже назвала время своего поступления, потому что видела часы в приемном покое. Под гипнозом ее память была столь же ясна, как если бы она все время находилась в сознании.

448 Когда мы обсуждаем подобные темы, то часто должны привлекать свидетельства из клинической практики. По этой причине многие критики полагают, что бессознательное и его тонкие проявления принадлежат всецело к сфере психопатологии. Они считают любое проявление бессознательного чем-то невротическим или психотическим, не имеющим отношения к нормальному состоянию. Но невротические явления ни в коем случае не являются продуктами исключительно болезни. Фактически они не более чем патологические преувеличения нормальных событий; и лишь потому, что они оказываются преувеличенными, они более бросаются в глаза, чем соответствующие нормальные события. Истерические симптомы

можно наблюдать у всех нормальных людей, но они столь легки, что обычно остаются незамеченными.

449 Подобно тому как сознательное содержание может исчезать в бессознательном, так и новое содержание может подниматься из него. Помимо простых воспоминаний, могут появляться и совершенно новые мысли и творческие идеи, ранее никогда не осознававшиеся. Они возникают из темных глубин разума, как цветы лотоса, и формируют наиболее важную часть подпороговой психики. Этот аспект бессознательного особенно важно учитывать при анализе сновидений. Помимо того, следует иметь в виду, что материал снов не обязательно состоит из воспоминаний; он может также содержать еще не вошедшие в сознание новые мысли.

450 К примеру, забывчивость — совершенно нормальный процесс, обусловленный тем, что некоторые сознательные мысли теряют свою специфическую энергию из-за отвлечения внимания. Когда наш интерес перемещается, он оставляет в тени те вещи, которыми мы до этого были заняты; точно так же луч прожектора освещает новую область, оставляя предыдущую в темноте. Это и неизбежно, так как сознание может одновременно держать в полной ясности лишь несколько образов, и даже такая ясность неустойчива. Но забытые мысли не перестают существовать. Хотя они не могут быть воспроизведены по заказу, они присутствуют в сублимированном состоянии — как раз за порогом воспоминания, откуда могут спонтанно появиться в любое время, часто через много лет полного забвения. Помимо этого, они могут быть вызваны и с помощью гипноза.

451 Кроме обычного забывания, Фрейд описал несколько случаев, когда происходит «забывание» неприятных моментов, которые человек охотно старается забыть. Как заметил Ницше, когда гордость достаточно настойчива, память предпочитает уступить. Поэтому среди забытых воспоминаний мы встречаем немало таких, которые обязаны своему пребыванию в подпороговом состоянии (следовательно, и невозможностью воспроизведения по желанию) особенностям своей собственной природы. Психологи называют их подавленным содержанием.

452 Я говорю о вещах, которые мы сознательно видели или слышали, а затем забыли. Но все мы видим, слышим, обоняем множество

вещей, даже не замечая их, и все это потому, что наше внимание или отвлечено, или воздействие этих вещей на наши чувства слишком мало, чтобы оставить сознательное впечатление. Бессознательное, однако, замечает их, и такие неосознаваемые восприятия могут играть большую роль в нашей повседневной жизни. Мы даже не сознаем, как они влияют на наши реакции на людей или события. Как наиболее, с моей точки зрения, впечатляющий пример приведу случай с профессором, который прогуливался за городом со своим учеником и был погружен в серьезный разговор. Внезапно он заметил, что его мысли прервались неожиданным потоком воспоминаний раннего детства. Он не мог понять причины этого отвлечения. Ничего из того, что говорилось, казалось, не имело ни малейшего отношения к этим воспоминаниям. Оглянувшись, наш профессор догадался, что первые воспоминания детства пришли ему в голову в тот момент, когда они проходили мимо фермы. Он предложил своему ученику вернуться к тому месту, где ему впервые бросились в сознание образы детства. Оказавшись там, он ощутил запах гусей и тотчас же понял, что именно этот запах вызвал поток воспоминаний. В молодые годы он жил на ферме, где держали гусей, и их характерный запах оставил прочное, хотя и забытое впечатление. Когда он проходил мимо фермы, то ощутил этот запах подсознательно, и это невольное (непроизвольное) впечатление вызвало к жизни давно забытые переживания детства.

453 Данный пример наглядно демонстрирует, как подпороговое восприятие явилось высвободившим воспоминания раннего детства «спусковым крючком», энергетическое напряжение которого оказалось достаточно сильным, чтобы прервать беседу. Восприятие оказалось неосознанным, поскольку внимание было направлено на другое, а стимул не слишком велик, чтобы отвлечь его и достичь сознания напрямую. Но он вызвал «забытые» воспоминания. Подобные явления нередко встречаются в повседневной жизни, но по большей части они остаются незамеченными.

[Такое действие «намек», или «спускового крючка», может объяснить развитие не только положительных воспоминаний, но и вполне невротических симптомов в случаях, когда вид, запах или звук вызывают воспоминания прошлого. Девушка может

работать у себя в конторе, пребывая в отличном состоянии здоровья и настроения. И вдруг у нее развивается страшная головная боль и другие признаки переживаний. Оказывается, она непроизвольно услышала гудок далекого корабля, и это бессознательно напомнило ей о расставании с любимым, которого она пыталась забыть. Примером может послужить секретарша, которая ревнует одного из сотрудников своего босса. Обычно она забывает приглашать этого человека на совещания, хотя его имя ясно значится в списке. Если ее спросить об этом, она скажет, что «забыла» или что ее в это время «отвлекли». И никогда не признается даже себе в истинной причине своего забывания.]

[Именно эта «другая сторона» и заставила секретаршу забывать о приглашениях.]

454 Существует множество причин того, что мы забываем вещи, которые отметили или пережили, и точно так же существует множество путей, по которым они могут прийти на ум. Интересный пример представляет криптомнезия, или «скрытое воспоминание». Автор может писать произведение по заранее составленному плану, развивая свою мысль или линию повествования, как вдруг он внезапно сбивается в сторону. Возможно, ему на ум пришла свежая идея, или иной образ, или другой сюжет. Если вы спросите его, что же вызвало такое изменение, он будет не в силах вам ответить. Он даже может не заметить отклонения, хотя и начал создавать нечто совершенно новое и, очевидно, ранее ему не знакомое. Иногда то, что он пишет, поразительно похоже на работу другого автора — и это можно убедительно продемонстрировать, — работу, которую, как полагает первый автор, он никогда не читал. Я обнаружил показательный пример подобного рода в книге Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», в которой автор почти дословно воспроизводит инцидент из судебного журнала 1686 г. По чистой случайности я вычитал этот морской случай в книге, опубликованной в 1835 г. (за полвека до того, как писал Ницше).

456 Когда я обнаружил подобный пассаж в «Так говорил Заратустра», то был поражен его особым стилем, так отличным от привычного языка Ницше, и странной картиной корабля, бросившего якорь у мифического острова, образами капитана и его команды,

455 Ницше, «Так говорил Заратустра» (1883)¹

Примерно в то время, когда Заратустра путешествовал у Счастливых Островов, некий корабль бросил якорь у острова, на котором дымилась гора, и команда сошла на берег, чтобы пострелять кроликов. Однако в час полуденного прилива, когда капитан и его спутники вновь поднялись на корабль, они внезапно увидели человека, летевшего к ним по воздуху, и отчетливо услышали голос, произнесший: «Пора! Время наступило!» Но когда двигавшаяся быстро, словно тень, фигура пролетела мимо них в сторону вулкана, они с ужасом увидели, что это был Заратустра... «Смотрите, — сказал старый рулевой, — Заратустра спускается в ад!»

Юстинус Кернер, Листки из Преворста (1831–1839)²

Четыре капитана и купец, мистер Белл, сошли на берег острова, где находилась гора Стромболи, чтобы пострелять кроликов. В три часа дня они собрали команду, чтобы подняться на корабль, когда, к своему неописуемому изумлению, они увидели, как два человека быстро летели по воздуху в их сторону. Один был в черном, другой в сером одеянии. Они поспешно пролетели мимо них и к величайшему ужасу наблюдателей опустились в кратер ужасного вулкана Стромболи. В этой паре они узнали двух знаковых лондонцев.

¹ Ch. XL., «Great Events» (trans. Common, p. 180, slightly modified). [For other discussions, see «Psychiatric Studies», pars. 140ff. and 180ff.]

² Vol. IV, p. 57, отрывок, озаглавленный «An Awe-Inspiring Import from the Log of the Ship Sphinx in the Year 1686, in the Mediterranean».

отправившихся пострелять кроликов, и нисхождением в ад человека, который оказался им знаком. Переключка с Кернером не могла быть простым совпадением. Сборник рассказов старых моряков, собранных Кернером, относится к 1835 году. Я был убежден, что Ницше тоже видел эту старую книгу, хотя и не делал на нее ссылок. Я написал его сестре, которая была еще жива, и та подтвердила, что она и ее брат действительно читали вместе эту книгу, когда ему было 11 лет. Исходя

из контекста, я полагаю совершенно невероятным, чтобы Ницше сознавал, что совершает плагиат. Я считаю, что через пятьдесят лет эта история неожиданно оказалась в фокусе его сознания.

[В этом случае имеет место подлинное, хотя и неосознанное, воспоминание. Подобного рода вещи могут произойти с музыкантом, который слышал в детстве крестьянскую мелодию или популярную песню и внезапно встречает ее как тему в симфонии, которую он сочиняет уже будучи взрослым. Идея или образ вернулись из бессознательного в сознающий разум.]

457 Похожий случай произошел с Бенуа, которого обвинили в плагиате, поскольку его роман «Атлантида» оказался полным подобием романа Райдера Хаггарда «Она». Но Бенуа категорически отрицал свою вину, утверждая, что никогда не видел книги Хаггарда и даже о ней не слышал. Возможно, это тоже было примером криптомнезии, но существует и вероятность «коллективного воспроизведения», как Леви-Брюль назвал явление распространения общих идей, что характерно для первобытных обществ. Мною этот вопрос будет рассматриваться позднее.

458 Все, что я рассказал о бессознательном, лишь поверхностный очерк о природе и действии этой сложной составляющей человеческой психики. Необходимо еще указать виды подпорогового материала, из которого спонтанно могут производиться символы наших снов. Подпороговый материал состоит из всего набора нужд, импульсов, намерений; всех восприятий и догадок, всех рациональных и иррациональных мыслей, выводов, индукций, дедукций, посылок; из всего разнообразия чувств. Любое из них или все они вместе могут принимать форму частичного, временного или постоянного бессознательного. Данный материал большей частью становится бессознательным потому, что, как говорится, для него не оказывается места в сознании. Некоторые мысли теряют свою эмоциональную энергию и становятся подпороговыми (т. е. они больше не привлекают сознательного внимания), потому что стали казаться неинтересными и несущественными или потому, что существуют причины, по которым мы желаем убрать их из поля зрения.

[Фактически для нас «забывать» подобным образом нормально и необходимо для того, чтобы освободить место в нашем сознании

для новых впечатлений и идей. Если этого не будет происходить, то все, что мы переживаем, будет оставаться выше порога сознания, и наш разум окажется до невозможности переполненным. Это явление так хорошо известно сегодня, что большинство людей, которые хоть что-то знают о психологии, принимают его как само собой разумеющееся.]

459 Многие люди ошибочно переоценивают роль воли и полагают, что ничто не может произойти в их собственном разуме без их решения и намерения. Но следует четко разграничивать намеренное и ненамеренное содержание сознания. Первое проистекает из личностного Эго; второе же — из источника, который не идентичен Эго, а представляет его «другую сторону», являющуюся своего рода иным субъектом. Наличие такого субъекта ни в коей мере не служит патологическим симптомом. Этот нормальный факт можно наблюдать всегда и везде.

460 С одним из моих коллег я однажды обсуждал поступок другого врача; этот поступок я назвал «совершенно идиотским». Врач был личным другом моего коллеги и к тому же фанатичным приверженцем некой идеи, сторонником которой был и мой коллега. Оба были убежденными трезвенниками. В ответ на мое критическое высказывание он импульсивно воскликнул: «Разумеется, он осел» — и, чуть помедлив, добавил: «Я имею в виду, он человек высокого интеллекта». Я мягко возразил, что сначала он все же назвал его ослом. Но коллега сердито ответил, что никогда бы так не отозвался о своем друге, к тому же в присутствии противника его идеи. Коллега высоко ценился как ученый, но его правая рука не ведала, что творит левая. Таким людям не следует заниматься психологией, и, как правило, она им и не нравится. Но именно таким образом обычно относятся к голосу «другой стороны»: «Я так не говорил, я не это имел в виду». И в итоге, как говорил Ницше, «память предпочитает уступить».

[Открытие, что бессознательное — это не простой склад прошлого, но что оно полно зародышей будущих психических ситуаций и идей, привело меня к новым подходам в психологии. Вокруг этого положения развернулось множество дискуссий. Но остается фактом то, что помимо воспоминаний из давнего осознанного прошлого,

2. ФУНКЦИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

из бессознательного также могут возникать совершенно новые мысли и творческие идеи; мысли и идеи, которые до этого никогда не осознавались. Подобные вещи мы обнаруживаем в каждодневной жизни, когда задачи порой решаются совершенно новыми способами; многие художники, философы и даже ученые обязаны своими лучшими идеями вдохновению, которое внезапно появились из бессознательного. Способность достичь богатого источника такого материала и эффективно перевести его в философию, литературу, музыку или научное открытие — одно из свойств тех, кого называют гениями. Ясные доказательства такого факта мы можем найти в истории самой науки. Например, французский математик Пуанкаре и химик Кекуле обязаны своим важным научным открытием (что признают они сами) внезапным «откровениям» из бессознательного. Так называемый «мистический» опыт французского философа Декарта включил в себя подобное внезапное откровение, во вспышке которого он увидел «порядок всех наук». Английский писатель Роберт Льюис Стивенсон потратил годы в поисках истории, которая иллюстрировала бы его «сильное чувство двойственности человеческого бытия», когда вдруг во сне ему открылся сюжет «Доктора Джекиля и мистера Хайда». Позже я детально опишу, каким образом подобный материал возникает из бессознательного, и исследую формы, в которых это бессознательное выражается. Сейчас же я просто хочу отметить, что способность человеческой психики продуцировать новый материал особенно значительна, когда имеешь дело с символами сна; в своей профессиональной практике я постоянно обнаруживал, что образы и идеи, содержащиеся в снах, не могут быть объяснены лишь в терминах памяти. Они выражают новые мысли, которые еще никогда не достигали порога сознания.]

3 ЯЗЫК СНОВ

[Обсуждение некоторых подробностей происхождения наших снов диктовалось тем, что это почва, из которой произрастает большинство символов. К сожалению, они трудны для понимания. Как я уже указывал, сон совершенно не похож на историю из жизни сознательного разума. В обыденной ситуации мы думаем над тем, что хотим сказать, выбираем наиболее выразительный способ передачи мысли и пытаемся сделать наш рассказ логически связанным. Например, грамотный человек будет избегать слишком сложных метафор, дабы не создавать путаницы в понимании. Но сны имеют иное строение. Образы, кажущиеся противоречивыми, смешно толпящимися в спящем мозгу, утраченное чувство нормального времени, даже самые обычные вещи во сне могут принять загадочный и угрожающий вид. Может показаться странным, что бессознательное располагает свой материал столь отлично от принятых норм, которые мы, бодрствуя, накладываем на наши мысли. Каждый, кто помедлит минутку, чтобы вспомнить сон, признает эту разницу главной причиной, по которой сны считаются такими трудными для понимания. Они не имеют смысла в терминах состояния бодрствования, и потому мы склонны или не принимать их во внимание, или считать «мутящими воду». Возможно, в этом будет легче разобраться, если вначале мы осознаем, что идеи, с которыми мы имеем дело в нашей, по всей видимости, дисциплинированной жизни, совсем не так ясны, как нам хотелось бы в это верить. Напротив, их смысл (и эмоциональное значение для нас) становится тем менее точным, чем ближе мы их рассматриваем. Причина же кроется в том, что все, что мы слышали или пережили, может становиться подпороговым, т.е. может погружаться в бессознательное. И даже то, что мы удерживаем в сознании и можем

воспроизвести их по собственному желанию, приобретает бессознательные оттенки, окрашивающие ту или иную мысль всякий раз, как мы ее воспроизводим. Наше сознательное впечатление быстро усваивает элемент бессознательного смысла, который фактически значим для нас, хотя сознательно мы не признаем существования этого подпорогового смысла или того, что сознательное и бессознательное смешиваются и в результате являют нам окончательный смысл. Конечно, такие психические оттенки различны у разных людей.]

461 Все, что содержится в сознании, было ранее в подпороговом состоянии или может перейти в него в будущем и формирует тем самым ту часть психики, которую мы называем бессознательным. У всех наших желаний, импульсов, намерений, аффектов, чувственных и интуитивных восприятий, рациональных и иррациональных мыслей, умозаключений и т. д., так же как и у всех категорий чувств, имеются свои подпороговые эквиваленты, которые могут частично, на время или постоянно погружаться в бессознательное. Человек может, например, использовать какое-либо слово или понятие, которое в ином контексте имело бы совершенно другой смысл, в данный момент человеком не осознаваемый, а это может повлечь за собой совершенно неожиданные последствия, вызвав полное непонимание. Даже самое тщательно сформулированное философское или математическое понятие, которое, как нам кажется, не содержит в себе ничего, кроме того, что мы в него вложили, тем не менее несет в себе гораздо больше, чем изначально предполагалось. Это, по меньшей мере, психическое событие, природу которого невозможно установить. Даже простые числа, которыми мы пользуемся при счете, обладают неким дополнительным содержанием. Они одновременно являют собой мифологический элемент (для пифагорейцев числа представлялись священными), но, разумеется, мы этого не учитываем, когда обращаемся к ним в быту.

462 Каждый из нас воспринимает абстрактные и общие положения индивидуально, в контексте собственного разума. Когда в разговоре я использую такие понятия, как «государство», «деньги», «здоровье» или «общество», я допускаю, что мои слушатели понимают под ними примерно то же, что и я. Но слово «примерно» здесь важно. Ведь

понимание значения любого слова одним человеком не обязательно совпадает с пониманием другого, даже если у них одинаковый культурный уровень. Причиной такого колебания (непостоянства смысла) является то, что общее понятие воспринимается в индивидуальном контексте и поэтому понимается и используется индивидуально. И разница в смыслах, естественно, оказывается наиболее значительной для людей с разным социальным, политическим, религиозным или психологическим опытом. Пока понятия выражаются только словами, вариации почти незаметны и не играют практической роли. Однако, когда требуется точное определение или подробное объяснение чего-либо, можно внезапно обнаружить поразительную разницу не только в чисто интеллектуальном понимании термина, но особенно в его эмоциональном тоне и риторической составляющей. Как правило, эти различия подпороговы и потому никогда не осознаются.

[Обычно этими различиями пренебрегают, считая их избыточными нюансами смысла, имеющими мало отношения к практическим повседневным нуждам. Но сам факт их существования показывает, что даже самое практическое содержание сознания окружено полумглой неопределенности. Каждое понятие в нашем сознающем разуме имеет свои психические связи, ассоциации. Так как такие связи могут различаться по степени интенсивности (в соответствии с важностью того или иного понятия для нашей целостной личности или в отношении к другим понятиям, идеям и даже комплексам, с которыми они ассоциируются в нашем бессознательном), то они способны менять «нормальный» характер понятия. Последнее может приобрести совершенно отличный смысл, если сместится ниже уровня сознания. Эти подпороговые составляющие всего с нами происходящего могут играть незначительную роль в нашей повседневной жизни. Но при анализе снов, когда психолог имеет дело с проявлениями бессознательного, они очень существенны, так как являются корнями, хотя и почти незаметными, наших сознательных мыслей. Поэтому обычные предметы и идеи во сне могут приобретать столь мощное психическое значение, что мы можем проснуться в страшной тревоге, хотя, казалось бы, во сне мы не увидели ничего дурного — лишь запертую комнату или пропущенный поезд. Образы, являющиеся

в снах, намного более жизненны и живописны, чем соответствующие им в реальности понятия и переживания. Одна из причин этого заключается в том, что во сне понятия могут выражать свое бессознательное значение. В своих результатах сознательных мыслей мы ограничиваем себя пределами рациональных утверждений — утверждений, которые значительно бледнее, так как мы снимаем с них большую часть психических связей.]

463 Я вспоминаю собственный сон, который мне было трудно осмыслить. В этом сне некий человек пытался подойти ко мне сзади и прыгнуть мне на спину. Я ничего о нем не знал, кроме того, что однажды он подхватил мою реплику и лихо спародировал ее. И я никак не смог увидеть связи между этим фактом и его попыткой во сне прыгнуть на меня. В моей профессиональной жизни часто случалось так, что кто-нибудь искажал мысль, которую я высказывал, но едва ли мне пришло бы в голову рассердиться по этому поводу. Есть известная ценность в сохранении сознательного контроля над эмоциональными акциями, и вскоре я добрался до сути этого сна. Он основывался на австрийском расхожем выражении, переведенном в зрительный образ. Эта фраза, довольно распространенная в быту, — «ты можешь залезть мне на спину» — означает следующее: «мне все равно, что ты говоришь обо мне». Американским эквивалентом подобного сна было бы: «иди, прыгни в озеро».

464 Можно было бы сказать, что сон представлялся символическим, поскольку он не выражал ситуацию непосредственно, но косвенно, с помощью метафоры, которую я сначала не мог понять. Когда подобное случается (а такое бывает часто), то это не преднамеренный «обман» сна, но всего лишь отражение недостатка в нашем понимании эмоционально нагруженного образного языка.

465 В своем каждодневном опыте нам необходимо определять вещи как можно точнее, и поэтому мы научились отбрасывать декоративную мишуру фантазии, теряя таким образом качества, столь характерные для первобытного разума. Большинство из нас склонны приписывать бессознательному те нереальные психические ассоциации, которые вызывают тот или иной объект или идея. Носители первобытного сознания, со своей стороны, по-прежнему признают существование психических качеств за предметами внешнего мира; они наделяют

животных, растения или камни силами, которые мы считаем неестественными и невозможными. Обитатель африканских джунглей воспринимает ночное видение в лице знахаря, который временно принял его очертания. Или он принимает его за лесную душу, или духа, или духа предка своего племени. Дерево может играть жизненно важную роль в судьбе дикаря, очевидно, передавая ему свою собственную душу и голос, и со своей стороны сам человек испытывает чувство, что он разделяет его судьбу, судьбу дерева. В Южной Америке есть индейцы, убежденные, что они попугаи красный арара, хотя и знают, что у них нет перьев, крыльев и клюва. Для дикаря предметы не имеют таких отчетливых границ, какие они приобретают в наших «рациональных обществах». То, что психологи называют психической идентичностью или «мистическим участием», устранено из нашего предметного мира. А это как раз и есть тот нимб, тот ореол бессознательных ассоциаций, который придает такой красочный и фантастический смысл первобытному миру. Мы утратили его до такой степени, что при встрече совершенно не узнаем. В нас самих подобные вещи умещаются ниже порога сознания, мы считаем, что здесь уже не все в порядке.

466 Неоднократно мне приходилось консультировать высокообразованных и интеллигентных людей, которые видели глубоко потрясшие их сны, сталкивались с фантазиями или видениями. Они считали, что никто в здравом уме и трезвой памяти ничего подобного испытывать не может, а тот, кто все же сталкивается с подобным, явно не в своем уме. Один богослов однажды сказал мне, что видения Иезекииля — не что иное, как болезненные симптомы, и что, когда Моисей и другие пророки слышали «голоса», обращенные к ним, они страдали от галлюцинаций. Можете себе представить весь его ужас, когда нечто подобное «неожиданно» произошло с ним. Мы настолько привыкли к «очевидно» рациональной природе нашего мира, что уже не можем представить себе ничего выходящего за рамки здравого смысла. Дикарь, сталкиваясь с шокирующими явлениями, не сомневается в собственной психической полноценности; он размышляет о фетишах, духах или богах. Однако наши эмоции, в сущности, те же. Ужасы, порождаемые нашей рафинированной цивилизацией, могут оказаться еще более угрожающими,

чем те, которые дикари приписывают демонам. Порой положение современного цивилизованного человека напоминает мне ситуацию одного психического больного из моей клиники, который сам некогда был врачом. Однажды утром я спросил его, как дела. Он ответил, что провел изумительную ночь, дезинфицируя небо сулемой, но в ходе такой санитарной обработки Бога ему обнаружить не удалось. В этом случае мы имеем дело с неврозом или даже чем-то более серьезным. Вместо Бога или «страха Бога» оказывается невроз беспокойства или фобия. Эмоция осталась по сути той же, но имя и природа ее объекта ухудшились.

467 Вспоминается профессор философии, который однажды консультировался у меня в связи с раковой фобией. Он был убежден, что у него злокачественная опухоль, хотя десятки рентгеновских снимков ничего подобного не подтверждали. «Я знаю, что ничего нет, — сказал он, — но ведь могло бы быть». Откуда могла возникнуть подобная мысль? Очевидно, она появилась вследствие страха, внушенного явно неосознанным размышлением. Болезненная мысль овладела им и держала его под контролем. Он образованный человек, и допустить подобное ему было труднее, чем дикарю пожаловаться, что досаждают духи. Злобное влияние злых духов — в первобытной культуре, по крайней мере, допустимое предположение, но цивилизованному человеку нужно очень глубоко переживать, чтобы согласиться, что его неприятности — всего лишь дурацкая игра воображения. Первобытное явление «наваждения» не растворилось в цивилизации, оно осталось таким же и лишь трактуется иным, менее привлекательным образом.

468 [Я произвел несколько сравнений между современным человеком и дикарем. Подобные сравнения, как я покажу ниже, существенны для понимания символических склонностей человека и той роли, которую играют сны, выражающие их.] Обнаружилось, что многие сны представляют образы и ассоциации, аналогичные первобытным идеям, мифам и ритуалам. Эти сновидческие образы были названы Фрейдом «архаическими пережитками», само выражение предполагает, что они являются психическими элементами, «выжившими» в человеческом мозгу в течение многих веков. Эта точка зрения характерна для тех, кто рассматривает бессознательное лишь как

придаток к сознанию (или, более образно, как свалку, куда сбрасывается все, от чего отказалось сознание).

469 Дальнейшее исследование показало, что такое отношение несостоятельно и должно быть отвергнуто. Я обнаружил, что ассоциации и образы подобного рода являются интегральной частью бессознательного и могут наблюдаться повсеместно — вне зависимости от уровня образованности и интеллекта человека. И эти ассоциации и образы ни в коей мере не являются безжизненными или бессмысленными «пережитками». Они до сих пор живут и действуют, оказываясь особенно ценными в силу своей «исторической» природы. Они образуют мост между теми способами, которыми мы сознательно выражаем свои мысли, и более примитивной, красочной и живописной формой выражения. Но эта форма обращена непосредственно к чувству и эмоциям. Эти «исторические» ассоциации и есть звено, связывающее рациональное сознание с миром инстинкта. [Я уже обсуждал любопытный контраст между «контролируемыми» мыслями в состоянии бодрствования и богатством воображения в снах. Здесь можно увидеть еще одну причину подобной разницы. Поскольку в своей цивилизованной жизни мы лишили множество идей эмоциональной энергии, то больше на них не реагируем. Мы пользуемся ими в речи и в общем-то реагируем, когда их используют другие люди, но они не производят на нас значимого впечатления. Требуется нечто большее, чтобы воздействовать на нас более эффективно с целью заставить нас изменить свои установки и свое поведение. Но это как раз то, что и делает «язык снов», он несет столько психической энергии, что вынуждает нас обращать на него свое внимание.] Я знал, например, одну даму, известную своими глупыми предрассудками и упорным сопротивлением каким-либо разумным доводам. С ней можно было спорить хоть весь вечер без всякого результата — она ничего не принимала во внимание. Однако ее сны приняли совсем другое направление. Однажды ей приснилось, что она приглашена в гости по очень важному общественному поводу. Ее приветствовала хозяйка со словами: «Как мило, что вы пришли. Все ваши друзья здесь и ждут вас». Хозяйка подвела ее к двери и открыла ее, сновидица шагнула вперед и попала — в коровник!

470 Язык сна был в данном случае достаточно прост и понятен даже самому несведущему. Женщина поначалу не хотела принять во внимание содержание своего сна, который попросту поразил ее самолюбие и в конце концов достиг своей цели. Спустя некоторое время она все же признала его смысл, но так и не смогла понять причину собственной самоиздевки.

471 Такие послания из бессознательного имеют большее значение, чем это осознает большинство людей. В своей сознательной жизни мы подвержены самым различным видам воздействий. Окружающие стимулируют или подавляют нас, события на службе или в общественной жизни отвлекают от собственной жизни. Вместе и порознь они сбивают нас с пути, свойственного нашей индивидуальности. [В любом случае, признаем мы или нет то или иное действие, которое они оказывают на наше сознание, оно уже растревожено и в известной степени подчинено этим событиям. Особенно сильно это проявляется у лиц с ярко выраженной экстравертной установкой или у тех, кто вынашивает чувство неполноценности и сомнения в своей личной значимости.] Общая функция снов заключается в попытке восстановить наш психический баланс. Я назвал бы это дополнительной (или компенсаторной) ролью снов в нашей психической жизни. Этим объясняется, почему люди с нереальными целями, или слишком высоким мнением о себе, или строящие грандиозные планы, не соответствующие их реальным возможностям, видят во сне полеты и падения. Сон компенсирует личностные недостатки и в то же время предупреждает об опасности неадекватного пути. Если же предупредительные знаки сновидения игнорируются, то может произойти реальный несчастный случай. Жертва может упасть с лестницы или попасть в автомобильную катастрофу. Вспоминается случай с человеком, запутавшимся в большом количестве сомнительных афер. У него развилась почти болезненная страсть к альпинизму, в виде компенсации. Он все время искал, куда бы «забраться повыше себя». Однажды ночью во сне он увидел себя шагающим с вершины высокой горы в пустоту. Когда он рассказал свой сон, я сразу же увидел опасность и попытался предупредить ее, убеждая его ограничить свои восхождения. Я даже сказал, что сон предвещает его смерть в горах. Но все было напрасно.

Через шесть месяцев он таки шагнул «в пустоту». Горный проводник наблюдал за тем, как он и его друг спускались по веревке в одном трудном месте. Друг обнаружил временную опору для ноги на карнизе, и сновидец последовал за ним вниз. Вдруг он ослабил веревку и, по словам гида, «словно прыгнул в воздух». Он упал на своего друга, оба полетели вниз и разбились.

472 Другой типичный случай произошел с одной дамой, чрезмерно высоконравственной. Днем она была надменной и высокомерной, зато по ночам ей виделись сны, наполненные самыми разнообразными непристойностями. Когда я заподозрил их наличие, дама с возмущением отказалась это признать. Но сны меж тем продолжались, и их содержание стало более угрожающим и отсылающим к прогулкам, которые эта женщина привыкла совершать по лесу и во время которых она предавалась своим фантазиям. Я усмотрел в этом опасность, но она не прислушалась к моим предостережениям. Вскоро в лесу на нее напал сексуальный маньяк, и только вмешательство людей, услышавших ее крики о помощи, спасло ее от неминуемого убийства. Никакой магии в этом нет. Сами сны указывали на то, что эта женщина испытывала тайную страсть к такого рода приключениям, — точно так же, как и альпинист искал выхода из своих трудностей. Разумеется, никто из них не рассчитывал заплатить столь высокую цену: у нее оказались сломанными несколько костей, а он и вовсе расстался с жизнью. Правда, альпинист получил определенное удовлетворение, найдя таким образом выход из своего трудного положения.

473 Таким образом, сны могут иногда оповещать о некоторых ситуациях задолго до того, как те произойдут в действительности. И это вовсе не чудо или мистическое предсказание. Многие кризисы в нашей жизни имеют долгую бессознательную историю. Мы проходим ее шаг за шагом, не сознавая опасности, которая накапливается. Но то, что мы сознательно стараемся не замечать, часто улавливается нашим бессознательным, которое передает информацию в виде снов. Сны часто предупреждают нас подобным образом, хотя далеко не всегда. Наивным было бы поэтому считать, что существует благодетельная «рука», которая нас всегда и все время останавливает. Выражаясь определеннее, благосклонная судьба иногда работает, а иногда и нет.

Таинственная рука может даже указать дорогу к гибели, иногда сны кажутся ловушками, каковыми и оказываются на самом деле. [Порой они ведут себя как дельфийский оракул, который предвещал царю то, что, перейдя реку Халис, он разрушит великое царство. Только после того, как он был полностью побежден в битве, выяснилось, что это его собственное царство.] Имея дело со снами, не следует оставаться наивными. Сны зарождаются в духе, который не вполне человечесен по своей сути, а является скорее дыханием природы — духом прекрасного, благородного, но и жестокого божества. Чтобы охарактеризовать этот дух, следует скорее приблизиться к миру древних мифологий или к сказкам первобытного леса, чем к сознанию современного человека. Я вовсе не отрицаю великих достижений, произошедших в результате эволюции общества. Но эти достижения были достигнуты ценой больших потерь, степень которых мы только сейчас начинаем осознавать и оценивать. Отчасти целью моих сравнений между первобытным и цивилизованным состоянием человека является показ баланса этих потерь и приобретений.

474 Прилагая усилия к пониманию сновидений, мы знакомимся с тем, что Уильям Джеймс удачно назвал «краем сознания». Сопутствующие элементы, представлявшиеся случайными и нежелательными, при близком рассмотрении оказывались почти незримыми корнями сознательных содержаний, то есть их подпороговыми аспектами. Они образуют психический материал, который должен рассматриваться как соединительное звено между бессознательными и сознательными содержаниями или как мост между сознанием и конечной психологической основой психики. Практическую роль такого моста едва ли можно переоценить. Чем дольше сознание пребывает под влиянием предрассудков, ошибок, фантазий и инфантильных желаний, тем больше будет возрастет уже существующая роль невротической диссоциации и вести в итоге к более или менее неестественной жизни, далекой от здоровых инстинктов, природной естественности и правды. Сны пытаются вернуть наш психический баланс посредством производства сновидческого материала, который восстанавливает весьма деликатным образом целостное психическое равновесие. Едва ли существует возможность восстановить первоначальное состояние путем проведения рациональных бесед,

слишком плоских и бесцветных. Однако, как показывают приведенные примеры, язык снов дает именно те образы, которые находят отзвук в глубинных слоях психики. Можно даже утверждать, что толкование снов в такой степени обогащает сознание, что оно начинает вспоминать забытый язык инстинктов.

475 Первобытным человеком управляли главным образом инстинкты, в то время как его «рациональные» потомки научились себя «контролировать». В процессе цивилизации мы все более отделяли наше сознание от глубинных инстинктивных слоев психического и в конечном счете от соматической основы психических явлений. К счастью, мы не утратили эти основные инстинктивные слои; они остались частью бессознательного, хотя и могут выражать себя лишь в форме образов сна. Эти инстинктивные явления (их, между прочим, не всегда можно признать за таковые, поскольку они носят символический характер) играют жизненно важную роль в том, что я назвал компенсаторной ролью снов. Для сохранения постоянства разума и, если угодно, физиологического здоровья бессознательное и сознание должны быть связаны самым тесным образом, двигаться параллельными путями. Если же они расщеплены или «диссоциированы», наступает психологическая нестабильность. В этом отношении символы сна — важные посланники от инстинктивной к рациональной составляющей человеческого разума, и их интерпретация обогащает нищету сознания, так как она учит его снова понимать забытый язык инстинктов.

[Конечно, люди склонны сомневаться в подобной функции снов, поскольку символы зачастую остаются незамеченными или непонятными. Когда туземцы все же признали, что видят сны, но считают их ничего не значащими, они напоминали вполне современных людей, которые убеждены, что сон — полная глупость, поскольку они в нем ничего не поняли.]

476 Человек, несомненно, спросит: каков смысл такой функции снов, если символы не будут замечены или поняты? Однако недостаточное понимание не означает, что сон не окажет никакого воздействия. Даже цивилизованный человек порой замечает, что сон (который он даже может забыть) способен изменить его настроение в лучшую или худшую сторону. Сон в таком случае был «воспринят», но только

лишь подсознательным образом. И так обычно и происходит. Только в очень редких случаях, когда сон особенно впечатляющ или повторяется через регулярные интервалы, большинство считает его разгадку необходимой. Здесь следует сделать предупреждение относительно невежественного или некомпетентного анализа снов. Есть люди, чье психическое состояние настолько нестабильно, что расшифровка их снов может оказаться крайне рискованной и даже нежелательной в тех случаях, когда слишком одностороннее сознание отрезано от соответствующего иррационального или «безумного» бессознательного.

477 В более широком смысле было бы большой глупостью допустить, что существует готовый систематический истолкователь снов, который достаточно купить и найти в нем соответствующий символ. Ни один символ сна не может быть взят отдельно от человека, этот сон видевшего, как нет и единой и однозначной интерпретации любого сна. Каждый человек настолько отличается в выборе путей, которыми его бессознательное дополняет или компенсирует сознание, что совершенно невозможно быть уверенным в том, что сны и их символика могут быть хоть как-то классифицированы. Правда, есть сны и отдельные символы (я бы предпочел назвать их «мотивами»), достаточно типичные и часто встречающиеся. Среди таких мотивов наиболее часты падения, полет, преследование хищными зверями или врагами, появление в публичных местах в голом или полуголом виде или в нелепой одежде, состояние спешки или потерянности в неорганизованной толпе, сражение в безоружном состоянии или с негодным оружием, изматывающее убегание в никуда. Типичным инфантильным мотивом является сон с вырастанием до неопределенно больших размеров или уменьшением до неопределенно малых, или переходом одного в другое [что мы встречаем, к примеру, у Льюиса Кэрролла в «Алисе в стране чудес». Но следует подчеркнуть, что эти мотивы необходимо рассматривать в контексте всего сна, а не в качестве самообъясняющих шифров.].

478 Повторяющийся сон — явление особое. Есть случаи, когда люди видят один и тот же сон с раннего детства до глубокой старости. Сон такого рода является попыткой компенсировать какой-либо отдельный дефект в отношении сновидца к жизни; или же его появление

приурочено тому или иному травматическому моменту, который оставил по себе специфическое предубеждение, предвзятость к чему-либо. Иногда такой сон может предупреждать о каком-то важном событии в будущем. Несколько лет подряд я сам видел во сне повторявшийся сюжет, в соответствии с которым я «открывал» в своем доме жилые пространства, о существовании которых и не подозревал. Иногда это были комнаты, в которых жили мои давно умершие родители, в которых мой отец, к моему удивлению, оборудовал лаборатории и изучал там сравнительную анатомию рыб, а мать держала отель для посетителей-призраков. Как правило, это неведомое мне доселе гостевое крыло представляло древнюю историческую постройку, давно забытую и, однако, унаследованную мною собственностью. Внутри находилась интересная старинная мебель, и ближе к концу этой серии снов я находил старую библиотеку с неизвестными книгами. В конце концов в последнем сне я раскрыл одну из книг и обнаружил там изобилие прекрасно выполненных символических рисунков. Я проснулся с бьющимся от возбуждения сердцем.

479 Несколько раньше, до того как я увидел этот заключительный сон из серии, я заказал букинисту одну из классических компиляций средневековых алхимиков. Просматривая литературу, я обнаружил цитату, имевшую, как я думал, связь с ранней византийской алхимией, и пожелал проверить ее. Спустя несколько недель после того, как я увидел во сне неизвестную книгу, пришел пакет от книготорговца. В нем находился пергаментный том, датированный XVI веком. Он был иллюстрирован очаровательными символическими рисунками, которые сразу же напомнили мне те, что я видел во сне. В смысле переоткрытия принципов алхимии, входящих составной частью в переосмысливаемую мною психологию, мотив повторяющегося сна достаточно ясен. Сам дом являл символ моей личности и область ее сознательных интересов, а неизвестная пристройка представляла собой предвосхищение новой области интересов и поисков, о которых сознание в тот момент ничего не ведало. Больше этого сна — а прошло свыше 30 лет — я никогда не видел.

[Я начал эту работу, отметив разницу между знаком и символом. Знак всегда меньше, нежели понятие, которое он представляет, в то время как символ всегда больше, чем его непосредственный очевидный

смысл. Символы к тому же имеют естественное и спонтанное происхождение.]

480 Но следует отметить, что символы проявляются не только в снах. Они возникают в самых разнообразных психических проявлениях. Существуют символические мысли и чувства, символические поступки и ситуации. Порой кажется, что не только бессознательное, но даже неодушевленные объекты участвуют в обустройстве символических паттернов. Таковы многочисленные засвидетельствованные случаи остановки часов в момент смерти их владельца. В качестве примера можно указать на случай маятниковых часов Фридриха Великого в Сан-Суси, которые остановились, когда император умер. Другие распространенные случаи — зеркала, дающие трещину, картины, падающие в момент смерти, или маленькие необъяснимые поломки в доме, в котором у кого-то наступил эмоциональный шок или кризис. Даже если скептики отказываются верить таким сообщениям, истории подобного рода все равно возникают и множатся, и уже одно это должно послужить доказательством их психологической значимости.

481 Существует много символов, являющихся по своей природе и происхождению не индивидуальными, а коллективными. В основном это религиозные образы. Верующий полагает, что они божественного происхождения, что они даны человеку в откровении. Атеист или скептик заявит, что они попросту изобретены, придуманы, но оба окажутся неправы. Верно то, как полагает скептик, что религиозные символы и понятия являлись предметами самой тщательной и вполне сознательной разработки в течение веков. Равно истинно — так считает верующий, — что их происхождение столь глубоко погребено в тайнах прошлого, что кажется очевидным их внечеловеческое происхождение. Фактически же они суть «коллективные представления», идущие из первобытных сил и творческих фантазий. Как таковые эти образы представляют собой спонтанные проявления и уж никоим образом не преднамеренные изобретения.

482 Ни один гений не приговаривал с пером или кистью в руке: «Вот сейчас я изобрету символ». Невозможно взять более или менее рациональную мысль, логически завершённую, а затем предъявить ее в качестве «символической» фантазмагии. Неважно, какую

фантастическую оснастку можно надеть на идею, она все равно остается знаком, связанным с сознательной мыслью, стоящей за ним, но не символом, намекающим на нечто еще неизвестное. В снах символы возникают спонтанно, поскольку сны случаются, а не изобретаются; следовательно, они являются главным источником нашего знания о символизме.

483 Как я постараюсь показать ниже, это обстоятельство имеет прямое и важное отношение к толкованию снов. Если вы считаете сон символическим, то, очевидно, вы будете интерпретировать его иначе, чем человек, верящий, что энергия мысли или эмоции известна заранее и лишь «переодета» сном. В таком случае толкование сна почти не имеет смысла, поскольку вы обнаруживаете лишь то, что заранее было известно. По этой причине я всегда повторял ученикам: «Выучите все, что можно, о символизме, но забудьте все, когда интерпретируете сон». Этот совет важен с практической точки зрения, и время от времени я напоминаю себе, что никогда не смогу достаточно хорошо понять чей-нибудь сон и истолковать его правильно. Я делаю это, чтобы проверить поток своих собственных ассоциаций и реакций, которые могут начать преобладать над колебаниями пациента. Поскольку аналитику наиболее важно воспринять как можно более точно специфический смысл (т. е. вклад, который бессознательное вносит в сознание), ему необходимо исследовать сон весьма тщательно. Когда я работал с Фрейдом, мне приснился сон, который может это проиллюстрировать.

484 Мне снилось, что я дома, на втором этаже в уютной гостиной, меблированной в стиле XVIII в. Я удивлен, потому что раньше никогда этой комнаты не видел, и мне интересно, на что похож первый этаж. Я спускаюсь вниз и обнаруживаю, что там довольно-таки темно, а само помещение содержит стенные панели и мебель XVI в., а возможно, и более раннюю. Мои удивление и любопытство нарастают. Я хочу увидеть, как устроен весь дом. Спускаюсь в подвал, нахожу дверь, за ней каменную лестницу, ведущую в большую подвальную комнату. Пол выстлан большими каменными плитами, стены выглядят совсем древними. Я исследую известковый раствор и вижу, что он смешан с битым кирпичом. Очевидно, что стены относятся к эпохе Римской империи. Мое возбуждение нарастает. В углу в каменной плите я вижу

железное кольцо. Вытягиваю плиту вверх — передо мной еще один узкий марш лестницы, ведущей вниз, в какую-то пещеру, кажущуюся доисторической могилой. На дне ее лежат два черепа, несколько костей и немного битой керамики. Тут я просыпаюсь.

485 Если бы Фрейд при анализе этого сна следовал моему методу изучения его специфических ассоциаций и контекста, то услышал бы очень длинную историю. Но, боюсь, он отверг бы ее как попытку уйти от проблемы, которая в действительности была его собственной. Фактически сон представлял конспективное изложение моей жизни — жизни моего разума. Я вырос в доме, возраст которого составлял 200 лет, мебель была трехсотлетней давности, и к тому моменту моим важным духовным достижением было изучение философии Канта и Шопенгауэра. Большим открытием стали для меня труды Чарльза Дарвина. Незадолго до этого я все еще жил со средневековыми представлениями моих родителей, у которых мир и люди управлялись божественным всемогуществом и провидением. Теперь же этот взгляд ушел в прошлое. Моя христианская вера стала более релятивной после знакомства с восточными религиями и греческой философией. По этой причине на первом этаже все выглядело таким темным, тихим и пустынным.

486 Тогдашние мои исторические интересы развились на основе первоначальных занятий сравнительной анатомией и палеонтологией во время работы ассистентом в Анатомическом институте. Меня увлекли находки ископаемых людей, в частности, много обсуждавшегося неандертальца, а также весьма сомнительного черепа питекантропа Дюбуа. Фактически это и были мои реальные ассоциации во сне, но я не осмелился упомянуть о черепках, скелетах и костях Фрейду, потому что знал, что эту тему лучше не затрагивать. У него была подспудная мысль, что я предчувствую его раннюю смерть. Он сделал этот вывод из того, что я выказал явный интерес к мумифицированным трупам, обнаруженным в так называемом местечке Блейкеллер, в Бремене, который мы вместе посетили в 1909 г., по пути на корабль, отправлявшийся в Америку.

487 Поэтому я и не хотел высказывать свои собственные идеи. Слишком сильное впечатление произвел тот недавний опыт, показавший почти непреодолимую пропасть между нашими взглядами. Я не хотел

терять его расположение и дружбу, открывая свой собственный мир, который, я полагал, был бы ему странен. Чувствуя себя весьма неуверенно, я почти автоматически солгал ему насчет моих «свободных ассоциаций», чтобы избежать невыполнимой задачи: просветить его в отношении моего очень личного и совершенно иного менталитета.

488 Вскоре я понял, что Фрейд ищет во мне какое-нибудь несовместимое желание. Для пробы я предположил, что черепа, которые я видел, могли относиться к некоторым членам моей семьи, чьей смерти по каким-то причинам я мог желать. Это было встречено с одобрением, но я не был удовлетворен этим по своей сути ложным ходом.

489 Когда же я попытался найти подходящие ответы на вопрос Фрейда, то был внезапно ошарашен мыслью о той роли, которую субъективный фактор играет в психологическом понимании. Мое прозрение было столь ошеломляющим, что я стал думать лишь о том, как бы выбраться из этой трудной ситуации, и не нашел ничего лучшего, как попросту солгать. Моральные соображения отступили перед угрозой крупной ссоры с Фрейдом, чего я вовсе не желал по множеству причин.

490 Суть прозрения же состояла в понимании, что мой сон вносит смысл в меня самого, в мою жизнь и в мой мир, вопреки теоретическим построениям иного внешнего разума, сконструированного согласно собственным целям и задачам. Это был сон не Фрейда, а мой, и я, словно при вспышке света, понял его значение.

491 Следует извиниться за эту довольно длинную историю о щекотливом положении, в которое я попал, рассказав Фрейдю свой сон. Но это хороший пример тех трудностей, с которыми сталкивается всякий, кто занимается реальным анализом снов. Многие зависят от разницы в типе личности аналитика и анализируемого.

492 Приведенный пример иллюстрирует главное в анализе снов. Сам анализ не столько техника, которую можно выучить, а затем применять согласно правилам, сколько диалектический многосоставной обмен между двумя личностями. Если его проводить механически, то индивидуальная психическая личность теряется и терапевтическая проблема сводится к простому вопросу: чья воля будет доминировать — пациента или аналитика? По этой же причине я прекратил практику гипноза, поскольку не желал навязывать свою волю другим.

Мне хотелось, чтобы исцеление исходило из личности самого пациента, а не путем моих внушений, которые могли иметь лишь преходящее значение. Я стремился защитить и сохранить достоинство и свободу своих пациентов, чтобы они могли жить в соответствии с собственными желаниями.

493 Я не был согласен с Фрейдом, считавшим, что исключительно важная роль принадлежит сексу. Несомненно, секс играет значительную роль среди мотивов, определяющих поведение человека, но во многих случаях этот мотив менее важен, чем голод, стремление к власти, амбиции, фанатизм, зависть, жажда мести или же религиозный дух и всепоглощающий творческий импульс.

494 После этого эпизода с Фрейдом я впервые понял, что, прежде чем строить общие теории о человеке и его душе, мы должны больше узнать о реальном человеческом устройстве, с которым имеем дело. Индивид — это единственная реальность. Чем дальше мы уходим от него к абстрактным идеям относительно Homo Sapiens, тем чаще впадаем в ошибку. [В наше время социальных переворотов и быстрых общественных изменений об отдельном человеке необходимо знать много больше, чем знаем мы, так как очень многое зависит от его умственных и моральных качеств. Но, если мы хотим видеть явления в правильной перспективе, нам необходимо понять прошлое человека так же, как и его настоящее. По этой причине понимание мифов и символов имеет существенное значение.]

4 ПРОБЛЕМА ТИПОВ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СНОВИДЕНИЙ

495 Во всех прочих областях науки законно применение гипноза к безличным объектам. В психологии, однако, мы неизбежно сталкиваемся с живыми отношениями между индивидуумами, ни один из которых не может быть лишен своего личностного начала или как угодно деперсонализирован. Аналитик и пациент могут договориться обсуждать избранную проблему в безличной и объективной манере; но, стоит им включиться в дело, их личности тотчас же выходят на сцену. И здесь всякий дальнейший прогресс возможен лишь в том случае, если достижимо взаимное согласие. Возможно ли объективное суждение о конечном результате? Только если произойдет сравнение наших выводов со стандартами, принятыми в социальной среде, к которой принадлежат сами индивиды. Но даже и тогда мы должны принимать во внимание психическую уравновешенность (или здоровье) этих индивидов. Это не означает, что окончательным результатом должна быть полная коллективизация индивида, так как это было бы самым неестественным условием. Здоровое и нормальное общество таково, что в нем люди очень редко соглашаются друг с другом; общее согласие вообще довольно редкий случай за пределами инстинктивных человеческих качеств. Несогласованность функций служит двигателем общественной жизни, но не это ее цель: согласие в равной степени важно. Поскольку психология в основном зависит от баланса оппозиций, то никакое суждение не может быть сочтено окончательным, пока не принята во внимание его обратимость. Причина подобного факта заключена в том, что нет точки отсчета для суждения о том, что есть психика за рамками самой психологии. Все, что мы можем вообразить, заключено в психическом состоянии, то есть в состоянии сознательного представления.

Добиться выхода из этого положения — всеобщая и труднейшая задача физических наук.

496 Несмотря на то, что единственная реальность заключена в индивиде, некоторые обобщения необходимы, чтобы помочь разъяснить и классифицировать эмпирический материал, который собирается психологом при изучении многих индивидов. Очевидно, невозможно сформулировать какую-либо психологическую теорию или обучить ей, описывая большое количество отдельных случаев без какой-либо попытки увидеть, что они имеют общего и в чем различны. В основу могут быть положены любые общие характеристики. Можно, например, довольно просто различать *экстравертов* и *интровертов*. Нет необходимости в специальном объяснении этих терминов, поскольку они сделались общераспространенными в массовом речевом обиходе.

497 Это только одно из многих обобщений, из которых можно производить выбор, но оно вполне подходит для нашей цели в том смысле, что мы ищем описание метода или подхода к пониманию сновидений, как главных источников естественных символов. Как я уже сказал, процесс толкования заключается в столкновении двух разумов — аналитика и анализанда, а не в применении заранее сложившейся теории. Разум аналитика характеризуется рядом индивидуальных особенностей, число которых может быть таким же, как и у анализанда. Эти особенности несут на себе печать предубежденности, предвзятости. Недопустимо считать, что аналитик является суперменом лишь потому, что он доктор и владеет теорией и соответствующей техникой. Он может только воображать себя таковым, если полагает, что его теория и техника являются истиной в последней инстанции, способной охватить все психическое целиком. Но так как подобное предположение более чем сомнительно, то в действительности аналитик «суперменом» себя и не считает. Соответственно его будут одолевать тайные сомнения в принятии подобной установки, если он станет противопоставлять человеческой целостности анализанда свою теорию и технику (которые являются не более чем гипотезами) вместо своего чисто человеческого отношения. Только последнее представляет эквивалент личности его анализанда. Психологический опыт и знание есть не более чем профессиональные преимущества со стороны аналитика, которые

не оставляют его в безопасности вне поля его деятельности. Он проверяется на «прочность» точно так же, как и анализанд.

498 Поскольку для систематического анализа снов необходима конфронтация двух индивидов, многое будет зависеть от сходства или различия установок аналитика. Если оба относятся к одному и тому же типу личности, то существует возможность длительного, благополучного, совместного плавания. Однако если один из них экстраверт, а другой — интроверт, то их противоположные установки могут привести к столкновению, особенно в том случае, если они не осознают, к какому типу относятся, или же считают, что их тип — единственно правильный. Такая ошибка вполне вероятна, поскольку то, что ценно для одного, лишено ценности в глазах другого. Один будет придерживаться взглядов большинства, а другой будет отвергать их именно по этой причине. Например, Фрейд рассматривал интровертный тип личности как болезненную погруженность в себя. Однако интроспекция и самопознание могут играть и весьма важную роль.

499 Экстраверсия и интроверсия — всего лишь одно из многих различий в человеческом поведении. Но именно оно довольно часто узнаваемо и очевидно. Изучая индивидов-экстравертов, например, довольно скоро можно обнаружить, что они во многих отношениях отличаются друг от друга, и экстравертность оказывается слишком поверхностной и общей характеристикой. Вот почему уже давно я пытаюсь найти некоторые другие основные характеристики, которые могли бы служить целям упорядочения явно безграничных колебаний человеческой индивидуальности.

500 Меня всегда поражал тот факт, что существует удивительно много людей, которые не стремятся размышлять, если этого можно избежать, хотя они отнюдь не глупы, и столь же значительное число тех, кто постоянно держит свой разум «в работе», но действует при этом поразительно глупым образом. Столь же удивительным для меня было обнаружить, что многие образованные и мыслящие люди живут так, словно они не научились пользоваться своими органами чувств (насколько это можно заметить). Они не замечают вещей перед своими глазами, не слышат слов, звучащих у них в ушах, не замечают предметов, которые трогают или пробуют на вкус. Некоторые живут, не замечая, не осознавая своего собственного

тела. Есть и другие, которые, казалось бы, живут в странном режиме своего сознания, будто состояние, в котором они сегодня оказались, было окончательным, постоянным, без какой-либо возможности перемен. Словно мир и психика статичны и остаются такими вечно. Они, казалось бы, избегали любого вида воображения и всецело зависели от непосредственного восприятия. В их мире отсутствовал случай или возможность чего-нибудь, и в «сегодня» не было ни частицы «завтра». Будущее оказывалось простым повторением прошлого.

501 То, что я пытаюсь передать читателю, — это тот первый эскиз впечатлений, которые я получил в своих наблюдениях за встречавшимися мне людьми. Скоро, однако, мне стало ясно, что те люди, которые предпочитают «работать головой», относятся к числу мыслящих, использующих свои интеллектуальные способности, для адаптации к людям и обстоятельствам. Но не менее интеллигентными оказались и те люди, которые не думали, а отыскивали и находили свой путь с помощью чувств. «Чувство» — это слово, которое нуждается в некотором пояснении. К примеру, кто-то говорит о чувстве, имея в виду «переживание» (соответствует французскому «сентимент»). Но его также можно использовать и для выражения мнения; к примеру, сообщение из Белого Дома может начинаться: «Президент чувствует...». Это слово может использоваться и для выражения интуиции: «У меня такое чувство, что...».

502 Когда я использую слово «чувство» в противовес слову «мысль», то имею в виду суждение о ценности, например, приятно или неприятно, хорошо или плохо и т. д. Чувство, согласно этому определению, не является эмоцией (последнее, следуя этимологии английского слова *e-motion*, означающего движение, произвольно). Чувство, как я это понимаю, так же как и мышление, — рациональная (т. е. управляющая) функция, в то время как интуиция есть иррациональная (т. е. воспринимающая) функция. В той степени, в какой интуиция есть «предчувствие», она не является результатом намеренного действия, это скорее произвольное событие, зависящее от различных внутренних и внешних обстоятельств, но не акт суждения. Интуиция более сходна с ощущением, являющимся также иррациональным событием постольку, поскольку оно существенно

зависит от объективного стимула, который обязан своим существованием физическим, а не умственным причинам.

503 Эти четыре функциональных типа соответствуют очевидным средствам, благодаря которым сознание получает свою ориентацию в опыте. Ощущение (т. е. восприятие органами чувств) говорит нам, что нечто существует; мышление раскрывает, что это такое; чувство отвечает, благоприятно это или нет, а интуиция оповещает нас, откуда это возникло и куда уйдет.

504 Читатель должен понять, что эти четыре типа человеческого поведения — просто четыре точки отсчета среди многих других, таких, как воля, темперамент, воображение, память, отношение к морали, религии и т. д. Названные качества не содержат в себе ничего догматического, раз и навсегда установленного, они рекомендуются лишь в качестве возможных критериев для классификации. Я считаю их особенно полезными, когда пытаюсь объяснить детям поступки их родителей, женам — поведение их мужей и наоборот. Они также полезны для понимания наших собственных предрассудков.

505 Так что, если вы хотите понять сон другого человека, вы должны пожертвовать своими пристрастиями и подавить свои предрассудки. Это не так легко, поскольку требует морального усилия, к которому не каждый готов. Но если аналитик не сделает определенного усилия и не подвергнет критике свою точку отсчета, признавая ее относительность, он никогда не соберет верной информации и не углубится достаточно полно в сознание пациента. Аналитик ожидает, по крайней мере, от пациента некоторого желания выслушать его мнение и принять его всерьез, но и пациенту должно быть гарантировано такое же право. Хотя подобные отношения обязательны для любого понимания и, следовательно, самоочевидны, приходится напоминать об этом всякий раз: в терапии понимание пациента важнее теоретических ожиданий аналитика. Сопrotивление пациента толкованию аналитика не обязательно является ошибочным, это скорее верный признак того, что что-то не «стыкуется». Либо пациент еще не достиг точки понимания, либо не подходят интерпретации.

506 В своих усилиях понять символы сна другого человека мы почти неизменно наталкиваемся на нашу тенденцию заполнять неизбежные

провалы собственного понимания проекцией, т. е. предположением, что то, что ощущает и думает аналитик, соответствует мыслям и чувствам пациента. Дабы преодолеть этот источник ошибок, я всегда настаивал на важности строгого ограничения контекстом самого сна и на исключении всех теоретических предположений относительно снов вообще, за исключением гипотезы, что сны содержат некий смысл.

507 Из всего сказанного должно быть ясно, что не существует общих правил для толкования сновидений. Когда ранее я предположил, что всеобщая функция снов заключается в компенсации недостатков и искажений сознания, то подразумевал при этом многообещающий подход к природе отдельных сновидений, открывающийся при подобного рода предположении. В некоторых случаях эта функция проявляется довольно отчетливо. Один из моих пациентов был весьма высокого мнения о себе, не догадываясь при этом, что почти каждый, кто его знал, раздражался этим видом его морального превосходства. Он пришел ко мне со сновидением, в котором ему представлялся пьяный бродяга, валявшийся в канаве, — зрелище, побудившее его лишний раз сделать снисходительное замечание: «Странно видеть, как низко может пасть человек». В этом случае очевидно, что неприятный сон был частичной попыткой компенсировать его завышенное мнение о себе. Но за этим скрывалось и нечто большее. Оказалось, что у него был младший брат, опустившийся алкоголик. Сон обнаружил также, что завышенная установка компенсировала эту «неполноценность» брата — того брата, который «жил» в нем самом.

508 В другом случае я вспоминаю женщину, гордившуюся своим знанием психологии. Ей время от времени снилась другая женщина. Когда она встретила ее в реальной жизни, то та ей не понравилась, показалась интриганкой, суетной и нечестной. Тем не менее в снах она выглядела милой и вела себя дружелюбно, почти как сестра. Моя пациентка не могла понять, почему во сне человек, которого она в жизни явно не любит, предстает в таком благоприятном виде. Но эти сны были способом продемонстрировать, что ей самой присущи некоторые «теневые» бессознательные черты, сходные с чертами той женщины. Пациентке было трудно признать это, поскольку у нее имелись весьма четкие представления о своей личности,

а здесь требовалось осознать, что сон рассказывает о ее собственном комплексе власти и скрытых мотивах — бессознательных влечениях, не раз приводивших ее к неприятным ссорам с друзьями. Ссорам, в которых она винила всегда других, а не себя.

509 Но не только «теневую» сторону нашей личности мы не замечаем, игнорируем и подавляем. Мы проделываем то же самое и с нашими положительными качествами. В качестве примера вспоминается один весьма скромный, легко смущающийся молодой человек с приятными манерами. Казалось, он всегда довольствуется второстепенной ролью и непременно настаивает лишь на своем присутствии. Когда его просили что-нибудь сказать, он излагал свои суждения, но никогда не навязывал их. Иногда он, правда, намекал, что тот или иной вопрос можно было бы рассматривать и на другом, более высоком уровне (хотя никогда не объяснял, как). В своих снах, однако, он постоянно сталкивался с великими историческими фигурами, такими, как Наполеон или Александр Македонский. Эти сны явно компенсировали его комплекс неполноценности. Но они подразумевали и нечто другое. Кто же я такой, спрашивал сон, если у меня такие знаменитые гости? В этом смысле сон указывал на скрытую мегаломанию, компенсировавшую чувство неполноценности. Бессознательная идея величия изолировала его от реальности окружающих его людей и позволяла пребывать вне обязательств, неукоснительных для других. Он не ощущал необходимости доказывать самому себе или другим, что его высокое суждение зиждется на высоком достоинстве. Бессознательно он играл в нездоровую игру, о чем его пытались предупредить его же сны, причем весьма двусмысленным образом. Общество Наполеона и беседы с Александром Македонским как раз относятся к числу фантазий, развивающихся при комплексе неполноценности. Но можно спросить, почему же сон не выразил открыто то, что следовало, а сделал это двусмысленным образом?

510 Мне часто задавали этот вопрос, об этом же спрашивал себя и я сам. Порой я поражался, каким мучительным способом сны стремятся избежать определенной информации или опустить решающий момент. Фрейд предположил наличие специальной психической функции, которую назвал «цензором». Цензор, считал он, искажает образы сна, делает их неузнаваемыми или вводящими в заблуждение, с тем чтобы

обмануть спящее сознание относительно действительного содержания сна. Скрывая неприятную мысль от спящего, «цензор» защищает его сон от шока неблагоприятных реминисценций. Но я отношусь к этой идее скептически: сновидение вовсе не охраняет сон как процесс; сновидения равным образом могут нарушить сон.

511 Скорее это выглядит таким образом, что приближение к сознанию оказывает «стирающее» воздействие на подпороговое содержание психики. Подпороговое состояние удерживает идеи и образы на более низком уровне напряжения, чем в сознании. В подпороговом состоянии они теряют четкость определенности, отношения между ними становятся менее последовательными, более «неизъяснимыми». Во всех состояниях, близких к сну, связанных с усталостью, болезнью или интоксикацией, можно увидеть то же самое. Но если происходит нечто придающее этим образам большее напряжение, они делаются менее подпороговыми и по мере приближения к порогу сознания становятся более определенными. Отсюда можно понять, почему сны зачастую выражают себя аналогиями, почему образы снов переходят один в другой и почему к ним не применимы логика и временные масштабы повседневной жизни. Форма, которую принимают сны, естественна для бессознательного, потому что материал, из которого они сотканы, наличествует в подпороговом состоянии именно в таком виде. Сны не охраняют спящих от того, что Фрейд назвал «несовместимым желанием». То, что он считал «маскировкой», есть по существу форма, которую в бессознательном приобретают все импульсы. Поэтому сон не может продуцировать определенную мысль; если он начинает это делать, он перестает быть сном, поскольку при этом пересекается порог сознания. Вот почему сны упускают те самые моменты, которые наиболее важны для сознающего разума, и скорее манифестируют «край сознания» аналогично слабому блеску звезд во время полного затмения солнца.

512 Мы должны понять, что символы сна являются по большей части проявлениями той сферы психического, которая находится вне контроля сознательного разума. Смысл и целенаправленность не есть прерогативы разума, они действуют во всяком живом организме. Нет принципиальной разницы между органическим и психическим развитием. Так же, как растение приносит цветы, психическое рождает

свои символы. Любой сон свидетельствует об этом. Таким образом, с помощью снов (наряду с интуицией, импульсами и другими спонтанными событиями) инстинктивные силы влияют на активность сознания. Благостно или дурно это влияние, зависит от наличия содержания бессознательного. Если оно содержит слишком много того, что в норме должно быть осознано, то бессознательное искажается, делается предвзятым, возникают мотивы, основанные не на инстинктах, но обязанные своим проявлением и психологическим значением тому факту, что оказались в бессознательном в результате вытеснения или недосмотра. Они накладываются на нормальную бессознательную психику и искажают ее естественную тенденцию выражать основные символы и мотивы.

513 Поэтому для психоаналитика, интересующегося причинами душевного беспокойства, разумно начать с более или менее добровольной исповеди пациента, начать с осознания всего того, что пациент любит, а что — нет, чего он боится. Эта процедура похожа на церковную исповедь, во многих отношениях предвосхитившую современную психологическую технику. По крайней мере, ее общее правило. На практике, однако, порой приходится действовать и другим способом; непреодолимое чувство неполноценности или слабости могут сделать для пациента трудным и даже невозможным взглянуть в лицо новому свидетельству собственной неадекватности. Поэтому частенько я нахожу полезным начинать с ободряющих положительных интонаций в беседе с пациентом, это помогает обрести чувство уверенности, когда он приближается к более болезненным открытиям.

514 Возьмем в качестве примера сон с «личностной экзальтацией», в котором, скажем, некто пьет чай с английской королевой или оказывается в дружеских отношениях с римским папой. Если сновидец не шизофреник, практическое толкование символа во многом зависит от состояния его рассудка или положения Эго. Если сновидец переоценивает свою значимость, то легко показать (из материала, произведенного ассоциацией идеи), насколько не соответствуют реальности и инфантильны намерения сновидца, а также в какой степени они исходят из детского желания быть равным своим родителям или превзойти их. Но в случае неполноценности, когда все подавляю-

щее чувство собственной незначительности уже преодолело всякий положительный аспект личности сновидца, было бы совершенно неправильным подавлять его еще больше, показывая, насколько он инфантилен, смешон или даже извращен. Это безжалостно увеличит его неполноценность и окажется причиной совершенно ненужного сопротивления при лечении.

515 Какой-либо терапевтической техники или теории на все случаи жизни не существует, ибо каждый случай является индивидуальным и совершенно специфическим. Я помню пациента, которого лечил более девяти лет. Каждый год я видел его лишь в течение нескольких недель, поскольку он жил за границей. С самого начала я знал его настоящую беду, но видел и то, что малейшая попытка приблизиться к проблеме встречала жесткое сопротивление, угрожавшее полным разрывом наших отношений. Хотел я того или нет, но я был вынужден идти на все издержки, чтобы поддерживать наши отношения и следовать его линии поведения, которая диктовалась его снами и уводила наши обсуждения от истоков его невроза. Мы отклонялись так далеко, что я даже начинал винить себя в том, что ввожу его в заблуждение. И лишь то обстоятельство, что состояние его стало понемногу улучшаться, удержало меня от решительного шага выяснения правды.

516 На 10-м году, однако, сам пациент заявил, что он вылечился и освободился от всех своих симптомов. Я удивился, потому что теоретически он был неизлечим. Заметив мое удивление, он улыбнулся и сказал (буквально) следующее: «И прежде всего я хотел бы поблагодарить вас за неизменный такт и терпение, с которыми вы помогли мне обойти болезненную причину моего невроза. Теперь я готов рассказать вам все. Если бы я мог свободно говорить об этом тогда, то рассказал бы вам сразу же на первой консультации. Но это разрушило бы мой контакт с вами. И к чему бы это привело? Я бы морально обанкротился. В течение десяти лет я научился доверять вам, и поскольку мое доверие выросло, то и состояние улучшилось. Мне стало лучше, потому что этот медленный процесс восстановил мою веру в себя. Теперь я могу обсуждать проблему, которая так долго меня мучила».

517 Затем он с поразительной искренностью поведал о всех своих терзаниях, которые объяснили и причины такого специфического хода

лечения. Первоначальный шок оказался настолько сильным, что в одиночку ему невозможно было с ним справиться. Он нуждался в помощи другого, и собственно терапевтическая задача больше заключалась в неторопливом утверждении доверия, чем в демонстрации клинической теории.

518 Благодаря подобным случаям я научился применять свои методы к конкретным пациентам, а не пускаться в общие теоретические рассуждения, которые могли оказаться неприменимыми в каждом конкретном случае. Знание человеческой природы, которое я накопил в течение 60 лет практики, научило меня рассматривать каждый случай как совершенно новый, требующий прежде всего поиска индивидуального подхода. Иногда без колебаний я погружаюсь в тщательное изучение событий и фантазий детства; в других случаях начинаю с верхнего этажа, даже если это значило бы парение в отвлеченных метафизических рассуждениях. Все зависит от постижения индивидуального языка пациента в процессе следования на ощупь за его бессознательным к свету. Одни случаи требуют такого пути, другие — иного.

519 Это особенно верно, когда пытаешься интерпретировать символы. Два разных человека могут видеть почти одинаковый сон. (Это, как показывает клинический опыт, не такая уж необычная вещь, как принято думать.) Однако если один из сновидцев молод, а другой стар, проблемы, беспокоившие их, соответственно разные, и было бы нелепо толковать оба сна одинаково. Пример, который приходит в голову, демонстрирует сон, в котором группа молодых людей катается верхом по широкому полю. Спящий возглавляет движение и прыгает через канаву, наполненную водой, тем самым оправдывая свое назначение. Остальные же падают в канаву. Молодой человек, который первым рассказал мне этот сон, принадлежал к интровертному, предусмотрительному типу людей. Весьма похожий сон я слышал также от пожилого человека отважного характера, ведущего активную предприимчивую жизнь. К моменту, когда он увидел этот сон, он был инвалидом, доставлявшим массу хлопот своему врачу и сестрам. Бедняга действительно вредил самому себе, не выполняя медицинские предписания. Было ясно: сон рассказывал молодому человеку, что ему следует делать. Старику же он говорил, что в дей-

ствительности он до сих пор делал. Сон ободрял колеблющегося молодого человека, старик же в таком ободрении вовсе не нуждался. Дух предприимчивости, который все еще мерцал в нем, фактически и был его главной бедой.

520 Этот пример показывает, каким образом истолкование снов и символов во многом зависит от индивидуального состояния человека-сновидца. Символы многозначны, часто они представляют даже прямо противоположные понятия. Так, например, утренняя звезда является известным символом Христа, но одновременно она может быть и символом дьявола (Люцифера). То же самое справедливо в отношении льва. Правильная интерпретация зависит от контекста, то есть от ассоциаций, связанных с этим образом, а также от реального состояния разума сновидца.

5 АРХЕТИП В СИМВОЛИЗМЕ СНА

521 Я уже предположил, что сны служат целям компенсации. Это означает, что сон — нормальное психическое явление, передающее бессознательные реакции или спонтанные импульсы сознанию. Многие сны могут быть истолкованы с помощью самого сновидца, поскольку он может дать ассоциации к образам сна и их контекст, с помощью которых можно обозреть все аспекты сновидения. Этот метод пригоден во всех обыденных случаях, когда родственник, приятель или пациент рассказывают вам свой сон в ходе обычного разговора. Но когда дело касается навязчивого сновидения или снов с повышенной эмоциональной окраской, то личных ассоциаций обычно бывает недостаточно для удовлетворительного толкования. В таких случаях мы должны принять во внимание тот факт (впервые наблюдавшийся и прокомментированный Фрейдом), что часто наблюдаемые в снах элементы могут оказаться вовсе не индивидуальными и не выводимыми из личного опыта сновидца. Эти элементы, как я уже упоминал ранее, Фрейд называл «архаическими остатками» — ментальными формами, присутствие которых не объясняется собственной жизнью индивида, а следует из первобытных, врожденных и унаследованных источников человеческого разума.

522 Человеческое тело представляет собой целый музей органов, каждый из которых имеет «за плечами» длительную историю эволюции, — нечто подобное следует ожидать и от устройства разума. Он не может существовать без собственной истории, как и тело, в котором разум пребывает. Под «историей» я понимаю не то, что разум создает себя путем сознательного обращения к прошлому посредством языковой и других культурных традиций. Я имею в виду биологическое, доисторическое и бессознательное развитие разума

архаического человека, психика которого была еще так близка к животной. Безмерно древнее психическое начало образует основу нашего разума точно так же, как строение нашего тела восходит к общей анатомической структуре млекопитающих. Опытный взгляд анатома или биолога обнаруживает много следов этой исходной структуры в наших телах. Искушенный исследователь разума может сходным образом увидеть аналогии между образами сна современного человека и продуктами примитивного сознания, его «коллективными образами» и мифологическими мотивами. И так же, как биолог нуждается в сравнительной анатомии, психолог не может обойтись без «сравнительной анатомии психического». На практике психолог должен иметь не только соответствующий опыт изучения снов и других продуктов активности бессознательного, но и быть знакомым с мифологией в самом широком смысле. Без этого знания практически невозможно уловить важные аналогии: к примеру, невозможно увидеть аналогию между случаем навязчивого невроза, шизофрении или истерии и классическим демоническим наваждением.

523 Мои взгляды на «архаические остатки», которые я назвал «архетипами», или «первобытными образами», постоянно критиковались людьми, которые не обладали достаточными знаниями психологии сновидений или мифологии. Термин «архетип» зачастую истолковывается неверно — как некоторый вполне определенный мифологический образ или мотив. Но последние являются не более чем сомнительными репрезентациями; было бы абсурдным утверждать, что такие переменные образы могут наследоваться. Архетип же является тенденцией к образованию таких представлений мотива — представлений, которые могут значительно колебаться в деталях, не теряя при этом своей базовой схемы. Существует, например, множество представлений о враждебном существе, но сам по себе мотив всегда остается неизменным. В сущности, архетипы являются инстинктивными векторами, направленным трендом, точно таким же, как инстинктивное стремление птиц вить гнезда, а муравьев строить муравейники. Здесь я должен пояснить разницу между архетипами и инстинктами. То, что мы называем инстинктом, является физиологическим побуждением и постигается органами чувств. Но в то же самое время инстинкты проявляют себя в фантазиях

и часто обнаруживают свое присутствие только посредством символических образов. Эти проявления я и назвал архетипами. Они не имеют определенного происхождения; они воспроизводят себя в любое время и в любой части света, даже там, где прямая передача или «перекрестное оплодотворение» посредством миграции полностью исключены.

524 Мои критики неверно полагают, что я имею дело с «унаследованными представлениями», и на этом основании отвергают идею архетипа как простое суеверие. Они не принимают во внимание тот факт, что, если бы архетипы были представлениями, имеющими свое происхождение в нашем сознании (или были бы приобретены сознанием), мы бы с уверенностью их воспринимали, а не поражались и не удивлялись бы их возникновению в сознании. Я припоминаю много случаев с людьми, которые консультировались у меня, поскольку были озадачены снами своими собственными или своих детей. Они были совершенно не способны уловить язык этих снов. Сон содержал образы, не связанные ни с чем, что можно было бы вспомнить самим или связать с жизнью детей. И это при том, что некоторые из пациентов были высокообразованными людьми, другие — даже психиатрами. Я вспоминаю случай с профессором, у которого было внезапное видение, и он подумал, что нездоров. Он явился ко мне в состоянии полной паники. Мне пришлось взять с полки книгу четырехсотлетней давности и показать ему выгравированное изображение его видения. «Нет причин беспокоиться о своей нормальности, — сказал я ему. — Они знали о вашем видении 400 лет назад». После этого он сел, уже окончательно сбитый с толку, но при этом вполне нормальный.

525 Показательный случай произошел с человеком, который сам был психиатром. Однажды он принес мне рукописный буклет, который получил в качестве рождественского подарка от десятилетней дочери. Там была записана целая серия снов, которые у нее были в возрасте восьми лет... Они представляли самую причудливую серию снов, с которыми мне когда-либо приходилось иметь дело, и я хорошо понимал, почему ее отец был ими озадачен. Хотя и детские, они представлялись жуткими и содержали образы, происхождение

которых было совершенно непонятным для отца. Привожу основополагающие мотивы снов:

1. «Злое животное», змееподобное многоголовое чудовище, убивающее и пожирающее всех других животных. Но из четырех углов появляется Бог и в виде четырех отдельных богов воскрешает мертвых животных.
2. Вознесение на небо, где совершаются языческие пляски, и спуск в ад, где ангелы творят добрые дела.
3. Стадо маленьких животных пугает спящую. Животные увеличиваются до чудовищных размеров, и одно из них пожирает спящую маленькую девочку.
4. Маленькая мышь изъедена червями, пронизана змеями, рыбами и людьми. Затем мышь становится человеком. Это иллюстрирует четыре стадии происхождения человечества.
5. Видна капля воды, причем так, как она представлена в микроскопе. Девочка видит в капле множество древесных ветвей. Это изображение происхождения мира.
6. Плохой мальчик держит ком земли и кусочки его кидает в прохожих. От этого все прохожие становятся плохими.
7. Пьяная женщина падает в воду и появляется оттуда трезвой и свежей.
8. Действие происходит в Америке. Много людей катят муравьиную кучу, подвергаясь нападкам муравьев. Спящая в панике падает в воду.
9. Лунная пустыня. Спящая погружается глубоко в грунт и достигает ада.
10. В этом сне девочка видит светящийся шар. Она трогает его. Из него исходят пары. Приходит мужчина и убивает ее.
11. Девочке снится, что она опасно больна. Внезапно из ее кожи вылетают птицы и полностью покрывают ее.
12. Комариная туча закрывает солнце, луну и все звезды, кроме одной. Эта звезда падает на девочку.

526 В полном немецком оригинале каждый сон начинается словами старой сказки: «Однажды...» Этими словами маленькая девочка как бы поясняет, что каждый свой сон она воспринимает в виде сказки, которую хочет рассказать своему отцу в виде рождественского

подарка. Отец пытался объяснить эти сны, исходя из позиции их семейного окружения (контекста). Но у него ничего не получилось, поскольку никаких личных индивидуальных ассоциаций не выявлялось. Возможность того, что эти сны были сознательно придуманы, исключалась теми, кто достаточно хорошо знал девочку, — все были абсолютно уверены в ее искренности. (Но даже если бы они оказались просто фантазиями, то и это озадачивало бы.) Отец также был убежден, что сны действительно имели место, да и у меня не было причин для сомнений. Я сам знал эту маленькую девочку, но до того, как она подарила свои сны отцу, так что у меня не было возможности самому порасспросить ее об этом. Она жила за границей и умерла в результате инфекционного заболевания спустя год после указанного Рождества.

527 Ее сны имели определенно специфический характер. Их главные мысли содержали отчетливо философский оттенок. Первый, например, говорил о злом чудовище, убивавшем других животных, но Господь воскрешал их всех посредством священного *Апокатастасиса*, или восстановления, возмещения. На Западе эта идея известна в христианской традиции. Ее можно обнаружить в «Деяниях Апостолов» (III, 21): «(Христос) Которого небо должно было принять до времени совершения всего». Ранние греческие Отцы Церкви (например, Ориген) особенно настаивали на мысли, что в конце всех времен все будет восстановлено Спасителем в первоначальном и совершенном состоянии. Но согласно святому Матфею (XVII, 11), еще в старой иудейской традиции утверждалось, что «Илия должен прийти прежде и устроить все». Первое Послание к Коринфянам (XV, 22) передает эту же идею в следующих словах: «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут».

528 Конечно, можно предположить, что ребенок усвоил эту мысль в процессе своего религиозного воспитания, но у нее был очень незначительный религиозный багаж. Ее родители формально значились протестантами, но фактически они знали Библию только на слух. И уж совершенно невероятно, что кто-то объяснил девочке малоизвестный образ Апокатастасиса. Скорее всего ее отец никогда и не слышал об этой мифической идее.

529 Девять из двенадцати снов несут в себе тему разрушения и восстановления. И ни один из них не содержит каких-либо следов специфически христианского воспитания или влияния. Напротив, они гораздо ближе к примитивным мифам. Эта связь подтверждается и другим мотивом — «космогоническим мифом» (сотворение мира и человека), который возникает в четвертом и пятом снах. Ту же связь можно найти в Первом Послании к Коринфянам (XV, 22), цитату из которого я только что приводил. В этом отрывке Адам и Христос (смерть и воскресение) связаны вместе.

530 Идея Христа-Спасителя звучит в широко распространенном дохристианском мифе о герое и спасителе-освободителе, который, несмотря на то, что был проглочен чудовищем, чудесным образом появляется вновь, побеждая это чудовище. Никто не знает, когда и где возник этот мотив. Мы не знаем даже, как начать исследовать эту проблему. Очевидно лишь то, что каждое поколение знает этот мотив, как некую традицию, переданную от предшествующих поколений и времен. Поэтому мы вполне можем предполагать, что он «происходит» со времени, когда человек еще не знал, что он имеет миф о герое, со времен, так сказать, когда он еще не осознавал того, что говорит. Фигура героя есть архетип, который существует с незапамятных времен.

531 Проявление архетипов у детей весьма знаменательно, поскольку можно быть вполне уверенным, что ребенок не имеет прямого доступа к культурной традиции. В нашем случае семья девочки имела весьма поверхностное знакомство с христианской традицией. Христианская тема, конечно, может быть представлена в таких понятиях, как Бог, ангелы, небо, ад и зло. Но образы, представленные девочкой, никак не свидетельствуют об их христианском происхождении.

532 Возьмем, скажем, первый сон, в котором Бог, состоящий из четырех богов, появляется из «четырех углов». Углов чего? Во сне никакая комната не упомянута. Да и никакая комната не соответствовала бы всей картине, изображавшей с очевидностью космическое событие, в котором совершалось Универсальное бытие. Кватерность (четверичность) — сама по себе идея необычная, но играющая значительную роль во многих философиях и религиях. В христианской традиции она была вытеснена Троицей, понятием, известным

и ребенку. Но кто нынче в обычной семье мог знать о божественной четверичности? Эта идея, хорошо известная изучающим средневековую герменевтическую философию, к началу XVIII в. совершенно исчезла и, по крайней мере уже 200 лет как вышла из употребления. Где же ее могла отыскать маленькая девочка? Из видений Иезекииля? Но христианского учения, которое идентифицировало бы серафима с Богом, не существует.

533 Тот же вопрос можно задать и о рогатой змее. Это правда, что в Библии встречается много рогатых животных, например, в Откровении Иоанна Богослова. Но все они четвероногие, хотя их предводитель — дракон, значение которого в греческом языке подразумевает также и змею. Рогатый змей появляется в латинской алхимии в XVI в. как *quadricornitus serpens* (четверорогий змей), символ Меркурия и враг христианской Троицы. Но это весьма слабый аргумент. Насколько мне известно, подобная ссылка есть только у одного автора, и ребенок знать этого не мог.

534 Во втором сне возникает совершенно нехристианский мотив, содержащий воспринятые ценности в перевернутом виде, — языческие танцы людей на небесах и добрые дела ангелов в аду. Эта символическая картина подразумевает относительность моральных ценностей. Где мог ребенок обрести столь революционное представление, равное гению Ницше?

535 Этот вопрос ведет нас к другому: каков компенсаторный смысл этих снов, которым девочка придавала так много значения, что преподнесла их отцу в качестве рождественского подарка?

536 Если бы сновидец был первобытным знахарем, то можно было бы предположить, что его сны представляют вариации на философскую тему смерти, воскресения или замещения, происхождения мира, творения человека и относительности ценностей (Лаоцзы: «Высокое стоит на низком»). Но бесполезно искать в них смысл, если пытаться толковать их на индивидуальном уровне. Сны, вне всякого сомнения, содержат коллективные образы и сходны с теориями, которым обучают молодых людей в первобытных племенах в период посвящения (инициации) в мужчины. Это то самое время в их жизни, когда они узнают, что такое Бог, или боги, или священные животные, от которых происходит их племя, как сотворены мир и человек,

как произойдет наступление конца света, каков смысл смерти. Есть ли нечто подобное в нашей христианской цивилизации, существует ли передача сходных предписаний, учений? Да, есть, да, существует: в ранней юности. Но многие люди начинают думать об этом вновь уже в старости, при приближении к смерти.

537 Так случилось, что маленькая девочка оказалась в обеих ситуациях сразу, одновременно. Она приближалась к зрелости и к концу жизни. Ничего или почти ничего не было в ее снах, что указывало бы на начало нормальной взрослой жизни, но было множество аллюзий, намеков на тему разрушения и восстановления. Когда я впервые прочел эти сны, у меня возникло жуткое чувство неминуемого несчастья. Оно было вызвано особой природой компенсации, которую я вычислил из символизма снов. Она была противоположной всему, что можно отыскать в сознании девочки этого возраста. Подобные сны открывают новый весьма устрашающий аспект жизни и смерти. Описанные образы можно предположить в снах стариков, оглядывающихся на прожитую жизнь, но никак не у ребенка, устремленного вперед, в свое будущее. Атмосфера этих снов напоминает римскую поговорку: «Жизнь — это короткий сон»; в них нет ничего от радости и изобилия весны — детства. Жизнь этого ребенка уподоблялась *ver sacrum movendum* (тьень предчувствия) на саму жизнь и сновидения жертвы. Даже алтарь в христианских церквях представляет, с одной стороны, гробницу, а с другой — место воскресения, трансформации в вечную жизнь.

538 С таким содержанием и были идеи, которые сны донесли до ребенка. Они были приготовлением к смерти, выраженные в коротких историях, наподобие сказок, рассказываемых во время первобытных инициаций или дзэн-буддистских коанов. Сообщение об этом было выражено не в терминах ортодоксальной христианской доктрины, а больше напоминало древнюю примитивную мысль. Казалось, оно возникло не из внешней исторической традиции, а из давно позабытых психологических источников, которые с доисторических времен питали религиозные и философские размышления о жизни и смерти.

539 Словно будущие события отбрасывали свою тень назад, порождая у ребенка те мыслеформы, которые обычно дремлют у человека, но которые описывают или сопровождают приближение фатального

исхода. И хотя специфическая форма, в которой эти события себя выражают, носит более или менее личностный характер, их общая форма коллективна. Коллективные образы обнаруживаются повсюду и во все времена точно так же, как животные инстинкты сильно колеблются у разных биологических видов, однако служат одной и той же общей цели. Мы далеки от мысли, что каждое новорожденное животное обзаводится своими, отличными от других, инстинктами как личным приобретением, и не следует также полагать, что и каждый человек при рождении творит свой специфический человеческий путь. Так же как и инстинкты, паттерны коллективной мысли человеческого разума являются врожденными и унаследованными. При необходимости они начинают действовать во всех нас более или менее одинаковым образом.

540 Эмоциональные проявления, к которым принадлежат эти мысленные клише, узнаваемы во всем мире. Мы обнаруживаем их даже у животных, и сами животные понимают друг друга в этом отношении, даже если они принадлежат к разным видам. А как насчет насекомых с их сложными симбиотическими функциями? Большинство из них не знает своих собственных родителей, и их некому учить. Стоит ли тогда считать, что человек является единственным существом, лишенным специфических инстинктов, или что его психическое избавлено от всех следов его эволюции? Естественно, если отождествлять психику с сознанием, то легко можно впасть в ложную идею о том, что человек приходит в этот мир с пустой психикой, а в последующие годы психическое не содержит ничего, кроме того, что получено в индивидуальном опыте. Но собственно психическое представляет собой нечто большее, чем сознание. Животные обладают меньшим сознанием, но существует множество импульсов и реакций, указывающих на существование психического, и первобытные люди делают массу вещей, смысл которых им неизвестен. Можно долго и тщетно выспрашивать цивилизованного человека о действительном смысле рождественской елки или пасхального яйца. Факт остается фактом — люди делают некоторые вещи, совершенно не зная, зачем. Я придерживаюсь того мнения, что вначале делались вещи и совершались события, и только гораздо позже кто-то спрашивал, почему они делались и совершались.

Медицинский психолог постоянно сталкивается с весьма интеллигентными людьми, которые ведут себя несколько странным и непредсказуемым образом, и при этом не имеют ни малейшего понятия о том, что они говорят или делают. Их внезапно охватывают беспричинные настроения, в которых они не отдают себе отчета. Нам снятся сны, смысл которых полностью ускользает из сознания, несмотря на полное убеждение в его глубокой значимости. Мы чувствуем, что он важен, даже ужасен, но не понимаем, по какой причине.

541 Регулярное наблюдение таких фактов позволило предположить, что существует бессознательная психика, содержания которой столь же разнообразны, как и содержания сознания. Нам известно, что сознание в значительной мере зависит от взаимодействия с бессознательным. Так, при произнесении одного предложения одновременно подготавливается следующее, но такая подготовка происходит бессознательно. Если бессознательное не будет взаимодействовать с сознанием, будет задерживать следующее предложение, то происходит остановка. Иногда вы хотите назвать известное вам имя, произнести знакомый термин, но бессознательное их не выдает; или вам нужно представить хорошо знакомого вам человека, но его имя выпало из вашей памяти, вы не можете его вспомнить. Таким образом вы зависите от доброй воли вашего бессознательного. В любой момент бессознательное выбирает, по своему произволу оно может заставить вас забыть что-либо, несмотря на вашу прекрасную память, или принудить вас произнести слова, которые вы не собирались говорить. Оно может вызвать непредсказуемые настроения или аффекты, создав при этом непредвиденные осложнения.

542 Внешне такие импульсы и реакции кажутся сугубо личными по природе, и поэтому мы относим их к индивидуальным особенностям. Фактически же они основываются на ранее сформированной и уже готовой инстинктивной системе, характеризующей человека. Мыслеформы, универсально понимаемые жесты и многочисленные установки следуют образцам, сформировавшимся задолго до того, как человек обрел рефлексивное мышление. Можно даже считать, что довольно раннее возникновение человеческой способности к рефлексии явилось из болезненных последствий жестоких эмоциональных потрясений. В качестве иллюстрации позвольте

привести пример дикаря, который в момент гнева и разочарования от неудачной рыбной ловли душил своего единственного любимого сына, а затем охвачен безумным сожалением, держа в руках маленькое мертвое тело. Такой человек может запомнить свое переживание навсегда. Мы не знаем, действительно ли подобные переживания являются исходной причиной развития человеческого сознания. Но нет сомнения в том, что шок сходного эмоционального опыта часто необходим, чтобы заставить людей проснуться и обратить внимание на то, что они делают. Существует известная теория об испанском идалго XIII в. Раймунде Лулли, который в конце концов (после долгих странствий) добился тайной встречи с дамой, которую обожал. Она молча расстегнула свою одежду и показала ему свою грудь, пораженную раковой болезнью. Шок изменил жизнь Лулли, в конце концов он стал выдающимся теологом и одним из величайших миссионеров церкви.

543 В случае такой внезапной перемены можно доказать, что архетип долгое время действовал бессознательно, искусно выстраивая обстоятельства, которые привели к кризису. Такие переживания, по всей видимости, показывают, что архетипические формы отнюдь не являются статическими паттернами, застывшими структурами. Они есть динамические факторы, проявляющиеся в импульсах так же спонтанно, как и инстинкты. Определенные сны, видения или мысли могут возникать внезапно, и как внимательно их ни изучай, невозможно обнаружить, что послужило их причиной. Это не значит, что они беспричинны, причина определенно есть. Но она столь отдалена или затемнена, что ее трудно увидеть. В таком случае нужно ждать до тех пор, пока сам сон или его смысл не будут достаточно понятны или пока не появится какое-нибудь внешнее обстоятельство, которое поможет объяснить сам сон.

544 В момент сна само это событие может еще пребывать в будущем. Но так же, как наши сознательные мысли зачастую заняты будущим и его возможностями, и бессознательное действует со своими снами. Долгое время существовала общая вера в то, что главная функция сна заключается в прогнозировании будущего. В античности, как и в позднем средневековье, сны участвовали в медицинских прогнозах. Я могу подтвердить примером современного сна элемент прогноза

(или предугадывания) в старом сне, который приводит Артемидор из Лальди во втором веке до н. э. Человеку снилось, как он видел своего отца, умирающего в пламени горящего дома. Вскороости он сам умер от флегмоны (огонь, сильная горячка), что, я полагаю, было пневмонией. Так случилось, что один из моих коллег однажды подхватил смертельное воспаление, фактически флегмону. Его бывший пациент, понятия не имевший о болезни своего доктора, увидел сон, в котором доктор умер в сильном огне. В это время сам доктор едва переступил порог клиники, и болезнь только начиналась. Сновидец не знал ничего, кроме того факта, что доктор болен и находится в госпитале. Спустя три недели доктор умер.

545 Как показывает этот пример, сны содержат предсказательный или прогностический компонент, и всякий, кто пытается их толковать, должен принять это во внимание, особенно в тех случаях, когда весьма значительный сон не обеспечен соответствующим контекстом для своего объяснения. Такой сон зачастую буквально «сваливается с неба», и остается лишь удивляться, что побудило его быть таким. Конечно, знать бы цель послания, а уж причина прояснилась бы. Но это только наше сознание не знает, бессознательное же осведомлено, сделало выводы, каковые и выразило во сне. Фактически бессознательное способно исследовать ситуации и делать свои выводы ничем не хуже, чем сознание. Оно даже может использовать определенные факты и предсказать по ним возможные последствия именно потому, что мы их не осознаем. Но насколько можно судить из снов, бессознательное совершает свои обдумывания инстинктивно. Разница очень важная. Логический анализ является прерогативой сознания, здесь участвуют разум и знание. Бессознательное, однако, управляется главным образом инстинктивными тенденциями, склонностями, выраженными в соответствующих мыслеформах, т. е. архетипах. Врач, которого попросят описать течение болезни, воспользуется такими рациональными понятиями, как «заражение» или «лихорадка». Сон более поэтичен. Он представляет больное тело в виде земного человеческого дома, а лихорадку — как огонь, пожирающий его.

546 Как показывает вышеупомянутый сон, архетипический разум управляет ситуацией тем же самым путем, что и во времена

Артемидора. Что-то более или менее неведомое интуитивно схвачено бессознательным и подвергнуто архетипической обработке. Это предполагает, что вместо процесса мышления, которым пользуется сознательная мысль, архетипический разум входит в работу и выполняет прогностическую задачу. Архетипы, таким образом, имеют собственную побудительную специфическую энергию. Это дает им возможность как производить осмысляющую интерпретацию (в собственном символическом ключе), так и вмешиваться в данную ситуацию со своими собственными импульсами и «мыслительными» образованиями. В этом отношении они действуют как комплексы, — они приходят и ведут себя, как им заблагорассудится, и часто затрудняют или изменяют наши сознательные намерения самым неподходящим образом.

547 Можно уловить специфическую энергию архетипов, когда мы переживаем то особое волшебство, которое их сопровождает. Они, кажется, несут в себе особые черты. Такое качество присуще и личностным комплексам, и так же, как личностные комплексы имеют свою индивидуальную историю, такая же история архетипического характера есть и у общественных комплексов. Но в то время как личностные комплексы характеризуют лишь особенности одного конкретного человека, архетипы создают мифы, религии и философии, оказывающие воздействие на целые народы и исторические эпохи, характеризующие их. Мы рассматриваем личностные комплексы как компенсации за односторонние или дефектные установки сознания; сходным образом мифы религиозного происхождения можно интерпретировать как вид ментальной терапии для обеспокоенного и страдающего человечества в целом — голод, война, болезнь, старость, смерть.

548 Например, универсальный миф о герое всегда относится к человеку-богатырю или богочеловеку, который побеждает зло в виде драконов, змей, монстров, демонов и т. п. и который освобождает свой народ от смерти и разрушения. Повествование или ритуальное повторение священных текстов и церемоний и почитание этого образа с помощью танцев, музыки, гимнов, молитв и жертвоприношения возбуждают и охватывают аудиторию возвышенными эмоциями (словно магическими чарами) и возвышают индивида до идентификации с героем.

Если взглянуть на эту картину глазами верующего, то, вероятно, можно понять, насколько обычный человек может быть захвачен в тиски переживанием своей освобожденности от собственной незначительности и нищеты и наделен (по крайней мере, временно) почти сверхчеловеческим статусом. Очень часто такое убеждение поддерживает его долгое время и придает определенный смысл его жизни. Оно может задавать тон даже целому обществу. Замечательный пример этого показывают Элевсинские мистерии, которые были окончательно запрещены в начале седьмого века нашей эры. Они выражали наряду с дельфийскими оракулами сущность и дух Древней Греции. В значительно большем масштабе сама христианская эра обязана своим именем и значением античной тайне богочеловека, который имеет свои корни в древнеегипетском архетипическом мифе Осириса-Гора.

549 Обычно предполагают, что по какому-то случаю в доисторические времена главные мифологические идеи были «изобретены», «придуманы» умным старым философом или пророком и в дальнейшем в них «поверили» доверчивые, некритически настроенные люди. Говорят, что истории, рассказываемые жаждащими власти священнослужителями, не правдивы, а попросту выдают желаемое за действительное. Само слово «изобретать» (англ. invent) происходит от латинского «invenire», означающего «находить», но «найти» что-нибудь можно, лишь «ища» его. В последнем случае само слово намекает на некоторое предзнание того, что ищется.

550 Позвольте теперь снова вернуться к странным идеям маленькой девочки. Кажется невероятным, что она могла сама их искать, ибо была удивлена, обнаружив их. Образы снов явились ей как неожиданные и необычные истории, настолько неординарные, что она решила подарить их своему отцу на Рождество. Тем самым она возвысила их до сферы нашей все еще живой христианской мистерии — рождения нашего Господа вместе с тайной вечногозеленого дерева, которую несет новорожденный Свет (ссылаюсь на пятый сон). Хотя существуют многочисленные исторические свидетельства символической связи Христа с символом дерева, родители маленькой девочки были бы серьезно озадачены, если бы их попросили объяснить поточнее, что они имеют в виду, украшая дерево горящими свечами

на празднике рождения Христа. «О, это просто рождественский обычай!» — сказали бы они. Сколько-нибудь серьезный ответ потребовал бы глубокого исследования об античном символизме умирающего бога и его связи с культом Великой Матери и его символом — деревом, если упоминать лишь один аспект этой сложной проблемы.

551 Чем дальше мы пробираемся к истокам «коллективного образа» (или, выражаясь на церковном языке, догмы), тем более мы раскрываем кажущуюся бесконечной паутину архетипических паттернов, которые до нынешнего времени никогда не были предметом сознательного рассмотрения. Так что хотя это и парадоксально, но мы знаем о мифологическом символизме больше, чем любое предшествующее поколение. И лишь потому, что в прежние времена люди не задумывались над символами, они попросту жили ими и бессознательно воодушевлялись их смыслом. Я проиллюстрирую это на примере дикарей с горы Элгон в Африке. Каждое утро на рассвете они выходят из своих хижин и дышат или плюют себе на ладони, которые затем простирают навстречу первым лучам солнца, словно предлагают свое дыхание или слюну воскресающему Богу — мунгу. (Это слово из языка суахили, которое они используют при объяснении ритуального акта, происходит из полинезийского корня, эквивалентного *мана* или *мулунгу*. Эти и сходные с ними термины обозначают «силу» необычайной распространенности и действительности, которую можно назвать божественной. Таким образом, слово «мунгу» является местным эквивалентом Бога или Аллаха.) Когда я спросил элгонийцев, что означает их действие и зачем они его совершают, они были совершенно озадачены. Единственное, что они могли ответить: «Мы всегда это делаем. Это всегда делалось при восходе солнца». Они рассмеялись, когда последовал естественный вывод о том, что солнце — это мунгу. На самом же деле солнце вовсе не мунгу, когда он висит над горизонтом; мунгу — это момент восхода.

552 То, что они делали, мне было ясно, но им самим нет. Они попросту делали это, не вникая в суть производимого. Поэтому не могли и объяснить. Я пришел к выводу, что они предлагали свои души мунгу, поскольку дыхание (жизни) и собственно слюна означают «духовное вещество». Дышать или плюнуть на что-нибудь вызывает

«магическое» воздействие сродни тому, как Христос пользовался слюной для лечения слепого, или сыну, вдохнувшему в себя последнее дыхание отца, чтобы принять его душу. Совершенно невероятно, что эти африканцы когда-либо, даже в самом отдаленном прошлом, могли знать больше о смысле этой церемонии. Скорее всего, их предки знали еще меньше, поскольку были еще более бессознательны в отношении своих побуждений и действий.

553 Фауст Гете весьма кстати заявил: «В начале было Дело». «Дела» никогда не изобретались, их совершали; с другой стороны, мысли — относительно недавнее открытие человека. Прежде всего побуждением к поступкам служили для него бессознательные факторы, лишь очень длительное время спустя он начал осмысливать причины, двигавшие им; потребовалось еще много времени для возникновения абсурдной идеи, что человек движим сам собой, — его разум был не в силах обнаружить мотивирующие силы, кроме своей собственной. Нас, должно быть, рассмешила бы мысль о том, что растение или животное изобрело само себя, однако существует много людей, верящих, что психика или разум возникли сами собой и таким образом оказались своим собственным создателем. Фактически же разум вырос до своего теперешнего состояния сознания так же, как желудь вырастает в дуб, а ящеры развились в млекопитающих. И так же долго, как все это развивалось прежде, оно развивается и сейчас; нами движут силы не только те, которые внутри нас, но и те, которые в виде стимулов действуют извне.

554 Внутренние мотивы возникают из глубокого источника, не порожденного сознанием и не находящегося под его контролем. В мифологии более ранних времен эти «силы» называли мана, или духами, или демонами, или богами. И сегодня они так же активны, как и прежде. Если они соответствуют нашим желаниям, мы называем это счастливым предзнаменованием или предчувствием, радуясь самим себе; если этого соответствия нет, мы говорим о неудачах или о том, что какие-то люди настроены против нас или что причиной наших несчастий оказывается нечто патологическое. Единственная вещь, которую мы отказываемся признать, — это то, что мы зависим от «сил», которые оказываются вне сферы нашего контроля.

555 Верно и то, что в последнее время цивилизованный человек обрел известное количество воли, свободной энергии, которую он может использовать там, где пожелает. Он научился достаточно эффективно выполнять свою работу, не обращая за помощью к пению или барабанному бою, чтобы погрузиться в состояние работы. Он может даже обойтись без ежедневной молитвы о ниспослании божественной помощи. Он может выполнить то, что предполагает сделать, и беспрепятственно перевести свои мысли в поступки, в то время как первобытного дикаря на каждом шагу подстерегают страхи, суеверия и другие невидимые препятствия. Девиз «Где есть воля, там есть и путь» — суеверие современного человека. Но для того, чтобы поддержать свою веру, современный человек расплачивается удивительным отсутствием самонаблюдения. Он слеп к тому, что, несмотря на свои рациональность и эффективность, он одержим «силами», находящимися вне его контроля. Его демоны и боги вовсе не исчезли, они всего лишь обрели новые имена. И они удерживают его на ходу своим беспокойством, смутными предчувствиями, психологическими сложностями, ненасытной жаждой лекарств, алкоголя, табака, диет, и прежде всего — огромной массой неврозов.

556 Яркий пример такого явления я встретил у профессора философии и «психологии» — такой психологии, к которой бессознательное еще и не приблизилось. Я упоминал о нем как о человеке, одержимом канцерофобией; он полагал, что болен раком, хотя рентген показал, что это всего лишь его фантазия. Кто или что натолкнуло его на эту идею? Совершенно очевидно, что страх не был вызван реальными фактами или наблюдениями. Он внезапно охватил его, да так и не покинул. Симптомы такого рода крайне упорны и достаточно часто препятствуют правильному лечению пациента. Ибо какую пользу может принести психотерапия при лечении злокачественной опухоли? Такую болезнь следует оперировать без промедления. Каждый новый специалист успокаивал профессора, убеждая его, что у него нет и следа рака. Однако уже на следующий день страх охватывал его с новой силой, и он вновь погружался во мрак нескончаемого ужаса.

557 Болезненная идея обладала силой, которая не поддавалась контролю. Она не была предусмотрена в его философской отрасли

психологии, где все спокойно исходило из сознания и чувственного восприятия. Профессор соглашался с тем, что это патологический случай, но дальше он утрачивал разумность мышления, ибо подходил к священной границе, отделяющей философию от медицины. В первой рассматривались нормальные содержания, а во второй — содержания аномальные, неизвестные в мире этого философа.

558 В качестве примера такой категориальной психологии я вспоминаю случай одного алкоголика, который попал под влияние религиозной общины и, захваченный ее энтузиазмом, совершенно забыл о выпивке. По всей вероятности, он был чудесно исцелен Иисусом Христом и играл роль свидетеля как божественной милости, так и эффективности в деятельности этой религиозной организации. Но спустя несколько недель после публичной исповеди ажиотаж начал стихать, да и алкогольная пауза давала о себе знать, и тогда он запил снова. Общинные благодетели пришли к выводу, что случай оказался «патологическим» и, по всей видимости, непригодным для вмешательства Иисуса, поэтому они поместили беднягу в клинику — божественный Целитель уступил свое место докторам.

559 Это один из аспектов современного «культурного» сознания, в который стоит заглянуть поглубже. Он указывает на тревожащий уровень диссоциации и психологической неразберихи. Мы верим исключительно в сознание и свободу воли и ничего не знаем о тех силах, которые неограниченно управляют нами вне той узкой области, находясь в пределах которой мы можем вести себя разумно и до некоторой степени реализовывать свободу выбора и контролировать свое поведение. В наше время всеобщей дезориентации необходимо иметь представление об истинном положении дел в человеческом обществе, которое в такой степени зависит от разума и моральных качеств индивидов, а также от человеческой психики вообще. Но нам следует видеть все в правильной перспективе, понимать прошлое человечества и его настоящее. Именно поэтому столь важную роль играет правильное понимание мифов и символов.

6 ФУНКЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ СИМВОЛОВ

560 То, что мы называем цивилизованным сознанием, прочно отделило себя от основополагающих инстинктов. Но сами инстинкты не исчезли. Они лишь потеряли контакт с сознанием, посему принуждены утверждать себя косвенным образом, через то, что Жане назвал «автоматизмами» — посредством физических симптомов в случае неврозов или путем разного рода проявлений, таких, как безотчетная смена настроения, внезапная забывчивость или речевые ошибки. Подобные проявления ясно демонстрируют *автономность* архетипов. Человеку нравится верить в то, что он хозяин своей души. Но до тех пор, пока он не способен контролировать свои настроение и эмоции или осознавать мириады скрытых путей, по которым бессознательные факторы вкрадываются в его действия и решения, человек хозяином самого себя не будет. Напротив, у нас столько причин для неуверенности, что лучше лишний раз убедиться в правильности того, что мы делаем. [Современный человек защищает себя от сознания собственной расщепленности системой категорий. Определенные области внешней жизни и поведения сохраняются, так сказать, в разных отсеках и никогда не сталкиваются друг с другом. В качестве примера такой категориальной психологии я могу привести случай одного алкоголика, который попал под влияние религиозной общины и, захваченный ее энтузиазмом, совершенно забыл о выпивке. С их точки зрения, он, вероятно, был чудесно исцелен Иисусом Христом и играл роль свидетеля как божественной милости, так и эффективной деятельности этой религиозной организации. Но спустя несколько недель после публичной исповеди ажиотаж начал стихать, да и алкогольная пауза давала о себе знать, и тогда он запил снова. Общинные благодетели пришли к выводу, что случай оказался

«патологическим» и, по всей видимости, непригодным для вмешательства Иисуса, поэтому они поместили беднягу в клинику — божественный Целитель уступил свое место докторам. Это один из аспектов современного «культурного» сознания, в который стоит заглянуть поглубже. Он указывает на вызывающий тревогу уровень диссоциации и психологической неразберихи].

561 Однако исследование собственной совести не является популярным времяпрепровождением, хотя и представляется крайне нужным. Особенно оно важно в наши дни, когда человеку угрожают созданные им самими всякого рода опасности, готовые выйти из-под его контроля. Если мы на миг представим человечество как отдельного индивида, то увидим, что оно (человечество) напоминает персону, раздираемую всевозможными бессознательными силами. Наш мир диссоциировался, разложился, как невротик, и «железный занавес» обозначил символическую линию этого разделения. Западный человек, осознав агрессивную волю у власти Востока, видит себя вынужденным принимать экстраординарные меры обороны, одновременно выдавая их с гордостью за собственную добродетель и благие намерения. Он не способен понять, что речь идет о его же собственных пороках, умело прикрытых тонкими дипломатическими приемами и ходами, пороках, в которых беззастенчиво обвиняет его коммунистический мир. То, что перенес Запад незаметно и с легким чувством стыда (дипломатическая ложь, систематический обман, скрытые угрозы), открыто и в полном объеме пришло с Востока и связало нас невротическими узлами. Это лицо его собственной злой тени, угрожающей западному человеку с другой стороны железного занавеса.

562 Таково состояние дел, которое объясняет особенность чувства беспомощности столь многих людей в западных обществах. Они начинают осознавать, что трудности, с которыми мы сталкиваемся, являются, по сути, моральными проблемами и что попытка ответить на них политикой наращивания ядерного оружия или «экономическим соревнованием» достигает немногого, поскольку оба пути разрушительны. Многие из нас теперь понимают, что более эффективны моральные и ментальные средства, так как они могут обеспечить нам психическую защиту от все возрастающей инфекции. Но все подобные

попытки уже доказали свою исключительную неэффективность и будут доказывать ее еще долго, до тех пор, пока мы будем пытаться убедить себя и мир в том, что только они (наши оппоненты) неправы. Гораздо важнее было бы попытаться понять свою собственную тень и ее гнусные деяния. Если мы увидим собственную тень (темную сторону своей натуры), то сможем защититься от любой моральной и ментальной инфекции и любых измышлений противника. А ныне, как показывает практика, мы открыты любой инфекции, потому что фактически делаем те же самые вещи, что и они. К тому же у нас есть еще один недостаток: мы либо не понимаем, либо не хотим понять, прикрываясь хорошими манерами, то, что делаем сами.

563 Попутно замечу, что на Востоке есть один великий миф (который мы называем иллюзией в слабой надежде на то, что наше высокое суждение поможет ему развеяться). Это свято почитаемое архетипическое видение «золотого века» (или рая), где в изобилии имеется все для каждого и где всем человечеством правит великий справедливый и мудрый вождь. Этот мощный архетип в инфантильном виде держит их в своих руках и вовсе не собирается исчезать под влиянием надменного взгляда Запада. Мы даже поддерживаем его своей ребячливостью, поскольку наша западная цивилизация пребывает во власти той же самой мифологии. Бессознательно мы дорожим теми же самыми предрассудками, лелеем те же самые надежды и ожидания. Мы так же верим в благосостоятельное государство, во всеобщий мир, в равенство людей, в незыблемые человеческие права, в справедливость, в правду и (не говорите это слишком громко) в Божье Царство на земле.

564 Печальная правда заключается в том, что жизнь человека состоит из комплекса неумолимых противоположностей: дня и ночи, рождения и смерти, счастья и страдания, добра и зла. Мы не уверены даже в том, что какое-то одно будет преобладать над другим, что добро победит зло или радость — боль. Жизнь — это поле битвы. Оно всегда существовало и всегда будет существовать, будь это не так, жизнь подошла бы к концу. Именно этот конфликт внутри человека и привел ранних христиан к ожиданию и надежде на скорый конец мира, а буддистов — к отвержению всех земных желаний и надежд. Подобные ответы были бы откровенно самоубийственными, если бы

не были связаны с рядом специфических ментальных и моральных идей и опытов, составляющих основу обеих религий, что в некоторой степени смягчает их радикальное отрицание мира.

565 Я подчеркиваю это, потому что в наше время существуют миллионы людей, потерявших веру в любую религию. Эти люди больше не понимают своей религии. Пока жизнь течет гладко и без религии, потеря остается незамеченной. Но, когда приходит страдание, дело меняется. Тогда люди начинают искать выход и рассуждать о смысле жизни и ее ужасном и мучительном опыте. Интересно, что к психологам (по моему опыту) чаще всего обращаются евреи и протестанты и гораздо реже — католики. Этого можно было бы ожидать, так как католическая церковь до сих пор считает себя ответственной за заботу о душевном благополучии. Но и в наш век науки психиатру очень часто задают те вопросы, которые всегда относились к области теологии. Люди чувствуют, что существует большая разница между тем, сохраняют ли они положительную веру в осмысленность жизненного пути и только, или же они верят в Бога и в бессмертие. Призрак приближающейся смерти часто дает мощный толчок подобным мыслям. Издавна у людей существовали понятия о Высшем Существо (одном или нескольких) и о загробном царстве. Но лишь сегодня они думают, что могут без этого обойтись. Поскольку нельзя с помощью радиотелескопа увидеть божественный престол на небе или установить (наверняка) присутствие рядом возлюбленных отца и матери в более или менее телесном виде, то люди считают, что такие идеи «далеки от истины». Я бы даже уточнил, что они недостаточно «истинны», так как принадлежат к понятиям, сопровождающим человеческую жизнь с незапамятных времен и прорывающимся в сознание при каждом удобном случае.

566 Современный человек может считать, что вправе обойтись и без них, обосновывая свое утверждение тем, что отсутствуют научные доказательства их истинности. Он даже может сожалеть об утрате этих понятий. Но поскольку мы имеем дело с невидимыми и неизвестными мирами (так как Бог находится за пределами человеческого понимания и нет способов доказательства бессмертия), то почему мы должны беспокоиться о доказательствах? Ведь если мы не знаем причин, по которым должны солить свою пищу, то мы же не откажемся

от соли. Можно, конечно, настаивать, что потребление соли всего лишь иллюзия вкуса или вкусовой предрассудок, но что это дает хорошему самочувствию? Так почему же мы должны лишаться взглядов, столь полезных в кризисных ситуациях, взглядов, помогающих осмыслить наше существование? Да и как можно знать, что эти взгляды неверны? Многие могли бы согласиться со мной, если бы я откровенно заявил, что подобные идеи иллюзорны. Но им трудно понять, что как отрицание, так и утверждение религиозной веры «доказать» невозможно. Мы полностью свободны в выборе точки зрения, при любых обстоятельствах это решение произвольно. Есть, однако, веская эмпирическая причина, оправдывающая культивирование мыслей, которые никогда не могут быть доказанными. Причина заключается в полезности той или иной мысли. Человеку со всей определенностью необходимы общие убеждения и идеи, которые придают смысл его жизни и помогают ему отыскивать свое место во вселенной. Человек способен преодолеть совершенно невозможные трудности, если убежден, что это имеет смысл. И он терпит крах, если сверх прочих несчастий вынужден признать, что играет роль в «сказке, рассказанной идиотом».

567 Предназначение религиозных символов — придавать смысл человеческой жизни. Индейцы пуэбло верят, что они — дети Солнца-отца, и эта вера открывает в их жизни перспективу (цель), выходящую далеко за пределы их ограниченного существования. Это дает им достаточную возможность для раскрытия личности и позволяет жить полноценной жизнью. Их положение в мире куда более удовлетворительное, чем человека нашей цивилизации, который знает, что он не более чем жертва несправедливости из-за отсутствия внутреннего смысла жизни. Чувство ширящегося смысла существования выводит человека за пределы обыденного приобретения и потребления. Если он теряет этот смысл, то тотчас же делается жалким и потеряннным. Будь святой Павел убежден, что он всего лишь бродячий ковровый трюкач, то, разумеется, он не сделался бы тем, кем стал. Его подлинная заряженная смыслом жизнь протекала во внутренней уверенности, что он — Божий посланник. Можно, конечно, обвинить его в мегаломании (мании величия), но насколько бледно подобное мнение перед свидетельством истории и суждением

последующих поколений. Миф, овладевший им, сделал его, простого ремесленника, несравненно великим.

568 Миф этот, однако, составляют символы, которые не были изобретены сознательно. Они произошли. Не Иисус создал миф о богочеловеке. Миф существовал за много веков до его рождения. И им самим овладела эта символическая идея, которая, как повествует св. Марк, вывела его из скучной ограниченной жизни назаретского плотника. Мифы восходят к первобытному сказителю и его снам, к людям, движимым своими возбужденными фантазиями. Эти люди мало чем отличаются от тех, кого в последующих поколениях называли поэтами и философами. Первобытные сказители мало заботились об источниках собственных фантазий, лишь значительно позднее люди заинтересовались их происхождением. Однако много веков назад, в так называемую эпоху Древней Греции, человеческий разум был достаточно продвинут, чтобы высказать догадку о том, что истории их богов не что иное, как архаичные и преувеличенные повествования о давно умерших царях и вождях. Люди уже приняли точку зрения, согласно которой мифы слишком невероятны, чтобы значить то, о чем они говорят. Поэтому они попытались свести их к общепринятой форме. Позднее мы видели, что подобные вещи случались с символизмом снов. В те годы, когда психология пребывала в детском возрасте, было известно, что сны важны. Но подобно тому, как греки убедили себя, что их мифы всего лишь разработки рациональной, или «нормальной» истории, так и некоторые пионеры психологии пришли к выводу, что сны не означают того, в роли чего возникают. Образы или символы, представляемые снами, были отвергнуты по причине причудливости форм, в которых вытесненные содержания психического являлись сознательному разуму. Стало очевидным, что сон означает нечто совсем иное, нежели его явное содержание.

569 Я уже высказал свое несогласие с этой идеей, несогласие, приведшее меня к изучению формы и содержания снов. Почему они должны значить что-то другое, отличное от их очевидного содержания? Есть ли в природе что-то другое? Сон является нормальным и естественным явлением, и он не может означать то, чего нет. В Талмуде даже сказано, что сам сон и есть его собственное толкование. Замешательство

возникает в связи с тем, что содержание сна символично и поэтому многозначно. Символы указывают и другие направления, отличные от тех, которые мы привыкли постигать сознательным разумением. Таким образом, они связаны с тем, что либо не осознается, либо осознается не вполне.

570 В научном сознании такие явления, как символические идеи, ничего, кроме досады, не вызывают, поскольку их невозможно сформулировать так, чтобы удовлетворить требованиям интеллектуальной логики. Но в психологии это не единственный случай. То же характерно и для явлений «аффекта» или эмоции, ускользающих от любых попыток психологов дать им окончательное определение. Во всех случаях причина одна и та же — вмешательство бессознательного. Мне достаточно известна позиция науки, чтобы понять, насколько неприятно иметь дело с теми фактами, которые нельзя адекватно и полно усвоить. Трудность этих явлений заключается в том, что сами факты несомненны и неоспоримы, и в то же время их нельзя выразить посредством существующих терминов и понятий. Для этого необходимо обладать возможностью понимать саму жизнь, так как именно она и составляет эмоции и символические идеи.

571 За академическим психологом остается право исключить явление эмоции или понятие о бессознательном из своего поля зрения. Но они остаются фактами, от которых не может отмахнуться практикующий медицинский психолог, ибо и эмоциональные конфликты, и вмешательства бессознательного являются классическими составляющими предмета его внимания. Если он всецело занят больным, он так или иначе сталкивается с подобными иррациональностями как непреложными фактами, независимо от его способности выразить их в рациональных понятиях. Поэтому совершенно естественно, что люди, не имеющие медико-психологического опыта, с трудом воспринимают переход психологии от спокойной научной разработки проблем к активному участию в событиях реальной жизни. Практика стрельбы по мишеням очень отличается от действий на поле боя, врач же имеет дело с жертвами реальных сражений. Он должен заниматься психическими реальностями, даже если и не может выразить их в научных определениях. Поэтому никакой учебник не сможет научить психологии, ее постигают лишь в реаль-

ном опыте. Мы сможем это ясно понять, когда рассмотрим некоторые хорошо знакомые символы.

572 Крест в христианстве, к примеру, есть важный символ, выражающий множество разных аспектов, идей и эмоций; однако крест в списке людей, изображенный после фамилии человека, означает всего лишь то, что человек этот мертв. Символ фаллоса играет всеобъемлющую роль в индуизме, но если его рисует уличный мальчишка на стене, то это отражает лишь его интерес к своему пенису. Поскольку детские и подростковые фантазии часто продлеваются во взрослую жизнь, то во многих снах возникают безошибочные сексуальные намеки. Абсурдным было бы искать здесь еще какой-то смысл. Но когда каменщик говорит о «монахах» и «монахинях», имея в виду черепичную кладку, а электрик — о разъемах типа «мама» и «папа», то смешно думать, что они погружены в подростковые фантазии. Они просто пользуются образным языком в назывании предметов своей работы. Когда образованный индуист рассказывает вам о лингаме (в индуистской мифологии — фаллос, представляющий бога Шиву), вы услышите о вещах, которые на Западе никогда не связывают с пенисом. Лингам ни в коем случае не является неприличным намеком, так же как и крест не просто знак смерти. Многое зависит от зрелости сновидца, которому являются эти символы.

573 Толкование символов и снов требует ума. Этот процесс невозможно превратить в механическую систему. Он требует как растущего знания об индивидуальности сновидца, так и непрерывно пополняющегося самосознания со стороны толкователя. Ни один опытный специалист в этой области не будет отрицать, что существуют эмпирические правила, доказавшие свою полезность, но при применении которых необходимо быть в высшей степени благоразумными и осторожными. Можно следовать всем нужным правилам и все равно прийти к полной ерунде из-за того, что упущена показавшаяся малозначительной деталь. Но даже человека с высоким интеллектом может «занести» на «неправильную» дорогу, если он никогда не научился использовать свою интуицию или чувства, которые, как это ни прискорбно, могут оказаться на весьма низком уровне развития.

574 Когда мы пытаемся понять символы, то сталкиваемся не только с самим символом, но прежде всего перед нами возникает

целостность индивида, воспроизводящего эти символы. А это включает исследование культурного фона того или иного символа, в процессе чего происходит заполнение многих пробелов в собственном образовании. Я положил себе за правило рассматривать каждый случай как совершенно новое дело, о котором мне ничего не известно. Рутинные ответы могут оказаться полезными и практичными, пока имеешь дело с поверхностным уровнем, но как только касаешься жизненно важных проблем, то тут уже сама жизнь берет верх и даже самые блестящие теоретические построения оказываются подчас пустыми словами.

575 Это создает особые трудности при обучении различным методам и приемам. Как уже было сказано, ученик должен приобрести большой объем специализированных знаний, которые повлияют на формирование необходимого умственного кругозора. Однако самое главное — умение обращаться с полученным инструментом — ученик сможет приобрести только после того, как сам пройдет анализ, который ознакомит его с его собственными конфликтами. При этом могут возникнуть определенные трудности с некоторыми так называемыми нормальными, но лишенными воображения индивидами. Они, например, будут неспособны осознать такой простой факт, что психические события происходят с нами спонтанно. Такие люди предпочитают полагать, что все с ними случающееся либо вызвано их собственными поступками, либо является патологией, лечить которую следует с помощью таблеток или уколов. Их пример показывает, насколько близки «бестолковая» нормальность и невроз, причем такие люди становятся легкой добычей психических эпидемий.

576 Воображение и интуиция являются существенно важными в нашем понимании. И хотя существует расхожее мнение, что они нужны главным образом поэтам и художникам (что в «разумных» делах им лучше не доверять), фактически они в равной степени важны и в более высоких областях науки. Здесь они также все в большей и большей степени играют важную роль, дополняя «рациональный» интеллект при решении частных проблем. Даже физика, самая строгая из всех наук, в удивительной степени зависит от интуиции, работающей на путях бессознательного (хотя позднее можно продемонстрировать логические ходы, которые ведут туда же, куда и интуиция).

577 Интуиция — бесценное качество в толковании символов, и зачастую можно быть уверенным, что они молниеносно понимаются спящим. Но хотя такое удачное предчувствие может оказаться субъективно убедительным, оно также может быть и опасным. Оно легко приводит к фальшивому чувству безопасности. Может, например, склонить и сновидца, и толкователя к продолжению легких и уютных отношений, выливающих в некий род взаимного сна. Здоровая основа действительно разумного знания и морального понимания оказывается потерянной, если удовлетвориться пониманием «предчувствия». Объяснить и знать можно, лишь сводя интуицию к точному знанию фактов и логических связей между ними. Честный исследователь должен допустить, что он не всегда может сделать это, но было бы нечестным не держать это все время в голове. И ученый — тоже человек. Поэтому для него естественно не любить вещи, которые он объяснить не может. Всеобщей иллюзией является вера в то, что наше сегодняшнее знание — это все, что мы можем знать вообще. Нет ничего более уязвимого, чем научная теория; последняя — всего лишь эфемерная попытка объяснить факты, а не вечную истину.

7 ЛЕЧЕНИЕ РАСЩЕПЛЕНИЯ

- 578 Когда психолог-медик обнаруживает интерес к символам, то прежде всего интересуется «естественными» символами в отличие от символов «культурных». Первые происходят из бессознательных содержаний психического и поэтому представляют громадное множество вариаций основных архетипических образов. Во многих случаях они могут быть прослежены до своих истоков, архаических корней, т. е. до идей и образов, которые мы встречаем в самых древних записях и у первобытных обществ. С другой стороны, культурные символы — это, в сущности, то, чем пользовались для выражения «вечных истин» и что во многих религиях используется до сих пор. Эти символы прошли через множество преобразований, через процесс более или менее сознательного развития и таким образом стали коллективными образами, принятыми цивилизованными обществами.
- 579 Тем не менее такие культурные символы сохраняют в себе еще много от своей первоначальной нуминозности или «колдовского» начала. Известно, что они могут вызывать глубокий эмоциональный резонанс у некоторых людей, и такой психический заряд заставляет их действовать во многом так же, как и в случае суеверий или предрассудков. Они относятся к тем факторам, с которыми вынужден считаться психолог, и было бы глупо игнорировать их лишь потому, что в рациональных понятиях они выглядят абсурдными и несущественными.
- 580 Культурные символы — важные составляющие нашего ментального устройства, и они же — жизненные силы в построении человеческого образа, а поэтому не могут быть устранены без значительных потерь. Там, где они подавляются либо игнорируются, их специфическая энергия исчезает в бессознательном с непредсказуемыми последствиями. Психическая энергия, кажущаяся утраченной, на самом деле

служит оживлению и усилению всего, что лежит на верхнем уровне бессознательного, — тенденций, которые иначе не имели бы случая выразить себя или, по крайней мере, не имели бы возможности беспрепятственного существования в сознании. Такие тенденции формируют постоянно присутствующую и потенциально разрушительную «тьму» нашего сознательного разума. Даже те тенденции, которые в некоторых обстоятельствах способны к благотворному влиянию, при вытеснении превращаются в демонов. Вот почему многие добродетельные люди из лучших побуждений боятся бессознательного и в связи с этим — и психологии.

581 Наше время продемонстрировало, что означают открытые ворота преисподней. Произошли перевернувшие наш мир вверх тормашками события, нормальность которых не мог предположить никто в идиллической безвредности первого десятилетия двадцатого века. С этого момента мир пребывает в состоянии шизофрении. Не только цивилизованная Германия извергла свою ужасающую примитивность, ею же управляется и Россия, огонь приближается и к Африке. Неудивительно, что западный мир чувствует себя беспокойно. Современный человек не понимает, насколько его «рационализм» (расстроивший его способность отвечать божественным символам и идеям) отдал его на милость психической «преисподней». Он освободил себя от суеверий (как он полагает), но при этом до опасной степени утратил свои духовные ценности. Его моральная и духовная традиция распалась, и теперь он расплачивается за это повсеместное распадение дезориентацией и разобщенностью.

582 Антропологи часто описывали, что происходит в первобытных обществах, когда их духовным ценностям наносит удар современная цивилизация. Люди теряют смысл своей жизни, их социальная организация распадается, а сами они морально разлагаются. Теперь мы сами в подобном состоянии. Но в действительности мы так и не поняли, что потеряли; к несчастью, наши духовные лидеры более заинтересованы в защите своих общественных институтов, чем в понимании той тайны, которую являют эти символы. По моему мнению, вера не исключает мысли (что есть сильнейшее оружие человека), но, к несчастью, многие верующие так боятся науки (и в связи с этим психологии), что поворачиваются слепыми глазами к божественным

- психическим силам, всегда контролировавшим человеческую судьбу. Мы лишили вещи тайны и божественности, нет более ничего святого.
- 583 Массы и их лидеры не осознают, однако, что нет существенной разницы между именованием мира по мужскому принципу Отца (дух), характерному для Запада, и женскому принципу матери (материя). В сущности, мы мало знаем и о том, и о другом. В прежние века, когда инстинктивные понятия наполняли разум человека, его сознание, несомненно, могло объединить их в соответствующую психическую модель, образец. Но «цивилизованный» человек больше на это не способен. Его «развитое» сознание лишило себя тех средств, с помощью которых оно ассимилировало дополнительный вклад инстинктов и бессознательного. Этими органами ассимиляции и интеграции были божественные символы, свято сохраняемые общим согласием.
- 584 Сегодня, к примеру, мы говорим о «материи», мы описываем ее физические свойства. Мы проводим лабораторные эксперименты, чтобы продемонстрировать некоторые из этих свойств. Но слово «материя» остается сухим, внечеловеческим, чисто интеллектуальным понятием без какого-либо психического содержания. Насколько разительно отличается прежний образ материи — Великой Матери, который мог вместить в себя и выразить глубокий эмоциональный смысл Матери-Земли. То же самое и с духом, который теперь отождествляется с интеллектом и перестает быть Отцом всего. Он генерировал до ограниченных Эго-намерений человека, а колоссальная эмоциональная энергия, выраженная в образе «нашего Отца», ушла в песок интеллектуальной пустыни. [Оба архетипических принципа лежат в основе отличающихся друг от друга систем Востока и Запада.]
- 585 С ростом научного понимания наш мир все более дегуманизируется. Человек чувствует себя изолированным в космосе, потому что теперь он отделен от природы, не включен в нее органически и утратил свою эмоциональную «бессознательную идентичность» с природными явлениями. Постепенно они теряют свою символическую причастность. Теперь уже гром — не голос рассерженного Бога, а молния — не его карающая стрела. В реке не живет дух, в дереве больше не пребывает жизненная основа человека, змея

не воплощает мудрость, а горная пещера больше не жилище великого демона. Уже не слышит человек голоса камней, растений, животных и не беседует с ними, веря, что они слышат. Его контакт с природой исчез, а с ним ушла и глубокая эмоциональная энергия, которую давала эта символическая связь. Эта колоссальная утрата компенсировалась символами наших снов.

586 Они выносят на поверхность нашу исходную природу — инстинкты и специфические мысли. К несчастью, они выражают свое содержание на языке природы, на языке, который нам непонятен и странен. Поэтому перед нами встает задача перевода этого языка в рациональные слова и понятия современной речи, освободившей себя от примитивного бремени — в особенности от мистического участия в описываемых вещах. Теперь, когда мы говорим о духах и других сакральных образах, то больше не взываем к ним. Сила и слава ушли из некогда наполненных энергией слов. Мы перестали верить в магические формулы, почти не осталось табу и сходных с ними ограничений, и наш мир кажется продезинфицированным от всех «суеверных» существ, скажем, таких, как ведьмы, колдуны и пугала, не говоря уже об оборотнях, вампирах, лесных духах и всех тех странных существах, которые населяли первобытный лес.

587 Сказать точнее, поверхность нашего мира кажется уже очищенной от всех суеверных и иррациональных элементов. Освобожден ли также от подобной примитивности наш внутренний мир (а не столь желательная версия относительно этого освобождения) — другой вопрос. Разве не табу для многих число тринадцать? Разве мало еще людей, охваченных иррациональными предрассудками, проекциями, детскими иллюзиями? Реалистическая картина человеческого разума обнаруживает так много первобытных черт и пережитков, играющих заметную роль в жизни индивида, что кажется, ничего и не случилось за последние 500 лет. Существенно важно дать оценку этому. Современный человек фактически являет любопытную смесь свойств, приобретенных за долгие годы своего умственного развития. Это запутавшееся существо — человек и те символы, с которыми мы имеем дело, и нам следует весьма тщательно исследовать плоды его разума. Бок о бок со скептицизмом и научным убеждением продолжают существовать старомодные предрассудки, отжившие

стереотипы мысли и чувства, упрямое недопонимание и слепое невежество.

588 Таково современное человеческое бытие, порождающее и те символы, которые изучаются психологами в снах. Для того чтобы объяснить сами символы и их смысл, очень важно узнать, связаны ли человеческие представления только с личным опытом, полученным из реальной жизни, или же они были добыты из сновидений, где господствует своя логика отбора информации из хранилища общего сознательного знания. Возьмем, например, сон, в котором встречается число тринадцать. Вопрос заключается в том, верит ли сам сновидец в несчастливое свойство этого числа, или же сон его намекает на людей, которые все еще разделяют эти суеверия? В ответе содержится важное указание для толкования. В первом случае следует считаться с фактом того, что индивид находится под влиянием магии числа 13 и потому будет чувствовать себя неуютно, скажем, в номере 13 гостиницы или сидя за столом в компании из 13 человек. Во втором случае 13 означает не более, чем невежливое или обидное замечание. «Суеверный» сновидец продолжает чувствовать магию числа, более «рациональный» уже лишил это число его эмоциональной составляющей.

589 Этот пример иллюстрирует тот путь, по которому архетипы влияют в наш практический опыт: они одновременно образы и эмоции. Об архетипе можно говорить только тогда, когда оба эти аспекта одномоментны. Если это просто образ, то перед нами будет лишь словесная картина с малым последствием. Но заряженный эмоцией образ приобретает сакральность или психическую энергию, он становится динамичным, приводит к существенным последствиям. Я осознаю, что ухватить это понятие нелегко, поскольку я использую слова, дабы описать нечто, что своей природой не дает возможности точного определения. Но поскольку очень многие люди относятся к архетипам как к части механической системы, которую можно вызубрить, не вникая в смысл, то существенно важно настаивать на том, что это не просто имена и даже не философские понятия. Это куски самой жизни, образы, которые через мост эмоций интегрально связаны с живым человеком. Вот почему невозможно дать произвольную (или универсальную) интерпретацию любого архетипа.

Его нужно объяснить способом, на который указывает вся жизненная ситуация индивида, которому она принадлежит. Так, в случае ревностного христианина символ креста может быть истолкован только в христианском контексте, если, конечно, сон не дает оснований рассматривать его иначе. Но даже и тогда специфический христианский смысл нужно держать в уме. Но нельзя сказать, что во все времена и во всех обстоятельствах символ креста имеет одно и то же значение. Если бы это было так, то он лишился бы своей сакральности, утратил бы свою жизненность и стал бы обычным словом. [Те, кто не ощущал особого чувственного тона архетипа, в конце концов приходят к путанице мифологических понятий, порой соединяя их, с тем чтобы показать, что все что-то значит или не значит ничего. Мертвецы всего мира химически идентичны, чего нельзя сказать о живых людях. Архетипы оживают лишь тогда, когда терпеливо пытаешься понять, как и почему несут они свой смысл всякому живущему человеку.]

590 Пустое дело пользоваться словами, если не знаешь, что за ними стоит. Это, в частности, справедливо для психологии, когда мы говорим о таких архетипах, как Анима и Анимус, мудрец, Великая Мать и т. д. Можно знать все о святых, мудрецах, пророках и других отмеченных Богом людях и о всех великих матерях мира. Но если они всего лишь образы, чья божественность никогда вами не переживалась, то вы будете говорить о них как бы во сне, не зная того, о чем вы говорите. Слова будут пустыми и обесцененными. Они оживут и приобретут смысл лишь в том случае, если вы попытаетесь принять во внимание их божественность, т. е. их связь с живущими. Только тогда вы начнете понимать, что имена мало что значат, в то время как самым главным оказывается способ, которым они связаны с вами.

591 Символопорождающая функция наших снов является, таким образом, попыткой привести исходный разум человека в «продвинутое» или «дифференцированное» состояние, в котором он до этого не был и, стало быть, никогда не подвергался критическому самоанализу. В те давно ушедшие века этот первоначальный разум начал терять контакт с первобытной психической энергией. И сознающий разум никогда не знал своего первоначального «предка», поскольку тот был отброшен в процессе

эволюции самого дифференцированного сознания, которое одно только и могло бы его узнать. Однако, похоже, то, что мы называем бессознательным, сохранило исходные позиции, которые образовали часть первоначального разума. К этим характеристикам и адресуются постоянно символы снов, как будто бессознательное пытается вернуть назад все те старые вещи, от которых разум освобождался по мере того, как эволюционировал, — иллюзии, фантазии, архаические мыслеформы, главные инстинкты и т. д. Именно это объясняет сопротивление, даже страх, который часто испытывают люди, соприкасаясь с бессознательными проявлениями в самих себе. Эти реликтовые содержания, оказывается, отнюдь не нейтральны или индифферентны. Напротив, они столь сильно выражены, что зачастую становятся совершенно неприемлемыми. Они могут вызвать настоящий страх. Чем сильнее они вытесняются, тем более сосредотачиваются в личностной сфере и в виде невроза.

592 Именно психическая энергия наделяет их такой жизненной важностью. Происходящее напоминает человека, который, прожив часть жизни в бессознательном состоянии, вдруг осознал, что в его памяти образовался провал: произошли какие-то важные события, которые он не помнит. В той степени, в какой он предполагает, что психическое есть исключительно его личное дело (что обычно и предполагается), человек пытается восстановить явно утраченные детские воспоминания. Но провалы в его детской памяти всего лишь симптомы более важной потери — утраты первобытной психики. Психики, которая существовала и действовала еще до того, как она нашла свое отражение в сознании.

593 Так же, как эволюция эмбриона повторяет его предысторию, и разум развивается путем перехода через ряд доисторических стадий. Основная задача снов заключается в возвращении доисторического «воспоминания», как и мира детства, непосредственно до уровня самых примитивных инстинктов. Как уже давно заметил Фрейд, такие воспоминания могут оказывать в некоторых случаях заметный лечебный эффект. Это наблюдение подтверждает точку зрения, по которой провалы в детской памяти (так называемая амнезия) представляют утрату, и ее восполнение — положительный сдвиг в жизни и самочувствии. Поскольку ребенок физически мал, а его созна-

тельные мысли редки и просты, мы не представляем тех далеко идущих усложнений детского разума, базирующихся на изначальной идентичности с доисторическим психическим. Этот «первоначальный разум» так же присутствует и действует у ребенка, как эволюционные стадии человека присутствуют в теле его эмбриона. Если читатель помнит то, что я сказал ранее об удивительных снах девочки, подарившей свои сны отцу, он поймет, что я имею в виду.

594 В детской амнезии можно отыскать странные мифологические фрагменты, тоже часто проявляющиеся в позднейших психозах. Образы подобного рода очень сакральны и потому достаточно важны. Если такие воспоминания возникают вновь у взрослого, то в некоторых случаях они могут вызывать глубокие психологические расстройства, тогда как другим людям эти воспоминания приносят чудесные исцеления или религиозные обращения. Зачастую они возвращают часть жизни, долгое время утраченную, часть, приносящую цель и тем самым обогащающую человеческое бытие.

595 Возвращение детских воспоминаний и воссоздание архетипических путей психического поведения может расширить горизонт и увеличить уровень сознания при условии, что человек преуспеет в усвоении и интеграции сознательным разумом утраченных и вновь обретенных содержаний. Поскольку эти содержания не безразличны человеку, их усвоение преобразует личность, равно как и сами содержания подвергаются определенным изменениям. Важную практическую роль интеграция символов играет в процессе «индивидуации». Именно символы оказываются естественными попытками примирить и объединить внутриспсихические оппозиции. Со стороны толкователя было бы грубейшей ошибкой принимать за «истину» только сознательные воспоминания, рассматривая при этом архетипические содержания всего лишь как простые фантазии. Сны и их двусмысленные символы обязаны своими формами, с одной стороны, подавленным содержаниям, а с другой стороны, архетипам. Таким образом, у них имеется два аспекта и возможность интерпретировать их двояким образом; основное внимание может уделяться либо их личностному, либо архетипическому аспекту. В первом случае обнаруживается пагубное влияние подавленных детских желаний, тогда как во втором случае главную роль играют здоровые инстинкты.

Какими бы фантастическими ни были архетипические содержания, они представляют эмоциональные силы или «нуминозные явления». Попытки отмахнуться от них приводят только к их подавлению с последующим возникновением ранее наблюдавшихся невротических состояний. Нуминозность придает содержаниям автономность, причем этот психологический факт невозможно отрицать. В случае же отрицания этого факта вновь полученные содержания уничтожаются, в результате чего интеграция становится невозможной. Тем не менее такой путь представляется заманчивым выходом, поэтому его избирают достаточно часто.

596 Естественно, просто замеченные и затем отстраненные символы не могут иметь такого эффекта и будут лишь повторным установлением старого невротического состояния и разрушением попыток синтеза. Но, к несчастью, те редкие люди, которые не отрицают самого существования архетипов, почти неизменно относятся к ним лишь как к словам и забывают об их живой реальности. Когда таким образом устранена сакральность, начинается процесс неограниченных подмен: человек легко скользит от архетипа к архетипу, в которых все обозначает все, и весь процесс доходит до абсурда. Все мертвые тела химически идентичны, но не идентичны живые индивиды. Действительно, в значительной степени архетипические формы взаимозаменяемы. Но их сакральность (нуминозность) остается фактом и представляет ценность архетипического события. Эту эмоциональную ценность необходимо постоянно иметь в виду в течение всего процесса толкования сна. Слишком легко потерять эту ценность: поскольку мышление и чувство столь диаметрально противоположны, то мышление почти автоматически отбрасывает чувственные ценности и наоборот. Психология — единственная наука, которая должна принимать в расчет фактор ценности (т. е. чувства), поскольку это связь между психическими событиями и жизнью. [По этому случаю психологию часто обвиняют в ненаучности, но критики не понимают научной и практической необходимости отдать должное внимание чувству.]

597 Наш интеллект создал новый мир, господствующий в природе, и населил его чудовищными машинами, эти машины, без сомнения, оказались полезными, и настолько, что мы не видим возможности

избавиться от них и своего раболепия перед ними. Человек вынужден следовать рискованным наушщениям своего научного и изобретательского разума и восхищаться собой за свои великолепные достижения. В то же время его гений демонстрирует опасную тенденцию к изобретению вещей, которые становятся все более и более угрожающими, так как представляют все лучшие способы коллективного самоубийства. Ввиду лавинообразного роста мирового населения человек уже начал искать пути и средства удержания грозящего людского наводнения. Но природа может предвосхитить все наши попытки, обратив против человека его же собственный созидательный разум. Водородная бомба, например, могла бы с успехом приостановить перенаселение. Несмотря на наше горделивое превосходство над природой, мы все еще ее жертвы, ибо не научились контролировать свое собственное естество. Медленно, с завидным упорством мы накличем на себя беду.

598 Богов, к которым мы могли бы обратиться за помощью, больше нет. Великие религии мира страдают от растущей анемии, потому что боги-покровители покинули леса, реки, горы, животных, а богочеловеки ушли в подземный мир — в бессознательное. Там, полагаем мы, они ведут бесславное существование среди пережитков нашего прошлого. Нашей сегодняшней жизнью владеет Богиня Разума, наша величайшая и самая трагическая иллюзия. Мы уверяем себя, что с помощью разума «завоевали природу». Но это лишь лозунг, так называемое завоевание природы оборачивается перенаселенностью и добавляет к нашим бедам психологическую неспособность к нужным политическим реакциям. И людям остается лишь ссориться и сражаться за превосходство друг над другом. Можно ли говорить после этого, что мы «завоевали природу»?

599 Так как любое изменение должно где-то начинаться, то пережить и вынести его в себе должен отдельный человек. Реальное изменение должно начаться внутри самого человека, и этим человеком может быть любой из нас. Никто не может озираться по сторонам в ожидании, что кто-то еще сделает то, что он не хочет делать сам. Но поскольку, кажется, никто не знает, что делать, то, возможно, каждому из нас стоит спросить себя: может быть, мое бессознательное знает, что может нам помочь? Ясно, что сознательный разум

не способен сделать что-либо полезное в этом отношении. Сегодня человек с болью воспринимает тот факт, что ни его великие религии, ни многочисленные философии не дают ему того мощного воодушевляющего идеала, обеспечивающего ту безопасность, в которой он нуждается перед лицом нынешнего состояния мира.

600 Я знаю, что буддисты скажут: «Все было бы так, как надо, если бы люди только следовали «благородному восьмеричному пути» Дхармы (доктрины, закона) и имели бы правильное понимание Самости». Христианин скажет нам, что если бы только люди имели веру в Бога, то мир был бы лучше. Рационалист будет утверждать, что, окажись люди более понимающими и разумными, все наши проблемы были бы разрешаемы. Трудность заключается в том, что ни один из них сам эти проблемы решить не может. Христиане часто спрашивают, почему Бог ничего не говорит им, как — согласно вере — делал это в прежние времена. Когда я слышу подобные вопросы, то всегда вспоминаю о раввине, которого спросили, как это может быть, что Бог часто являл себя людям в давние времена, а ныне никто его не видит. Рабби ответил: «Сегодня больше не осталось никого, кто мог бы поклониться достаточно низко».

601 Этот ответ попадает в самую точку. Мы настолько связаны своим субъективным сознанием, что забыли о стародавнем акте, о том, что Бог творит главным образом через сны и видения. Буддист отвергает мир бессознательных фантазий как бесполезную иллюзию. Христианин помещает Церковь и Библию между собой и своим бессознательным, а рациональный интеллект даже не знает, что его сознание — это еще не вся психика. Это невежество торжествует даже сегодня несмотря на то, что более 70 лет назад бессознательное уже было основным научным понятием, необходимым в любом серьезном психологическом исследовании.

602 Мы не можем больше позволять себе выступать в роли Всемогущего Бога, чтобы судить о достоинствах и недостатках природных явлений. Мы уже не строим свою ботанику на старомодном разделении растений на полезные и вредные, а зоологию на наивном делении животных на опасных и безвредных. Но мы все еще самодовольно считаем, что сознание имеет смысл, а бессознательное — явная чепуха. Имеют или не имеют смысл, скажем, микробы? Такие

вопросы демонстрируют всего лишь печальное состояние нашего разума, скрывающего свое невежество и некомпетентность под покровом гигантомании. Разумеется, микробы весьма малы и крайне ничтожны, но отсутствие знаний о них являлось бы величайшей глупостью.

603 Чем бы бессознательное ни было, оно является естественным природным явлением, воспроизводящим осмысленные символы. Нельзя ожидать, что тот, кто ни разу не заглянул в микроскоп, будет специалистом по микробам, но также и тот, кто всерьез не изучал натуральные символы, не может считаться компетентным в этом вопросе. Но общая недооценка человеческой души столь велика, что ни великие религии, ни философии, ни научный рационализм не изъявили желания взглянуть на нее дважды. Несмотря на то что католическая церковь допускает появление снов, посланных Богом (*Somnia a Deo missa*), большинство духовных деятелей ее не делают серьезных попыток понять сны. Я сомневаюсь, что существуют протестантские трактат или доктрина, допускающие возможность услышать во сне глас Божий (*vox Dei*). Но если теолог действительно верит в Бога, то какие основания у него считать, что Бог не способен говорить посредством сновидений?

604 Я потратил более полувека на изучение натуральной символики и пришел к выводу, что сновидения и их символика не являются бессмысленными. Наоборот, сны дают наиболее интересную информацию как раз тем, кто затрудняется понять их символы. Результаты, конечно, имеют мало общего с такими делами, как купля-продажа. Но смысл жизни не определяется всецело лишь деловой жизнью, так же как глубина желаний человеческого сердца не измеряется величиной счета в банке.

605 В тот период человеческой истории, когда вся энергия тратилась на изучение природы, очень мало внимания обращалось на сущность человека, что и составляет его психическое начало, хотя было проведено много исследований функций сознания. Но самая сложная и неведомая часть разума, производящая символы, до сих пор почти не исследована. Это может показаться почти невероятным, ведь мы получаем сигналы из бессознательного каждую ночь, но расшифровка этих посланий представляется слишком утомительным занятием почти

для всех, исключая немногих людей, которых это беспокоит. Величайший инструмент человека, его психика, привлекает мало внимания, зачастую ей попросту не доверяют и презирают ее. Пренебрежительное «Это всего лишь психология» часто означает пустоту, ничто.

606 Откуда пошли эти повсеместные предрассудки? Очевидно, мы настолько были заняты тем, о чем думали, что совершенно забыли спросить, а что же бессознательное психическое думает о нас? Идеи Зигмунда Фрейда подтвердили существование презрения к психическому у большинства людей. До него бессознательным просто пренебрегали и не замечали его, теперь же оно стало свалкой всего морально отвергнутого.

607 Сегодняшняя точка зрения, конечно, является односторонней и несправедливой. Она не согласуется даже с известными фактами. Фактическое знание о бессознательном показывает, что это природное явление и, как и сама Природа, оно, по крайней мере, нейтрально. Бессознательное содержит все аспекты человеческой природы — свет и тьму, красоту и безобразие, добро и зло, мудрость и глупость. Изучение индивидуального и коллективного символизма — задача огромная и до сих пор не решенная. Но начало уже положено. Первые результаты обнадеживают, и они указывают направление ответа на многие нерешенные вопросы сегодняшнего дня человечества.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Семинар, проведенный 5 апреля 1939 года в Гильдии психологов-пасторов в Лондоне. Первоначально стенограмма была отредактирована и частным образом опубликована под номером 80 Лекций Гильдии, Лондон, 1954 (Guild Lecture № 80). Юнг одобрил стенограмму и ее публикацию. В дальнейшем текст семинара в сокращенном виде напечатали в *Darshana* (Moradabad, India), I: 3 (август 1961), 11–22; этот выпуск был посвящен памяти К. Г. Юнга, умершего шестого июня того же года. Лекция Гильдии воспроизводится здесь со стилистическими исправлениями.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Профессору Юнгу были заданы два вопроса:

Первый: что может явиться новым шагом в развитии религии? Не думал ли он, например, что может появиться новое откровение — как некоторые говорят, новое явление Учителя Мира, новая коллективная фантазия? Возможны ли новая интерпретация и новая высокая оценка эзотерического значения христианства, может быть, с помощью психологии? Или хотя коллективного выражения и не произойдет, но наступит период, когда у каждого человека будет свой собственный индивидуальный религиозный контакт?

Второй: не может ли он объяснить, почему верующий католик не подвержен неврозу и что следует делать протестантской церкви, чтобы противостоять склонности ее членов к невротизации?

608 Я не настолько честолюбив, насколько этого требуют от меня заданные вопросы! Я бы хотел начать с вопроса о католиках, который не следует считать первостепенным, но с технической точки зрения он заслуживает самого пристального внимания.

609 Вы слышали, как я говорил о том, что римские католики подвержены неврозу в меньшей степени, чем представители других религиозных конфессий. Конечно, есть и католики-невротики, но остается фактом то, что за сорок лет моей практики среди моих пациентов было не более шести человек, активно исповедующих католицизм. Естественно, я не считаю всех тех, кто номинально были католиками, или тех, которые говорят, что они католики, но в костелы не ходят; однако среди живущих приходской жизнью католиков моими пациентами были не больше шести человек. Таков же опыт

и моих коллег. В Цюрихе нас окружают католические кантоны; менее двух третьих Швейцарии — протестанты, а остальные — католики. И на границе с южной Германией проживают католики. Поэтому ясно, что у нас должно быть какое-то число пациентов-католиков, но среди наших пациентов их нет или их число ничтожно мало.

610 Однажды студенты богословского факультета задали мне очень интересный вопрос: к кому, по моему мнению, современные люди предпочтут пойти в случае психологической проблемы — к доктору или же к пастору, к священнику? Я ответил, что сейчас не готов обсуждать этот вопрос, но поразмышляя над ним. После этого я разослал список подробных вопросов. Я сделал это не от своего имени, поскольку если бы я попросил о чем-то, то в этом случае, конечно, не удалось бы избежать предубеждения и пристрастных мнений, и каждый такой ответ был бы предвзятым. Поэтому я послал его тем людям, которые не были со мной знакомы и ни в каких отношениях со мной не состояли. В свою очередь они отправили этот вопросник другим людям, и в результате мы получили сотни очень интересных ответов. В них я обнаружил подтверждение того, что уже знал: большой процент — подавляющее большинство — католиков ответили, что в случае психологической проблемы они предпочтут пойти к священнику, а не к доктору. Большинство протестантов сказали, что они, естественно, пойдут к доктору. У меня было много ответов от членов семей приходских пасторов, и почти все они заявили, что предпочли бы пойти к доктору, а не к пастору. (Я могу говорить об этом вполне свободно. Я сам сын пастора, мой дед был епископом, и все мои дяди — их пятеро — пасторы, поэтому я знаю кое-что об этой работе! У меня нет враждебного отношения к священнослужителям. Напротив. Но все сказанное является фактом.) Я получил также ответы от евреев, и ни один из них не сказал, что предпочел бы пойти к ребе. Он даже и думать бы об этом не стал. И был один китаец, который дал мне классический ответ. Он сказал: «Когда я молод, я иду к доктору; когда я стар, я иду к философу».

611 Я получил также ответы и от представителей священнослужителей; один такой ответ я приведу: он хотя и носит частный характер,

но бросает определенный свет на теологию. Автор написал: «Теология не имеет ничего общего с человеческой практикой». Тогда с чем она имеет дело? Можно было бы ответить: «С Богом», но вы же не собираетесь сказать мне, что теология имеет дело с Богом в этом смысле. Теология действительно значима для человека, если она вообще значима для чего-либо. Я должен сказать, что Бог в теологии не нуждается. Приведенный ответ является симптомом определенной установки, которая объясняет многое.

612 Сейчас я говорю о своем собственном опыте в данной области, но недавно в Америке были проведены статистические исследования по поводу того же самого вопроса, хотя и под несколько иным углом зрения. Они представляют нечто вроде оценки количества комплексов или комплексных проявлений. Наименьшее число комплексных проявлений было обнаружено у прихожан-католиков, значительно большее их число выявилось у протестантов и самое большое — у евреев. Это исследование осуществлялось совершенно независимо от моих экспериментов; его провел один из моих коллег¹ в США, и он получил те результаты, о которых я вам рассказал.

613 Отсюда напрашивается вывод, что в католической церкви есть нечто, приводящее к этому удивительному факту. И это только внешний аспект. Мне часто случалось иметь дело с представителями разных конфессий, в частности, с католическими священнослужителями, особенно с иезуитами, занятыми психотерапией. Многие годы католические пастыри изучали психотерапию; они во многом следуют ее правилам. Прежде всего это иезуиты, имеющие психотерапевтическую подготовку, а недавно я слышал, что бенедиктинцы также занялись изучением психотерапии. В католической церкви существует старая традиция *directeur de conscience* — своего рода вожака душ, духовного пастыря, поводыря. Эти поводыри обладают огромным опытом такой работы и солидной подготовкой к ней, и меня часто

¹ Murray H. A. Conclusions // Explorations in Personality: A Clinical and Experimental Study of Fifty Men of College Age.— New York and London, 1938, p. 739, sec. 17. См. также: Юнг К. Г. Психотерапия сегодня // Юнг К. Г. Практика психотерапии.— СПб., 1998, пар. 218.

изумляла та мудрость, с которой иезуиты и другие католические священники давали советы своим подопечным.

614 Совсем недавно случилось так, что одна моя пациентка, женщина аристократического происхождения, имевшая духовника-иезуита, обсуждала с ним все самые драматические моменты анализа, который она проходила у меня. Конечно, многое никак не укладывалось в общепринятую схему, и я вполне понимал, что у нее назревал драматический конфликт, поэтому я посоветовал ей обсудить эти вопросы с ее духовником. (Он был известным иезуитом — сейчас его уже нет в живых.) И вот после искреннего разговора с ним она передала мне все сказанное ей, и он подтвердил каждое ее слово, чем несказанно меня удивил, в особенности после всех сплетен об иезуитах. Это помогло мне открыть глаза на высочайшую мудрость и культуру католических *directeur de conscience* (пастырей души). И это до определенной степени объясняет, почему активный прихожанин-католик предпочитает пойти к священнику.

615 То, что католиков-невротиков относительно мало, — факт, и это при том, что они живут в тех же самых условиях, что и мы. Они страдают от таких же жизненных обстоятельств и т. д., поэтому следовало бы ожидать, что они подвержены не меньшему числу неврозов. Должно быть, есть нечто в этом культе, в самой религиозной практике, приводящее к тому, что эти комплексы проявляются значительно реже у католиков, чем у других людей. В самом культе существует нечто, помимо исповеди. И это нечто есть, например, месса. Сердцевина, центральная часть мессы содержит в себе живую мистерию, и это то самое, что работает. Когда я говорю «живая мистерия», то имею в виду не что-то таинственное, а мистерию в том смысле, какое это слово всегда имело — а *mysterium tremendum*². И месса вовсе не единственная мистерия в католической церкви. Существуют также и другие мистерии. Они начинаются уже с подготовительных моментов, с самого простого. Возьмем, например, приготовление воды для крещения — ритуал *benedictio fontis majog* или *mnop* в ночь на Sabbath перед Пасхой. Вы сможете убедиться, что часть Элевсинских мистерий все еще совершается.

² Потрясающая тайна (лат.).

616 Если вы спросите рядового священника, тот не сможет сказать вам что-либо вразумительное по этому поводу. Он об этом ничего не знает. Однажды я попросил епископа Фрибургского в Швейцарии прислать к нам человека, который смог бы просветить нас по поводу таинства мессы. Это был досадный провал; он ничего не смог нам рассказать. Он мог только признаться нам в удивительном впечатлении, поразительном мистическом чувстве, пережитом им, но объяснить, почему у него возникло это чувство, не смог. Это были только сентименты, и с этим ничего нельзя было поделать. Но если вы обращаетесь к истории ритуала, если вы пытаетесь понять его целостную структуру, включая и все другие соседние ритуалы, тогда вы видите ритуал как тайну, уходящую вглубь истории человеческого разума. Его история уходит очень далеко — гораздо дальше начала христианства. Известно, что самые важные части мессы — например, Тело Христово — принадлежат культуре Митры. В культуре Митры используется хлеб с оттиснутым в нем крестом или разделенный на четыре части, используются маленькие колокольчики и крестильная вода — все это определено дохристианское. У нас сохранились и тексты, подтверждающие это. Ритуал освящения воды или aqua regmanaens — «вечной воды» — является алхимическим понятием, гораздо более древним, чем его христианский аналог; и когда вы наблюдаете benedictio fontis, действительное приготовление воды, то видите, что это алхимическая процедура, и у нас есть текст первого века, текст Псевдо-Демокрита, сообщающий, для чего делается подобное благословение.

617 Все это абсолютные факты, которые можно с уверенностью подтвердить. Они указывают на предысторию, на непрерывность традиции, появившейся, возможно, за несколько сот лет до христианства. Теперь подобные мистерии всегда выступают выражениями фундаментального психологического состояния. Человек выражает свои самые основные и наиболее важные психологические состояния в этом ритуале, этой магии, или как еще иначе вы это назовете. И ритуал является культовым оформлением, презентацией этих базовых психологических фактов. Этим объясняется, почему не следует ничего менять в ритуале. Ритуал должен совершаться сообразно традиции, и если вы измените хотя бы его частицу,

то совершите ошибку. Не следует позволять своему разуму играть с этим. Возьмем, например, наиболее трудную для понимания догму о непорочном зачатии: рационализировать ее бесполезно. Если вы оставите все как есть, как это было передано нашими предками, тогда это остается истиной; но если вы попытаетесь рационализировать эту догму, то все пойдет прахом, потому что тогда вы сдвинете ее на уровень нашего играющего интеллекта, который не в состоянии понять эту тайну. Это секрет непорочности и непорочного зачатия, а это самый важный психологический факт. Печальная правда заключается в том, что мы больше этого не понимаем. Но известно, что в предшествующие века человек вовсе не нуждался в подобном роде интеллектуального понимания. Мы этим гордимся, хотя гордиться тут нечем. Наш интеллект абсолютно не способен понимать подобные вещи. Психологически мы продвинулись очень недалеко в понимании правды, экстраординарной правды ритуала и догмы. Поэтому подобные догмы не должны подвергаться какой-либо критике.

618 Поэтому, вы понимаете, если я имею дело с настоящим христианином, настоящим католиком, то всегда стараюсь быть поближе к догме и говорю: «Вы привязаны к ней! И если вы начнете критиковать ее так или иначе интеллектуально, то я начну вас анализировать, и тогда вы у меня на сковородке!» Когда католик приходит ко мне, я спрашиваю: «Вы исповедовались в этом своему духовнику?» Естественно, он говорит: «Нет, он не поймет». — «И зачем вы тогда вообще исповедуетесь?» — «О-о, всякие там грязные мелочи роли не играют, а вот о главных грехах он никогда не говорит». Как я уже говорил, у меня было очень мало католиков — шесть. Я гордился этим и говорил им: «Вы понимаете, что все то, что вы мне говорите, действительно очень серьезно. Идите теперь к своему духовнику и исповедуйтесь. И неважно, поймет он вас или нет. Это говорится перед Богом, и если вы этого не сделаете, то поставите себя вне Церкви. Тогда мы начнем анализ, и тогда станет “жарко”, так что для вас будет лучше вернуться в лоно матери Церкви». Так что, вы понимаете, я вернул этих людей обратно в Церковь с тем же результатом, как если бы сам Папа дал мне частное благословение учить некоторых важничающих католиков, как правильно исповедоваться.

619 Например, была одна дама, игравшая очень важную роль в обществе. Она была ревностной католичкой и летом всегда приезжала в Швейцарию на каникулы. Там есть один известный монастырь, и она обычно отправляется туда для исповеди и духовного окормления. Будучи интересной персоной, она более, чем следовало бы, заинтересовалась своим духовником, а тот проявил несколько больший интерес к ней, и вот получился конфликт. В результате духовник переместился в клаузуру ³, а она буквально пала духом, после чего ей посоветовали обратиться ко мне. И вот она пришла в полном возмущении по поводу вмешавшейся администрации, а я отправил ее назад, к ее духовному авторитету, посоветовав рассказать обо всем. И, когда она вернулась в Рим, где жила и где находился ее духовный наставник, тот спросил ее: «Ну, хорошо. Я знаю тебя уже много лет. Как случилось, что сейчас ты смогла исповедаться так легко и свободно?» И она сказала, что научилась этому у доктора. Вот вам и история о том, как я получил частное благословение Папы.

620 Я считаю, что, если пациент является действительным членом церкви, ему следует относиться ко всему серьезно. Он должен быть подлинным и искренним членом этой церкви, и ему не следует идти к доктору для решения своих проблем, когда он верит, что должен искать их разрешения у Бога. Например, когда член Оксфордской группы приходит ко мне на лечение, я говорю: «Вы принадлежите к Оксфордской группе; поскольку это так, то и все свои вопросы вы должны решать там. Я не могу сделать это лучше, чем Иисус».

621 Я расскажу вам одну историю. Алкоголик-истерик проходил лечение в одной из групп Оксфордского движения, и те использовали его в качестве демонстрационного образца, послав по всей Европе, где он со всей искренностью рассказывал, как плохо себя когда-то вел и как затем совершенно излечился с помощью группы. И после того, как он повторил свою историю двадцать или, может быть, пятьдесят раз, он почувствовал себя совершенно больным и снова запил. Духовный восторг попросту испарился. И что же теперь они собрались с ним делать? Они заявили, что он фигура патологическая и ему

³ Место в религиозном здании, присутствие в котором по аналогии с алтарем у православных лицам женского пола запрещено.

следует отправиться к доктору. И вот что получается: на первой стадии его вылечил Иисус, а на второй его лечит доктор! Я был вынужден отказаться и отказался от этого случая. Я послал этого человека обратно к тем людям и сказал: «Если вы верите, что Иисус однажды исцелил его, то он исцелит его и на этот раз. Если же он не может сделать этого, не считаете ли вы, что я в состоянии сделать это лучше, чем Иисус?» Но именно этого они как раз и ожидают: когда человек пребывает в патологическом состоянии, Иисус ему не поможет, а вот доктор поможет.

622 Пока их собрат верит в движение Оксфордской группы, он остается там; точно так же пока человек пребывает в лоне католической церкви, он ее член, как бы хорошо или плохо ему ни было, и должен исцеляться методами и средствами церкви. И я вас уверяю, что такие люди могут быть излечены этими средствами — это непреложный факт! Отпущение грехов, святое Причастие могут исцелить их даже в очень серьезных случаях. Если переживание святого Причастия реально, если сам ритуал и догма полностью выражают психологическую ситуацию данного индивида, он будет излечен. Если же ритуал и догма не полностью выражают психологическую ситуацию индивида, то он излечен не будет. Такова причина, почему имеет место протестантизм, и почему протестантизм так изменчив, неопределен, сомнителен, почему он раскалывается и раскалывается. Это я говорю не в качестве возражения протестантизму; это то же самое, что и история с кодексом Наполеона.

623 Уже после того, как кодекс Наполеона действовал в течение года, человек, которому было поручено исполнение приказов Наполеона, возвратился с огромной папкой. Наполеон взглянул на нее и спросил: «Ну, как? Мой Кодекс уже мертв?» — потому что этот человек внес очень много предложений в составление проекта. Но тот ответил: «Напротив, Сир, он жив!»

624 Раскол протестантизма на новые деноминации — мы имеем их четыреста или даже более — является признаком жизни. Но увы! Это не самый лучший жизненный знак в смысле церкви, потому что отсутствует догма и нет ритуала. Нет типичной символической жизни.

625 Понимаете, человеку нужна символическая жизнь, очень нужна. Мы живем в атмосфере банальных, обыденных, рациональных

или иррациональных вещей, которые, естественно, также оказываются в масштабах рационализма, иначе вы не смогли бы назвать их иррациональными. Но у нас нет символической жизни. Где, скажите, мы живем символически? Нигде, за исключением тех случаев, когда мы участвуем в самом ритуале жизни. Но кто из нас действительно участвует в этом ритуале жизни? Очень немногие. И когда вы смотрите на ритуал жизни в протестантской церкви, то это почти ничто. Даже святое Причастие рационализировано. Я говорю об этом с точки зрения швейцарца: в швейцарской цвинглианской церкви святое Причастие и вовсе не причастие; это мемориальная еда. Отсутствует и месса; нет исповеди, нет ритуала, символической жизни.

626 Есть ли у вас в доме какой-то угол, где вы совершаете ритуалы, как это можно увидеть в Индии? Даже в самых простых домах есть, по крайней мере, занавешенный угол, перед которым семейство может вести символическую жизнь, где они могут совершать молитвы, давать обеты или медитировать. У нас этого нет, у нас нет такого угла. У нас есть наша собственная комната, конечно, — но в ней находится телефон, который может зазвонить в любое время, и мы всегда должны быть к этому готовы. У нас нет времени, нет места. Где мы можем получить догматические или мистериальные образы? Нигде! У нас есть художественные галереи, да, — и там мы тысячами убиваем богов. Мы ограбили церкви, освободив их от мистериальных, от магических образов, которые переместили в художественные галереи. Это еще хуже, чем убийство трехсот младенцев в Беттельхейме; это богохульство.

627 Теперь у нас нет символической жизни, и всем нам несладко от этого. Нам необходима символическая жизнь. Только символическая жизнь может выразить потребность души — смею утверждать, каждодневную потребность души! И, поскольку у людей ее нет, они никогда не смогут выбраться из своего «беличьего колеса» — этой ужасной, банальной, изнурительной жизни, в которой они «ничто кроме». В ритуале же они близки к Божеству, они почти божественны. Вспомните о священнослужителе в католической церкви, который воплощает Божество: он сам предстает жертвой на алтаре, он предлагает себя в качестве жертвы. А мы делаем это? Где мы знаем, что делаем это? Нигде! Все банально, все «ничто кроме»;

в этом и заключается причина того, почему люди столь невротичны. Они попросту больны от всего, больны от этой банальной жизни, и поэтому они хотят ощущений и чувств. Они даже хотят войны, они все хотят войны. Они радуются, когда случается война: они говорят: «Слава Богу, наконец что-то произошло — что-то большее, чем мы!»

628 Подобные вещи затрагивают глубины нашего существования, и неудивительно, что люди подвергаются неврозам. Жизнь слишком рациональна, символическое существование, в котором я — это нечто, еще отсутствует, отсутствует нечто такое, в чем я осуществляю свою роль, свое предназначение, роль как один из актеров в священной драме жизни.

629 Однажды у меня произошел разговор с мастером церемоний в племени индейцев пуэбло, и он сказал мне нечто весьма интересное. Он сказал: «Да, мы маленькое племя, и американцы хотят вмешаться в нашу религиозную жизнь. Но им не следует этого делать, поскольку мы дети Отца, Солнца. Того, который ходит там (указывая на Солнце). Мы должны каждодневно помогать ему всходить над горизонтом и двигаться по небу. И мы делаем это не только для самих себя: мы делаем это и для Америки, и для всего мира. И если эти американцы будут продолжать вмешиваться в нашу религиозную жизнь со своей миссионерской деятельностью, то им придется кое-что увидеть. Через десять лет Отец-Солнце больше не взойдет, потому что мы не сможем ему помочь».

630 Вы можете сказать, что это просто плод больного воображения. Ничуть! У этих людей нет проблем. У них есть каждодневная жизнь, их символическая жизнь. Они просыпаются перед рассветом с чувством своей великой миссии и ответственности: они дети Солнца, Отца, и их каждодневный долг помогать Отцу всходить над горизонтом — не только для себя, но и для всего мира. Вам следовало бы увидеть этих собратьев: они обладают естественным полноценным чувством собственного достоинства. И я вполне понял, когда он сказал мне: «Взгляните на этих американцев: они всегда чего-то ищут. Они все время пребывают в беспокойстве. Что они ищут? Нет ничего такого, что следовало бы искать!» И это совершенная правда. Посмотрите на них, этих глазающих туристов, всегда чего-то ищущих, всегда в бесплодной надежде что-то найти.

В своих многих странствиях я встречал людей, которые объехали земной шар уже по третьему разу — безостановочно. Просто путешествуют и путешествуют; ищут, рыщут глазами. В Центральной Африке я встретил женщину, которая приехала на автомобиле одна из Кейптауна и хотела добраться до Каира. «Зачем? — спросил я. — Для чего вы пытаетесь это сделать?» И изумился, когда заглянул в ее глаза — глаза рыщущего, прижатого к стене животного — поиск, вечный поиск в надежде на что-то. Я сказал: «Чего вы ищете в мире? Чего вы хотите? За чем вы охотитесь?» Она была почти одержима, она была одержима многими бесами, которые преследовали ее повсюду. Но почему это происходило? Потому что она жила жизнью, которая не имела смысла. Ее жизнь была крайне банальной, гротескно пошлой, бедной и бессмысленной, жизнь, в которой было даже не за что зацепиться. Если бы она была убита сегодня, то ничего бы ровным счетом не произошло, ничего бы не исчезло — потому что она была ничто! Но если бы она могла сказать: «Я — дочь Луны. Каждую ночь я должна помогать Луне, моей Матери, всходить над горизонтом» — вот это было бы нечто! Тогда бы она жила, тогда бы ее жизнь имела смысл, имела смысл на всей ее протяженности и для всего человечества. Когда люди чувствуют, что живут символической жизнью, что они актеры в божественной драме, это приносит мир. Это дает единственное значение человеческой жизни; все остальное банально, и его можно отбросить. Карьера, производство потомства — все это *майя* по сравнению с тем, что ваша жизнь имеет смысл.

631 В этом и состоит секрет католической церкви: они все еще до определенной степени живут значимой жизнью. Например, если вы каждый день можете созерцать жертву Бога, если вы участвуете в претворении его плоти, тогда вы наполнены Божеством, и вы ежедневно воспроизводите Христову жертву. Конечно, то, что я говорю, — просто слова, много слов, но для человека, который действительно живет этим, такие слова означают весь мир. Они означают больше чем весь мир, поскольку они имеют для него смысл. Они выражают непосредственное желание души; то, что за ними стоит, выражает реальность нашей бессознательной жизни. Когда мудрый человек сказал: «Природа требует смерти», он имел в виду именно это.

632 Я думаю, что теперь мы можем продолжить и перейти к следующему вопросу. То, что я говорил об этом, увы, в значительной степени уже прошлое. Мы не можем повернуть колесо истории вспять; мы не можем вернуться к тому символизму, которого уже нет. Вещь не может стать символической раньше, чем вы скажете: «О, кажется, она значит что-то еще». Сомнение убивает, пожирает символическое начало. Поэтому вы не можете вернуться назад. Я не могу вернуться обратно в католическую церковь, я не могу испытать чудо богослужения; я слишком много об этом знаю. Я знаю, что это правда, но это правда в той форме, в которой я ее не могу больше принимать. Я не могу сказать: «Это — жертва Христа» — и увидеть его. Я не могу. Это больше для меня не содержит истины, не выражает моего психологического состояния. Мое психологическое состояние хочет чего-то еще. Я должен оказаться в ситуации, в которой эта вещь станет истинной снова. Мне нужна новая форма. Когда кто-то имеет несчастье быть отлученным от церкви или сказать: «Все это — чушь» — и уйти, то в этом нет никакой заслуги. Но быть в церкви и насильственно, скажем, по Божьей воле покинуть ее — вот здесь вы законно вне церкви. Но быть вне церкви не приветствуется; тогда все становится ужасным, потому что вы больше не защищены, вы уже больше не в согласии с родом, не в лоне Всесострадающей Матери. Вы один и сталкиваетесь со всеми демонами ада. Это то, чего не знают люди. Они говорят, что у вас невроз страха или беспокойства, тревоги, ночной страх, навязчивость — я не знаю, что еще. Ваша душа стала одинокой; она пребывает вне церкви и в состоянии утраты спасения. И люди этого не знают. Они думают, что ваше состояние патологично, и любой доктор может помочь им в это поверить. И, конечно, когда они это говорят и когда все поддерживают то, что это невротично и патологично, тогда мы вынуждены говорить на этом языке. Я говорю на языке своих пациентов. Когда я говорю с лунатиками, я говорю на лунатическом языке, иначе они меня просто не поймут. И когда я разговариваю с невротиками, я разговариваю с ними на невротическом языке. Но это невротический разговор, когда кто-то говорит, что это невроз. Но совершенно понятно, что это и еще нечто другое: это ужасный страх одиночества. Это галлюцинация одиночества, и это

одинокость, которое не может быть ничем другим подавлено. Вы можете быть членом общества с тысячами членами и оставаться одиноким. Одинокость — это та вещь, которая должна жить в вас; никто до него не дотрагивается, никто о нем не знает, да и вы сами об этом не знаете, но оно будоражит вас, раздражает вас, делает вас тревожным и не приносит вам покоя.

633 Так что, вы понимаете, я был просто вынужден через своих пациентов попытаться обнаружить то, что можно сделать относительно подобного состояния. Я не собираюсь открывать или основывать какую-то религию, и я ничего не знаю о религии будущего. Я только знаю, что в определенных случаях такие-то и такие-то вещи получают свое развитие. Например. Возьмите любой случай, какой хотите: если я найду достаточно далеко, если сам случай этого потребует или если определенные состояния благоприятствуют, тогда я могу обозреть определенные безошибочные вещи, а именно то, что возникают определенные бессознательные факты и становятся угрожающе ясными. Это очень неприятно. И поэтому Фрейд был вынужден изобрести некоторую систему, чтобы защитить людей и себя самого против реальности бессознательного, выдвинув наиболее уничижительное объяснение этим вещам, объяснение, которое всегда начинается с «ничего кроме». Объяснение любого невротического симптома было известно давным-давно. У нас была теория относительно этого: всеми печалью человек обязан отцовской или материнской фиксации; все это чушь, которую можно отбросить. И поэтому мы отвергаем свою душу — «О, я связан фиксацией на свою мать, и если я понимаю, что имею все виды невозможных фантазий относительно своей матери, то я освобождаюсь от этой фиксации». Если пациент достигает своей цели, то он теряет душу. Каждый раз, когда вы принимаете это объяснение, вы теряете свою душу. Вы не помогли своей душе; вы заменили свою душу теорией, объяснением.

634 Я помню очень простой случай⁴. Была одна студентка-философ, очень интеллигентная женщина. Это было в самом начале моей врачебной карьеры. Я был молодым доктором и не знал ничего, кроме Фрейда. Это был не очень серьезный случай невроза, и я был

⁴ Jung C. G. Two Essays on Analytical Psychology // Jung C. G. C. W., vol. 7, pars. 206ff.

абсолютно уверен, что его можно вылечить; но положительных изменений не происходило. У девушки развился сильнейший отцовский перенос — она спроецировала на меня образ отца. Я сказал ей: «Но вы же видите, что я не ваш отец!» — «Я знаю, — ответила она, — что вы не мой отец, но мне все же кажется, будто вы им являетесь». Она вела себя в соответствии с этим и влюбилась в меня. Я стал ее отцом, братом, сыном, возлюбленным, мужем — и, конечно, еще и ее героем и спасителем — всем на свете! «Но вы же понимаете, что это абсолютная чушь!» — «Да, но теперь я без этого не могу жить», — ответила она. Что я мог с этим сделать? Никакие объяснения не помогали. «Вы можете говорить все что угодно, но уж как есть, так и есть». Она была охвачена бессознательным образом. Тогда у меня появилась одна идея. «Получается, что если кто-либо знает что-либо об этом, то это знание носит бессознательный характер, что и приводит к такой глупой нелепой ситуации». Тогда я начал очень серьезно обследовать все сновидения, не просто чтобы выявить определенные фантазии, а потому, что я действительно хотел понять, каким образом ее психическая система реагировала на подобную ненормальную ситуацию — или, скажем, на очень нормальную ситуацию, если вам угодно, поскольку такое положение вещей — вполне обычное явление. Она видела сны, в которых я возникал в качестве ее отца. Мы поработали с этим. Затем я появился в качестве возлюбленного и чуть позже как муж и все в том же духе. В дальнейшем я начал меняться в размере; я выглядел гораздо больше, чем обычное человеческое существо; иногда я наделялся божественными атрибутами. Я думал: «Ну, хорошо. Это же старая идея спасителя». И далее я принимал самые поразительные формы. Например, я появился «размером» с Бога, стоящим среди полей и держащим ее на руках, как ребенка; ветер дул над колосьями, и поле волновалось подобно морским волнам, а я держал ее на руках. Когда я увидел такую картину, то подумал: «Теперь я понимаю, что такое бессознательное: бессознательное хочет сделать из меня бога. Этой девушке необходим бог, по крайней мере, ее бессознательное нуждается в боге. Но поскольку ее бессознательное не может обрести бога, то оно говорит: “Доктор Юнг — Бог”». И я сказал ей то, что думал: «Совершенно очевидно, что я не бог, но Вашему бессознательному нужен бог. Это важно и действительно

необходимо для Вас. То, что было прежде, не смогло удовлетворить эту потребность; Вы просто-напросто интеллектуальная игрушка в своих руках, точно такая же, как и я в своих, но мы этого не знаем». Это кардинально изменило мир. Я вылечил ее, потому что удовлетворил потребность бессознательного.

635 Я расскажу вам другой случай⁵. Пациенткой была девушка-еврейка. У нее был подозрительно непонятный характер — очень милая элегантная маленькая «штучка», — и я подумал: «Что за бесполезная упрямец!» У нее был страшный невроз, невроз сильной тревоги, с ужасными приступами страха, и она годами страдала от этого. У нее был другой аналитик, у которого от нее, как говорят, «поехала крыша»; он влюбился в нее, а помощи от него она не нашла. И тогда она пришла ко мне. Перед ее визитом накануне ночью я видел сон, и мне снилась молодая девушка, весьма приятная, которая пришла ко мне, но я не смог вообще понять ее случай. И вдруг я подумал: «О, Юпитер! Да у нее экстраординарный отцовский комплекс!» И я почувствовал что-то вроде сильного облегчения. Я проснулся с сильным впечатлением от этого сна; я не знал, к чему он относится. Позже, когда на следующий день пришла эта девушка, я внезапно вспомнил об этом сне: «Возможно, это она!» Вначале она рассказала свою историю. В первый момент я не мог сообразить, о чем же она мне рассказывает, и тогда я подумал: «А не отцовский ли здесь комплекс?» Я не видел ничего от отцовского комплекса, но у меня появилась идея порасспросить ее поподробней об истории ее семьи. Тут я узнал, что она из семьи хасидов, — как вы знаете, они известные мистики. Ее дедушка был кем-то вроде чудодейственного раввина — он обладал вторым зрением, а ее отец порвал со своей мистической общиной. Так что она была довольно скептически и выражала полностью научный подход в своих взглядах на жизнь. Она была очень умна, с тем убийственным видом интеллекта, который часто обнаруживается у евреев. Поэтому я подумал: «А что же это может означать в отношении к ее неврозу? Почему она страдает от такого ужасного страха?» И я сказал ей: «Послушайте. Я собираюсь рассказать Вам кое-что, и Вы, возможно,

⁵ Jung C. G. Memories, Dreams, Reflections. — New York; London, 1963, p. 138f./137f.

подумаете, что все это глупости, но Вы нечестны перед Вашим Богом. Ваш дедушка вел правильную жизнь, но Вы хуже, чем еретичка, Вы отказались от тайны вашего народа. Вы принадлежите к святым людям, а как и чем Вы живете? Неудивительно, что Вы боитесь Бога, что Вы страдаете от страха перед Богом».

636 За одну неделю я вылечил этот невроз беспокойства, и это не ложь (я слишком стар лгать!) — это подлинный факт. До этого она прошла много месяцев анализа, но все было слишком рационально. После этого моего замечания она изменила угол зрения, она словно вдруг стала понимать, и ее невроз в изнеможении иссяк. В нем больше не было смысла: он строился на той ошибке, что она могла жить со своим жалким интеллектом одна в совершенно банальном мире, когда фактически она была дочерью бога и должна была жить символической жизнью, в которой осуществляла бы таинственную волю, скрытую в ней, бывшую также и волей ее семьи. Она забыла об этом и жила, разумеется, в полном противоречии со своей целостной природной системой. И вдруг ее жизнь приобрела смысл, и она смогла жить заново, весь ее невроз упал за борт.

637 В других случаях, конечно, — я должен сказать — это не происходит так просто (это и здесь не было так просто, как вы понимаете!). Я не хочу занимать ваше внимание дальнейшими деталями этого случая. Он был в высшей степени поучительным, хотя я и предпочел бы рассказать о других случаях, где все было не так просто, где вам было необходимо вести людей достаточно медленно и ждать довольно долго, пока бессознательное не начинало генерировать те символы, которые приводили их обратно в изначальную символическую жизнь. Тогда бы вы узнали гораздо больше о языке бессознательного, языке сновидений. Тогда бы вам стало более понятно, каким образом сны начинают создавать экстраординарные персонажи. Все они могут быть обнаружены в истории под разными именами. Количество их неизвестно, но эти персонажи можно встретить в литературе, которая сама по себе уже давно вышла из употребления. Если вам удастся узнать эти символы, то тогда вы сможете объяснить вашим пациентам, что такое бессознательное.

638 Конечно, я не могу дать вам полное описание этого, могу лишь только напомнить. Из своих наблюдений я узнал, что современное бессозна-

тельное имеет тенденцию создавать психологическое состояние, которое можно обнаружить, например, в средневековом мистицизме. Кое-что можно найти у Мейстера Экхардта; многое обнаруживается у гностиков — специфической разновидности эзотерического христианства. Идея Адама Кадмона заложена в каждом человеке — внутренний Христос. Христос — это второй Адам, который в экзотических религиях является к тому же идеей Атмана или завершенного человека, изначального человека, «all-round» человека Платона, символизируемого кругом или рисунком с круговыми мотивами. Все эти идеи легко обнаружить в средневековом мистицизме, они разбросаны по всей алхимической литературе, начиная с первых веков новой эры. Конечно, многое можно найти в Новом Завете, у апостола Павла. Но все это абсолютно последовательное развитие идеи Христа внутри — не исторического Христа внешнего, а Христа внутри; того аргумента, что безнравственно позволять Христу страдать за нас, что он пострадал достаточно и что мы должны сами нести на себе свои грехи и не перекладывать их на Христа, что мы должны нести их все. Христос выражает ту же самую идею, когда говорит: «Я появлюсь у меньшего из твоих братьев»⁶, и что будет, мой дорогой сын, если меньший из твоих братьев есть ты сам — что тогда? Тогда ты получишь знак того, что Христос не должен быть меньшим в твоей жизни, что мы имеем брата в нас самих, который в действительности наименьший из братии, гораздо более худший, чем бедный нищий, которого ты накормишь. То есть в нас самих мы имеем тень, мы имеем очень плохого собрата в нас самих, очень плохого человека, и его должно принять. Что сделал Христос — давайте будем здесь вполне банальными — что сделал Христос, когда мы считали его всецело человеческим существом? Христос не послушался своей матери; Христос не следовал своей традиции; Христос искажил самого себя и доигрался до печального конца: он прошел через свою версию к печальному концу. Как родился Христос? В величайшей нищете. Кто был его отец? Его отец был незаконнорожденным ребенком. Это самая жалкая ситуация: у бедной девушки маленький сын. Это и есть наш символ, это и есть мы сами. Мы все в этом. И если кто-то живет согласно своей собственной

⁶ Евангелие от Матфея. 25:40.

гипотезе вплоть до печального конца (возможно, расплачивается смертью), то он знает, что Христос — его брат.

639 Это — современная психология, и она есть само будущее. Это настоящее будущее, это то будущее, о котором я знаю, но, разумеется, историческое будущее может быть совершенно другим. Мы не знаем, будет ли это католическая церковь, что получит прибыль с того урожая, который сегодня собирается начать собирать. Мы этого не знаем. Мы не знаем, собирается ли Гитлер основать новый ислам. (Он уже на пути к этому. Он подобен Мохаммеду. Настроение в Германии — исламическое. Они все опьянены необузданным богом.) Это может быть историческим будущим. Но меня совсем не волнует историческое будущее. Совершенно. Оно меня просто не интересует. Меня волнует только осуществление той воли, которая наличествует в каждом индивиде. Моя история — это всего лишь история тех индивидов, которые собираются осуществить свои гипотезы. В этом и состоит вся проблема, проблема индейцев пуэбло: все, что я делаю сегодня, необходимо для того, чтобы мой Отец мог подняться над горизонтом. На том стою и я. Думаю, что я наговорил вполне достаточно.

ОБСУЖДЕНИЕ

Каноник Х. Ингланд:

640 В англиканской церкви после Святого Причастия есть ритуал: «И вот мы предстаем перед Тобой, о Боже. Мы приносим себя, свои души и тела в качестве оправданной, святой и живой жертвы». Это та жертва и тот ритуал, которые должны удовлетворять требуемым Вами условиям, не так ли?

Профессор Юнг:

641 Абсолютно. Англиканская церковь имеет в этом ценное качество. Англиканская церковь, конечно, еще не весь протестантский мир, и она не вполне протестантна в Англии.

Епископ Саусворкский:

642 Вопрос заключается в том, где же находится вполне протестантский мир.

Профессор Юнг:

643 Англиканская церковь — реальная церковь. А протестантизм сам по себе — это совсем не церковь.

Епископ Саусворкский:

644 Но существуют и другие части протестантского мира, имеющие церкви. Есть, например, лютеране в Швеции. Вот вам пример реформистской церкви. Их условия во многом напоминают наши. Вы когда-нибудь сталкивались с ритуалами в православии? Не обладает ли ритуал у русских тем же самым эффектом?

Профессор Юнг:

645 Боюсь, что по причине исторических событий все прервалось и перепуталось. Я видел несколько православных людей и боюсь, что они были уже не очень православны.

Епископ Саусворкский:

646 Я встречал большое число русских эмигрантов в Париже. Там существует колония русских. Они вполне сознательно пытались сохранить вживе старую русскую религиозную жизнь лишь с малыми

возможными изменениями.

Профессор Юнг:

647 Я никогда не видел активных членов православной церкви, но вполне убежден, что если они живут символической жизнью в этой церкви, то у них все в порядке.

Епископ Саусворкский:

648 Мы, англикане, гораздо ближе к ортодоксальной церкви, нежели к католикам, и православные кажутся нам даже слишком символическими — не вполне готовыми к выполнению своего прямого предназначения, к встрече с фактами, с которыми им прежде всего необходимо иметь дело. У них скорее психология изгнанников — из их собственного мира — и меня скорее пугает такая психология у некоторых наших собственных прихожан, которые, кажется, хотят найти убежище от ответственности в символизме.

Профессор Юнг:

649 Вы можете обманывать даже самой лучшей правдой; можно обманывать чем угодно, так что есть люди, которые строят незаконное убежище в символизме. Например, монастыри полны людьми, бегущими от жизни и обязательств перед ней и живущими символической жизнью — символической жизнью своего прошлого. Подобные обманы всегда наказуемы, но это весьма специфический факт, когда они как-то могут выстоять, не сделавшись слишком невротичными. В символической жизни есть особая ценность. Первобытные австралийцы жертвуют ей две трети своего времени, — своего сознательного жизненного времени.

Епископ Саусворкский:

650 Нечто очень похожее делал король Альфред Великий.

Профессор Юнг:

651 Да, в этом заложен секрет первобытных цивилизаций.

Епископ Саусворкский:

652 Он был очень практичным цивилизованным человеком.

Профессор Юнг:

653 Да, потому что сам факт того, что вы живете символической жизнью обладает необычным цивилизующим воздействием. Такие люди гораздо более цивилизованы и креативны в отношении символической жизни. Только рациональные люди обладают гораздо

меньшим влиянием; это всегда один только разговор, а с этим вы далеко не уйдете.

Каноник Х. Ингланд:

654 Но символы могут являться и разуму; просвещенному разуму.

Профессор Юнг:

655 Да, могут! Очень часто символы оказываются причиной необычной интенсивности умственной жизни и, разумеется, интеллектуальной жизни. Если вы просмотрите патристическую литературу, то обнаружите там горы настроения и эмоций, все изложенные символическим языком.

Преподобный Глэн Морган:

656 Но что теперь должны делать протестанты, в особенности мы, левого толка — свободные церкви — нонконформисты? У нас совсем нет символов, мы их отвергли, заперли на замок, заездили и затарили на складе. Наши часовни мертвы, наши кафедры — трибуны и сцены.

Профессор Юнг:

657 Извините меня! У вас еще много символизма. Вы говорите о Боге или же об Иисусе? Что может быть более символичным? Бог — это символ из символов!

Преподобный Глэн Морган:

658 Даже этот символ становится противоречием. И есть толпы людей в наших церквях, верящих в Иисуса Христа, но не верящих в Бога.

Профессор Юнг:

659 Да, и у католиков существует множество людей, верящих в церковь, но не верящих в Бога — ни во что еще!

Епископ Саусворкский:

660 Насколько далеко это может простирается и что с этим делать? Римская католическая Церковь не только обладает полной символической системой, но она объединена с абсолютно несомненным богословием — догмой о непогрешимости. Это должно иметь непосредственное отношение к ценности символов.

Профессор Юнг:

661 И очень важное. Церковь абсолютно права, полностью права, настаивая на этой абсолютной валидности, в противном случае она открывает дверь сомнению.

Д-р Энн Харлинг:

662 Конфликту или неврозу?

Профессор Юнг:

663 Конечно. И поэтому «проповедь выше меры не приветствуется».

Епископ Саусворкский:

664 Все ли формы конфликта приводят к неврозу?

Профессор Юнг:

665 Только тогда, когда интеллект порывает с символическим обрядом. Когда интеллект не служит символической жизни, он оказывается дьявольским, и это приводит к неврозу.

Преподобный Глэн Морган:

666 Может быть, существует некий переход, движение от одной системы к другой, и тогда речь не идет о неврозе?

Профессор Юнг:

667 Невроз — это переходная фаза, это беспокойство, волнение между двумя состояниями.

Преподобный Глэн Морган:

668 Я спрашиваю об этом потому, что я сам чувствую моментами, что известная доза невроза наличествует среди протестантов как та цена, которая должна быть заплачена за переход из одного состояния в другое.

Профессор Юнг:

669 Вот почему я говорю: «Проповедь выше меры не приветствуется». Вы попадаете в ужасное пекло, когда вылетаете из Церкви, и я этого никому не желаю. Я указываю на обоснованность первичной Церкви.

Епископ Саусворкский:

670 Что мы должны делать с тем огромным количеством людей, с которыми мы имеем дело и которые не принадлежат ни одной церкви? Они говорят, что они в англиканской церкви, но они не принадлежат ей ни в каком смысле.

Профессор Юнг:

671 Боюсь, что с такими людьми вы ничего сделать не сможете. Церковь существует там и имеет силу для тех, кто пребывает внутри. Тех же, кто находятся за стенами церкви, привести обратно обычными способами невозможно. Но я желаю священнослужителям всегда оставаться на уровне понимания языка души, чтобы духовенство могло быть *directeur de conscience!* Почему я должен быть *directeur de*

conscience? Я врач; у меня нет специальной подготовки к этому. Но это естественное призвание духовного служителя; он должен уметь это делать. Поэтому я желаю, чтобы новое поколение служителей церкви могло прийти и делать то же самое, что они делают в католической церкви: чтобы они могли пытаться переводить язык бессознательного, даже язык сновидений на обыденный язык сознания. Например, я знаю, что сейчас в Германии существует Бернойхенский кружок ⁷, литургическое движение; и один из его главных представителей — человек, обладающий обширным знанием символизма. Он снабдил меня солидным рядом примеров, где он перевел персонажи сновидений на догматический язык с огромным успехом, и многие люди спокойно вернулись обратно в лоно Церкви. У них нет оснований становиться невротиками. Они принадлежат церкви, и если вы можете помочь им вернуться в нее, то считайте, что вы им помогли. Несколько моих пациентов стали католиками, другие возвратились в церковную организацию. Но это должно быть нечто, что имеет содержание и форму. Это ни в коем случае не верно, когда кто-то, анализируя кого-то, обязательно помогает ему прыгнуть в будущее. Возможно, здесь имеет место церковь, и если аналитик помогает вернуться туда, то вполне вероятно, что это наилучшее из возможного.

Преподобный Глэн Морган:

672 А если он не может вернуться?

Профессор Юнг:

673 Тогда проблема остается; тогда он должен продолжать поиск; тогда он должен отыскать то, о чем ему говорит душа; тогда он должен пройти сквозь уединенность земли, которая еще не сотворена. Я опубликовал подобный пример в своих лекциях ⁸ — пример великого ученого-физика, очень известного человека, который жив и сегодня ⁹. Он вознамерился понять, что ему говорит бессознательное, и это снабдило его великолепным руководством. Это вновь вернуло ему

⁷ Немецкое протестантское движение, основанное в Berneuchen, Neumark, и нацеленное на углубление религиозной жизни. См.: Jung C. G. Letters / Ed. G. Adler. — Princeton and London, 1973, vol. 1, p. 215, n. 1.

⁸ Материал на эту тему можно найти в книге: Юнг К. Г. Психология и алхимия. — Киев, 1997, часть II.

⁹ Вольфганг Паули (1900—1958) — швейцарский физик, лауреат Нобелевской премии.

спокойствие и хорошее физическое состояние, потому что он постепенно усвоил символические данные, и теперь он ведет религиозную жизнь, жизнь внимательного наблюдателя. Религия — это внимательное отслеживание данных. Теперь он следит за тем, что ему приносят сны; это одно из его главных руководств.

674 С подобным инструментарием мы оказываемся в новом мире; мы точно становимся похожи на первобытных. Когда я отправился в Восточную Африку, то посетил маленькое племя у подножья горы Элгон и там я спросил местного знахаря о сновидениях. Он сказал: «Я знаю, что ты имеешь в виду; мой отец все еще видит сны». Я сказал: «А у тебя бывают сны?» На это он заплакал и ответил: «Нет, у меня больше нет снов». — «Но почему?» — удивился я. — «Их не стало после того, как британцы поселились здесь». — «Как же так?» — Он сказал: «Окружной уполномоченный знает, когда будет война; он знает, когда нагрянут болезни; он знает, где мы должны жить, он не разрешает нам передвигаться». Политическое руководство представлено теперь Окружным уполномоченным, верховным умом белого человека; поэтому зачем им видеть сны? Сновидения являются изначальным проводником человека в кромешной тьме. Читайте книгу Расмуссена о полярных эскимосах ¹⁰. Там он описывает, как знахарь стал ясновидящим для своего племени. Когда человек оказывается в дикой пустынной местности, тьма приносит сон — божественный сон, который направляют его, руководят им. Так было всегда. Я не был ведом всякого рода мудростью; я ведом моими снами, как и любой первобытный. Мне стыдно так говорить, но я такой же первобытный, как и любой негр ¹¹, потому что я этого не знаю! Когда вы во тьме, вы предпринимаете нечто другое, и это другое есть сон. И вы можете быть уверены, что сон — ваш лучший друг; сон — друг тех, кто не руководствуется больше традиционной правдой и соответственно изолирован. Был такой случай с древними философами-алхимиками, и вы можете прочесть в *Tractatus Aureus* Гермеса Трисмегиста фрагмент, который подтверждает сказанное

¹⁰ Rasmussen K. A Wizard and his Household // Rasmussen K. Across Arctic America. — New York, 1927.

¹¹ В данном контексте слово «негр» используется не в пренебрежительном смысле.

мною об изоляции. Там вы читаете: «(Deus) in quo est adiuvatio cuiuslibet sequestrati» (Бог, в ком помощь всем тем, кто одинок). Гермес в то же самое время был действительным пастырем душ и самим воплощением вдохновения, представляя, таким образом, бессознательную очевидность в снах. Так что вы видите: тот, кто идет один и не имеет руководства, имеет *somnia a Deo missa*; у него нет Окружного уполномоченного. Разумеется, когда у нас есть Окружной уполномоченный, у нас нет необходимости в снах, но когда мы одиноки, сны уже что-то значат.

Епископ Саусворкский:

675 Практикующий пастор римской католической церкви имеет такого Окружного уполномоченного, и в снах у него необходимости нет.

Профессор Юнг:

676 Согласен! Тем не менее в церкви есть люди, которые имеют божественные сны, и церковь очень внимательно относится к значению подобных снов. Они не отрицают факта существования таких снов; Церковь оставляет за собой право судить об их качестве, но она не может с ними не считаться.

Полковник Х. Эдвардс:

677 Священники римской католической церкви получают подготовку в качестве психотерапевтов?

Профессор Юнг:

678 Да.

Полковник Х. Эдвардс:

679 Не в этой стране?

Профессор Юнг:

680 Иезуиты — нет. Например, главный настоятель Иены — иезуит, имеющий подготовку по психотерапии.

Доктор А. Д. Белилиос:

681 Юнговской школы?

Профессор Юнг:

682 Всех школ. Я боюсь, он не ушел так далеко, как это сделал я. Я спрашивал его о его отношении к снам, и он сказал: «Здесь мы должны быть очень внимательными, а не только подозрительными. У нас есть средства церковной благодати». — «Вы правы, — сказал я, — вы не нуждаетесь в снах. Я не могу отпустить грехи, у меня нет

возможностей благодати; поэтому я вынужден выслушивать сны. Я первобытный, а вы цивилизованный человек». В некотором смысле этот человек гораздо более замечательный, чем я. Он может быть святым; я же святым стать не могу — я могу быть только негром, очень примитивным, суеверным.

Командующий фронтом Т. С. Риппон:

683 Какие у вас ощущения по вопросу о жизни после смерти?

Профессор Юнг:

684 Сознательно я там еще не был. Когда я умру, то скажу: «Ну вот, а теперь посмотрим!» В плане временного бытия я нахожусь в этой жизненной форме и говорю: «А что находится здесь? Давайте делать все, что можно, здесь». Если, когда мы умрем, мы обнаружим наличие новой жизни, то я скажу: «Теперь давайте жить снова — encore une fois!» Я не знаю, но могу вам это сказать: у бессознательного времени нет. И временной проблемы у бессознательного нет. Часть нашего психического пребывает вне времени и вне пространства. Это всего лишь иллюзия — время и пространство, и поэтому в определенной части психического время вообще не существует.

Мистер Дерек Китчин:

685 Профессор, Вы где-то написали, что для многих людей вера в будущую жизнь была необходима для психического здоровья.

Профессор Юнг:

686 Да. Вы окажетесь не в ладу с собой, если не учтете бессмертие, когда ваши сны ставят вас перед этой проблемой; здесь вы должны решать. Если не решают они, вы можете это оставить. Но если они ставят вас перед этим, тогда вы должны сказать: «Я должен испытать, что я чувствую. Давайте допустим, что такой вещи, как бессмертие, не существует, жизни после смерти нет: что я чувствую при этом? Как я действую с таким убеждением?» И тогда, возможно, ваш желудок начнет плохо работать. Тогда вы скажете: «А теперь допустим, что я бессмертен», и продолжите действовать. Положим, вы скажете: «Это должно быть верно». Как мы узнаем об этом? Каким образом животное узнает, что этот отдельный пучок травы съедобен и не отравлен, и как животные определяют отраву? Они действуют неправильно. Так же и мы узна-

ем правду: правда это то, что помогает нам жить — жить соответствующим образом.

Преподобный Фрэнсис Бойд:

687 Это то, что работает; прагматический подход.

Профессор Юнг:

688 Да, это то, что действительно работает. На этот счет у меня нет никаких предположений. Да и как они могут быть? Я только знаю, что если я живу по заранее заданной извне схеме, то живу неправильно; и мне от этого плохо. Если же я живу иначе, то все в полном порядке. Например, если пуэблос верят, что они сыновья Отца-Солнца, то у них все в порядке. В этом случае я говорю: «Я хотел бы быть сыном Солнца». Но, увы! Я не могу это осуществить. Я не могу себе это позволить, мой интеллект не допускает подобных вещей. Поэтому я вынужден искать другую форму. Ну, а у них все в порядке. Было бы величайшей ошибкой сказать этим людям, что вовсе не сыновья Солнца. Я, например, попытался привести аргумент Бл. Августина ¹²: «Non est Dominus Sol factus, sed per quem Sol factus est» (Бог — не само солнце, а тот, кто сделал солнце). Но мой пуэбло тотчас же сделал испуганный вид; он подумал, что подобное было бы ужасным богохульством. Он сказал: «Солнце и есть Отец; за ним никакого другого отца нет. Как можно думать об Отце, которого нельзя видеть?» И поскольку они живут этой верой, то она для них истинна. Доподлинно все то, что живет на земле. В этом смысле истинна и христианская догма; много истиннее, чем мы об этом думаем. Но мы-то думаем, что значительно умнее всех остальных. Но до тех пор, пока мы не поймем, что это далеко не так, покуда не усвоим, куда все это ведет, то и смысла уступать нет. Если же мы поймем доподлинность всего сущего, то тогда обретем то, что называем более общей или всеобъемлющей точкой зрения. Это совсем другая вещь. Анализ же — просто средство сделать нас более сознательными относительно нашей растерянности; мы все находимся в Поиске.

Епископ Саусворкский:

689 Можно ли сказать то же самое о нацистах или исламистах; сказать, что они правы в своей вере?

¹² In Johannis Evang., XXXIV, 2.

Профессор Юнг:

690 Бог ужасен; живой Бог — это живой страх. Я думаю, что это нечто вроде инструмента, каким и Мохаммед являлся для мусульман. Все люди, к примеру, насыщенные необъятной жуткой силой, всегда не согласны с другими. Я совершенно убежден, что некоторые племена из Ветхого Завета были людьми с очень тяжелым характером: сварливые и несговорчивые.

Преподобный У. Хопкинс:

691 Это очевидно. И всегда существовал конфликт между наукой и религией. Просто сейчас он не так остро стоит, как было раньше. Что Вы думаете по поводу примирения, ведь совершенно понятно, что это именно то, что нам всем так необходимо?

Профессор Юнг:

692 Конфликта между религией и наукой нет. Это весьма старомодная идея. Наука призвана рассматривать то, что есть. Религия существует, и это одно из наиболее существенных проявлений человеческого разума. Это факт, и наука ничего по этому поводу сказать не может; все, что она может, — это подтвердить, что это факт. Наука всегда следует за подобными вещами; она не пытается объяснять явления. Наука не может устанавливать религиозную истину. Религиозная истина по своей сути является опытом и переживанием; это — не мнение. Религия есть абсолютный опыт. Религиозный опыт абсолютен, он не может обсуждаться. Например, когда кто-либо испытывает религиозное переживание, то он просто его испытывает, переживает, и ничто и никто не может отнять это у него, лишить его данного опыта.

Преподобный У. Хопкинс:

693 В XIX веке ученые были склонны к большему догматизму, нежели сейчас. Они отвергали любую религию как обман и иллюзию. Но теперь ученые ее допускают и сами переживают религиозный опыт.

Профессор Юнг:

694 Наша наука является феноменологией. В XIX веке наука вырабатывалась в иллюзорном ощущении, что она способна устанавливать или утверждать истину. Но никакая наука не может утверждать истину.

Преподобный У. Хопкинс:

695 Но наука XIX века и есть та самая наука, которой сегодня живет большинство людей. Это — наша проблема.

Профессор Юнг:

696 Да, и необходимо противостоять этому. Наука просочилась в нижние слои населения и без конца трудится на мельнице зла. Когда тупицы правят бал в науке, это ужасно. Они породили величайшие умственные эпидемии нашего времени; они все безумцы, их целая толпа!

Научное издание

Серия
«Карл Густав Юнг. Сочинения»

КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Редактор — *О.В. Гаврильченко*
Корректор — *Е.В. Феоктистова*
Обложка — *П.П. Ефремов*
Компьютерная верстка — *А. Пожарский*

ИД № 05006 от 07.06.01

Сдано в набор 20.05.08. Подписано в печать 26.06.08
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Гарнитура Академия.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 20,37. Уч.-изд.л. 16,98.
Тираж 2000 экз. Заказ

Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
тел./факс (495) 682–6102
E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru
<http://www.cogito-centre.com>

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ОАО «Дом печати — Вятка»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122